НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Государственного природного заповедника «Присурский»

Том 23

Чебоксары-Атрат - 2010

Министерство природных ресурсов Российской Федерации

ФГУ «Государственный природный заповедник «Присурский»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Государственного природного заповедника «Присурский»

Том 23

Посвящается 101 году со дня рождения
Олигера Ивана Михайловича

Чебоксары-Атрат - 2010

УДК 502.172 (063) / 504: 599.322
ББК 28.088.л.6, 28.6
Н 34

Научные труды государственного природного заповедника «Присурский». Т. 23 / Ответственный редактор, составитель к.б.н. Димитриев А.В. – Чебоксары-Атрат: КЛИО, 2010. – 120 с.: илл.

Редакционная коллегия:
Димитриев А.В. – кандидат биологических наук (ответственный редактор, составитель), Егоров Л.В. (научный редактор тома) – кандидат биологических наук, Олигер А.И. – кандидат биологических наук.

Печатается по решению научно-технического совета государственного природного заповедника «Присурский»

В двадцать третьем томе Научных трудов ГПЗ «Присурский» напечатаны неопубликованные научные статьи Олигера И.М., его воспоминания.

В Научных трудах помещены работы учеников и современные публикации по фауне прямокрылых Среднего Поволжья, изучением которой долгое время занимался И.М. Олигер.

В четвёртом разделе книги обобщен вклад И.М. Олигера в изучение беспозвоночных животных, а в пятом – опубликован полный список его работ.

Издано на средства
Федерального государственного учреждения
«Государственный природный заповедник «Присурский»

Фото на передней обложке: Иван Михайлович Олигер с семьей сына – Алексея Ивановича (слева направо – Иван Михайлович, Алексей Иванович, Татьяна Александровна, Мария, Антон). Фото 1987 г.

Фото на задней обложке: ленточница дупликата – Catocala duplicata Butler, 1885 [Catocalinae] – новый для фауны России вид орденской ленты. Фото Ластухина А.А.

© ФГУ ГПЗ «Присурский»
© Димитриев А.В. – составление, оформление

Раздел 1. Об И.М. Олигере

И.М. ОЛИГЕР – УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Ивану Михайловичу Олигеру в сентябре 2010 г. исполнился 101 год.

Настоящий сборник посвящен этому замечательному человеку.

Нижегородец, выросший на Волге, любитель природы, он, очевидно, не случайно оказался другом и учеником многих известных зоологов СССР.

Прекрасная память, трудолюбие и любознательность в сочетании с разносторонностью интересов способствовали формированию энциклопедического склада ума Ивана Михайловича.

Общение с маститыми зоологами Ленинградской и московской школ приучили его, с одной стороны, к умению нестандартно взглянуть на, казалось бы, очевидные явления, а с другой стороны – к способности выполнить любую работу тщательно и скрупулезно.

Основательная теоретическая подготовка в сочетании с прекрасными данными полевика позволяли и позволяют до настоящего времени увлечь своим примером и целеустремленностью, как совершенно «зелёную» молодежь, так и уже достаточно «состоявшихся» ученых.

Характерная черта И.М. Олигера – стремление всё делать хорошо: будь то строительство своими руками лодки для экспедиций по Поволжью, или чтение лекций, которые ни один самый ленивый или придирчивый студент не мог назвать скучными, или паразитологические исследования, или работы по систематике прямокрылых… Результатом явилось то, что ученики (как, впрочем, и дети – тоже все зоологи) Олигера выходили в большую жизнь не боящимися трудностей полевых условий, обученными препараторской работе и способными самостоятельно обрабатывать и осмысливать полученные результаты. Иван Михайлович стремился, чтобы его ученики были разносторонне образованными людьми – поэтому его зачастую можно было видеть в окружении студентов на гастролях маститых музыкантов.

Учебная и научная работа сочеталась у И.М. Олигера с общественной деятельностью: он и председатель профкома педагогического института, он и первый председатель общества «Охраны природы» республики.

Педагог, учёный, общественник Иван Михайлович и сейчас продолжает свою педагогическую деятельность – печатает воспоминания о событиях и людях, с которыми его свела Судьба за 100 с лишним лет. Пример трудолюбия, отсутствия уныния и жизнелюбия для всех нас.

А.И. Олигер

ОЛИГЕР ИВАН МИХАЙЛОВИЧ – МАТЕРИАЛ ИЗ ВИКИПЕДИИ
В.А. Красильников

Подробная биография И.М. Олигера опубликована в разных изданиях к 100-летию со дня его рождения (см. статью – Егоров, Димитриев, Олигер, настоящий сборник). Уже позже благодаря усилиям В.А. Красильникова – одного из учеников И.М. Олигера – информация о нём появилась в Интернете.

Иван Михайлович Олигер

Дата рождения:	8 сентября 1909 (100 лет)
Место рождения:	Нижний Новгород
Гражданство:	Россия
Научная сфера:	Энтомология, охрана природы
Место работы:	Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева
Альма-матер:	Ленинградский государственный университет
Научный руководитель:	В.А. Догель
Известен как:	автор школьных учебных пособий
Награды и премии	

Олигер, Иван Михайлович (род. 8 сентября 1909 года) — советский и российский учёный, старейший российский зоолог, энтомолог, писатель, автор учебных пособий, преподаватель, создатель зоологической школы.

Биография

Родился 8 сентября 1909 года в г. Нижний Новгород.

- 1939 год – закончил биологический факультет Ленинградского государственного университета
- с мая 1940 по 1942 год – научный сотрудник Мордовского государственного заповедника
- с 1942 по 1945 год – участник Великой Отечественной войны и боевых операций с Японией
- с 1946 по август 1951 года – научный сотрудник Дарвинского государственного заповедника
- с 1951 по 1979 год – заведующий кафедрой зоологии в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева, организатор студенческих практик на особо охраняемых природных территориях СССР (государственные природные заповедники – Астраханский, Дарвинский, Кандалакшский, Лазовский, Мордовский)
- с 1995 года – научный консультант государственного природного заповедника "Присурский"
- 27 октября 2009 года в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева состоялись юбилейные мероприятия, посвященные 100-летнему юбилею И.М.Олигера,[1] на которых юбиляр рассказал не только о себе, но и читал по памяти любимые стихотворения.[2][3]

Дочь, Марина Ивановна, биолог, на пенсии. Дочь, Татьяна Ивановна, арахнолог, Заслуженный эколог РФ (Указ Президента РФ от 30 мая 1998 г., № 611). Сын, Алексей Иванович, энтомолог, директор Присурского государственного заповедника.

Публикации

Автор нескольких учебных пособий для советских и российских школ, популярных определителей животных и десятков статей.

Книги

- *Краткий определитель позвоночных* / Олигер И.М. – М.: Учпедгиз, 1955. – 139 стр.: ил.[4]
- *Краткий определитель позвоночных животных*. Пособие для учителей средней школы. 2-е изд. / Олигер И.М. – М.: Учпедгиз, 1958. – 145 стр. (на китайском языке).
- *Животный мир Чувашии* / Олигер И.М., Сысолетина Л.Г., Воронов Н.П. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1966. – 176 с.
- *Краткий определитель позвоночных животных средней полосы Европейской части* СССР / И.М. Олигер. – Просвещение, 1971. Твердый переплет, – 144 стр. Тираж: 92000 экз. [5]
- *Школьный атлас-определитель беспозвоночных* / М.А. Козлов; Олигер И. М. – М.: Просвещение, 1991. – 207 стр.: цв. ил. Тираж: 200000 экз. [6]
- *Зоологические прогулки. Школьный-атлас.* 2-е изд. / Козлов М.А., Олигер И.М. – Чебоксары: Изд. Чувашского ун-та, 1993. – 207 стр.

- *Краткий определитель позвоночных животных средней полосы Европейской части России* / И.М. Олигер. – Чебоксары: Руссика, 2003. – 137 стр.: ил., цв. ил. Тираж: 1000 экз.
- *Мир животных: Зоологическая энциклопедия. Холоднокровные позвоночные животные* / М.А. Козлов, И.М. Олигер. – Издательства: Золотой век, Азбука-классика, 2004. Твердый переплет. – 720 стр. ISBN 5-352-00768-5, 5-342-00097-1. Тираж: 10000 экз. [7]
- *Животные Чувашии* / Олигер И.М., Олигер А.И., Сысолетина Л.Г., Хмельков Н.Т., Шабалкин В.М., Егоров Л.В., Кириллова В.И. – Чебоксары: Изд. «Руссика», 2008. – 316 стр. Тираж: 5000 экз.

Избранные статьи

- Олигер И.М. *Паразитические простейшие и их роль в колебаниях численности рябчика* // Доклады АН СССР. – 1940. – Т. 28. № 5. С. 470-473.
- Олигер И.М. *Паразитофауна рябчика на севере Горьковской области* // Уч. зап. ЛГУ. – 1940. – № 59. С. 102-124.
- Олигер И.М. *Материалы по динамике численности мышевидных грызунов* // Противоэпидемическая защита войск. Сборник 2. Военно-санитарное управление Первого Прибалтийского фронта. Рига, 1945. – С. 205-209.
- Олигер И.М. *К вопросу о фауне клещей Витебской области* // Противоэпидемическая защита войск. Сборник 2. Военно-санитарное управление Первого Прибалтийского фронта. Рига, 1945. – С. 210-212.
- Олигер И.М. *Материалы по распространению и численности мышевидных грызунов лесной зоны западных районов РСФСР в 1943-1944 гг.* // Зоол. ж. – 1946. – Т. 25. – Вып. 4. – С. 359-366.
- Олигер И.М. *Об определении возраста птиц* // Природа. – 1948. – № 8. – С. 68-69.
- Олигер И.М. *Причины дестробиляции цестод тетеревиных птиц* // Доклады АН СССР. – 1950. – Т. LXXIV. – № 4. – С. 869-872.
- Олигер И.М. *Опыт истребления в помещениях комаров дустом ДДТ* // Природа. – 1950. – № 2. – С. 53.
- Олигер И.М. *Фауна слепней Чувашской АССР* // Зоол. ж. – 1960. – Т. 39. – Вып. 7. – С. 1099-1102.
- Олигер И.М. *Фауна прямокрылых Чувашской АССР* // Зоол. ж. – 1965. – Т. 44. – Вып. 1. – С. 46-54.
- Олигер И.М. *Черный аист* // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 232-233.
- Олигер И.М. *Ландшафтно-географическое распространение видов рода Chorthippus Fieb. (Insecta, Orthoptera) на территории бассейнов р. Волги, Среднего и Нижнего Дона* // Энтомологические исследования в Чувашии: Матер. I Респ. энтомол. конф. – Чебоксары, 1998. – С. 83-85.
- Олигер И.М. *О В.А. Догеле и немного о других* // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882-1955). К 120-летию со дня рождения: Сб. статей / Под ред. С.И. Фокина. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – (Труды С.-Петерб. о-ва естествоиспытателей; Сер. 1; Т. 95). – С. 49-60.

Награды

- Орден Красной Звезды (1945)
- Медаль «За боевые заслуги» (1944)
- Медаль «За победу над Японией» (1945)
- Почетный знак "За заслуги в заповедном деле" – Приказ Минприроды России от 24.08.2009 № 542-с "За многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в развитие заповедного дела, системы особо охраняемых природных территорий и в связи со 100-летием со дня рождения"[8][9]
- Лауреат Премии имени Ф.Р. Штильмарка 2008 года — за книгу «Славная восьмерка», статьи «Шапошников» и др.[10]

Ссылки

- www.mnr.gov.ru

Примечания

1. http://gov.cap.ru/list4/news/rec.aspx?gov_id=81&link=&preurl=.&FKey=F_JURL_ID&id=911163
2. http://gov.cap.ru/list2/view/02SV_NEWS_OV/form.asp?gov_id=70&link=&preurl=.&FKey=F_JURL_ID&id=913161
3. http://www.regnum.ru/news/fd-volga/chuvashia/society/1219904.html
4. http://www.infanata.org/2007/09/04/kratkijj-opredelitel-pozvonochnykh.html
5. http://www.ozon.ru/context/detail/id/4179188/
6. http://www.ozon.ru/context/detail/id/2813058/
7. http://www.ozon.ru/context/detail/id/1797349/
8. Приказ Минприроды России от 24.08.2009 № 542-с
9. http://cheboksary.unise.ru/news/2/4463
10. http://oopt.info/index.php?page=81

Источник – «http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B5%D1%80,_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87»

Раздел 2. Неопубликованные научные статьи Олигера И.М.

ПАРАЗИТОФАУНА ДИКИХ КУРИНЫХ ПТИЦ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА

И.М. Олигер

Приступая к составлению настоящего отчета, я должен, прежде всего, оговориться в следующем:

1. Проработка темы к моменту составления отчета ввиду моего призыва в ряды РККА далеко не была закончена – сбор материала оборван до намеченного по плану срока, собранного материала для ответа на многие поставленные в плане вопросы недостаточно и, наконец, материал [полностью] остался необработанным. В силу этого мне пришлось пользоваться лишь протоколами вскрытий.

2. В силу этого же обстоятельства (краткости имеющегося в моем распоряжении срока для составления отчета) данный отчет представляет собой лишь первичную обработку протоколов вскрытий, без каких бы то ни было широких обобщений.

Материал и методика работы

Работа по теме началась 10.VI.1940 г. и окончилась 15.IX.1941 г. (с перерывом с 10.I.41 г. по 25.II.41 г. в связи с командировкой в Крымский Госзаповедник). Бóльшая часть материала добыта на территории М.Г.З., некоторое количество – на прилегающей к заповеднику территории МАССР и Горьковской области. Все птицы добывались путем отстрела, после чего в наикратчайший срок доставлялись в лабораторию, где взвешивались, а затем подвергались полному паразитологическому вскрытию. Впрочем, благодаря тому, что добыча материала и вскрытия производились мною, я зачастую уже не имел времени для осмотра птиц на эктопаразитов или отмечал лишь их наличие, не производя подсчета и сбора. Все же эндопаразиты извлекались, подсчитывались, фиксировались 70° спиртом и оставлялись в нем же, в пробирках. На наличие кокцидий делались мазки содержимого кишечника из разных мест и просматривались под микроскопом. В случае обнаружения ооцист кокцидий часть содержимого кишечника оставлялась в чашках Петри в 4% растворе $K_2Cr_2O_7$ для споруляции. После споруляции зрелые ооцисты перекладывались в тот же раствор в пробирки для хранения. Кроме того, из каждой птицы делались мазки крови, которые затем фиксировались жидкостью Никифорова и красились гимзой. У каждой птицы также определялось возможно более полно содержимое зоба.

Добыты были птицы следующих видов: глухарь, тетерев, рябчик и перепел. Серой куропатки за время работы в М.Г.З. я не видел ни одной.

Распределение добытого материала по срокам отражено в Табл. № 1.

Таблица № 1.

Количество добытых птиц за 1940-41 гг. в штуках

Вид птицы	Возраст	1940 г.		1941 г.		1940-41 гг.		Всего
		Июнь-сентябрь	Октябрь-декабрь	Январь-апрель	Май-сентябрь	Май-сентябрь	Октябрь-апрель	
Рябчик	Молодые	8	-	-	5	13	-	13
	Взрослые	4	5	3	11	15	8	23
	Всего	12	5	3	16	28	8	36
Тетерев	Молодые	7	1	-	3	10	1	11
	Взрослые	1	1	3	6	7	4	11
	Всего	8	2	3	9	17	5	22
Глухарь	Молодые	-	1	-	2	2	1	3
	Взрослые	-	-	2	6	6	2	8
	Всего	-	1	2	8	8	3	11
Перепел	Молодые	6	-	-	-	6	-	6
	Взрослые	-	1	-	-	-	1	1
	Всего	6	1	-	-	6	-	7

Из таблицы видно, что имеющегося материала слишком мало, чтобы можно было сравнивать между собой заражение 1940 и 1941 гг. И даже суммируя материал за оба года, едва ли можно с большой уверенностью сравнивать заражение за летний (май-сентябрь) и зимний (октябрь-апрель) периоды.

Невыполнение плана в этой части объясняется тем, что, во-первых, добыча птиц производилась мною одним, без какой бы то ни было помощи, и, во-вторых, тем, что благодаря сильному падению численности куриных птиц за последние 6-8 лет (по заявлению местных старожилов) плотность популяции их на территории М.Г.З. стала чрезвычайно низкой.

Проводя по плану количественный учет птиц в 1940-1941 гг., я получил данные, отраженные в Табл. № 2.

Таблица № 2.

Количественный учет рябчика и глухаря на территории М.Г.З. в 1940 и 1941 гг.

	1940 г. июнь-декабрь						1941 г. май-сентябрь					
Виды птиц	Километров маршрута	Обследов. площадь в га	Количество встреченных птиц	Итого птиц на 10 км	Итого птиц на 1000 га	Итого птиц на всей территории МГЗ (51000 га)	Километров маршрута	Обследов. площадь в га	Количество встреченных птиц	Итого птиц на 10 км	Итого птиц на 1000 га	Итого птиц на всей территории МГЗ (51000 га)
Рябчик	638	2552	61	0,96	23,9	1200	414	1656	24	0,58	14,4	750
Глухарь	638	5104	20	0,31	3,9	200	414	3312	14	0,34	4,2	220

Примечание: ширина ленты обнаружения для рябчика принята в 40 м, для глухаря – 280 м.

Перехожу к описанию паразитофауны отдельных видов птиц.

Поскольку я, кроме того, сразу после добычи птиц должен был спешно возвращаться в лабораторию для вскрытия (иногда за 20-25 км), то все это и обусловило невыполнение плана в части добычи птиц.

Сведения по тетереву и перепелу в таблицу не вошли, т.к. за летний период эти птицы мною на территории М.Г.З. почти совершенно не встречались.

Рябчик

1. Эндопаразиты

А. Кровепаразиты

Мною произведен предварительный просмотр мазков крови лишь рябчиков, добытых в 1940 году, материал же 1941 года еще не просмотрен совершенно. При этом обнаружены следующие паразиты:

1. *Trypanosoma gallinarum* Bruce et al.
2. *Proteosoma danilewskyi*
3. *Haemoproteus* sp.
4. *Leucocytozoon lovati* Sel. end Samb.

Данные по заражению представлены в Табл. № 3.

Таблица № 3.

Заражение рябчика кровепаразитами в 1940 г.

Исследовано птиц	*Trypanosoma*	*Proteosoma*	*Haemoproteus*	*Leucocytozoon*
17	2	2	1	8

Отсюда мы видим, что если *Trypanosoma, Proteosoma* и *Haemoproteus* встречены в небольшом количестве, то *Leucocytozoon* показывает заражение, доходящее до 50%. Поскольку же из литературы известно, что *Leucocytozoon* зачастую вызывает сильную смертность пораженных птиц, дальнейшие исследования его у рябчика и других птиц должны явиться первоочередными.

В. Паразиты кишечника

Мною обнаружены у рябчика следующие паразиты кишечника:

1. Protozoa: a) Coccidia 1. *Eimeria bonasae* Alen, 1934
   2. *Eimeria angusta*
   3. *Eimeria* n.sp., рис. 1.
2. Gelmintes a) Cestodes 1. *Raillietina cesticillus*
   2. *Choanotaenia* sp.
   b) Nematodes 1. *Ascaridia compar* Schrank
   2. *Ascaridia solli*

Что касается Trematodes, то таковые у исследованных мною рябчиков не обнаружены. Это, конечно, не значит, что они вообще отсутствуют; причину здесь следует искать в малом количестве добытых рябчиков вообще и молодых в частности, [использующих более чем взрослые животную пищу] и, следовательно, имеющих больше шансов заразиться гельминтами.

Данные по заражению эндопаразитами сведены в Табл. № 4.

Таблица № 4.

Заражение рябчика эндопаразитами

Исследовано птиц	Заражено		
	Coccidia	Cestodes	Nematodes
36	4	4	9

Отсюда мы видим, что наибольший % заражения (25 %) дают Nematodes (Интересно при этом отметить, что в 1940 г. был лишь один случай заражения, а в 1941 г. – 8 случаев. Причина этого лежит, очевидно, в сухом лете 1940 г. и более сыром и дождливом – 1941 г.). Однако, поскольку этот вид паразитов является малопатогенным, как неоднократно отмечалось в литературе, а наблюдавшаяся мною интенсивность заражения весьма низка (1-3 экземпляра), то никакого влияния на популяцию он оказывать не должен.

Что касается Cestodes и Coccidia, то хотя они, особенно Coccidia, и являются сильно патогенными, вызывая сильную смертность, но в данном случае процент заражения ими невелик (10 %).

2. Эктопаразиты

Обнаружены следующие эктопаразиты:

Acarina: a) Ixodidae 1. *Ixodes ricinus*
b) Analginae 2. *Megninia cubitalis*
Insecta: a) Mallophaga 1. *Lagopoecus comeratus*
2. *Goniocotes megalocephalus*
b) Diptera 1. *Ornithomya chloropus* (Bergr.)

Данные по заражению сведены в Табл. № 5.

Таблица № 5.

Заражение рябчика эктопаразитами

Исследовано птиц	Заражено			
	Ixodidae	Analginae	Mallophaga	Diptera
24	4	24	16	3

Хотя некоторые из паразитов и дают высокий процент заражения, однако сами по себе все они для рябчика патогенными не являются. Опасность могут представлять лишь клещи (*Ixodes ricinus*) и мухи-кровососки (*Ornithomya chloropus*), могущие оказаться передатчиками различных кровепаразитов. Однако, поскольку эта их роль в отношении к паразитам рябчика еще не доказана, вопрос остается открытым.

Сопоставляя теперь полученные мною данные по заражению и количественному учету и заявления старожилов (Баклашова Д.С., Тарасова Г.С., Кривова С.В. и др.) об имевшихся в прошлом на территории М.Г.З. запасах рябчика, можно прийти к следующему заключению:

примерно до 1930-32 гг. рябчик на территории М.Г.З. встречался в больших количествах. К осени по ольховым логам, ручьям и речкам на протяжении 1 км можно было встретить более десятка птиц. Но примерно с 1936-1937 гг. начинается длительное и сильное падение численности, приведшее, наконец, к результатам, указанным мной в Табл. № 2.

Поскольку падение было длительным, то очевидно тут действовала какая-то постоянная причина из года в год.

Таким образом, бескормица, вызванная неурожаем основных зимних кормов рябчика (сережки ольхи и березы) исключается, т.к. представляет явление редкое, особенно по обоим видам (и ольхе, и березе). Остаются явления метеорологические, хищники, человек и паразиты.

Метеорологически неблагоприятных годов за этот период было 1-2. Хищники же, как наземные, так и воздушные, как показали исследования последних лет (см., например, работы Волжско-Камской охот. пром. биостанции), в большинстве питаются, в основном, мышевидными грызунами. Те же из них, которые охотятся преимущественно на птиц (ястреба и некоторые совы), встречаются обычно (а также и на территории МГЗ) в весьма незначительном количестве и большого влияния на колебания численности не оказывают.

Можно было бы предположить [что причина падения численности –] усиленное истребление [рябчика] человеком, но заповедник существует уже 5-й год, а увеличения численности не заметно. Правда, по данным отчетов, представленных заповедником Главному Управлению за 1937-38-39-40 гг. таковое увеличение как будто намечается. Однако приведенные в них цифры количественного учета являются взятыми «с потолка», т.к. в делах заповедника имеется всего два отчета по количественному учету за 1938 г. и 1939 г. (Лебедева, Матцков), являющихся совершенно неудовлетворительными, неверными и совершенно не отвечающими действительности.

Таким образом, вероятнее всего предположить, что причиной падения численности явились паразиты. Очевидно, это были кокцидии, поскольку таковые, как это уже отмечалось многими авторами (Leslie и Shipley, Brinkmann, Hartmann, Олигер), обычно вызывают большие опустошения среди куриных птиц.

С течением времени, благодаря вызванной эпизоотией большой смертности, получилась большая разреженность популяции, в силу чего кокцидиоз, как это мы видим из приведенных данных (Табл. № 4), почти прекратился. *Leucocytozoon* же все еще дает высокий процент (50 %) заражения (очевидно, благодаря тому, что заражение им происходит активно – через передатчика, а не пассивно – как у кокцидий, и плотность популяции играет меньшую роль, благодаря чему, вероятно, увеличения численности рябчика не наблюдается).

Впрочем, все эти предположения, хотя и являются наиболее вероятными, требуют, все же для своего подтверждения многолетних исследований, с одновременным проведением количественного учета и постановкой экспериментов по влиянию заражения на птиц.

Тетерев

1. Эндопаразиты

А. Кровепаразиты

Произведен предварительный просмотр мазков крови лишь у тетеревов, добытых в 1940 г. У 10 исследованных птиц встречена один раз [латинское название в тексте отсутствует] и 2 раза [латинское название в тексте отсутствует] – последние в весьма значительном количестве, до 20 штук на мазке. [латинское название в тексте отсутствует] и [латинское название в тексте отсутствует] не обнаружены. Впрочем, необходимо отметить, что данные мазки были сделаны лишь спустя сутки после смерти птицы, что, возможно, повлияло на нахождение некоторых паразитов. [В диссертации И.М. Олигера среди кровепаразитов тетеревов из Мордовского заповедника указано 4 вида: *Trypanosoma gallinarum* (зараженность 5-25 %), *Haemoproteus rotundus* (единичные находки), *Leucocytozoon lovati* (зараженность 5-25 %) и *Plasmodium lagopi* (зараженность выше 25 %)].

В. Паразиты кишечника

1. Protozoa: a) Coccidia 1. *Eimeria lyruri* Galli-Valerio

2. Gelmintes: a) Trematodes 1. *Prosthogonimus* sp.
b) Cestodes 1. *Raillietina* sp. (A и B)
2. *Choanotaenia infundibulum*
3. *Rhabdometra tomica*
4. *Davainoides* sp.
c) Nematodes 1. *Ascaridia galli*
2. *Trichostrongylus* n.sp.

2. Эктопаразиты

Analginae – не определены
Mallophaga 1. *Lagopoecus cameratus*
2. *Goniodes tetraonis*
Diptera 1. *Ornithomya chloropus* (Berge)

Данные по заражению сведены мною в Табл. № 6.

Таблица № 6.

Заражение тетерева [паразитами] в 1940-41 гг.

Исследовано птиц	Заражено						
	Coccidia	Trematodes	Cestodes	Nematodes	Analginae	Mallophaga	Diptera
22	15	1	11	7	22		10

Отсюда мы видим, что заражение тетерева эндопаразитами весьма велико.

Так, Coccidia показывают 68 % заражения, причем – это среднегодовой процент. Если же мы возьмем только птиц, добытых летом (с мая по сентябрь) (Табл. 1), то заражение поднимется до 88 %, при этом интенсивность заражения весьма велика, равняясь, в среднем 4 баллам по моей шкале (см. Д.А.Н., Т. XXVIII, Вып. 5 за 1940 г.). Также велико и заражение Cestodes, доходящее до 50 %. Интенсивность заражения также была чрезвычайно велика. Даже у таких больших червей как *Raillietina,* достигавших до 10 и более см длиной, она доходила до 500 штук в одной птице, т.о., кишечник на большем своем протяжении оказывался сплошь забитым паразитами.

Nematodes дают меньший процент заражения, но часть из них принадлежит к роду *Trichostrongylus*, вызывающему, как известно, наряду с кокцидиями сильные опустошения среди английских граусов.

Взятые в совокупности эти виды паразитов должны, несомненно, вызывать сильный отход тетерева. Правда, мертвых птиц найти ни разу не пришлось, но это и вообще большая редкость (т.к. [известно, что] умирающие животные всегда стремятся спрятаться в самые сокровенные места), а в данном случае, благодаря небольшой плотности популяции, это тем более трудно.

Косвенное представление о влиянии можно получить при сравнении веса птиц. Так, из 4-х самцов, добытых весной 1941 г., 3 незараженных и мало зараженных весили 1250-1300 г, а один, сильно зараженный кокцидиями и цестодами, весил 1080 г, т.е. на 15-20 % меньше.

Что касается количества тетерева в заповеднике и колебаний численности его по годам, то [ответить на этот вопрос] трудно, т.к. учет еще ни разу за все время существования заповедника не проводился. Кроме того, летом основная масса тетеревов держится в кустах по пойме р. Мокши и лишь зимой перекочевывает на границу заповедника.

Единственные материалы за прежние года по тетереву имеются в работе проф. Турова «Фауна Мордовского Госзаповедника», но, к сожалению, там не приводится таких цифр количественного учета и о количестве можно судить лишь приблизительно по выражениям «многочисленные встречи», «весьма обилен» и т.д.

Теперь можно с уверенностью сказать, что нигде – ни в заповеднике, ни в прилегающих угодьях – тетерев в большом количестве не встречается. Так, весной 1941 г. на токах токовало обычно 2-3 самца, редко 4-5, а чаще в одиночку. Токующих самцов по южной границе заповедника (от кордона Полянского до Воровского) всего я насчитал около 30-40 шт. Допуская, что мною сосчитано не все и что в других местах, например – на северо-западе тока [их могло] быть больше (по заявлению наблюдателей – 6-8 шт.), все же, тетеревов в заповеднике и [на] прилегающей территории, вероятно, не больше 250-300 штук, при самых оптимальных подсчетах.

Таким образом, из приведенных мною цифр заражения совершенно очевидно, что в настоящий момент налицо сильнейшая двойная эпизоотия (кокцидиоз и гельминтоз) тетерева и поэтому следует ожидать дальнейшего уменьшения его количества.

Глухарь

1. Эндопаразиты

А. Кровепаразиты

Мазки крови просматривались лишь у одного глухаря, добытого в 1940 году. Обнаружен был *Leucocytozoon.* Мазки 1941 г. остались [не просмотренными] за исключением 2-х, где обнаружена *Trypanosoma* и, в большом количестве, *Haemoproteus*.

В. Паразиты кишечника

1. Protozoa: a) Coccidia 1. *Eimeria procera*

2. Gelmintes: a) Cestodes 1. *Raillietina* sp. (A и B)
2. *Davainoides* sp.
b) Nematodes 1. *Ascaridia galli*

2. Эктопаразиты.

Ixodidae – *Ixodes ricinus*
Analginae – не определены
Mallophaga – не определены
Diptera 1. *Ornithomya chloropus*

Иксодовые клещи были встречены лишь однажды. Вероятно, кожа взрослых птиц слишком груба для личинок и нимф клещей, паразитирующих на птицах. Молодых же птиц мне удалось добыть всего лишь 2 штуки и на основании [этого] судить об отсутствии [клещей] вообще, конечно, трудно.

Данные по заражению сведены в Табл. № 7.

Рассматривая таблицу, мы видим, что заражение весьма невысоко. Правда, цестоды дают довольно высокий процент, однако, интенсивность заражения невелика – только в одном случае было 50 шт. Обычно же – 1-5 штук.

Таблица № 7.

Заражение глухаря за 1940-41 гг.

Исследовано птиц	Заражено		
	Coccidia	Cestodes	Nematodes
11	2	6	5

Nematodes больше 5 штук не встречено, обычно – 1-2.

Переходя теперь к количественному учету, мы видим (Табл. 2), что глухаря теперь значительно меньше, чем в прошлые годы. Правда, цифры, приведенные в отчетах заповедника Главному Управлению за 1938-1939

гг., являются совершенно фантастическими, т.к. основаны на данных методически неверного учета, проведенного Мацковым, но, тем не менее, падение численности, хотя и не такое резкое, несомненно, имело место.

Но т.к. заражение в настоящий момент весьма низко, то тут можно предполагать [двоякое объяснение]: либо эпизоотия уже прекратилась, как это имеет место у рябчика, либо здесь действует другая причина. Первое, [на наш взгляд], маловероятно, т.к. плотность глухаря, все же, далеко не достигла таковой у рябчика. Гораздо вероятнее предположить просто вытеснение [глухаря] человеком.

Как известно, глухарь из всех куриных наименее способен «приспособляться» к человеку. Если же мы вспомним, что в лесах массива до организации заповедника, кроме отстрела, производились массовые рубки и подсочка деревьев, [а] после же организации заповедника, хотя отстрел и подсочка прекратились, но рубки (санитарная, ликвидация остатков пожара и пр.) сохранились еще довольно значительные, то причина уменьшения численности станет ясной.

Впрочем, на основании 11 вскрытий, из которых всего 2 птенца, конечно, трудно судить о заражении (причем еще совершенно не исследованы кровяные мазки) и, весьма возможно, что при получении более массового материала, особенно по молодым [птицам], картина получится совершенно иная. На это указывает и то, что выводки, встреченные мной и охотоведом Ивановской, обычно состояли из 1-2 штук. Лишь однажды встречено 6 шт.

Перепел

У перепела из 7 исследованных птиц у 2-х встречены кокцидии и у 5 – Cestodes (*Choanotaenia* sp.). Trematodes и Nematodes не обнаружено. Клещи, Mallophaga и мухи собраны, также сделаны и кровяные мазки, но весь этот материал еще совершенно не обрабатывался.

Вообще в заповеднике перепел встречается лишь на лугах у кордона Туратино и в пойме р. Мокши, примыкающей к заповеднику. Количество его тут весьма невелико и материал по нему я собирал лишь для сравнения с тремя основными видами, чисто лесными (рябчик, глухарь) или значительно лесными по своим экологическим особенностям. Однако полученный материал слишком мал для каких-либо выводов и обобщений.

Выводы

Рябчик. Заражение патогенными паразитами в настоящий момент небольшое, за исключением *Leucocytozoon.* Сильное падение численности за последние 8-10 лет вызвано эпизоотией кокцидиоза и *Leucocytozoon*а. Кокцидиоз сейчас прекратился. Падение численности достигло, по-видимому, своего максимума, и в дальнейшем должен начаться подъем.

Тетерев. Очень сильное заражение многими патогенными видами паразитов. Неизбежно дальнейшее сильное падение численности.

Глухарь. Заражение слабое. Наблюдается сильное падение численности, но, благодаря недостаточно большому материалу о роли паразитов в этом процессе и о дальнейшем ходе кривой динамики [численности] популяции, сказать [более определенно о тенденциях] не представляется возможным.

Перепел. Сильное заражение цестодами. В остальном материал для выводов мал.

Литература

Олигер И.М. Паразитические простейшие и их роль в колебаниях численности рябчика // Доклады АН СССР. – 1940. – Т. 28. – № 5. – С. 470-473.

17.IX.41 г.

Примечание редактора: небольшая редакционная правка выделена в квадратных скобках. Редакционная коллегия сборника искренне благодарит А.Б. Ручина (Саранск), директора Мордовского государственного заповедника Мялькина И.Т., зам. директора того же заповедника К.Е. Бугаева и библиотекаря В.И. Мялькину за содействие в поисках рукописи данной работы и ее присылку.

ПАРАЗИТОФАУНА АККЛИМАТИЗИРУЕМЫХ КОПЫТНЫХ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА

И.М. Олигер

Объектом настоящего исследования явились пятнистые олени (*Cervus hortulorum*), марал (*Cervus canadensis sib.*) и косули (*Capreolus pigarus*), завезенные в М.Г.З. с целью акклиматизации в 1937-38-39 гг. Целью исследования являлось выявление всей паразитофауны и вызываемых ею заболеваний у обследуемых животных, возможности возникновения тех или иных эпизоотий и, в результате, выработка мер борьбы с ними. Работа проводилась с 15.VI.40 г. по 27.XI.41 г. К сожалению, в связи с войной, значительное количество материала осталось не определенным. Животные, подвергавшиеся исследованию, завезены были в М.Г.З.: пятнистый олень в феврале 1938 года с Дальнего Востока из совхоза «Мыса Песчаный» в количестве 53 голов, марал в сентябре 1937 года из Аскания-Нова в количестве 4 голов и косуля 20.I.1940 года из г. Фрунзе в количестве 10 голов.

В МГЗ животные были помещены в парк, представляющий из себя пространство в лесу, огороженное изгородью, размером около 120 га. При этом внутри него были отделены загородки для оленей площадью в 87 га, для маралов в 37 га и для косуль в 4,5 га. В дальнейшем площадки косуль и пятнистых оленей были объединены.

В апреле 1940 года часть пятнистых оленей в количестве 62 голов были выпущена из парка, однако зимой все они сконцентрировались близ парка, очевидно, главным образом, благодаря тому, что здесь давалась подкормка в виде овса и желудей, и близко стояли стога сена.

Таким образом, скученность всех животных, особенно пятнистых оленей, все время была довольно значительной.

Материал и методика

Материалом послужили результаты нескольких вскрытий павших животных, затем, данные, полученные при внешнем осмотре животных, и, наконец, копрологические анализы.

К сожалению, я не мог провести полные паразитологические вскрытия, так как таковые у таких крупных животных как пятнистый олень, должны были бы отнять при работе нескольких препараторов несколько дней. Мне же пришлось работать все время одному, без чьей бы то ни было помощи. Поэтому при вскрытиях я должен был ограничиться лишь тщательным макроскопическим исследованием таких органов как пищевод, желудок, кишечник, сердце, глаза, носоглотка, почки, мочевой пузырь. В печени исследовались лишь наиболее крупные протоки, а в легких – бронхи. К этому нужно добавить, что вскрытия в большинстве случаев проводились спустя долгое время после смерти животного, так что в значительной степени уже наступало разложение, а эктопаразитов почти не оставалось. В трех случаях животные вообще не были доставлены в лабораторию и вскрытия их производились на снегу под открытым небом. Затем, павшие животные в большинстве были в возрасте 2-3 лет, т.е., вероятно, не накопили еще всех свойственных им паразитов. Наконец, и общее количество вскрытий – 6 оленей и 2 косули – также является недостаточным для детальных суждений о составе паразитофауны.

Все эти обстоятельства, несомненно, отрицательно повлияли на полноту собранного материала, так что фактически паразитофауна обследованных животных, вероятно, богаче, чем выявленная мною. Однако все же нужно сказать, что в основном она выявлена достаточно полно и пропущенными могли остаться лишь единичные экземпляры паразитов, интересные, конечно, в теоретическом отношении, но не могущие оказать сколько-нибудь серьезного влияния на пораженных ими животных, или, тем более, могущих вызвать гибельную эпизоотию в стаде.

Все вышесказанное относится лишь к пятнистому оленю и косуле. Маралы же, за отсутствием их падежа, вообще не вскрывались и об их паразитофауне можно судить лишь на основании данных копрологических анализов.

Для копрологических анализов в парке и вокруг него в местах наибольшей концентрации животных собирался их кал. В виду того, что животные, несмотря на парковое их содержание, весьма пугливы, особенно в летнее время, подойти к ним близко для получения вполне свежего материала зачастую не удавалось. В этих случаях кал собирался на местах лежек, стоянок и по тропам, не более чем 12-часовой давности (Определение свежести производилось на глаз. В случае если кал был большей давности, яиц паразитов в нем оказывалось меньше или даже совсем не оказывалось, поэтому таковой материал в расчет не принимался). В дальнейшем кал направлялся в лабораторию, где и исследовался под микроскопом на наличие яиц гельминтов и цист простейших. К сожалению, в начале исследований в заповеднике отсутствовала центрифуга, и исследование велось лишь методом нативных мазков. При этом методе, однако, обнаружить ничего не удалось. Лишь с появлением центрифуги 4.IV.40 г. были обнаружены первые яйца гельминтов (к этому времени и следует отнести фактическое начало работ). Центрифугирование проводилось по методу Дарлинга.

Что же касается эктопаразитов, то сбор их, ввиду трудностей поимки животных для осмотра, носил чисто случайный характер. Осмотр же павших животных, как я уже указал, производился в большинстве случаев спустя долгое время после смерти животного и эктопаразитов на нем уже почти не оказывалось.

Перехожу к непосредственному описанию паразитофауны исследуемых животных.

Пятнистый олень

Эндопаразиты.

Всего проведено 6 паразитологических вскрытий павших оленей (см. табл. № 1).

Таблица 1

Дата	Пол	Возраст	Причина смерти	Эндопаразиты	Локализация	Количество
15.09.40	самка	2 г.	Бронхопневмония	Nematodes	Тонкие кишки	11
28.03.41	самец	3 г.	Зарезан волком	Nematodes	Слепая кишка	13
11.04.41	самец	4 г.	Бронхопневмония	Nematodes	Слепая кишка	21
1704.41	самка	2 г.	Бронхопневмония	Nematodes	Слепая кишка	15
13.04.41	самка	3 г.	Бронхопневмония	Nematodes	Слепая кишка	24
24.04.41	самец	1 г.	Истощение	Nematodes	Тонкие кишки	2

Как видно из таблицы, в основном причиной смерти животных послужила бронхопневмония, паразиты же были найдены в совершенно ничтожном количестве, лишь нематоды кишечника. Тщательный осмотр легких ни разу не дал ничего в смысле обнаружения тех или иных паразитов.

Определение найденных паразитов было сильно затруднено благодаря тому, что я не имел под руками почти никакой литературы по данному вопросу. Единственной книгой, какой я пользовался при определении гельминтов, являлась книга: Скрябин К.И. и Шульц Р.С.«Гельминтозы крупного рогатого скота и его молодняка» 1937 года. Определение до вида произвести не удалось, и являются ли они новыми или уже описаны, осталось невыясненным. Поэтому я даю здесь описание и рисунки найденных мною паразитов. [Примечание редактора: К сожалению, рисунки в рукописи, переданной нам из Мордовского заповедника, отсутствуют].

Strongylidae

Oesophagostomum sp. («А»)

Локализация: слепая кишка.

Описание: Паразиты без латеральных крыльев. Ротовой воротник в форме конуса, резко отделен от головной везикулы. Последняя хорошо выражена, узкая.

Ротовое отверстие окружено наружным венцом из 11 элементов. Ротовая капсула состоит из кольца в 12 элементов. Пищеводная воронка небольшая, пищевод в задней части слегка расширен, 0,6 мм длины.

Самец: 10-12 мм длины и 0,3-0,5 мм ширины. Бурса обычная. Спикулы 1,14-1,36 мм длины.

Самка: 15-19 мм длины и 0,55-0,7 мм ширины. Хвост после ануса суживается довольно резко; анус расположен от конца хвоста на расстоянии 0,18 мм; расстояние от ануса до вульвы 0,23 мм. Вульва почти не выдается, вагина направлена вперед, около 0,33 мм длины. Яйца 95-105 μ x 55-65 μ.

Эти паразиты были встречены у всех шести вскрытых оленей. Как известно, эзофагостомы в личиночной стадии находятся в толще слизистой в виде узелков, вызывая так называемую «узелковую болезнь». Однако, при вскрытиях (производившихся совместно с ветврачами из г. Темникова) узелков обнаружено не было, что следует, очевидно, приписать малой интенсивности заражения – наибольшее обнаруженное за раз количество паразитов равнялось 24 (олень № 5).

Heligmosomatidae sp. (рис. 2)

Локализация: слепая кишка.

Описание: Головной конец загнут крючкообразно. Паразит без латеральных крыльев. Ротовой воротник в форме диска с закругленными краями. Околоротовых сосочков 4 штуки. Головная везикула сильно расширена и резко обрывается у цервикальной борозды – последняя выражена неясно. Пищевод 0,5 мм длины.

Самец: 10-12 мм длины, 0,25-0,35 мм ширины. Спикулы 0,63 мм длины. Бурса обычная. Ее строение, общая конфигурация и форма ребер почти не отличаются от таковых у *Oesophagostomum* sp. («А») (см. рис. 1 и 2). Разница есть лишь в строении дорзального ребра.

Самка: 12-14 мм длины и 0,4 мм ширины. Хвостовой конец тонкий, длинный, вытянутый равномерно. Расстояние от конца хвоста до ануса 0,25-0,3 мм; расстояние от ануса до вульвы 0,66 мм. Вульва расположена на вершине небольшого тупоконечного выступа, вагина короткая, 0,075 мм, направлена поперечно. Яйца 80-90 μ x 35-40 μ.

Эти паразиты были встречены дважды в количестве 3 и 13 экземпляров в слепой кишке.

Trichostrongylidae (рис. 3)

Описание. Самка: 18 мм длины, 0,4 мм ширины (наибольшая ширина). Головной конец 0,15 мм диаметром. Пищевод 1,4 мм длиной. Губы отсутствуют, ротовая полость довольно значительная. Хвостовой конец за анусом постепенно суживается, с двумя сосочками. Расстояние от конца хвоста до ануса 0,64 мм, от ануса до вульвы 1,8 мм. Яйца 65 μ x 35 μ.

Ввиду того, что этот паразит был встречен лишь однажды в количестве одного экземпляра, я не могу дать описания самца. По этой же причине более детальное определение экземпляра, кроме вышеприведенного, дать не представлялось возможности.

Копрологические анализы

Таким образом, результаты вскрытий показывают нам на чрезвычайную бедность паразитофауны и на низкую интенсивность заражения. Об этом же говорят и данные копрологических анализов. Там, как я уже указывал, без применения центрифуги вообще ничего обнаружить не удалось. При применении же центрифуги (метод Дарлинга) в одной капле, взятой проволочной петелькой с поверхности центрифужной пробирки, оказывалось 2-3, редко больше яиц нематод. Всего в 1940 году проведено 122 анализа, из них яйца нематод содержали 60, т.е. около 50 %. Фактически процент заражения, вероятно, равен 100 или близок к этому, но, благодаря низкой интенсивности заражения, яйца не смогли быть уловлены.

В 1941 году проведено 82 анализа, яйца нематод обнаружились в 55, т.е. около 67 %.

Все обнаруженные яйца принадлежали нематодам отряда Strongylata. Яиц Trematodes и Cestodes или самих червей ни разу обнаружено не было. Кроме яиц нематод дважды при копрологических анализах в 1940 г. и один раз в 1941 г. были обнаружены ооцисты кокцидий (рис. 4 и 5). К сожалению, мною каждый раз бывало обнаружено лишь по 1-2 ооцисте, а в материале, поставленном для споруляции ооцист (в 4 % растворе двухромового кислого калия), их обнаружить не удалось. В классической сводке E. Beckez «Coccidia and coccidiosis of domesticated game and laboratory animals and of men» (1934) я не нашел подходящих по размерам и форме, тем более что и вообще там о кокцидиях из пятнистого оленя не упоминается. Таким образом, вероятно, это будут новые виды, но, не имея под руками текущей литературы по данному вопросу, я ограничиваюсь пока названием *Eimeria* n. sp. A и B.

Кровепаразиты

При просмотре кровяных мазков от павших оленей кровепаразитов не обнаружено.

Эктопаразиты

Из эктопаразитов в летнее время несколько раз обнаруживались взрослые формы клещей (*Ixodes ricinus* и *Dermacentor silvarum*), но в незначительном количестве – не более 10 штук. Впрочем, сборы их относятся к ручному самцу «Жулику», ведущему отличный от всех прочих оленей образ жизни и мало общающемуся со всем стадом. Диких же оленей в живом состоянии осмотреть не удалось. На павших оленях были обнаружены в довольно незначительном количестве вши (определить не удалось) и власоеды *Trichodectes*. Последние с пятнистого оленя до сих пор еще никем описаны не были, так что найденные мною являются новым видом, но, ввиду недостатка времени для детального систематического описания и отсутствия специальной литературы, я ограничиваюсь лишь названием «n. sp.».

Наконец, из эктопаразитов мною были обнаружены кровососущие мухи *Lipoptena* sp. (*sairnovi* in litteris) (определение Н.Г. Олсуфьева), что является весьма интересным фактом, т.к. этот вид встречается лишь на Дальнем Востоке. Таким образом, паразиты приехали сюда вместе со своими хозяевами. Видов же, свойственных местной фауне, обнаружить не удалось.

Подводя итоги, мы можем сказать, что пятнистый олень в МГЗ обладает чрезвычайно бедной фауной эндопаразитов – имеется всего 3 вида нематод, трематоды и цестоды отсутствуют совсем. Отсутствие последних, очевидно, объясняется тем, что развитие их происходит при посредстве промежуточных хозяев. Вероятно, те виды промежуточных хозяев, которые служат для заражения пятнистых оленей на Дальнем Востоке, в МГЗ отсутствуют, либо же, если и присутствуют, то впервые могли столкнуться с паразитами пятнистого оленя лишь по прибытии последних в МГЗ, т.е. 2-3 года назад. Возможно, конечно, что у более старых оленей могли бы найтись эти паразиты и сейчас, но, несомненно, что постепенно они освободятся от них и тогда заражение ими, если только паразиты не найдут новых промежуточных хозяев, должно будет полностью прекратиться. Заразиться же местными формами трематод и цестод олени до сих пор не смогли потому, что, находясь в парке, они не приходили в соприкосновение ни с домашними животными, ни с обитающими здесь лосями.

Что касается нематод, то таковые, очевидно, в большинстве не встретили здесь необходимых им условий существования, иначе, несомненно, при той скученности, которая имела место, заражение ими должно бы сильно возрасти. Дальнейшие наблюдения за ними не проводились.

По этому поводу следует заметить, что, с точки зрения профилактики, парковое содержание животных в том виде, как оно практикуется здесь (скопление многих животных на ограниченном участке) является совершенно недопустимым, т.к. способствует усилению заражения всеми видами паразитов. Правда, в настоящее время видовой состав и интенсивность заражения невелики, но, в случае возникновения эпизоотии, она моментально поразит все стадо. О некотором увеличении заражения в 1941 году по сравнению с 1940 годом говорят уже и данные копрологических анализов.

Марал

Ни одного вскрытия маралов, в виду отсутствия их падежа, произведено не было. Также не представлялось возможным поймать маралов для сбора с них эктопаразитов. Таким образом, пришлось ограничиться проведением копрологических анализов.

Всего в 1940 году проведено 60 анализов. Из них содержащие яйца гельминтов оказались 23 или 47 %. Все обнаруженные яйца принадлежали к нематодам отряда Spirurata. Таким образом, мы здесь имеем, вероятно, ту же картину, что и у пятнистого оленя.

Кроме того, в одном случае были обнаружены также ооцисты кокцидий. В виду их полного сходства с ооцистами кокцидий формы «А» из пятнистого оленя, отдельно рисунка не дается.

Сборов эктопаразитов произведено не было. При непосредственном же наблюдении за животными в лесу можно было заметить, что в июне-июле животным сильно докучают слепни (Tabanidae). Эти кровососущие насекомые не оставляют, конечно, в покое и оленей и косуль, но все же, всего больше их, почему-то именно на маралах. Порою можно было заметить, что морды у маралов представляли собой сплошную черную массу от насевших слепней.

В апреле все маралы были выпущены из парка и дальнейшие наблюдения за ними не проводились.

Косуля

Всего было вскрыто 2 павших косули (17 и 18 декабря 1940 г.). При вскрытии были обнаружены следующие паразиты.

Эндопаразиты

Nematodes: Filariata: *Setaria* sp. (рис. 6)

Локализация – брюшная полость.

Описание. Головной конец закруглен. Рот окружен хитиновым кольцом, выступающим вперед и вытянутым дорзо-вентрально. Кольцо на латеральных сторонах вырезано, так что на вентральной и дорзальной сторонах образует два мощных зуба. Пищевод делится на две части: переднюю узкую – 0,82 мм длины и заднюю расширенную и очень длинную – 7 мм.

Самец достигает длины 55 мм при ширине 0,375 мм. Задний конец спирально закручен. Спикулы: левая – 0,35 мм, правая – 0,13 мм. От конца хвоста до ануса – 0,37 мм.

Самка длиной 82 мм, шириной – 0,6 мм. От хвоста до ануса – 0,54 мм. Хвостовой конец в виде шишечки, усаженной шипиками. Остальные детали строения самца и самки видны из рисунка.

Эти паразиты были найдены один раз в количестве двух экземпляров (самец и самка).

Trichostrongylidae: *Ashwarthius* sp. (рис. 7)

Локализация – тонкие кишки.

Описание. Головная везикула отсутствует. Зуб прямой, очень заметен на дорзальной стенке. Пищевод 1,6 мм длины.

Самец: 13 мм длины, 0,3 мм ширины. Бурса из трех лопастей: двух больших латеральных и одной узкой дорзальной. Дорзальная лопасть сидит симметрично. Спикулы 0,80–0,89 мм.

Самка: 14 мм длины, 0,3 мм ширины. Расстояние от ануса до конца хвоста 0,52 мм, от ануса до вульвы – 1,5 мм. Яйца 60-80 μ x 27-33 μ. Найдены один раз в количестве 7 экземпляров.

Trichostrongylidae sp. (рис. 8)

Локализация – тонкие кишки.

Самка: длина 15 мм, ширина 0,5 мм. Имеется хорошо выраженная головная везикула. Яйца 74 μ x 38 μ. Пищевод 0,7 мм.

В виду того, что найден был лишь один поврежденный экземпляр, более детального описания дать не могу.

Копрологические анализы

Всего в 1940 году проведено 39 анализов. Из них содержащими яйца гельминтов (Strongylata) оказалось 16 или 41 %. В 1941 году проведено 10 анализов, яйца обнаружены в 7.

Таким образом, мы видим, что и здесь, так же, как у оленей, гельминтофауна весьма бедна и интенсивность заражения невелика – максимальное количество паразитов – 8.

Кровепаразиты

На мазках крови, взятых от павших косуль, дважды были найдены образования, чрезвычайно похожие на кровепаразитов рода *Toxoplasma*. Говорить с полной уверенностью о принадлежности их к этому роду я пока воздерживаюсь лишь потому, что до сих пор этих паразитов находили из млекопитающих лишь у собак и у грызунов. Поэтому для окончательного суждения необходимо иметь больше материала, а главное – иметь возможность сравнивать его с материалом от других животных. Последней возможности (или даже литературы) под руками я не имел.

Биология этих паразитов еще весьма слабо изучена, и о патогенности их для косуль судить пока трудно. Косвенные соображения в пользу их патогенности можно привести следующие.

Косули, у которых они обнаружены, вели себя вполне нормально и казались здоровыми еще за трое суток до смерти. Из протокола анатомо-патологического вскрытия, проведенного мной и ветврачами г. Темникова,

видно, что на поверхности селезенки, различных отделов желудка, кишечника, эндокарда, эпикарда и легких имелись многочисленные точечные и разлитые кровоизлияния; легкие и сосуды мозга переполнены кровью. Диагноз: гастроэнтерит и цирроз. Высказано подозрение об отравлении. Однако лабораторные исследования этого не подтвердили (производилось Обл. ветбаклабораторией НКЗ Тат. АССР, Казань). При бактериологическом исследовании (производилось Темниковской ветбаклабораторией) возбудителей инфекции не найдено.

Таким образом, возможно, что именно *Toxoplasma* и вызвали заболевание, давшее указанную картину и окончившееся смертью животных. Но, конечно, судить лишь по одному случаю, на основе лишь отсутствия других причин и без проведения эксперимента, можно лишь предположительно.

Эктопаразиты

Из эктопаразитов летом встречались лишь, как и у оленей, клещи *Ixodes ricinus* и *Dermacentor silvarum*, зимой же вши, власоеды (*Trichodectes* sp.) и мухи-кровососки (*Lipoptena* sp.). Ближе определить их не удалось.

Подводя итоги, можно сказать, что и косули, так же, как и олени, в отношении эндопаразитов, заражены весьма слабо, что объясняется очевидно тем, что свойственные им в их коренном местообитании паразиты, попав в новую местность, не нашли здесь для себя подходящих условий развития и погибли.

Выводы

1. Все три вида обследованных животных (пятнистый олень, марал, косуля) являются в МГЗ в настоящее время почти свободными от эндопаразитов, обладая лишь 3 видами нематод (интенсивность заражения ими незначительна) и 2 видами кокцидий (% заражения кокцидиями ничтожен).
2. Все обнаруженные паразиты, как эндо- так и экто- (за исключением клещей), не являются видами, свойственными местной фауне, а привезены вместе с их хозяевами с коренных мест их обитания.
3. Эти два обстоятельства – видовой состав и бедность – говорят о том, что исследованные животные утратили в МГЗ часть своих паразитов, свойственных им в их коренном местообитании и не нашедших в МГЗ подходящих условий существования и, в то же время, не успели еще заразиться местными паразитами, благодаря краткости своего пребывания здесь и отсутствию контакта с местными животными.
4. Это подтверждается и тем, что все сохранившиеся паразиты либо проводят весь свой жизненный цикл на одном хозяине (эктопаразиты), т.е. совершенно не зависят от окружающих хозяина условий, либо, во всяком случае, имеют развитие без промежуточных хозяев (нематоды, кокцидии).
5. Обнаружение в крови у павших косуль паразитов рода *Toxoplasma* представляет большой интерес, как практический (возможно, что гибель косуль вызвана именно этими паразитами), так и теоретический (как первая находка паразитов этого рода у копытных).
6. Для предупреждения могущих возникнуть эпизоотий от уже имеющихся паразитов или могущих вновь появиться, парковое содержание животных следует прекратить, рассредоточив их возможно шире.

1941 г.

Примечание редактора. Гельминтофауна копытных Мордовского заповедника впоследствии изучалась в 60-е (Шалдыбин, 1964) и 70-е гг. (Мачинский, Семов, 1972; Назарова, 1972). В работах Ю.Ф. Штарева (1966) и А.П. Мачинского, В.Н. Семова (1972) имеются ссылки на настоящую работу И.М. Олигера.

Редакционная коллегия сборника искренне благодарит А.Б. Ручина (Саранск), бывшего директора Мордовского государственного заповедника Мялькина И.Т., зам. директора того же заповедника К.Е. Бугаева и библиотекаря В.И. Мялькину за содействие в поисках рукописи данной работы и ее присылку.

Литература:

Мачинский А.П., Семов В.Н. О фауне гельминтов пятнистого оленя Мордовского заповедника // Тр. Мордовск. гос. заповедника им. П.Г. Смидовича. – 1972. – Вып. 6. – С. 169-173.

Назарова Н.С. Гельминтофауна пятнистого оленя Мордовского заповедника и ее изменение в зависимости от возраста хозяина // Тр. Мордовск. гос. заповедника им. П.Г. Смидовича. – 1972. – Вып. 6. – С. 174-179.

Шалдыбин Л.С. Гельминтофауна млекопитающих Мордовского государственного заповедника // Уч. зап. Горьковск. гос. пед. ин-та им. М. Горького. – 1964. – Вып. 48. Серия зоологии, гельминтологии. – Сборник № 3. – С. 52-81.

Штарев Ю.Ф. Результаты акклиматизации пятнистого оленя в Мордовской АССР // Тр. Мордовск. гос. заповедника им. П.Г. Смидовича. – 1966. – Вып. 3. – С. 55-125.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДНОЙ ОЧАГОВОСТИ КЛЕЩЕВОГО ЭНЦЕФАЛИТА, ТУЛЯРЕМИИ И ЛЕПТОСПИРОЗОВ В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ РСФСР

И.М. Олигер

(из Санэпидлаборатории – начальник А.И. Волков)

Согласно учению советских исследователей и, в первую очередь, академика Е.Н. Павловского, «природная очаговость есть явление совместного существования в определенных биотопах данного географического ландшафта патогенных микроорганизмов, их переносчиков и животных-доноров и реципиентов, как естественных компонентов биоценозов свойственных таким биотопам. Для природного очага характерно, что ни в своем генезисе, ни в настоящем своем существовании он ни в какой мере не связан с человеком. Однако, при появлении человека в зоне очага (и соприкосновении его с источниками инфекции), человек включается в биоценотическую цепь» (Е.Н. Павловский).

Эта теория, разработанная сначала на основании изучения очага лейшманиоза в Средней Азии и очага весенне-летнего (клещевого) энцефалита на Дальнем Востоке, получила затем блестящее подтверждение. Так, энцефалит, вскоре после его открытия на Дальнем Востоке, был зарегистрирован во многих других районах Союза, причем, в ряде случаев были выявлены очаги (выделен вирус), не давшие ещё человеческих заболеваний. То же относится и к туляремии, очаги которой открыты во многих пунктах Союза, также во многих случаях без наличия человеческих заболеваний.

Поэтому, мы вправе ожидать возможности наличия очагов соответствующих заболеваний всюду, где имеется соответствующий ландшафт и животное население из видов-доноров, переносчиков и реципиентов данной инфекции (инвазии).

Однако до сих пор многие работники зачастую игнорируют указанные факторы. Если в отношении старых, давно известных заболеваний, как, например, малярии, природные факторы еще принимаются во внимание, то в отношении новых, недавно открытых заболеваний, о возможности наличия его в данной местности судят лишь на основании того, было ли оно здесь раньше. При этом могут быть допущены ошибки даже в отношении более или менее значительных вспышек, отдельные же случаи, как правило, проходят под другими диагнозами.

Так обстояло дело, в частности, со вспышками энцефалита, туляремии и лептоспирозов в западных районах РСФСР – Калининской, Великолукской, Смоленской, Витебской и Полоцкой областях. До Отечественной войны наличия этих заболеваний здесь не отмечалось. В 1942-44 гг. в различных местах указанных областей возникли более или менее крупные вспышки, поразившие значительные контингенты как гражданских, так и военных лиц. При этом вначале большинство врачей, как гражданских, так и военных, не сумели правильно диагностировать эти заболевания. Должное внимание им было уделено лишь после того, как лабораторные исследования установили с несомненностью их истинный характер; однако, к тому времени эпидемии уже успели значительно разрастись. Произошло это именно в виду того, что появления этих болезней здесь не ожидали: энцефалит считался свойственен лишь восточным, а туляремия южным районам страны. И даже до сих пор часть местных работников придерживается того мнения, что вспышки эти были завозного происхождения или, во всяком случае, порождены условиями военного времени, поэтому, теперь, в мирной обстановке, повторение их исключено.

Это представление абсолютно неверно и может привести лишь к тому, что в случае повторения начальные стадии, когда эпидемия легко может быть ликвидирована, опять будут пропущены.

Анализ имевшихся вспышек с несомненностью показывает их эндемичный характер.

Рассмотрим сначала энцефалит. Первая вспышка энцефалита имела место к северу от станции Нелидово Калининской области, на территории Государственного Центрально-Лесного заповедника. Эта территория представляет собой обширный, около 50 тысяч га, лесной массив. Фауна клещей представлена здесь, в основном, видом *Ixodes ricinus* и, частично, *I. persulcatus*, являющемся, как известно, основным переносчиком энцефалита. До войны встреча клещей с человеком благодаря заповедности территории почти исключалась. Клещи же питались на всевозможных диких животных, по преимуществу, вероятно, на ежах и зайцах. Летом 1942 года здесь расположились воинские части, произошел массовый контакт с источником инфекции и очаг дал вспышку. В 1943 году уже после ухода войск, здесь производился отлов и исследование клещей на вирусоносительство экспедицией проф. Чумакова и был выделен вирус энцефалита. Это свидетельствует о том, что вспышка 1942 года была эндемичной.

Второй очаг расположен сравнительно недалеко от первого, близ разъезда Паникля Западной железной дороги. Эта местность также лесистая, но лес здесь не сплошной, а перемежается с распаханными полями. Фауна клещей представлена теми же видами. Что касается животных, служащих им для питания, то здесь для взрослых стадий клещей таковыми являлись уже не дикие животные, а крупный рогатый скот из окрестных селений. Хотя территория эта посещалась людьми чаще, чем в предыдущем случае, но, лишь начиная примерно с августа, когда поспевают грибы и ягоды. В мае же и июне, в период наибольшей активности клещей, здесь бывали только пастухи, а естественно, что пастух, следуя всегда сзади стада, имеет мало шансов встретиться с клещами. Поэтому очаг оставался в скрытом состоянии.

В 1942 году большая часть скота была отсюда угнана, а в лесу расположились воинские части, что, естественно, привело к массовому и тесному контакту людей с клещами, и очаг дал вспышку.

Кроме двух указанных крупных очагов, давших несколько десятков заболеваний, мы имели ряд мелких вспышек (по 1-3 случаях) в 1942 году в различных пунктах Калининской области, а в 1943 году в районе города Велижа Смоленской области.

Итак, на указанной территории в 1942-43 гг. проявили себя несколько очагов весенне-летнего энцефалита различной интенсивности, не связанных друг с другом, но сходных по ландшафту и фауне. Вспышки в них произошли в результате проникновения в зону очагов больших масс людей, что привело к массовому контакту их с источником инфекции.

Поскольку весь этот район в ландшафтном отношении представляется весьма однородным, а основной переносчик энцефалита *I. persulcatus* заходит далее на запад, чем до сих пор предполагалось (нами он найден под Полоцком в равном с *I. ricinus* количестве), то весь этот район следует признать в отношении энцефалита потенциально опасным.

Обратимся теперь к туляремии. Первая крупная вспышка туляремии произошла в 1942 году в Осташковском районе Калининской области. Всего заболело более 100 человек. Главная масса заболевших падает на январь-март, но отдельные случаи наблюдались в течение всего лета.

В начале 1943 года вспыхнули множественные очаги туляремии в районе Селижарово-Ржев, Великие Луки-Новосокольники, в Медновском районе и других местах.

Большинство очагов располагалось в более или менее открытой, холмистой местности, изобиловавшей озерами и речками. Главную массу мышевидных грызунов составляли полевые мыши (*Apodemus agrarius*) и серые полевки, но всюду, хотя и в небольшом количестве, находились также и водяные крысы.

Причины возникновения, вернее, проявления этих очагов представляются нам в следующем виде.

Летом 1942 и 1943 гг. размножение мышевидных грызунов в указанных районах, а особенно в районе Действующей армии, протекало более интенсивно, чем обычно. Произошло это благодаря тому, что обычный, закономерный подъем волны численности был поддержан изменениями, внесенными войной в природу и хозяйственную деятельность человека. Прежде всего, масса хлебов была убрана с большим опозданием, а в районе передовой и совсем не убиралась. На месте разрушенных населенных пунктов выросли мощные заросли различных сорняков, создавшие совершенно новую, необычную для данных мест стацию, но очень удобную для

грызунов в отношении убежища и корма. В то же время все враги грызунов – кошки, собаки, лисы, хищные птицы и др. – были частью истреблены, частью откочевали в более спокойные тыловые районы. Таким образом, хорошее теплое лето, масса корма и отсутствие врагов привели к высокому подъему численности грызунов.

С началом осенней миграции грызуны, передвигавшиеся в различных направлениях, встречали на своем пути многочисленные траншеи и ходы сообщения. Двигаясь по ним как по каналам, они достигали, наконец, землянок и блиндажей. В перекрытиях потолка и стен, а зачастую и на полу, обычно находилась солома, большей частью не обмолоченная. Поэтому здесь грызуны находили себе прекрасное убежище и обильный корм. Все это привело к тесному контакту людей с грызунами. Этот контакт бывал непосредственным, когда люди, чтобы избавиться от грызунов, хватали их прямо руками, или через оставшуюся непокрытой пищу, зараженную выделениями грызунов, или, наконец, просто при передвижениях грызунов по потолку блиндажей вниз сыпалась пыль, пропитанная их выделениями (в последнем случае отмечалась легочная форма туляремии).

В результате, мы имели во многих местах вспышки туляремии, давшие тысячи случаев.

Инфекция была весьма интенсивной, так как, во-первых, вспышки в ряде мест были два года подряд (Осташковский район), затем, единичные случаи заболеваний были в течение круглого года, то есть, несмотря на разрежение плотности грызунов к весне, количество инфекций в очаге, будь то в оставшихся грызунах или в зараженном ими субстрате, было достаточно велико. Показательна также вспышка туляремии у станции Западная Двина Западной железной дороги. Вспышка произошла в июле-августе 1943 года. Поражены были косцы, работавшие на сенокосе. Форма заболевания – бубонная; язвы в большинстве случаев располагались на ногах. Количество грызунов на месте работы, по словам работавших, не превышало обычной для этих мест численности. Таким образом, вспышка эта имела место в неизмененной природной обстановке, при обычном количестве грызунов, на обычной сельскохозяйственной работе. Поэтому, весьма вероятно, что отдельные случаи туляремии бывали здесь и раньше, но проходили под другими диагнозами и могут повториться в дальнейшем.

Итак, массовое размножение мышевидных грызунов в указанных районах, особенно в районе Действующей армии летом 1942-43 гг., произошедшее в силу естественных причин и значительно усиленное изменениями, вызванными войной в природе и хозяйственной деятельности человека; наличие условий, способствовавших тесному контакту грызунов с большими массами людей, привели к проявлению, в виде крупных вспышек, имевшихся в данной зоне, но оставшихся в скрытом состоянии природных очагов туляремии.

Перейдем к рассмотрению лептоспирозов.

В начале 1943 года возникло несколько очагов желтушного лептоспироза, давших в сумме довольно крупную вспышку в районе Великие Луки-Новосокольники. В августе этого же года в Батуринском районе Смоленской области произошла вспышка безжелтушного лептоспироза. Обе эти вспышки дали по нескольку десятков случаев.

В 1944 году мы имели целый ряд очагов лептоспироза, раскинувшихся весьма широко в треугольнике Невель-Полоцк-Витебск.

Все эти очаги располагались в самой разнообразной местности, но, все же, в большинстве случаев, в лесистой или покрытой кустарниками. Что именно явилось в каждом случае источником инфекции, установить не удалось. Однако, Николаеву и Калабухову, работавшим в 1944 году на подобной же вспышке в Белоруссии, по соседству с указанными районами, удалось выделить лептоспиру, принадлежащую к группе гриппо-тифоза, из рыжей полевки – *Evotomys glareolus*. Этот грызун является обычным и многочисленным в любом участке леса рассматриваемых вспышек, на него следует обратить самое пристальное внимание.

ВЫВОДЫ

1. До 1942 года в западных районах РСФСР – на территории Калининской, Великолукской, Смоленской, Витебской и Волоцкой областей – заболеваний весенне-летним клещевым энцефалитом, туляремией и лептоспирозами не наблюдалось.
2. В 1942-43 гг. здесь проявили себя в виде крупных вспышек множественные очаги этих заболеваний.
3. Эти вспышки явились результатом тесного контакта между значительными людскими контингентами и источниками инфекции.
4. Очаги всюду находились не в резко обособленных участках местности, а в типичных ландшафтах. Поэтому можно предположить наличие многих таких очагов на указанной территории, не проявивших себя до сих пор по причине отсутствия массового тесного контакта с человеком.
5. Для своевременного и правильного распознавания очагов этих заболеваний всегда следует учитывать природные факторы – ландшафт и животное население, т.е., биоразведка должна являться неотъемлемой частью санэпидразведки.

Раздел 3. Воспоминания И.М. Олигера

СЛАВНАЯ ДЕСЯТКА. МОИ ДРУЗЬЯ – ЗООЛОГИ
И.М. Олигер

Те, о ком пойдет речь, занимали разное положение в обществе и в науке: одни обладали широкой известностью, другие были скромными местными деятелями, или известными лишь узкому кругу специалистов. Но все они были великие труженики, влюбленные в свое дело, бесконечно преданные науке. И, хотя большую часть времени они провели в лабораториях и кабинетах, обрабатывая и описывая собранные в экспедициях материалы, но полное наслаждение чувствовали при общении с живой природой.

Эти очерки – не биографии и не портреты. Это – всего лишь рассказы о моих встречах и общении с ними. Надеюсь, что они позволят прибавить к знанию о них, как подвижников науки, еще и черты живых людей.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОКРОВСКИЙ
(1881 – 1943)

Биолог-краевед. В 20-е годы – заведующий Естественноисторическим музеем Нижегородского Губземуправления; с 1931 года – хранитель коллекций зоологического музея Горьковского государственного университета.

Всю жизнь стремился иметь в музее возможно более полную коллекцию видов растений и животных Нижегородской области, активно привлекая для ее пополнения школьников.

* * *

– Давай, сходим в зоомузей, – сказал однажды летом 1925 года мой товарищ Фёдор Шапошников (Фека). Посмотришь там чучела птиц и зверей. Заодно познакомлю тебя с заведующим – Николой.

– Никола? Какая странная фамилия, – сказал я. Фека усмехнулся.

– Это – не фамилия, а прозвище. По настоящему-то его зовут Николай Александрович.

– А почему же такое прозвище?

– Вот сам и увидишь.

В музее Фека сразу же повел меня в кабинет к заведующему, и то, что я здесь увидел, сразу глубоко поразило меня. До этого я бывал в кабинете директора нашей школы – это была большая, светлая, строго обставленная комната: большой письменный стол, вдоль стены несколько стульев, книжный шкаф, на стене портрет Ленина. И сам директор – строгий, опрятно одетый, с аккуратно подстриженной бородкой. А здесь комната, в которую мы вошли, была маленькая, узкая, с одним окном; возле окна стоял большой стол, сплошь заваленный какими-то большими листами бумаги, сложенными пополам (впоследствии я узнал, что это были гербарные листы); слева, сразу у двери, стоял письменный стол, также заваленный книгами и бумагами; справа у стены стоял старинный диван, с вычурными выгнутыми ручками и спинкой, но с продавленным сиденьем, из которого в нескольких местах торчали пружины; за диваном, в углу, платяной шкаф с прислоненными к нему лыжами; на задней стене висела большая рамка с цветными открытками – копиями картин художников-пейзажистов.

За столом сидел человек лет 40-45, с большой шапкой черных с проседью, курчавых, перепутанных волос на голове и с такой же курчавой спутанной бородкой; на носу очки в простой металлической оправе; на теле старый, мятый пиджак, из-под которого выглядывала цветная рубашка, тоже далеко не первой свежести.

Все это совершенно не вязалось с моим представлением о том, какими должны быть заведующий и его кабинет.

– Здравствуйте, Николай Александрович! Это – мой товарищ, Ваня Олигер. Хотим посмотреть музей.

Сидевший за столом человек снял очки и приветливо улыбнулся.

– Здрав-ствуй-те, ре-бя-тиш-ки, – ответил он, несколько растягивая слова.

– Что ж – посмотрите. А потом заходите, потолкуем.

Так состоялось мое знакомство с заведующим Нижегородским Естественноисторическим музеем Николаем Александровичем Покровским.

Естественноисторический музей в Нижнем Новгороде размещался в доме № 5 на Варварке (на углу Варварки и Осыпной). Здесь, в первой комнате нижнего этажа, были расположены почвенные и палеонтологические экспонаты: на стенах были развешены почвенные карты Нижегородской губернии и два больших портрета – Докучаева и Симбирцева; возле стен стояли ящики с почвенными разрезами, собранными Докучаевым. Здесь же были расположены бивни мамонтов, раковины аммонитов и другие ископаемые объекты.

В следующих комнатах первого этажа размещалась библиотека (принадлежавшая раньше бывшим хозяевам дома – Ненюковым), в ней были книги по естествознанию, а также охоте и рыболовству (в частности, журнал «Природа и охота», начиная с первого номера и за все последующие годы, роскошное издание "Царская охота" и другие уникумы).

На втором этаже были залы с зоологическими экспонатами. В стеклянных шкафах размещались чучела птиц и зверей. Стояли банки с рыбами, земноводными и пресмыкающимися. Многие виды птиц были представлены несколькими экземплярами: самец и самка, в весеннем и осеннем оперении.

Было несколько небольших ящиков, в которых находились экспонаты, как бы, в естественной обстановке. Так, в одной был вальдшнеп, лежащий возле замшелого пенька, в окружении кустиков травы и опавших сухих листьев. Заметить здесь его можно было только по блестящим глазам. В другом ящике заяц-беляк лежал под склонившимися заснеженными ветками. Эти биогруппы и все чучела были сделаны работником музея, таксидермистом Мазохиным.

В простенках между окнами висели 12 акварелей Раевского, совершенно замечательных по исполнению и замыслу. На них был изображен один и тот же пейзаж, но в разные времена года – весной, летом, осенью и зимой – и при разной погоде. На первом плане была изображена группа деревьев – берез, осин, елей и других – стоящих на крутом берегу над излучиной реки; справа от этой группы кусок поля, с уходящей вдаль дорожной колеей, на дальнем плане речные луга. И в каждом сезоне года было показано, как все это выглядит при ярком солнце, в серенький денек и в непогоду, в ветер и безветрие.

Заведующий музеем Николай Александрович Покровский был очень оригинальным человеком. В молодости он был студентом Санкт-Петербургского университета, но, приехав однажды на каникулы в Нижний, увлекся исследованием природы родного края, да так и остался здесь. Собранная им большая коллекция самых различных природных объектов послужила основой при создании губернского музея.

В личной жизни, в быту, он был совершенно непритязательным человеком. Жил он в музее, в своем рабочем кабинете, спал здесь на старом, продавленном диване, с торчащими наружу пружинами; спал, не раздеваясь, прикрываясь армейским бушлатом. Одевался Николай Александрович круглый год в одну и ту же одежду: старый мятый пиджак и брюки; на ногах портянки и грубые армейские ботинки. Черные, с проседью, кудрявые волосы на голове, и такая же борода на лице, никогда не причесывались. Но иногда, несколько раз в году, он совершенно преображался, это – когда он 1-2 дня проводил у сестры: от нее он возвращался подстриженный и побритый, в чистой рубашке. Перемена бывала настолько разительной, что знавшие его люди терялись при встрече с ним. Но довольно скоро все приобретало прежний вид.

Все это и дало повод к тому, что его прозвали «Никола-святой»; впоследствии это сократилось просто до «Никола», и за глаза все знавшие его только так его и называли.

Также прост был Николай Александрович и в обращении с людьми. Основными, постоянными собеседниками его были мальчишки лет 13-15-ти; ежедневно кто-нибудь из них заходил к нему. До революции в число таковых входили А.Н. Формозов и Г.Д. Шапошников, (описанные Формозовым под именами Севки и Гриши в его повести «Шесть дней в лесах»).

Николай Александрович называл всех их «ре-бя-тиш-ка-ми». Тон его разговоров с ними был шутливый, как бы «на равных». Часто бывало и так, что, побеседовав некоторое время, Николай Александрович говорил: «А не попить ли нам чайку? Сходи-ка, Ванюшка, за халвой». И тогда я или кто-нибудь другой бежали в магазин за халвой, приносили ее, и мы все вместе пили чай, вернее, кипяток, из каких-то своеобразных алюминиевых кружек: у этих кружек были приделаны две проволочные ручки, но не наглухо, а подвижные, складывающиеся (чтобы кружка занимала меньший объем в рюкзаке), они вертелись туда-сюда, и держать за них кружку с обжигающим кипятком было очень неудобно, но Николай Александрович ловко управлялся с ней и пил кипяток, макая в него усы и заедая глотки халвой. Но чай с халвой, это, все же, некая роскошь, а обычно питался он весьма неприхотливо: варил на примусе, стоявшем на столе в прихожей, лапшу или пшенную кашу, кипяток, если не было халвы, пил с сахаром вприкуску.

Разговоры с нами, мальчишками, в основном велись об охоте: кто что видел и кто что добыл. Вероятно, именно охота, вернее – возможность пострелять, и влекла к нему 13-15-летних мальчишек. Николай Александрович при своих выходах в природу охотно брал с собой «ребятишек». При этом сам он интересовался только теми объектами, которые могли пополнить коллекции музея. Однако если попадалась какая-нибудь дичь – вальдшнеп весной, на тяге или утки осенью, – то он давал раз-другой выстрелить и «ребятишкам». Но и позже, когда у «ребятишек» появлялись собственные ружья, они, по старой памяти, продолжали заходить к Николаю Александровичу. Ежегодно он составлял список видов птиц, нужных для пополнения коллекций музея и раздавал эти списки всем знакомым охотникам, и они приносили ему добытых птиц, или, хотя бы, сообщали о встречах с таковыми. Николай Александрович с благодарностью принимал принесенное, хотя, обычно, не удерживался при этом, от критики: птица слишком сильно разбита выстрелом, помята при переноске, сильно окровавлено оперение.

– Неужели трудно брать с собой немного крахмала и газету, аккуратно положить птицу в кулек и присыпать крахмалом? – негодовал он, а принесший птицу смущенно оправдывался. Но иногда случались и казусы, принимавшие драматический характер.

Так, однажды осенью в тот самый год, что я познакомился с Николаем Александровичем, я убил кулика. Хотя я и не знал, что это за кулик, но не посчитал его редким, так как выбил его из стайки, и таких стаек было несколько. Кроме того, мне помнилось, что такого кулика я видел в витрине музея. Поэтому, хотя я уже знал, что всякую редкость надо тащить в музей, я этого не сделал. Однако, при разговоре с Николаем Александровичем, упомянул, что убил кулика.

– Какого кулика? Что же ты не принес его? – спросил Николай Александрович.

– Да это – так ... веретенник, – сказал я, назвав первое пришедшее на ум название.

– Николай Александрович поднял голову, и она затряслась у него, как всегда бывало, когда он волновался.

– Ве-ре-тен-ник?! – сказал он звенящим голосом

– Я понял, что промахнулся. Что же теперь делать? Надо как-то оправдаться и успокоить его. И, что-то помнится, что веретенник-то, вроде – крупный кулик, а убитый мной – не крупный. Как будто, помнится, есть и малый веретенник.

– Да это – малый веретенник, – сказал я успокаивающим тоном.

Николай Александрович вскочил и не только голова, но и руки его затряслись.

– Ма-лый?! – воскликнул он трагически. – Где он, где?

Вот, так влип! Что же делать?

– Да таких куликов я видел здесь, в витрине. Пойдемте, я покажу.

В витрине я сразу же показал – вот он! Это оказался турухтан в осеннем пере. Гроза прошла, хотя Николай Александрович еще долго распекал меня.

С тех пор всех добытых мной незнакомых птиц я обязательно приносил в музей. Чаще всего они оказывались вполне банальными видами, и тогда Николай Александрович добродушно подтрунивал над моей орнитологической неграмотностью. Но несколько раз мне удалось добыть редкости, и приятно было видеть сияющего Николая Александровича.

Для охоты за водоплавающими и прибрежными птицами у Николая Александровича была лодка. В то время в Нижнем никто и слыхом не слыхивал ни о каких моторах; лодка была обыкновенная, деревянная, так называемого великовражского типа, с двумя парами весел. Ездили на ней обычно вчетвером, или впятером: два гребца, один или два сменщика, а на корме Николай Александрович, с ружьем на коленях и биноклем в руках. Часто охотились за крупными северными чайками, которые были более осторожны, чем обыкновенные «мартыны», и приходилось долго гоняться за ними, прежде чем удавалось подъехать на выстрел.

Однажды Николай Александрович усмотрел среди чаек поморника – птицу, той же величины и склада, но бурой окраски – и, конечно, загорелся желанием добыть его, так как в коллекции музея их еще не было. Однако

поморник оказался довольно осторожным, мы даже устали гоняться за ним взад-вперед и начали поговаривать, что не пора ли прекратить погоню?

– Ну, давайте попробуем последний раз.

И вот, наконец – ура! – поморник сбит. Мы подъезжаем к нему, Николай Александрович подбирает его, и... вместо того, чтобы аккуратно уложить в бумажный кулек, небрежно бросает его на дно лодки.

– Поехали домой!

Мы были в полном недоумении: столько времени гонялись, а, оказывается, он не нужен. Что такое, почему?

– Да что вы – не видите, что ли? Это же – просто чайка, измазанная мазутом!

Мы, несмотря на усталость, расхохотались, но Николай Александрович был очень раздосадован своим промахом.

Но бывали и удачные поездки. Так, однажды, мы заметили на маленьком песчаном островке какого-то хищника, теребившего добычу, и решили попробовать добыть его. Но как это сделать? Подъезжать напрямую, как мы это делали с чайками, бесполезно: он наверняка улетит. Но на верхнем конце островка росло несколько низеньких, с метр, кустиков, и мы решили попробовать подъехать, прикрываясь ими. Быстро поднялись вверх, расположились так, чтобы течение понесло нас к островку, сложили весла и, пригнувшись, поплыли. Вот, до островка уже недалеко, метров 60-70, и тут лодка чиркнула дном о песок и остановилась. Что делать? Пока нас скрывают кустики островка, но, стоит кому-нибудь приподняться и он сразу станет заметен. И тут Николай Александрович, который вовсе не был хорошим стрелком, отдал ружье одному из нас, славившемуся своей точной и быстрой стрельбой.

– Стреляй, Петя, ты – я боюсь промазать.

Тот взял ружье, приподнялся и в тот же миг выстрелил – как говорят: "на вскидку". Мы вскочили. Хищник неподвижно лежал на песке, а рядом с ним валялась куча перьев.

– Разбил вдребезги! – с досадой сказал Николай Александрович.

Стрелок выскочил из лодки и побежал к добыче.

– Нет, – закричал он, подняв хищника за лапы, это не его перья, а голубя, которого он трепал.

Он принес хищника и подал его Николаю Александровичу. Тот взял его и... изменился в лице и руки его задрожали.

– Сапсан! – с торжеством выговорил он. Такое торжество его было понятно: сапсанов здесь не раз замечали, но никому еще не удавалось добыть.

Таким образом, наши поездки на лодке с Николаем Александровичем могли быть удачными, или неудачными, но всегда были интересны и приятны. Однако один раз все обернулось самым неожиданным образом. В тот раз мы долго гонялись за какой-то чайкой и, когда, наконец, подобрались к ней на выстрел, то оказались совсем рядом с пассажирскими дебаркадерами. Николай Александрович все же выстрелил и убил чайку. Мы направились к ней, но, прежде чем успели подобрать ее, на ближайшем дебаркадере появился человек в военной форме и властным голосом потребовал, чтобы мы подъехали к нему. Мы повиновались.

– Поднимайтесь сюда! – потребовал военный. Мы причалили лодку и поднялись на дебаркадер. Появились еще двое военных и нас всех препроводили в каюту.

– Что вы тут за стрельбу устроили? – строго спросил сидевший за столом военный.

Мы струхнули, а Николай Александрович достал из кармана разрешение на право научной охоты и, срывающимся от волнения голосом, стал объяснять, что это – вовсе не пустая стрельба, и даже не охота, а «добывание объектов, имеющих научную ценность».

– Какую же научную ценность могут представлять чайки? – удивился начальник. И Николай Александрович с жаром принялся объяснять, что многие птицы гнездятся в одном месте, а зиму проводят в другом, и задача ученых – выяснить, каковы эти пролетные пути. Начальник слушал его сначала с удивлением, но, наконец, сощурил глаза и слегка улыбнулся.

– Ладно, – сказал он – двигайте свою науку. Но, чтобы возле пристаней никакой стрельбы больше не было!

И мы отправились восвояси.

Когда сели в лодку и немного отъехали, то нервное напряжение, сковывавшее нас, спало, и мы начали шутить и смеяться. Но Николай Александрович был очень серьезен и произнес только одно слово: «Не-куль-турность». Все же, с тех пор стрельбу возле пристаней не производил.

Как я уже говорил, Николай Александрович в общении с «ребятишками» придерживался ироничнo-шутливого тона, как бы на равных. В общении же с взрослыми держался просто и скромно, но в вопросах науки был тверд и принципиален, не взирая на авторитеты. Однажды, придя к нему, я застал у него доцента кафедры ботаники Нижегородского университета Аверкиева. Николай Александрович, указывая дрожащей рукой на разложенные на столе раскрытые гербарные папки, с негодованием говорил Аверкиеву: «Ну как же так можно?». А тот, смущенно улыбаясь, что-то лепетал в ответ.

Но особенно непреклонным бывал Николай Александрович тогда, когда дело касалось его любимого детища – музея. Тут он не боялся никого и ничего. Кроме упомянутого разговора с «особистами» приведу еще такой случай.

Однажды весной Николай Александрович уговорил нескольких своих «ребятишек» съездить с ним в район Сормова; там он присмотрел в лесу подходящее дерево, у которого надо было спилить вершинку и доставить ее в музей для создания биогруппы. Эта затея не очень улыбалась ребятам, но Николай Александрович соблазнил их возможностью пострелять. «Может, вальдшнепишки будут» – сказал он. Это решило дело. Однако в дальнейшем оказалось, что это было чистой уловкой, так как все время ушло на возню с «объектом».

По прибытии на место оказалось, что речь идет о верхушке довольно толстого ствола, у которого ветер обломал крону. Эту верхушку, вместе с оставшимися сучками и покрывающими ее лишайниками, надо было спилить и спустить вниз, ничего на ней не повреждая.

Двое ребят залезли наверх и принялись пилить ствол. Николай Александрович с тревогой следил за ними, то и дело крича: «Осторожней! Осторожней!».

Наконец, верхушку спилили и благополучно на веревках спустили вниз. Здесь ее – это был довольно увесистый, сантиметров 70 в длину, кусок ствола – подвесили на веревках к шесту, который положили себе на плечи двое ребят, и экспедиция отправилась домой. Николай Александрович шел впереди, отгибая, или обламывая все могущие помешать ветки, то и дело оглядываясь и предупреждая: «Осторожней! Не споткнитесь!».

Прибыли на станцию. Ожидавшая на перроне публика естественно заинтересовалась и самой группой и принесенным обрубком. Посыпались вопросы и иронические замечания по отношению к «научному объекту». Но Николай Александрович расположив ребят кольцом вокруг «научного объекта», не обращал внимания на насмешки и решительно пресекал все попытки познакомиться с «научным объектом» поближе.

Подали поезд. В вагоне Николай Александрович тотчас занял отдельное купе и никого больше не пустил в него. На всех следующих станциях вновь входящие пассажиры, видя полупустое купе, конечно, пытались пройти в него, но Николай Александрович, встав в проходе с ружьем в руках, решительно пресекал все попытки, неустанно повторяя: «Занято! Научный объект!». Некоторые, рассмотрев, что это за «научный объект», спорили и пытались пройти, но Николай Александрович стоял, как скала. В конце концов, люди, ругаясь и посмеиваясь, уступали и устраивались в другие купе. А Николай Александрович так и простоял в проходе до конца, не отвечая на насмешки и замечания.

Но, когда прибыли в город, то повторить это в переполненном трамвае было, разумеется, невозможно. Пришлось идти через весь город пешком. Конечно, и тут насмешкам прохожих не было конца. Ребята не знали куда деваться, но Николай Александрович, как и в лесу, неколебимо шел впереди, расталкивая прохожих, не обращая внимания на насмешки, и только поговаривая: «Не-куль-тур-ность».

Наконец, «научный объект» благополучно прибыл в музей. А когда потом занял подобающее место в биогруппе, то ребята, глядя на него, убедились, что потрудились не зря и с удовольствием вспоминали свой поход за «научным объектом».

Кроме бесед с Николаем Александровичем и обозрения коллекций мы могли пользоваться библиотекой музея. Пользуясь ею, я прочел все тома журнала «Природа и охота», с самого начала его выхода в свет где-то в середине 19-го столетия и кончая 1916-м годом, когда журнал прекратил свое существование. Также припоминается мне роскошное издание «Царская охота», «Охотничьи и промысловые птицы» Мензбира и другие подобные издания.

В 30-е годы музей был расформирован. Зоологические коллекции были переданы на биологический факультет Горьковского университета: хранителем вновь созданного музея стал Николай Александрович. Некоторые объекты попали в Горьковский краеведческий музей. Так, упоминавшиеся мною, превосходные акварели Раевского долгое время красовались в его витринах, но затем были спрятаны в запасник.

Судьба библиотеки мне неизвестна.

Во время войны 1941-45 гг. Николай Александрович очень бедствовал, сильно ослаб и в 1943 году скончался.

В памяти всех его "ребятишек" Николай Александрович навсегда остался «Николой» – милым чудаком, к которому можно было прийти в любой день и час и запросто, душевно, как равный с равным, побеседовать о любимой, прекрасной природе.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ СОБОЛЕВ
(1904 –1966)

На фото Соболев А.А. с К.И.Скрябиным

Зоолог-гельминтолог. Родился в Житомире, в небогатой дворянской семье. Учился в педтехникуме, закончил его в 1922 году. В 1929 году экстерном сдал экзамен за ВУЗ. С 1930 года стал работать преподавателем зоологии в пединституте в Нижнем Новгороде. За работу «Гельминтофауна водоплавающих и околоводных птиц Горьковской области» получил степень кандидата наук. В 40-е годы защитил диссертацию на степень доктора биологических наук.

С 1952 по 1958 годы работал в Горьковском государственном университете заведующим кАфедрой зоологии беспозвоночных и одновременно проректором по научной работе.

В 1958 году переехал во Владивосток, где стал работать заведующим кафедрой зоологии Дальневосточного государственного университета. Организовал там с помощью сотрудников и студентов широкое изучение гельминтофауны Приморского края.

Скончался от сердечного приступа в 1966 году

* * *

В 1934 году я поступил в Горьковский сельскохозяйственный институт на зоотехнический факультет. Учился я там ни шатко, ни валко – большинство дисциплин мало интересовали меня. Исключение составляла лишь

зоология. Читал ее доцент Андрей Андреевич Соболев, в то время заведующий кафедрой зоологии Горьковского пединститута, работавший в сельскохозяйственном институте по совместительству. Читал он лекции очень хорошо – ясно, четко, а порой даже с юмором, чем особенно подкупил меня.

Будучи охотником, я уже до этого интересовался животными – в основном охотничьими птицами; часто посещал Горьковский естественноисторический музей и был в дружеских отношениях с его заведующим А.Н. Покровским, однако, наши беседы с ним вращались лишь вокруг охоты. Здесь же я познакомился с основами зоологии, как науки: понятием о систематике с латинской номенклатурой, с биологическими циклами.

Однажды Соболев предложил тем из нас, кто этим заинтересуется, попробовать заняться научной работой в области гельминтологии – науки о паразитических червях. Не скажу, чтобы эти животные интересовали меня, но лучше они, чем ничего. И вот – я и еще несколько студентов стали осваивать азы лабораторной практики по гельминтологии: искать яйца глист в фекалиях животных. Через некоторое время наиболее упорные из нас стали производить вскрытия птиц.

Андрей Андреевич заметил мое упорство и стал в беседах рассказывать, как много еще в зоологии вообще и в гельминтологии, в частности, неоткрытого и интересного. И постепенно я увлекся и пришел к мысли, что неплохо бы и мне заняться гельминтологией. И в конце учебного года, перед уходом на каникулы, я обратился к Андрею Андреевичу с просьбой помочь мне выбрать подходящий объект для исследования – желательно какую-нибудь из охотничьих птиц, – с тем, чтобы мне начать работу еще будучи студентом СХИ и продолжить уже по окончании института.

Андрей Андреевич ответил, что для исследования можно взять любой вид диких птиц, так как гельминтофауна всех их еще совершенно не изучена. Однако если я хочу не просто регистрировать то, что найду, а всерьез заняться научной работой, то нужно предварительно получить соответствующую теоретическую базу – знания по общей биологии, морфологии, эмбриологии, генетике, дарвинизму. В стенах СХИ я этих знаний получить не смогу или получу в мизерном количестве; для этого нужно пройти курс университета. Что касается работы по гельминтологии после окончания института, то, по отношению к предпочитаемым мною объектам таковая вряд ли возможна; в лучшем случае я смогу изучать лишь гельминтов моих подопечных – коров, овец или свиней.

Что же делать?

– Постарайтесь попасть в университет, – сказал Андрей Андреевич, – и лучше не в Горьковский, так как там нет специалистов по гельминтологии, а в Ленинградский – там очень высокое качество преподавания, а, главное – заведует кафедрой зоологии беспозвоночных профессор Догель, один из ведущих паразитологов нашей страны.

Я внял совету Соболева и, запасшись от него рекомендательным письмом, отправился в Ленинград. Догель, бывший тогда деканом биофака, побеседовал со мной очень любезно и обещал принять на второй курс, если я сумею получить разрешение на переход. Таковое мне удалось получить, и с осени 1935 года я стал студентом Ленинградского государственного университета.

За время обучения в университете я изредка виделся с Соболевым, когда приезжал в Горький. Война прервала наши отношения. После войны я стал работать в Дарвинском заповеднике. Вскоре между мной и Андреем Андреевичем возникла довольно оживленная переписка. Я занимался тогда изучением паразитофауны тетеревиных птиц и Андрей Андреевич любезно сообщал мне все, что могло заинтересовать меня и что узнать в других местах мне было трудно или невозможно.

Так, в письме от 06.05.49 он писал: «Отыскал, наконец, рукопись Спасского, даю справку» – далее следовала выписка из упомянутой рукописи. В письме от 29.09.49: «Посылаю также заметку, попавшуюся мне на глаза в Анналь де паразитолоджи».

Такие, зачастую совершенно для меня недоступные, но могущие пригодиться сведения я получал от него неоднократно.

В 1949 году я предложил ему направить в заповедник студентов для проведения гельминтологических работ. Он охотно согласился, и вскоре к нам прибыли четыре студента. (Примечание. Один из них, А.А. Шигин, оказался очень толковым и целеустремленным. Ему была дана тема «Гельминтофауна серой цапли». И вот, для того, чтобы получить наиболее полный материал, он не остался на центральной усадьбе заповедника Борке, а стал жить в устье реки Яны, на месте бывшей деревни Заблудашки. Там была неподалеку большая колония серых цапель. Жил Шигин в полуразвалившемся сарае. Хлеб и кое-какие продукты доставлялись ему туда не регулярно, не чаще чем раз в две недели. Там он и прожил до половины лета, пока колония цапель не опустела. На следующий год он приехал очень рано весной, когда водохранилище еще не вполне очистилось ото льда, чтобы добыть материал от только что прилетевших цапель. Впоследствии он стал научным сотрудником заповедника, потом перешел на работу в Москву, в ГЕЛАН, где успешно защитил докторскую диссертацию. Работал там до 2000 года, скончался в 2002 году).

Спустя некоторое время в заповедник приехал и сам Соболев – посмотреть, как они устроились, и помочь, в случае необходимости, организовать работу, но остался всем увиденным вполне доволен.

В конце 1950 года я писал Андрею Андреевичу, но ответа на мое письмо не получил. Не получил я также от него и всегдашнего поздравления с Новым годом. Обеспокоенный, я послал ему письмо, где спрашивал, не рассердился ли он на меня за что-нибудь? В ответ он прислал письмо (от 17.01.51). Он писал: "Ваши опасения, что я за что-то зол на Вас, лишены всякого основания. Мое молчание объясняется просто: свыше месяца, по 19 декабря включительно, я был занят, во все нараставшей степени, по выборам, при этом в трех ипостасях: как депутат, который отчитывается, как кандидат в депутаты, который встречается с избирателями, наконец, как предрайизбиркома, у которого 94 участка. По выражению моего лица на прилагаемой листовке можно судить, что все это было нелегко".

На приложенной листовке дана краткая биография Андрея Андреевича и его фотография. Внизу надпись: «Товарищи избиратели! Все, как один, голосуйте за Андрея Андреевича Соболева – кандидата непобедимого сталинского блока коммунистов и беспартийных.».

Так приходилось в те времена жить и работать ученым. Да и всем прочим.

Далее Андрей Андреевич пишет, что 10-го выехал в Москву для участия в гельминтологической конференции. Там он рассчитывал отдохнуть и сделать доклад. Однако заседания прошли очень насыщенно, не делясь на секции – «доклады шли по принципу слоеного пирога – биологические, медицинские, ветеринарные. Слушать это было очень утомительно. А главное – его выбрали председателем редакционной комиссии для выработки резолюции по биологическим докладам – "самой кляузной, так как были порядочные споры». Это настолько заняло его, что ему пришлось даже снять свой доклад.

Зато состоялось выступление его аспиранта Губанова, который сообщил о сделанной им находке: нематоде из плаценты кашалота, длиной 8,3 метра!

В заключение Андрей Андреевич пишет, что занят приемом экзаменов, «что тоже нелегко, хотя и легче, чем сдавать таковые», а предстоит принять 13 экзаменов.

*

В конце января 1951 года, в Зоологическом институте АН СССР, в Ленинграде, прошла защита мною диссертации на степень кандидата наук. При этом оказалось, что среди поступивших отзывов от Соболева такового не было, хотя я ожидал его, поскольку Андрей Андреевич знал о сроке защиты. Удивленный, я написал ему об этом. В ответ он написал мне, что «... сделал это сознательно, заботясь о единогласном присуждении Вам степени». Почему же? Разве этот отзыв был отрицательный? Отнюдь нет – вполне положительный, он потом прислал его мне. В чем же дело?

А дело в том, что издавна Москва и Ленинград соперничают друг с другом. Не обошло это соперничество и научные учреждения, в том числе Гельминтологический институт им. Скрябина и ГЕЛАН в Москве и кафедру зоологии беспозвоночных ЛГУ и Зоологический институт АН в Ленинграде. Работники этих учреждений внимательно следили друг за другом и не упускали возможности «вставить шпильку» сопернику. Вот, Андрей Андреевич и посчитал, что его отзыв – известного «скрябинца» – может быть расценен некоторыми как то, что и я «склоняюсь к москвичам».

Думаю, что он был не прав, поскольку в ЗИНе все знали меня, как стопроцентного «догелевца». И даже, может быть, здесь сыграла роль не боязнь за меня, а, напротив, нежелание получить от некоторых москвичей упрек, что дал положительный отзыв какому-то «догелевцу».

Так, или иначе, но этот случай ясно показывает, какие «подводные течения» существуют даже в области чистой науки. Андрей Андреевич так и написал: «Дело это тонкое, вполне дипломатическое...».

В этом же письме Андрей Андреевич рассказывает, как прошла в Москве защита его аспиранта Л.С. Шалдыбина.

*

В 1951 году защитил докторскую диссертацию сотрудник Соболева – Морозов. Андрей Андреевич посчитал, что теперь он должен дать Морозову, как своему бывшему ученику, возможность работать более самостоятельно и независимо, и стал искать себе другое место.

В том же письме (от 03.07.51) он упрекал меня в том, что давно не имеет от меня никаких сведений и не знает, каковы теперь мои планы и чем я сейчас занимаюсь. «Напишите! Право, я скучаю без вестей от Вас...».

Я же в то время был занят, как и он, поисками нового места работы, и, как только это дело разрешилось поступлением в Чувашский пединститут, тотчас сообщил об этом Соболеву, и переписка наша возобновилась.

Вскоре я попросил сообщить, каково мнение научных кругов о работах Бошьяна? (Работник Московского ветеринарного института Бошьян в 1950 году издал книгу, в которой утверждал, что ему удалось наблюдать превращение микробов в кристаллы и обратно – кристаллов в микробы – то есть, переход живого в неживое и обратно. Это утверждение было в одном ряду с утверждениями Лысенко и Лепешинской. Но там была известна оценка официальных кругов, а здесь таковой пока не было. Но и ученые, возможно, «обжегшись» на Лысенко и Лепешинской, не спешили высказываться).

Андрей Андреевич ответил короткой открыткой. Писал, что задержался с ответом, т.к. пытался найти критику работ Бошьяна. (Видимо таковой пока не обнаружил). Еще сообщил о результатах экзаменов тех студентов, что работали в Дарвинском заповеднике в 1949-50 гг.

Вскоре после начала работы в ЧГПИ я попытался начать чтение факультативного курса «Паразитология», но потерпел полную неудачу. Об этом я написал Андрею Андреевичу и скоро получил от него обстоятельный ответ. Он писал, что иного и быть не могло: студенты и так перегружены обязательными занятиями, где уж тут найти время на факультатив! И вообще факультативы предназначены для студентов старших курсов, а их вовлекать в научную работу уже поздно, это надо делать с младшими курсами. Их же надо привлекать практическими работами. При этом непременное условие: руководитель должен сам принимать участие в работе. А еще лучше – экспедиции: в них хорошо узнается «кто есть кто», и добывается материал для дальнейшей работы.

Для организации такой экспедиции Соболев посоветовал, прежде всего, связаться с ветеринарными и медицинскими органами.

В целом он был совершенно прав. Возможно, что, если бы я тогда последовал его советам, то, через относительно непродолжительное время, смог бы защитить докторскую диссертацию. Но начинать изучение гельминтов у сельскохозяйственных животных и людей мне совсем не хотелось, меня всегда привлекала дикая природа. Поэтому, хотя я и организовал в следующем году экспедицию, но не гельминтологическую.

*

Письмо от 31.12.51 начинается с сожаления о том, что давно не писал мне, и от меня давно нет писем. Затем пишет: "В канун Нового года принято писать только приятное, но у меня завтра, 1 января, день рождения, поэтому я могу позволить себе отступить от этого правила". Далее жалуется на редакцию «Естествознание в школе», которая сделала ошибочную вставку в его статью и упорно не хочет исправить это. «В суд, что ли, подать, или плюнуть на это дело? Ваше мнение?».

Далее пишет, что продолжается возня с его переходом в Киргизский филиал АН – Президиум настаивает, а местные власти не хотят – и все это ему надоело.

В заключение желает мне счастья и исполнения желаний в наступающем году.

*

17.03.52 Андрей Андреевич написал мне большое письмо. Сначала он сообщает, что на паразитологической конференции, которая состоялась в Ленинграде, из горьковчан присутствовал только Шигин, доклад которого прошел успешно. "Вообще конференция прошла «в духе взаимопонимания» обеих школ, без всяких казусов".

Далее Андрей Андреевич пишет, что сам туда не поехал потому, что решение вопроса о его трудоустройстве «достигло своего апогея». До сих пор этим вопросом занимались его шеф академик Скрябин, Президиум АН СССР, Киргизский филиал АН, Киргизский университет. «Толкачем» был Скрябин, но он действовал вяло, поднимал вопрос в Президиуме, но ни разу не довел дело до конца. А сейчас в дело включились новые силы. Горьковское руководство решило не отпускать Соболева из Горького, предлагая ему занять место заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных ГГУ. А в самом ГГУ одни приветствуют его переход, а другие вовсе не хотят этого (в числе последних зав. кафедрой зоологии позвоночных Воронцов). Узнав все это, спохватилось и собственное министерство и предложило пост зав. Отделом методики биологии. Все перечисленные спорят друг с другом, а он ждет, чем все это кончится, и планировать собственную научную работу пока не может.

В этом споре победил Горький, и Соболев с начала учебного года был утвержден зав. кафедрой зоологии беспозвоночных ГГУ. Но лишь на полставки, а еще полставки как проректор по научной работе. И остался зав. кафедрой ГПИ. Пытались его задержать и в СХИ, но вынуждены были уступить, так как тройное совместительство разрешено только академикам.

Я спрашивал у него: не найдется ли подходящей кандидатуры для нас – ЧГПИ? Он посоветовал начать переговоры с Шигиным, который в 1953 году должен был защитить диссертацию. Переговоры эти я начал, но они кончились ничем, так как министерство прислало своего человека.

В конце октября 1952 года Андрей Андреевич прислал мне открытку – фотокопию портрета Данте. На обороте, кроме обычных сообщений о том, как идут дела у знакомых мне его аспирантов, он написал, что позволил себе небольшую передышку: занялся репродукцией рисунков из «Ада» Данте, и вот – шлет мне его портрет.

Нужно сказать, что Андрей Андреевич был вовсе не доволен своим положением в университете. Совмещая должности зав. кафедрой и проректора, он был вынужден большую часть времени отдавать административной работе. В письме от 30.01.55 он писал мне, что, к сожалению, не примет участия в предстоящем вскоре паразитологическом совещании, так как надо готовить отчет о научной работе университета. «Эх, жизнь административная...» – с горечью заметил он.

Не удивительно, что он начал искать возможности перейти на другую работу, но прошло целых три года, прежде чем это, наконец, ему удалось. Он уехал во Владивосток, где стал зав. кафедрой зоологии в университете.

Как только я узнал его адрес, я поздравил его с исполнением желаний. В ответ он написал мне 12.05.58:

«Дорогой Иван Михайлович!

Получил Ваше письмо от 05.05. Вы несколько преувеличиваете, когда пишете, что я «добился» того места, к которому стремился. Если говорить о том, что я добился чего-то, то это год назад, когда я освободился от административной работы, которая могла меня затянуть и оторвать от науки. А такая возможность имелась! Если бы, например, я сел в ректорское кресло, а одно время такая опасность была налицо, то освободиться было бы куда труднее. Теперь я, в некотором роде, «переболел» и на некоторое время у меня моральное право не поддаваться новым поручениям такого рода. Что касается работы во Владивостоке, то здесь два преимущества: 1) кафедра зоологии, то есть, такая, на которой особо благоприятные условия для работы не только гельминтолога, но и паразитолога вообще. 2) ВУЗ новый, так что больше возможностей создать работоспособный коллектив. Минус основной один: отдаленность, которая, в частности, затрудняет решение второй задачи.

Знаете ли Вы о смерти В.Б. Дубинина? Я узнал об этом на днях и еще не знаю причины, вероятно второй инфаркт. Жаль его – наша наука потеряла весьма активного деятеля.

Пишите! Ваш А. Соболев».

Очень интересное письмо. Из него видно, что Андрей Андреевич был чужд узким, местническим интересам, не делил науку, на «нашу» и «не нашу». Будучи сам стопроцентным гельминтологом, он, тем не менее, считал достоинством то, что на возглавляемой им кафедре смогут работать и гельминтологи, и паразитологи.

К сожалению, он не успел претворить свои взгляды в жизнь.

Это было последнее письмо, полученное мною от Андрея Андреевича. В 1966 г. он скончался от инфаркта. И, как он сам только что сказал о Дубинине, жаль его. Андрей Андреевич был полностью предан науке, очень активен, чужд узких интересов какой-то группы, всегда готовый помочь друзьям и ученикам.

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОГЕЛЬ
(1882 – 1955)

Один из мировых корифеев в области сравнительной анатомии беспозвоночных, протистологии, эволюционной морфологии, основоположник экологической паразитологии.

Родился в 1882 году в Казани. В 1904 году окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Оставлен при кафедре зоологии беспозвоночных для приготовления к профессорскому званию. 1909 г. – начало педагогической деятельности в Петербургском университете. В 1913 г. защитил диссертацию на степень доктора зоологии. В 1915 г. утвержден заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных Петроградского университета и в 1939 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Изучением беспозвоночных занимался на различных биологических станциях,

как в России, так и за рубежом – Мурманской, Бергенской, Неаполитанской и др. Организовал много экспедиций по России и за рубежом.

Основные научные публикации.

1. *Курс сравнительной анатомии беспозвоночных, 1923-1925, 1938-40.*
2. *Зоология беспозвоночных, 1934, 1981 (7-е издание).*
3. *Курс общей паразитологии, 1941,1947.*
4. *Общая протистология, 1951.*
5. *Олигомеризация гомологичных органов, 1954.*

Всего В.А. Догелю принадлежит несколько сотен научных публикаций.

Большое внимание Валентин Александрович уделял привлечению студентов к научной работе: активно участвовал в работе студенческого научного кружка, организовывал поездки студентов для сбора научных материалов, брал студентов в свои научные экспедиции, непрерывно следил за ходом выполнения дипломных работ. Многие ученики В.А. Догеля стали кандидатами и докторами наук, некоторые – членами-корреспондентами и действительными членами Академии наук СССР и союзных республик.

* * *

И вот, я стою перед дверью, на которой прикреплена табличка с надписью: «Декан биологического факультета профессор В.А. Догель». Стучу в дверь и, после приглашения войти, вхожу. За столом человек – худощавый, с интеллигентным лицом, в пенсне, с закрученными в тонкие кончики, "вильгельмовскими" усами, с добрым и, в то же время, проницательным взглядом серовато-голубых глаз. Поздоровавшись, приглашает меня сесть. "Я слушаю вас", – приветливо говорит он. Я излагаю свою просьбу. Говорю, что окончил 1-й курс зоотехнического факультета сельскохозяйственного института в Нижнем Новгороде и, кроме того, занимался в научном кружке под руководством профессора Андрея Андреевича Соболева паразитологией. Но возможности заниматься паразитологией более углубленно в сельскохозяйственном институте все же ограничены. Поэтому, по совету Соболева, я хотел бы перейти учиться на биофак Ленинградского университета. Вот и письмо от профессора Соболева с соответствующей просьбой.

Догель берет письмо, читает, и затем говорит: «Ну, что же – принять Вас можно, а на какой курс – надо знать, какие дисциплины Вы там проходили. Покажите вашу зачетную книжку».

Я подаю её. Валентин Александрович берет и читает вполголоса: «...зоология,... ботаника,... неорганическая химия,... анатомия сельскохозяйственных животных – а у нас проходят анатомию человека, – ну, ничего, это можно зачесть. А вот гистологии нет. Значит, чтобы быть принятым на второй курс, Вам придется сдать ее здесь в течение первого семестра. Главное же – нужно разрешение института на перевод Вас сюда. Так что, приезжайте с таким разрешением, и мы Вас примем на 2-й курс».

Окрыленный, я возвратился домой. Однако получить разрешение на перевод в ЛГУ оказалось трудным и долгим делом. Все же мне удалось получить его, и, хотя и с некоторым опозданием, в начале сентября 1935 года, я приступил к занятиям на втором курсе биофака ЛГУ.

Сразу же я почувствовал и отметил высокий уровень преподавания всех читаемых лекций. Но особенно поразили меня лекции Валентина Александровича, выделявшиеся среди других. Прежде всего, это было не монотонное чтение, а живой рассказ. Речь была ясной, громкой, чёткой. Лектор лишь изредка, несколько склонив голову набок, заглядывал в лежавший на пюпитре гроссбух, в котором был записан материал лекции. И все время, по ходу изложения, он делал на доске пояснительные рисунки цветными мелками. Рисовал он легко, быстро, непринужденно, с каким-то изяществом. Изображались сложнейшие фигуры тех животных и детали их строения, о которых он рассказывал. И благодаря тому, что рисунки эти делались цветными мелками, всё сразу становилось понятным. Эти особенности лекций Валентина Александровича – живость, ясность и доступность – отмечались не только студентами, специализировавшимися по зоологии, но и студентами других отделений – ботаниками и физиологами.

Кроме того, студенты любили Догеля еще и за то, что он никогда не отнимал у них времени, отведенного на перерывы. Известно, что студенты очень ценят это время – за эти десять минут: можно перекусить в буфете, обменять в библиотеке книгу, а, главное, пообщаться с товарищами из других групп. Но иные лекторы не понимают этого и, стараясь закончить намеченное по плану изложение, отнимают у студентов эти драгоценные минуты. Валентин Александрович был в этом отношении безупречен. За одну-две минуты до перерыва, продолжая говорить, он забирал с кафедры свои большие карманные часы, и говорил: «Таким образом, мы с вами познакомились с такими-то деталями строения, а остальное мы узнаем уже после перерыва». С этими словами он брал свой гроссбух, поворачивался и, под прозвучавший звонок, уходил. А в конце второго лекционного часа Валентин Александрович всегда оставлял несколько минут для ответов на поступившие вопросы.

Вскоре на доске объявлений кафедры появилось извещение о том, что начинает занятия студенческий научный кружок. Первое заседание кружка началось с того, что Валентин Александрович рассказал о своем путешествии в Африку в 1914 году (как я потом узнал, такое начало бывало ежегодно). На всех последующих заседаниях кружка Валентин Александрович присутствовал непременно и был всегда очень активен, задавая вопросы докладчикам и делая обобщения. В начале второго семестра, в феврале 1936 года, Валентин Александрович обратился к нам – студентам второго курса – со следующим предложением: «На кафедре зоологии беспозвоночных, – сказал он, – проводится работа по изучению паразитофауны различных животных, в основном рыб и птиц. Изучению подвергаются не только местные, обитающие здесь виды, но и встречающиеся в других местах, в частности, в Астраханском заповеднике, расположенном в дельте Волги. Обитающие там птицы очень интересны по своей биологии: оседлые и перелетные, животно- и растительноядные, колониальные и одиночные. Многие из них встречаются там в большом количестве, поэтому от них можно получить массовый материал по зараженности их различными паразитами. Вот, кафедра и предлагает желающим студентам принять участие в этих работах. При этом надо иметь в виду, что необходимо не просто получить сведения о видовом составе паразитов у изучаемого вида животных, а получить данные по изменению паразитофауны в зависимости от сезона года, пола

и возраста хозяев, их биологии и т. д. Таким образом, исследования надо начинать как можно раньше – в частности, у мигрирующих видов сразу по прилете их на места гнездования. И поэтому, тем, кто возьмется за изучение паразитофауны каких-либо птиц в Астраханском заповеднике, надо быть на месте уже в апреле. Для этого придется сдать досрочно все полагающиеся по учебному плану зачеты и экзамены. Разумеется, это потребует большого напряжения сил, но «могий вместити – да вместит», – закончил свою речь Валентин Александрович.

Это предложение чрезвычайно заинтересовало меня, и по окончании занятий в тот же день я отправился к Валентину Александровичу.

Кафедра зоологии беспозвоночных размещалась на третьем этаже главного корпуса, как раз над главным коридором. На лестничную площадку 3-го этажа выходили две двери – слева и справа. Правая дверь вела в анфиладу комнат, где имели свои рабочие места студенты, работавшие по тематике кафедры. В самой дальней комнате располагались сотрудники кафедры – профессора, доценты, ассистенты. Над левой дверью красовалась табличка с надписью "Зоотомический кабинет", сохранившаяся еще с дореволюционных времен. Пройдя через эту дверь, вы оказывались в небольшой прихожей, перед дверью кабинета Валентина Александровича Догеля. Сюда я и направился.

Догель сидел в середине комнаты, боком к двери, за письменным столом. Стол был завален книгами и бумагами, на нем также стоял старинный лейцевский микроскоп, за которым и работал Валентин Александрович. Направо, на столах у окон, стояли аквариумы и банки – в них содержались различные животные, использовавшиеся на лабораторных занятиях, – это было царство старшей лаборантки Александры Михайловны.

При выборе темы моей будущей работы в Астраханском заповеднике Валентин Александрович учёл мои охотничьи наклонности. Объектом исследований был выбран серый гусь, который не только в значительном количестве бывал в Астраханском заповеднике на пролете, но и гнездился там, поэтому можно было рассчитывать получить данные о возрастных изменениях его паразитофауны.

Таким образом, мне оставалось приступить к подготовке к поездке и к досрочной сдаче полагавшихся зачетов и экзаменов. Здесь, кроме усилий по усвоению материалов той или иной дисциплины, требовалось еще преодолеть нежелание преподавателей, в особенности профессоров, проводить досрочный прием зачетов и экзаменов. Но все это организовал сам Валентин Александрович. Авторитет его на факультете был таков, что стоило только ему поговорить с тем или иным профессором, и мне назначался день и час для сдачи экзамена.

К концу апреля – намеченному сроку отъезда – я сдал почти все предметы, кроме физиологии человека и животных. И вот здесь дело затормозилось. Просмотрев бегло учебник и записи лекций, я увидел, что для успешной сдачи экзамена мне потребуется еще не менее недели для подготовки. Сказалась, вероятно, усталость от интенсивных занятий. Кроме того, готовиться в основном надо было по записям лекций, а это требовало особых усилий, так как читавший лекции, академик Алексей Алексеевич Ухтомский читал их хотя и интересно, но очень своеобразно и для освоения сделанных записей недостаточно было просто прочесть их, требовался тщательный вдумчивый разбор.

Со всем этим я отправился к Валентину Александровичу, сказав ему, что отъезд придется отложить. Однако он решительно отверг это.

– Ну, голубчик, – сказал Валентин Александрович, – я думаю, что Вы напрасно паникуете, говоря о своей неготовности. Вы же аккуратно посещали лекции и знаете этот материал. И до сих пор Вы все успешно сдавали, а теперь вдруг остановились. Нет-нет, идите и сдавайте. Да я уже и переговорил с Алексеем Алексеевичем, и он сказал, что может принять Вас завтра в час. Откладывать отъезд совершенно нежелательно.

Что мне оставалось делать? Кое-как просмотрев записи лекций, на другой день я отправился к Ухтомскому. Он принял меня весьма приветливо, и мне стало очень совестно. Поэтому, расхрабрившись, сказал ему, что предмет знаю плохо, а если решился придти, то лишь по настоянию Валентина Александровича, который торопит меня с отъездом.

– Ну, посмотрим, посмотрим, – сказал Алексей Алексеевич, и задал мне несколько вопросов.

– Да, – сказал он, выслушав мои бестолковые ответы, – знания у Вас, действительно, невелики. А откуда Вы родом? Говор-то у Вас не здешний.

– Я из Нижнего Новгорода.

– Да что Вы? А не знали ли Вы там учителя, Василия Васильевича Адрианова?

– Я знаком с его младшим сыном, мы с ним несколько раз вместе охотились. Один раз я был у них дома и видел Василия Васильевича.

– Да, ведь, это мой старинный друг, мы вместе учились в семинарии. А Вы не собираетесь еще побывать в Нижнем?

– Вот сейчас, когда поеду в Астрахань, так загляну по пути на денек-другой.

– Так вы обязательно зайдите к Василию Васильевичу и передайте ему поклон от меня. Так, ну, а теперь давайте ваш матрикул. Я вам пока поставлю «хорошо», а осенью вы приедете и пересдадите.

Мне осталось только поблагодарить Алексея Алексеевича и пообещать ему выполнить его просьбу.

В Астраханский заповедник я прибыл 2-го мая и приступил к работе. Сначала дела пошли не так успешно, как я рассчитывал. Добыча гусей, даже в заповеднике, где они были не пуганы, оказалась далеко не простым делом, а вне заповедника, где я в основном и охотился, тем более. Все же, за месяц с небольшим, к середине июня, мне удалось добыть и обработать около десятка гусей. Но тут случилось нечто совсем непредвиденное: я тяжело заболел. Помимо общей слабости, язык и десны покрылись многочисленными язвочками, так, что я с трудом мог принимать только жидкую пищу. В Астрахани, куда меня отвез аспирант нашей кафедры В.Б. Дубинин, врачи сразу же сказали – цинга. Диагноз этот очень меня удивил, так как я считал, что цинга характерна для Заполярья, а уж никак не для Астрахани. Сказались, вероятно, недостаточное питание зимой и отсутствие овощей при жизни в заповеднике.

По выходе из больницы, я, по рекомендации врачей, уехал на родину, где смог обеспечить нормальное питание.

За лето я вполне поправился и осенью, по приезде в Ленинград, собирался начать обрабатывать собранный материал, а на следующий год опять отправиться в Астраханский заповедник. Но Валентин Александрович решительно воспротивился этому. Он сказал, что не стоит рисковать, цинга может у меня повториться.

«Подберем вам другую тему в другом месте» – сказал он. И это вскоре произошло.

Новая тема была предложена профессором кафедры зоологии позвоночных Московского университета А.Н. Формозовым, с которым мы были земляки. Узнав, что я занимаюсь у Догеля экологической паразитологией, Формозов предложил мне заняться изучением паразитофауны рябчика, биологией которого он занимался сам на стационаре в Горьковской области. Когда я сообщил об этом Валентину Александровичу, он это вполне одобрил тему и сказал, что для кафедры эта работа будет интересна во многих отношениях: во-первых, будет исследована паразитофауна рябчика – вида из семейства тетеревиных, а они у нас еще никем не изучались; во-вторых, появится новый пункт, где будут проводиться эколого-паразитологические исследования, и, наконец, возникнет связь с направлением экологии позвоночных, возглавляемым Формозовым. (Следует заметить, что в ЛГУ кафедру зоологии позвоночных возглавлял тогда профессор Д.Н. Кашкаров – один из основателей экологии животных в нашей стране. Однако тесного контакта между кафедрами зоологии позвоночных и беспозвоночных не было, может быть, потому, что Кашкаров больше интересовался общими вопросами экологии, а не экологией отдельных видов).

В результате, весной 1937 года, опять сдав досрочно все зачеты и экзамены, в начале мая я оказался на стационаре Формозова, в деревне Киселево Шарьинского района Горьковской (теперь Костромской) области. Здесь я проработал до октября (опоздание к началу занятий осенью было согласовано с Валентином Александровичем, который получил на это разрешение в деканате). В результате мне удалось добыть и обработать около 80 рябчиков. По возвращении в ЛГУ мне было выделено на кафедре постоянное рабочее место, где я мог работать в любое время. И контакты с Валентином Александровичем стали более частыми и тесными. Валентин Александрович имел обыкновение во второй половине дня проходить по всей анфиладе комнат, останавливаясь возле каждого студента, оказавшегося в этот момент на своем рабочем месте.

– Ну-с, голубчик, – говорил обычно Валентин Александрович, усаживаясь рядом на стул, – что у Вас новенького?

– Да вот, Валентин Александрович, не могу определить, что это такое – нет определителя.

– А вы возьмите – и он называет книгу – она сейчас у Дубинина. Там Вы, вероятно, кое-что найдете.

– Так, ведь, это – французская книга, а я французского не знаю.

– Ну, прежде всего, там многократно повторяются одни и те же термины, в основном латинские, общие для всех языков. А главное, другой-то книги нет, так что волей-неволей придется её одолеть. Так что не бойтесь и принимайтесь за дело, – одолеете.

И, действительно, принимались и одолевали.

– А вот, Валентин Александрович, – говорил я в другой раз, – мне кажется, это – новый вид. Взгляните, пожалуйста.

Валентин Александрович заглядывал в микроскоп.

– Может быть, может быть, – говорил он. Но не торопитесь. Препарат-то у вас не очень четкий, попробуйте изготовить пояснее.

Так, переходя от одного к другому, Валентин Александрович скрывался, наконец, в комнате, где сидели преподаватели.

В 1938 году я повторил прошлогоднюю поездку. После обработки всех собранных материалов, к весне 1939 года, я располагал данными о составе паразитофауны рябчика и её изменениях в зависимости от сезона года, погодных условий, пола, возраста и характера питания птиц. Также, с большой долей вероятности, можно было сделать заключение о влиянии тех или иных паразитов на смертность птиц и на многолетние изменения численности рябчика в районе исследований. Отсутствовали лишь данные за зимний период, и, для полноты картины, прежде чем подводить итог, я собирался получить и этот материал. Но Валентин Александрович, ознакомившись с представленными ему материалами, решил, что и этого вполне достаточно для написания статьи. Статья «Паразитофауна рябчика на севере Горьковской области» была мною написана и подана на конкурс научных работ студентов, где получила вторую премию, а в 1940 году, по рекомендации Догеля, была напечатана в Ученых записках ЛГУ.

В 1939 году наш курс заканчивал обучение. В этом году впервые были введены выпускные государственные экзамены, и нам предстояло опробовать их. Мы, конечно, волновались.

И вот – настал день сдачи первого экзамена – по зоологии. Председателем комиссии был назначен Валентин Александрович Догель. Экзамен одновременно принимали две пары экзаменаторов. В каждой паре один член был с кафедры зоологии позвоночных, а другой – с кафедры зоологии беспозвоночных.

Я попал к паре, где «беспозвоночником» был Валентин Александрович. Не помню вопроса по позвоночным, на который я отвечал сначала. По беспозвоночным же были ленточные черви. Я отвечал очень уверенно и уже подходил к концу, как вдруг заметил, что Валентин Александрович, сидевший до того неподвижно, быстро забарабанил пальцами по столу. Я поднял на него глаза и увидел, что он еле заметно качнул из стороны в сторону головой. Я понял, что что-то не так, замешкался, замолк, лихорадочно соображая, в чем же ошибся? Молчание длилось несколько секунд, затем Валентин Александрович усмехнулся и сказал: «Ну, вот, теперь Вы сами видите, что напутали, хотя в Вашей статье описываете эту систему правильно. Не надо волноваться, возьмите себя в руки.». Я продолжал смущенно и растерянно улыбаться и бормотать что-то невнятное. Подождав еще немного, Валентин Александрович опять усмехнулся и сказал: «Ну, не портите всего сказанного и сделанного неудачным концом. Довольно с Вас.». И поставил против моей фамилии в лежавшей перед ним ведомости «отлично». Этот эпизод очень характерен для Валентина Александровича: сначала попытаться помочь, а если не удалось, отнестись снисходительно к случайной ошибке.

После окончания мною университета Валентин Александрович предложил мне поступить в аспирантуру. Я с благодарностью согласился. Однако, на первом же экзамене, который был по марксизму-ленинизму, я получил

тройку и, естественно, принят в аспирантуру не был. Тогда Валентин Александрович предложил мне работу лаборанта в Петергофском биологическом институте. Там я проработал лаборантом до февраля 1940 года. В это время шла война с Финляндией, и в числе прочих был призван в армию ассистент кафедры зоологии беспозвоночных Г.С Марков. Я, разумеется, согласился, но едва приступил к занятиям, как война с финнами кончилась. Марков вернулся на прежнее место, и мне пришлось уйти. Прежнее мое место в Петергофе было уже занято, да, по правде говоря, эта работа не устраивала меня ни в духовном, ни в материальном отношении. Другой подходящей работы в Ленинграде не нашлось, и в мае 1940 года я поступил на работу в Мордовский государственный заповедник.

В Мордовском заповеднике я стал работать по теме, одобренной и поддерживаемой Валентином Александровичем – «Паразитофауна тетеревиных птиц».

Весной 1941 года мне удалось в Крымском заповеднике, где я был в командировке, собрать большой материал по паразитическим инфузориям из желудков оленей и косуль. Когда я сообщил об этом Валентину Александровичу, он очень заинтересовался этим, так как подобных сборов у диких копытных до этого никто не делал. Я уже предвкушал, как по приезде в Ленинград осенью, покажу все Валентину Александровичу, но начавшаяся война опрокинула эти планы и надолго прервала мои контакты с Валентином Александровичем.

Контакты возобновились лишь в 1946 году, когда я, работая уже в Дарвинском заповеднике, приехал в Ленинград и пришел к Валентину Александровичу. К сожалению, собранные мною материалы по инфузориям пропали. Посоветовавшись с Валентином Александровичем, я решил продолжать работу над темой «Паразитофауна тетеревиных птиц».

Контакты с В.А. Догелем продолжались вплоть до 1951 года, когда состоялась защита моей кандидатской диссертации в Зоологическом институте АН СССР. Хотя Валентин Александрович, не числился моим официальным руководителем (такового у меня вообще не было), и на защите сказал, что все мною сделана самостоятельно, но, конечно, без его постоянной помощи, диссертация, вероятно, вообще не была бы написана.

После защиты я перешел на работу в Чувашский пединститут в Чебоксарах. Здесь, в силу различных обстоятельств я стал заниматься не паразитологией, а фаунистикой насекомых, вследствие чего, мои контакты с Валентином Александровичем сократились. Но, конечно, он продолжал оставаться в области науки моим духовным отцом – Патроном, как мы все – бывшие ученики и сотрудники кафедры – его любовно называли.

Нужно заметить, что потрясения военного времени сильно отразились на здоровье Валентина Александровича, и он заметно подряхлел. К тому же, после печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 года на кафедре зоологии беспозвоночных, возникли весьма напряженные отношения из-за деятельности сотрудника кафедры, доцента Г.С. Маркова. Он сразу проявил себя, как ярый пролысенковец и всячески старался изменить общее направление работ кафедры в желаемом ему направлении. О характере его воззрений говорит название его докторской диссертации: «Советская паразитология в свете мичуринского учения». Диссертация эта прошла защиту, но интересно, что при голосовании, из 26 членов Ученого совета 10 (!) голосовали «против».

Получив степень доктора, Марков еще настойчивее стал досаждать Валентину Александровичу, что, несомненно, отразилось на здоровье Патрона.

Все же, сразивший Догеля удар был полной неожиданностью для всех близких ему людей. Он застиг Валентина Александровича на улице, возле здания Этнографического института, куда его сразу и перенесли. Там для него освободили комнату, где он пролежал несколько дней и, так и не придя в сознание, несмотря на все усилия врачей, скончался 1 июня 1955 года.

Похороны Валентина Александровича прошли весьма торжественно и, в то же время, очень душевно. Один из ближайших сподвижников Валентина Александровича, А.А. Стрелков, описал в письме ко мне и сами похороны, и последовавшие затем события. Приведу выдержки из этого письма.

«Вчера мы хоронили Патрона, на Волковом кладбище, на «Литераторских мостках», рядом (через могилу) с Дерюгиным. Место исключительно удачное. Ритуал весь был проведен удивительно не казенно, в руках организаторов (Полянского, Хейсина, Дубинина)– все приобрело характер прощания именно с родным человеком. Гроб стоял в Актовом зале (Академия претендовала, чтобы все было в Малом конференц-зале, но ректор Александров категорически протестовал, справедливо – ведь Патрон-то коренной научник именно университетский и эпоха связана с его именем не в Академии, да и понятие «Малый зал» звучало недостаточно уважительно. Народу набралось изрядно к моменту выноса, но не чрезмерно, студенты уже разъехались на практику и, главным образом, была старая братия. Речи были теплые, тон задал сам Александров, давно знающий Патрона, ценящий (вернее ценивший) его и понимающий его роль в организации зоологической науки в нашей стране. И мне пришлось сказать пару слов от учеников. На кладбище блестящую речь в напутствие сказал Насонов, и опять с теплотой, которую Патрон заслужил. И что интересно – не было преувеличения в речах, никто в нем не нуждался, тем паче покойный".

Вскоре после кончины В.А. Догеля ближайшие его ученики и соратники, в первую очередь, Ю.И. Полянский и А.А. Стрелков начали хлопотать о проведении ряда мероприятий, с тем, чтобы увековечить память о нем: присвоить его имя лабораториям, которыми он руководил, установить стипендию его имени, переиздать основные труд. Однако, большинство из предлагавшихся мероприятий, из-за инертности или даже прямого противодействия высшего начальства, осуществлены не были. Выполнено было лишь то, что зависело непосредственно от самих учеников и соратников Догеля – завершить то, что он начал, но не успел закончить: новое, 5-е, издание учебника зоологии беспозвоночных. Последовавшее затем, в 1981 году, 7-е издание до сих пор, спустя более 50 лет после смерти Валентина Александровича, продолжает оставаться тем учебником, по которому обучаются студенты университетов, помогая сохранить память об этом замечательном человеке.

ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ ДУБИНИН
(1913 – 1958)

Зоолог-паразитолог. Родился в 1913 году. В 1931 году поступил и в 1936 году окончил биологический факультет Ленинградского университета. Оставлен в аспирантуре при кафедре зоологии беспозвоночных. Защитил кандидатскую диссертацию по паразитологии в 1939 г.

С 1939 года и до кончины в 1958 году (с перерывом на 1942-1947 гг., когда был в армии) работал в Зоологическом институте АН СССР, в 1947- 54 гг. – зам. директора института по Музею, в 1954-58 гг. – старшим научным сотрудником. Защитил докторскую диссертацию в 1947 году.

Основные научные работы:
Перьевые клещи, 1951 – 54 гг.

* * *

Впервые я увидел Всеволода Борисовича Дубинина в зиму 1935-36 гг. на кафедре зоологии беспозвоночных Ленинградского государственного университета, на заседании студенческого научного кружка. Я тогда был студентом второго курса, а он – пятого. Он сразу же показался мне очень знающим и серьезным, даже несколько строгим. В дальнейшем, в эту зиму, слушая его на научных семинарах и заседаниях кружка, я еще более утвердился в своем первоначальном впечатлении. Но тогда мы близко не соприкасались, впоследствии, когда я познакомился с ним поближе, я еще более убедился, что он, несмотря на молодость, очень эрудированный ученый. Напротив, строгость оказалась чисто внешней, за ней скрывался очень общительный и веселый человек.

Тогда же, в начале 1936 года, наш незабвенный учитель, Валентин Александрович Догель, предложил мне поработать над темой «Паразитофауна серого гуся». Я с радостью принял это предложение. Материал следовало добывать в Астраханском заповеднике, причем к месту работы нужно было выехать как можно раньше, еще весной. И вот, сдав досрочно полагавшиеся за курс экзамены, я в конце апреля выехал в Астрахань. Давая мне последние напутствия, Валентин Александрович сказал: «Дубинин уже там. Он Вам поможет во всем.».

И вот, я – в заповеднике. Катер, на котором я еду, приближается к кордону Дамчик. На берегу видна толпа встречающих и, среди них, я сразу замечаю высокую фигуру Всеволода Борисовича. Высаживаемся, – и он сразу подхватывает мой тяжеленный чемодан (там микроскоп в футляре, настольная лупа, банки со спиртом, ружейные патроны и прочее необходимое оборудование).

– Ого! Сразу видно настоящего ученого, – замечает Всеволод Борисович, с трудом взвалив чемодан на спину.

И мы отправились в лабораторию, где стали обсуждать детали моей предстоящей работы. И сразу между нами установились дружеские отношения.

– Называй меня просто Волей, – сказал он. Я еще не настолько велик, чтобы именовать меня по имени-отчеству.

К сожалению, выяснилось, что жить и работать в заповеднике, мне придется на другом кордоне – Обжоровском. Воля поехал со мной туда, помог мне там устроиться и наладить контакты с нужными людьми.

Кстати, именно там я увидел, каким веселым и общительным нравом, обладает этот, как мне казалось раньше, строгий человек. Именно: в семье одного из сотрудников справлялся какой-то праздник, на котором присутствовали и мы с Волей. Было очень шумно и весело. И вот, во время какой-то игры, в которой проигравший должен был, по желанию остальных, что-то исполнить, Воле досталось станцевать какой-нибудь танец. Танцевать он не умел, но не стал отказываться, а вышел на середину и ... начал вертеться и подпрыгивать, как козел. Все покатились со смеху, но Воля продолжал свой «танец», пока не упал, запыхавшись, на стул, под гром аплодисментов.

Затем он уехал на кордон Дамчик и около месяца мы не виделись.

А в июне я тяжело заболел: была общая слабость, а весь рот покрылся язвочками, так, что я мог питаться только жидкой пищей. Надо было ехать к врачам. Узнав об этом, Всеволод Борисович немедленно приехал ко мне и повез меня в Астрахань. Не зная, что это за болезнь, он первым делом решил уберечь меня от простуды, для чего укутал в тулуп и посадил на катере ближе к двигателю. Я обливался потом и просил хотя бы снять тулуп, но Воля был неумолим.

В Астрахани врачи сразу поставили диагноз: цинга. Этот диагноз меня очень удивил; я считал, что цинга бывает только в Заполярье. Сказались, вероятно, недостаточность студенческого питания зимой и отсутствие витаминов в заповеднике.

При выписке из больницы врачи настоятельно рекомендовали мне сменить образ жизни, и я с сожалением распростился с заповедником.

В следующем, 1937 году, Дубинин опять отправился в Астраханский заповедник, а я поехал на стационар А.Н. Формозова, в Шарьинский район Горьковской области в деревню Киселево. Прибыв туда, я сразу же написал об этом Воле в Астраханский заповедник, и между нами началась переписка. Я сообщал ему, как идет моя работа, а он мне о жизни в заповеднике, о наших общих знакомых. К тому же, профессор Формозов, устроив меня в Киселеве, поехал затем в Астраханский заповедник, где познакомился с Всеволодом Борисовичем. Таким образом, у нас появился еще общий интересный знакомый, и Воля писал мне о различных эпизодах его совместных с Формозовым поездок по заповеднику. Воля писал мне, что во время этих поездок он узнал много полез-

ного и интересного от Формозова в области экологии позвоночных животных. А надо сказать, что он всегда не только старался увязать экологию паразитов с экологией их хозяев (как того требовала школа Догеля), но и живо интересовался всем, что видел в природе.

Приведу эпизод из нашей переписки, характеризующий и наши отношения, и то, как хорошо понимал Воля юмор. Однажды я попенял ему, что от него долго нет писем, и «... наверно, кишки от вскрытых мною рябчиков, которые я бросаю в речку, скорее доплывут до Астрахани, чем я получу от тебя ответ". И быстро получаю ответ: "Глянул на протоку – кишки плывут! Я – скорей писать.».

В последовавшую зиму 1937-38 гг. он очень помог мне при обработке собранного мной материала: давал методические советы, помогал добывать нужную литературу. Я продолжал часто бывать у него в доме. Только однажды наши интересы не состыковались.

Дело было так. В те годы известный наш пианист, Лев Оборин, был в полном расцвете сил и много разъезжал с концертами по стране. Приехал он и в Ленинград, и я купил три билета на его концерт – себе, Воле и его жене Марии Николаевне. Желая сделать им сюрприз, я не сказал, что именно им предстоит услышать, сказал только, что будет хороший концерт.

Начался концерт. И сразу же, после первого номера, пока Оборин раскланивался на аплодисменты публики, Воля повернулся ко мне и удивленно спросил: «Это что же: он один так и будет до конца?».

Оказалось, что Воля отнюдь не был поклонником классической музыки, а любил веселую эстраду с разнообразными номерами. После первого отделения он даже хотел уйти, и лишь Мария Николаевна удержала его.

На следующий день, рассказывая на кафедре об этом концерте, он в заключение, смеясь, сказал: «Наконец, этому пианисту и самому уж надоело, и он, слава Богу, кончил». И добавил, иронически поглядев на меня: «Нечего сказать – развеселил ты нас!».

Конечно, этот мой промах нисколько не отразился на нашей дружбе.

Осенью 1938 года, работая на упомянутом стационаре в Горьковской области, я повредил ногу, так, что совершенно не мог ходить. Кое-как меня погрузили в поезд, а в Ленинграде встретил меня и отвез в больницу, конечно, не кто иной, как Всеволод Борисович Дубинин.

После окончания университета в 1939 году я некоторое время работал в Петергофском биологическом институте, и наши контакты с Волей продолжались.

В мае 1940 года я перешел на работу в Мордовский заповедник. Здесь от Воли долго не было писем, и вот, наконец, первое (от 19.9.40): "Дорогой Ванек! – видишь, я не совсем свинья мое молчание лишь временная задержка, вызванная утерей твоей открытки и, стало быть, адреса. Пришлось запросить Москву (комитет), а теперь извиняться".

Заканчивается письмо так: «У меня к тебе просьба: если тебя не затруднит, собирай для меня Analginae со всех птиц твоего заповедника, и обязательно записывай их локализацию. Мне это нужно для будущей монографии, если таковая состоится. Обещаю тебе, если понадобится, определять, или давать на определение в ЗИН всех животных в интересах твоей работы. Думаю, наш контакт будет полезен для обоих. Будешь в Ленинграде – заходи, как домой. Волька».

И я начал собирать для него клещей. А Всеволод Борисович свято соблюдал данное им слово. Мог иногда задержаться с ответом, но никогда не забывал ни одной моей просьбы, даже когда бывал очень занят. Так, в том же году, уезжая в экспедицию в Кызыл-Кумы, он перед самым отъездом (а каждый, кто ездил в экспедиции, знает, что времени ни на что, кроме сборов, не остается) написал мне подробное письмо, с методическими указаниями и рисунками.

Война прервала наши контакты. Оба мы послужили в Действующей армии, на фронтах Великой Отечественной войны.

После войны Всеволод Борисович оказался военнослужащим в Военно-Медицинской академии, на кафедре паразитологии, а я – зоологом в Дарвинском заповеднике. И, как только мы узнали адреса друг друга, переписка наша возобновилась.

И сразу же Всеволод Борисович опять повторил свою просьбу: собирать для него анальгин со всех добытых мною птиц. Более того: узнав, что в заповедник приехали московские орнитологи, он попросил, чтобы я просматривал и добытых ими птиц. Если же исследовать всех добытых окажется почему-либо невозможным, то надо взять хотя бы несколько маховых перьев, наклеить их на бумагу и прислать в письме ему.

Разумеется, я постарался выполнить его просьбу.

Довольно скоро я обнаружил, что фауна анальгин, как на изучаемых мною тетеревиных, так и на других птицах, заметно беднее, чем в других местах, где я проводил такие исследования. Однако Всеволод Борисович не поверил этому и приписал эту бедность недостаточно тщательному просмотру. В письме от 19.6.47 он писал: «На всех куриных найден только один вид клещей. Других известных пяти видов нет. Почему? Думаю, потому, что ты не везде их видишь. Все сборы сделаны на нижних кроющих и у рябчика еще на крылышке. Эти перья – светлые, тонкие и на них хорошо видно клещей. На маховых должны быть! Обязательно ищи.». Далее приведены подробные рисунки, на которых показано где могут быть клещи. И заканчивает: «Все это привело меня в унылое настроение. А тебя ругаю, как чёрта».

Все это время он еще оставался на военной службе, на кафедре паразитологии в Военно-Медицинской академии. Заниматься наукой здесь, как видно, было можно, но, все же, Всеволод Борисович тяготился своим положением. И вот – письмо от 3.7.47.: «Я демобилизуюсь. Восемь месяцев тянулось это дело: переписка, комиссии, характеристики, анкеты, бесконечное количество вопросов: почему, куда, и т. д. Наконец, вчера пришел приказ. С пятого я – гражданский, или, как говорят у нас в ВМА, «вольнонаемная дрянь». Буду работать в ЗИНе.*

(* *Примечание.* Прочтя это, я сразу вспомнил, как в начале 1945 года, когда я был еще на фронте, мне поступило предложение перейти на службу в какой-то секретный военно-медицинский институт. Я тогда отказался от этого предложения, так как совершенно не желал связывать свою судьбу с какими бы то ни было секретными учреждениями. И вот, теперь, прочтя письмо Всеволода Борисовича, я еще порадовался моему тогдашнему решению. Уж если Всеволоду Борисовичу пришлось так трудно с демобилизацией, при столь мощной поддержке

(академик, генерал Е. Н. Павловский, одновременно возглавлял кафедру паразитологии в ВМА и являлся директором ЗИН), то за меня хлопотать было бы некому, и я застрял бы в этом секретном институте на долгие годы.)

А впереди хлопот – даже страшно подумать. Надо перестраивать всю жизнь и при этом соблюсти все формальности. Карточки, служба, военкомат, паспорт, прописка и прочее. Друзья оценивают мой шаг поразному: от дурака, до молодца. Я смотрю на это так: либо воинская карьера (чины, ордена, почет и проч.), но сутолока и безделье, либо примириться с некоторыми трудностями (хотя их не так уж и много) и заняться наукой всерьез. Выбрал последний вариант. Интересно твое мнение?».

Разумеется, я только приветствовал его решение.

Заканчивая письмо, он повторяет свое требование о необходимости более тщательных поисков клещей, и «... мою ругань расценивай, как дружеский совет на всякий случай. И не вздумай обижаться, это уж у меня стал такой сварливый характер.».

Правда, вскоре он все же признал бедность фауны анальгин в ДГЗ. Так, уже 14.7.47 он пишет: «Спасибо за клещей. На глухаре оказался тот же вид, что и на всех добытых тобой куриных. Странно и интересно, что нет больше никаких видов?! В общем – загадочно.

На присланной в прошлом письме вороне (я только теперь понял твой ехидный вопрос: «Какие и сколько?») не было ни черта, кроме двух дейтонимф. Ехидна ты, Ванька, да и только. Нужно было видеть, как я пыхтел над этими, аккуратно приклеенными перьями. Ну, а в общем – спасибо и присылай еще и еще.».

Однако впоследствии он опять не раз упрекал меня в недостаточном внимании при поисках клещей.

Конечно, была не только воркотня. Так, 25.12.48 он привел список обследованных мною в ДГЗ птиц (25 видов) и найденных на них и определенных им клещей, и писал: «Материалом ты меня порадовал. Максимально собирай клещей с разнообразных птиц.».

Но затем опять и опять повторяет о необходимости более тщательных поисков. Пишет, что, кроме найденных мною на тетеревиных 4-х видов клещей на них могут быть еще 4 вида: "… на воркотню не обращай внимания, но перечисленные виды надо найти".

Вероятно, частично он был прав. Когда долго ничего не попадается, то внимание ослабевает. Я написал об этом Воле и получил в ответ возмущенное письмо: «Твоя фраза»... тут и руки опускаются» меня удивила и возмутила до глубины души! Вспомни лучше слова нашего Патрона: «Если нет, надо еще лучше искать и найти.».

Вероятно, для того, чтобы подтолкнуть меня к более тщательным поискам, Всеволод Борисович назвал один из найденных мною на мухах-кровососках видов клещей в мою честь: «*Myialges oligeri* W. Dub.» – письмо от 10.7.49.

Такая наша переписка, с неизменными просьбами в каждом письме собирать клещей, продолжалась все пять лет моей работы в заповеднике. Иногда Воля писал, что хотел бы побывать у меня, но... «Приехать к тебе был бы рад, очень рад, но, увы, «грехи не пускают». Ведь Маруся в Астрахани, а Еленка со мной, надо воспитывать, везти на дачу и проч. канитель» – письмо от 29.6.49.

В 1951 году я перешел на педагогическую работу – стал зав. кафедрой зоологии Чувашского пединститута в Чебоксарах. Здесь у меня уже не было возможности производить сборы клещей, и просьбы о них из писем Всеволода Борисовича исчезли. Но активная переписка продолжалась, и когда я пожаловался ему, что для занятий наукой теперь совершенно нет времени, он сразу же, 20.9.51 написал мне: «Науку, конечно, жаль. Вряд ли ты, однако, прав, утверждая, что расстался с ней полностью. Пройдет время, наладятся занятия, и ты вполне сможешь наладить исследования. Совмещать будет трудно, но возможно!».

Он, конечно, был прав. И, когда у меня появилась возможность заняться наукой, он проявил к этому самое пристальное внимание. Безмерно любя своих, как он называл их «милых крошек» – анальгин, он и мне предложил заняться какими-нибудь клещами. И мы с ним остановились на амбарных клещах. Всеволод Борисович предложил детальную программу исследований. Основное внимание было уделено экспериментальным исследованиям изменчивости клещей под влиянием различных физических факторов. Я начал было работу, добыл кое-какое оборудование, посуду. Однако, когда я, по совету Всеволода Борисовича, проконсультировался с ведущим специалистом в области подобных экспериментальных исследований, Г.С. Ушатинской, то понял, что мне задуманную работу выполнить невозможно. Для этого, прежде всего, нужно было иметь не эксикатор с бюретками на письменном столе, а хорошо оборудованную лабораторию, а главное – этому надо было отдать все рабочее время, а не свободные от педагогики часы. Поэтому, мне пришлось ограничиться лишь выявлением фауны амбарных клещей в ЧАССР.

Всеволод Борисович очень сожалел и еще долго пытался уговорить меня «преодолеть надуманные трудности». А когда я, все же, пренебрег его советами и стал заниматься насекомыми, он продолжал живо интересоваться моей работой, помогая, в чем мог. А когда у меня появилась возможность посылать студентов в экспедиции, в частности, в Астраханский заповедник, Всеволод Борисович снабдил их рекомендательным письмом и наметил темы исследований.

Сам Всеволод Борисович все это время был загружен всяческой работой сверх головы. Еще в 1947 году, вскоре после освобождения от военной службы и поступления в ЗИН, он сдал оппонентам на отзыв свою докторскую диссертацию. «Даже самому не верится до чего смог докатиться2 – писал он мне 10.11.47. А в декабре уже состоялась защита и прошла очень успешно. Вот, что писал мне Всеволод Борисович 05.01.47: «Могу похвастаться! 26 декабря в ЗИНе состоялась моя защита. Прошла она очень хорошо. Оппоненты – Павловский, Догель, Захваткин, Соколов и Стрелков дали поистине блестящие отзывы. Они, собственно, были не отзывами, а восхвалениями (было обидно!) работы и ее автора. Голосовали единогласно. Но приятно было услышать хорошую оценку большой работы (Догель назвал ее «мастодонтом»), 700 стр. текста, в которую я вложил столько труда и любви.».

Сразу же после защиты Всеволод Борисович был назначен зам. директора ЗИН по музею. Об этом он писал мне: «... Работаю с еще большим рвением, чему несколько мешает музей. Это дело тоже интересное, но берет массу времени.». И в заключение: «Собирай Analgesoidea! Это так теперь названа мною вся группа перье-

вых клещей (надсемейство). Вообще от системы их ничего старого не осталось. Все переделал! Вообще полная революция на пользу милых крошек!».

Таким образом, мы видим, что, хотя анальгины были, безусловно, основной любовью Всеволода Борисовича, его научные интересы не замыкались на них, они были гораздо шире. За работу в музее он взялся со свойственной ему энергией и сразу приступил к коренным преобразованиям.

В то время в нашей прессе, много говорилось об отрыве науки вообще, а академической в особенности, от запросов практики. Всеволод Борисович учел это, и вскоре в музее появились чучела домашних животных.

Затем, по инициативе Всеволода Борисовича и при его непосредственном участии, в музее появились большие витрины, в которых животные были представлены как бы в естественной обстановке – так называемые биогруппы. При этом, Всеволод Борисович вникал в самые мелкие детали работы: каково должно быть расположение животных в такой биогруппе, какие позы им следует придать, и даже каково должно быть положение различных частей тела – например, бивней у мамонта.

Эти биогруппы чрезвычайно оживили музей, и посетители стали подолгу задерживаться возле них.

Много сил и средств пришлось затратить и при проведении чисто внешней, «косметической» приборки музея. К этому времени многие экспонаты обветшали, выцвели, пояснительные надписи и этикетки устарели и требовали замены. При огромных масштабах музея даже на эту, относительно простую работу, требовались большие средства, и добывать их приходилось с большим трудом, с тратой нервов. Однажды, в разговоре со мной, Всеволод Борисович сказал: «Вот – этикетки, их надо все менять, Значит, надо 100 тысяч, – а где их взять?». Я удивился: почему так много на такую ерунду?

«Каждая этикетка – единственная и неповторимая, массовым тиражом их не получишь, каждую надо делать отдельно. Одна стоит рубль, а всего их 100 тысяч.».

В то же время Всеволод Борисович нисколько не уменьшил объем своих занятий наукой. Уже в 1952 году он сдал для печати 2-й том своей монографии о перьевых клещах. Ежегодно в печати появлялось несколько его статей, чаще по паразитологии, но также и по различным другим разделам зоологии. Так, он участвует в составлении учебного пособия «Кролик» (им написана анатомическая часть).

Занявшись организацией в музее особого мамонтового зала, он увлекся им, стал зам. председателя комитета по изучению мамонтов и участвовал в написании нескольких статей по ископаемым хоботным.

Неоднократно бывая и работая в прежние годы заповедниках, Всеволод Борисович продолжал интересоваться ими и всей природоохранной деятельностью. Будучи зам. председателя комиссии по охране природы АН СССР он активно участвовал в восстановлении сети заповедников и в налаживании в них научной работы.

Когда же он успевал делать все это?

«Дни, по-прежнему, трачу на музей, а вечера и, по возможности (если Маруся прозевает), ночи на науку.» – письмо от 20.9.51.

Конечно, такая гигантская и напряженная работа не могла не сказаться: характер у Всеволода Борисовича стал постепенно изменяться: раньше спокойный и выдержанный, он стал очень нервный и раздражительный. В результате отношения его с некоторыми сотрудниками ЗИНа стали портиться. И, как обычно бывает в таких случаях, те или иные нелестные мнения высказывались не прямо ему, а за его спиной. Об этом поведал мне наш общий друг, А. А. Стрелков. В письме от 05.01.53 он писал мне: «Всеволод, в общем-то, в грустях: до сих пор не сдан в печать его том «Фауны», дело длится уже больше полугода, а с места не сдвигается. Он это расценивает – и совершенно справедливо – как отрицательное отношение к себе. Народ его, действительно, недолюбливает, и показывает это разными способами.».

Все это, и, в первую очередь, вероятно, гигантская работа «на износ», привело к тому, что летом 1954 года его поразил жестокий инфаркт, свативший его прямо на улице, в Москве, где он был в командировке.

По выходе из больницы Всеволод Борисович лишь на некоторое время снизил темп, но вскоре опять стал работать с прежней нагрузкой. Так, в письме от 17.08.54, А.А. Стрелков писал мне: «Не знаю, есть ли у Вас сведения о Всеволоде. Явно оправился – за лето написал изрядно. Понарисовал всяких своих клещей, к концу года будет еще том «Фауны». С осени, вероятно, сможет вступить в строй, хотя и не в Музей, а в лабораторию. Сердце зажило, а вот бесится и нервничает страшно.».

В письме от 03.10.54 А.А. Стрелков продолжает: «Волька в общем оправился, начал служить, освобожден от заведования Музеем и состоит старшим научным сотрудником отдела паразитологии. Очень нервный и вспыльчивый стал, однако.».

Вскоре я и сам получил возможность увидеть, что Всеволод Борисович стал далеко не прежний веселый Волька.

Занимаясь систематикой, Всеволод Борисович неизбежно сталкивался и с вопросами видообразования. Первоначально, будучи верным учеником Догеля, он полностью стоял на дарвинских позициях. Но после известной сессии ВАСХНИЛ 1948 года многие ученые стали разделять взгляды Лысенко. Всеволод Борисович не принял их безоглядно, как это сделали многие, но задумался над ними. Еще в конце 1948 года он писал мне: «Слушал Лысенко, Авакяна, Опарина и других. Очень интересно, но многое надо теперь дораздумать, переварить, понять.» – письмо от 29.10.48.

И вот, в 1953 году в Зоологическом журнале появилась статья В.Б. Дубинина «Понятие о виде в зоологии».

В 1954 году я начал читать курс дарвинизма и, конечно, статья Всеволода Борисовича привлекла мое внимание. Прочтя ее, я увидел, что в ней Всеволод Борисович явно льет воду на мельницу Лысенко. Я написал ему об этом. Он ответил: «Люблю откровенность. Хорошо, хоть материшься ты прямо, с плеча, ...а то иные тоже матерят, но при этом пытаются льстить еще. Сие особенно противно. Что касается моей статьи, то известно, что «о вкусах не спорят». Я всегда, конечно, и в данном случае, пишу искренне, но не «коленопреклоненно». Пишу неверно, ошибаюсь? – возможно. Критические замечания для меня весьма дороги, но при условии, если они дельные, основаны на каком-то материале и проч.» – письмо от 20.03.55.

Поскольку речь шла не о вкусах, а о научных воззрениях, я написал ему соответствующее письмо. Он быстро ответил (29.04.55): «Получил твои критические замечания, благодарю за откровенность. Интересно, что

почти одновременно с твоим письмом получил письмо от профессора Левашева (Молотов), он, наоборот, воспевает мои представления о виде, которые приняты были на докладе в Обкоме. Кому верить? Прежде, чем давать пояснения, хотел бы познакомиться с твоей концепцией вида.».

Я тотчас написал ему и с интересом ждал ответа. Однако таковой удивил и разочаровал меня. Всеволод Борисович не стал ни опровергать мои взгляды, ни защищать свои, а написал коротко: «Дискуссию о виде надо прекратить, ибо ты играешь краплеными картами. Твоя ругань дешево стоит, ибо за ней, кроме досужих рассуждений, ничего нет, а философствовать в 1955 году во много раз проще, чем в разгар реакции, да по началу, а не по проторенным тропам.» – письмо от 24.05.55.

Вероятно, насчет философствования и «досужих рассуждений» он был прав, так как собственного материала, в отличие от него, у меня не было. Все же, я недоумевал, почему он так резко оборвал этот спор. Я написал об этом А. А. Стрелкову, приложив копии своих писем к Всеволоду Борисовичу. Полученный от Стрелкова ответ мне все разъяснил. Стрелков писал 05.06.55: «... Насчет Ваших писем к Всеволоду. Я их прочел с сознанием полной Вашей правоты. Всеволод товарищ увлекающийся, и в тот момент, под влиянием всеобщего славословия, бесспорно, устоять не смог. Бог с ним. Он очень расстраивается и нервно реагирует на все, это последствия его инфаркта и растравлять его не следует во избежание рецидива. И так он бесится все время по разным поводам и без поводов.».

Получив это письмо, я, конечно, прекратил всякие упоминания о злосчастной статье, и наша переписка с Всеволодом Борисовичем приобрела прежний дружеский характер.

Однако оказалось, что поводов для расстройства, и весьма существенных у Всеволода Борисовича было предостаточно. Завистники и недоброжелатели продолжали уколы в спину. В письме от 02.07.55 А.А. Стрелков писал мне: «Новую «Акарологию» видели? Там замечательно в предисловии среди работ русских не оказалось совсем публикаций по перьевым клещам. Здорово получилось, по форме – особенно полное собр. соч. Брегетовой. Можете себе представить, как кипятился человечек – Всеволод то есть».

Все же, находясь вдали от Ленинграда, я не вполне представлял себе, каковы масштабы этого недоброжелательства по отношению к Всеволоду Борисовичу. Я думал, что дело ограничивается ухудшением отношений с некоторыми сотрудниками, а начальство, прежде всего Е.Н. Павловский, по-прежнему ценит его.

И вот, в 1957 году я написал статью о слепнях, которую хотел попробовать напечатать в Докладах АН СССР, так как там печатали быстро. Но для этого требовалось, чтобы статья была представлена академиком. И я послал эту статью Всеволоду Борисовичу, с просьбой просмотреть ее и, если он найдет, что все в порядке, то передать ее на отзыв Павловскому, вместе с моим письмом к тому. В письме, кроме просьбы об отзыве, я упоминал, что Дубинин статью прочел и одобрил. В ответ Всеволод Борисович написал мне: «Твое письмо я генералу не передал, так как упоминание фамилии Дубинин имеет репеллентное действие, вроде красной тряпки на быка!» – письмо от 07.04.59.

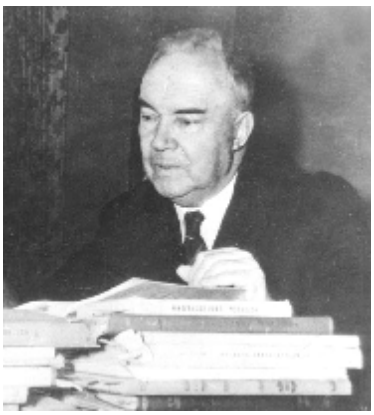
Немудрено, что при таком отношении к себе со стороны начальства работать спокойно было трудно, и нервы у Всеволода Борисовича совершено расшатались. А в соединении с той огромной рабочей нагрузкой, которой он продолжал придерживаться, это и привело вскоре к преждевременной гибели этого замечательного ученого и прекрасного человека.

Упомянутое его письмо ко мне было предпоследним. Еще он написал мне 17.04.58 коротенькое письмо, в котором указал, что обращаться к генералу следует гораздо более почтительно, чем это сделал я.

А в мае 1958 года я получил известие о кончине Всеволода Борисовича.

Так буквально «сгорел на работе» этот полностью увлеченный наукой человек...

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ФОРМОЗОВ
(1899 – 1973)



Зоолог-«позвоночник», основатель полевой экологии млекопитающих и птиц в нашей стране.

Родился и провел детские и юношеские годы в Нижнем Новгороде. С детства очень любил природу, увлекался охотой. Став взрослым, много путешествовал (Монголия, Кавказ, Дальний Восток, Казахстан и др.).

В 1925 году окончил биологическое отделение физико-математического факультета Московского государственного университета; оставлен в аспирантуре Института зоологии МГУ. 1930-1956 гг. – преподаватель биофака МГУ (до 1935 г. доцент, затем профессор). В 1935 году получил степень доктора биологических наук. С 1945 по 1973 гг. – сотрудник сектора биогеографии Института географии АН СССР.

Основные научные публикации А.Н. Формозова.

1. Mammalia in the steppe biocenose, 1928.

2. Млекопитающие Северной Монголии, 1926.

3. Формула для количественного учета млекопитающих по следам, 1932.

4. Урожаи кедровых орехов, налеты в Европу сибирской кедровки и колебания численности у белки, 1933.

5. Хищные птицы и грызуны, 1934.

6. Материалы по биологии рябчика,1934.

7. Особый тип климатограмм для экологических исследований, 1934.

8. Деятельность грызунов на пастбищах и сенокосных угодьях, 1935.
9. Материалы по экологии водяных птиц, 1937.
10. Роль эпизоотий в динамике численности промысловых млекопитающих и птиц, 1940.
11. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР, 1946.
12. Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания, 1987.
Научно-популярные книги.
1. *Шесть дней в лесах, 1924,1927, 1948.*
2. *В Монголии, 1928.*
3. *Спутник следопыта, 1936, 1943, 1952, 1959, 1974.*
4. *История выводка белки, 1937.*
5. *Среди природы, 1978, 1997.*

Почти все публикации А.Н. Формозова сопровождаются его собственными штриховыми рисунками; в научно-популярных изданиях этих рисунков десятки, а в некоторых сотни.

В обращении с людьми Александр Николаевич всегда был прост и приветлив, совершенно лишен профессорского чванства, легко и непринужденно разговаривал как с известными учеными, так и со студентами-первокурсниками, с интеллигентами и неграмотными крестьянами; любил юмор и сам охотно рассказывал о различных смешных случаях из жизни.

* * *

С Александром Николаевичем Формозовым мы – земляки: оба родились в Нижнем Новгороде и провели там детство и юность. Более того: азы биологической науки мы оба получили от заведующего Нижегородским Естественноисторическим музеем А.Н. Покровского, входя в состав его окружения – "ребятишек", как он нас называл. Но Александр Николаевич проходил эту школу еще в дореволюционное время, а я попал в Музей лишь в середине 20-х годов, когда Формозов уже жил в Москве и тогда мне познакомиться с ним не пришлось.

В 1935 году я поступил на биологический факультет Ленинградского университета, где стал специализироваться по паразитологии под руководством В.А. Догеля. В январе 1937 года я был в Н. Новгороде на каникулах. И вот, мой друг, Федор Дмитриевич Шапошников (тогда студент Нижегородского университета, а впоследствии известный зоолог, много работавший в разных заповедниках СССР) попросил меня, когда я поеду в Ленинград, зайти в Москве к Формозову и передать ему только что вышедшую книгу «Природа Горьковского и Кировского краев», где Формозовым был написан раздел «Животный мир». Разумеется, я с радостью взялся выполнить это поручение; оно давало мне возможность познакомиться с автором чудесной книги «Шесть дней в лесах» – настоящего гимна весеннего заволжского леса, воспевавшего те места, по которым я и сам бродил с ружьем.

И вот, я в Москве, в квартире Александра Николаевича. Поблагодарив за привезенные книги, он пригласил меня в комнату и стал расспрашивать об общих знакомых – Покровском, Шапошникове. Затем поинтересовался, кто я и что? Я рассказал, что учусь в ЛГУ, специализируюсь по паразитологии у Догеля, и хотел бы заняться изучением паразитофауны каких-нибудь охотничьих птиц, но не знаю пока каких именно выбрать, а главное, не знаю, где бы их можно добыть в достаточном количестве. Александр Николаевич оживился.

Нет ничего проще, – сказал он. – Я как раз занимаюсь изучением экологии рябчика. Было бы очень хорошо провести параллельно паразитологические исследования и выявить, нет ли влияния паразитов на колебания численности рябчика. Исследования я провожу на стационаре, на севере Горьковской области. Там большой массив хвойных таежных лесов. Рябчиков там много и, раз Вы – охотник, то сумеете добыть их в достаточном количестве. Я там живу в доме одного крестьянина, и думаю, что и Вы сможете жить и работать в том же доме. Питаться будете вместе с хозяевами, Все вместе – квартира и стол – обойдутся в 4 рубля 50 копеек в сутки, или 135 рублей в месяц. Устроит это Вас?

Я тут же прикинул: я получал стипендию 180 рублей, да еще университет приплачивал за время, проведенное в экспедиции, по 90 копеек в день – значит, еще и останется.

Александр Николаевич добавил, что он сам бывает там ежегодно осенью, но нынче приедет на несколько дней в первомайские праздники. И если я сумею тоже к этому времени туда приехать, то он и поможет мне устроиться, расскажет, где и как мне добывать рябчиков.

На этом мы и расстались и я, окрыленный предстоящей перспективой интересной работы, да еще в компании самого Формозова, уехал в Ленинград.

В Ленинграде я сразу рассказал о разговоре с Формозовым Догелю. Валентин Александрович отнесся ко всему этому очень сочувственно, поскольку исследовать предполагалось рябчика – один из видов тетеревиных, которых до этого у нас в стране еще никто не исследовал. Кроме того, таким образом, возникал новый пункт, расширялась география исследований, проводимых кафедрой.

Чтобы поспеть к намеченному сроку, мне пришлось сильно приналечь на учебу и сдать все экзамены досрочно.

И вот, 30 апреля 1937 года я высадился на станции Поназырево, в Шарьинском районе Горьковской обрасти. О своем приезде я дал телеграмму, и на станции меня ждала уже подвода, высланная Формозовым. До деревни Киселево, где мне предстояло жить и работать, было 9 верст. Погрузили на телегу мой тяжеленный багаж – огромный чемодан, набитый лабораторным оборудованием (микроскоп, лупа, банки с реактивами, пробирки) и охотничьими принадлежностями – и отправились в путь.

Киселево оказалось маленькой деревушкой, всего 17 домов, протянувшейся по берегу небольшой лесной речки Неи; на другом берегу стоял высокий густой ельник.

Нужный дом оказался вторым с краю. В доме меня радушно приветствовали хозяева – Кузьма Петрович и Мария Пантелеевна Зайцевы.

Для работы мне отвели стол у окна. Хозяева уже привыкли к тому, что «городские» – Александр Николаевич и его спутники – странные люди: вроде охотники, но, кроме дичи, ловят еще зачем-то мышей, да еще меряют их, взвешивают и «патрошат2. Но поставленные мною на стол микроскоп и настольная лупа оказались для них

совершенно невиданными предметами. А когда они заглянули в них, и увидели увеличенными различные предметы, в том числе такие, как волосы или кожа, изумились чрезвычайно, и сразу почувствовали ко мне большое уважение.

Александр Николаевич был на охоте, пришел вечером. Увидев, что я уже полностью оборудовал свое рабочее место, он одобрительно кивнул головой: «Это хорошо. Вижу, что Вы серьезно настроились2.

После ужина Александр Николаевич достал карту-схему здешних мест и отметил на ней места своих постоянных маршрутов по учету численности рябчиков, с тем, чтобы я избегал добывать на них рябчиков. Далее он сказал, что, хотя основная моя задача – паразитология, но желательно, чтобы я параллельно вел экологические наблюдения и учет численности рябчиков. Для этого надо вести дневник, в котором отмечать погоду, пройденный маршрут, длину его и увиденных, или услышанных рябчиков, отмечая, при этом, биотопы в которых они встречены. Александр Николаевич составил инструкцию, в которой описал типы здешних лесов, указав, каких типов леса рябчики придерживаются в разные сезоны. Желательно также, чтобы я, кроме рябчиков, отмечал подобным же образом и все интересные встречи, в особенности с промысловыми птицами и зверями.

Говоря о зайцах, Александр Николаевич заметил, что местные охотники – большие мастера подманивать весной зайцев (по местному – «куверькать»). Но неизвестно, кто бежит на призыв – самец или самка – и было бы желательно выяснить это.

В заключение Александр Николаевич указал, к кому из местных охотников лучше всего обратиться за помощью.

Конечно, мне очень хотелось походить по лесу вместе с Александром Николаевичем, чтобы попытаться выполнить на практике при нем, все его указания. Однако в это раз сделать это не удалось, через день он уехал.

Его указания и советы пошли на пользу. Один из местных охотников, «Санушка» Зайцев, научил меня, как делать манок-пищик для рябчика из липовой веточки, и как манить им. И работа закипела. К осени я добыл несколько десятков взрослых и птенцов разных возрастов. Желая встретиться с Александром Николаевичем, который написал, что приедет в конце сентября, а также, чтобы добыть и осенних рябчиков, я не поехал в Ленинград к началу занятий в университете, о чем договорился с Догелем.

И вот, в конце сентября мы с нетерпением стали ждать приезда Александра Николаевича; я – чтобы рассказать о проделанной работе, а мужики – чтобы узнать последние новости от «московского профессора». Как я упоминал, Киселево было маленькой, затерявшейся в лесах деревушкой; связь с внешним миром была очень мала: радио ни у кого не было и лишь раз в неделю привозили газеты, районную в колхоз и мне «Известия». Иногда мужики заходили ко мне потолковать, спросить «что пишут в газетах». Но я был всего лишь студент, а 2московский профессор2 по их представлению, вращался в самых высших сферах и мог растолковать все.

– Да приедет ли он нынче? – спросил я как-то раз хозяина дома, К.П. Зайцева.

– Али не приедет? Чай, ему мышей патрошить надо. Он все их изучат-изучат, а изучить никак не может.

И вот, наконец, в конце сентября, долгожданный Александр Николаевич приехал. Весть о его прибытии сразу распространилась по деревне, и уже к вечеру к нам в избу потянулись один за другим мужики. Одни уселись на стоявшие вдоль стен лавки, другие просто сели на пол, подогнув под себя ноги, закурили махорочные самокрутки, и начался неторопливый разговор. Сначала спрашивал Александр Николаевич – о том, кто и сколько добыл белок, куниц, зайцев, глухарей, каков урожай черники, брусники, грибов. Полученные сведения он аккуратно записывал в блокнот. Наконец, выспросив все, он замолкал, и тогда начинали мужики.

– А штё, Лексан Николаиц (говор там был «вятский» – «Ц» и «Ч» часто менялись местами), не слышно ли в Москве на счёт налогу, не будут ли снижать?

– Но что можно было ответить на такие вопросы в 37-м году!

– Али нет? – вздыхали мужики. – О-хо-хо... Уж больно худо живем-то.

Беседа тянулась часа полтора-два. Наконец махорочный дым настолько наполнял избу, что Александр Николаевич не выдерживал – вставал и открывал дверь в сени. И мужики понемногу начали расходиться.

Я рассчитывал походить с ним по лесу, чтобы «набраться ума», но Александр Николаевич сказал, что он предпочитает ходить один, тем более на охоте за рябчиками. Я решил задержаться еще на несколько дней, надеясь, что, все же, удастся хотя бы немного походить по лесу вместе, да и вечерние разговоры, по возвращении с охоты, тоже обещали много интересного. И действительно, вечером мы устраивались рядышком за столом, я вскрывал рябчиков, а он обрабатывал полевок, и мы рассказывали друг другу об увиденном за день.

Скоро выяснилось, что у нас с ним много общих интересов и сходные взгляды на многие стороны жизни. Мы рассказывали друг другу о прочитанных книгах, декламировали стихи Бунина, Толстого, Фета.

Но особенно сблизила нас общая любовь к юмору. Началось это с того, что Александр Николаевич рассказал несколько смешных историй.

Так, однажды, были они с Н.П. Наумовым и одной студенткой рано весной в степях Украины. У зайцев в это время был гон. И вот, однажды, студентка и спрашивает: «А что это зайцы нынче так разбегались? Обычно их днем не видно, а нынче бегают и бегают.».

– Подул на них развратный ветер, вот они и забегали, – заметил Н.П. Наумов.

– А ветер был от меня, – простодушно заметила студентка.

Вот и еще рассказ:

«Поехал я летом со студентами в Наурзумский заповедник. Сошли с поезда, погрузились на подводу и поехали. Дорога ровная, сухая, погода прекрасная, солнечная, так что поездка обещала быть приятной. Но в тамошних местах в почве много соли, много ее и в растениях. И у лошадей, наевшихся такой травы, кал становится жидким и появляется много газов.

И вот, проехали мы немного, как лошадь подняла хвост – прук! – и на нас полетели брызги жидкого помета. Ну, ничего, бывает. Но минут через 15-20 это повторилось... и опять... и опять! Пришлось нам закрываться, кто чем смог: сачками, шляпками, газетами. А наш возница, очень словоохотливый мужичок, все время что-то рассказывавший, при каждом очередном заряде прерывал себя на полуслове и громко возглашал: «На здоро-

вье» и затем опять продолжал свою речь, как ни в чем не бывало. Мы долго крепились, но, наконец, не выдержали и расхохотались.».

В свою очередь, и я рассказал несколько коротких юмористических историй Аверченко, Тэффи и других юмористов. Вспомнил и разговор с хозяином, что Александр Николаевич «все изучат-изучат мышей, а изучить никак не может», и мы вместе посмеялись. Но особенно понравилось Александру Николаевичу, когда я изобразил Андрюшу Госфикуса. В середине 20-х годов XX столетия на страницах «Пушки» (приложения к ленинградскому юмористическому журналу «Бегемот», впоследствии закрытому «за безыдейность») шел сериал: выдуманный пародийный фокусник Андрюша Госфикус (фамилия – пародия на известного в те годы фокусника Касфикиса) разыгрывал, в виде нескольких рисунков и краткого текста, сценки на различные злободневные темы: нехватку товаров, плохое их качество и т.п.

И я, хотя и не умел рисовать, рассказал, что было на рисунках, и воспроизвел все в лицах. Вот один из номеров Госфикуса, который я представил Александру Николаевичу.

Сегодня «Таинственное исчезновение, или кричу кирпичу!»

Спешите видеть! Спешите знать!

Сцена 1. Андрюша, в персидском тюрбане и в длинной русской рубашке навыпуск, перепоясанной шнурком, выходит на сцену и просит у зрителей одолжить ему шляпу. Зрители, конечно, жмутся и не дают шляпы, думая, что Андрюша будет в ней суп варить, или прожжет на видном месте.

Сцена 2. Но нашелся один сознательный гражданин, который и предоставил свою кепочку в распоряжение науки и искусства. И сейчас Андрюша загонит в нее кирпич, который, по истечении времени, исчезнет оттуда, как миленький.

Сцена 3. «Сем, селебем, сембе, симбу!» Кирпич положен в шляпку. И Андрюша просит кого-нибудь из зрителей потрясти ее, пока он считает до десяти и произносит свои международные слова: «Мекеке, рекеке, собака!».

Сцена 4. «Вуаль вуаля!» Был кирпич и весь вышел. Вы имеете пустую кепку.

Аплодисменты, крики «Ура!»

Андрюша дает научное объяснение. Кирпич был новый. От тряски он превратился в песок. Песок, в свою очередь, просыпался на пол, сквозь редкую материю кепочки.

Аплодисменты, крики "Позор!"

Александр Николаевич был в восторге, смеялся от души, а мне самому дал прозвище «Госфикус», употребляя его, когда бывал в веселом настроении, а когда вышла его книга «Снежный покров» подарил ее мне с надписью: «Ване Олигеру – земляку и «Госфикусу» на добрую память.».

Но смех смехом, а все же мне очень хотелось походить вместе с ним по лесу. И вот, благодаря тому, что рябчиков в тот год оказалось на его постоянных маршрутах мало, мне удалось несколько раз уговорить его пройтись и по «моим» местам, где я служил проводником. Во время этих совместных походов я получил от него несколько уроков наблюдательности.

Так, раз он остановился и показал мне на маленькую ямку и рядом с ней кучку земли на тропинке.

– Кто это сделал и зачем? – спросил он.

Я посмотрел. Видно было, что рыл какой-то зверек, но на плотно утоптанной тропинке четких следов разобрать не удалось. Крот? – нет, для крота кучка земли слишком мала, да и хода в земле никакого не видно. Я недоуменно пожал плечами.

– Это – заяц. Он искал здесь оленьи трюфели.

Трюфели? – изумился я. До сих пор я считал, что трюфели растут только где-то в Западной Европе. Читал, что их подают во французских ресторанах, и еще вспомнил, что в нашей старинной охотничьей литературе нос у охотничьих собак бывал «черным, как трюфель», но чтобы у нас кто-то находил трюфели, никогда не слышал.

– Да – трюфели. Зайцы, да и некоторые другие звери их очень любят, чуют сквозь слой почвы – трюфели на поверхность не вылезают – и выкапывают их. Вот, смотрите – и кусочек трюфеля остался.

И он поднял и показал мне кусочек величиной с желудь, снаружи коричневый, а внутри, действительно, черный и пористый, как нос у собаки. С тех пор я внимательно смотрел на подобные прикопки и иногда также находил в них остатки трюфелей.

В другой раз он показал мне на ствол березы, на котором виднелся ряд заплывших дырочек.

– Кто это сделал и зачем?

– Гм... непонятно. Это не короеды, так как у тех дырочки маленькие и круглые, а эти – большие и продолговатые. Дятел? Но, раз нет дырочек короедов, значит, их и самих там не было... да и береза совершенно здоровая, вон – как заплыли все эти дырочки. Да и идут они кольцом вокруг ствола. Неужели дятел ошибся и искал короедов в здоровой березе?

– Нет, – сказал Александр Николаевич, – вовсе он не ошибся, но не короедов искал, а пил березовый сок весной, во время сокодвижения. Дятлы часто проделывают это. Здесь-то, в лесу, это трудно заметить, так как чаще всего дятлы делают это высоко, ближе к кроне. Но посмотрите дома на поленьях и часто обнаружите на них такие кольца. Чаще всего они бывают на березах, но и на других попадаются

И действительно, дома, на дровах, я быстро обнаружил такие кольца.

Кроме наблюдательности, умения замечать в окружающей обстановке малозаметные детали, поражала меня и способность Александра Николаевича, как художника-рисовальщика. Тогда он пользовался цветными карандашами, коробочку с которыми носил с собой. Рисунки делал очень быстро: на изображение куска ствола березы с отодранной корой и вскрытыми дятлом ходами короедов он затратил всего несколько минут.

К сожалению, я не мог тогда там больше оставаться и уехал. Но на следующий год все повторилось: когда в конце сентября приехал Александр Николаевич, опять приходили мужики, сидели, болтали, курили; опять мы сидели рядом, потроша рябчиков и мышей, шутили и смеялись.

В тот год уже в самом начале октября ночью выпала пороша и покрыла ровным слоем все открытые места. Накануне Александр Николаевич охотился неудачно, поэтому согласился пойти со мной в мои места.

Мы шли по дорожке и на свежем снегу четко вырисовывались следы полевок и землероек, перебегавших дорожку поперек, из норки в норку.

– Давайте посчитаем их, – сказал Александр Николаевич.

– Давайте! Вот – один уже есть.

– Нет, – возразил Александр Николаевич, – тут не один, а несколько следов. Надо все сосчитать.

– Но, ведь, они идут из норки в норку и обратно; значит, это – один и тот же зверек.

– Может быть – да, а может быть, и нет. Нет, надо считать все следы и отдельно норки.

В тот день мы долго шли по дорожке, считали следы и беспрерывно свистели - манили рябчиков, но те не отвечали. Мне было очень досадно: сманил Александра Николаевича в свои места, говорил, что здесь рябчиков много, а вот – поди ж ты! Вдруг впереди с земли слетела какая-то черная птица. Желна! Оказалось, она сидела на муравейнике, в котором проделала сбоку большую дыру. Улетать от такого места ей не хотелось, и она уселась неподалеку.

– Давайте, добудем ее для Вари Осмоловской.

Бам! – и желна упала на снег. Я подошел, чтобы взять ее, и вдруг неподалеку засвистел рябчик и тотчас ему откликнулся другой. Я достал манок и свистнул раза два. Рябчик ответил и – «пррр-пррр-пррр» – послышался характерный шум крыльев, и рябчик, вылетев из чащи, сел на высокую, густую ель прямо надо мной. «Чить-чу-рить!» – где ты? – проворковал он.

Я поднял голову, пытаясь рассмотреть рябчика, но густые ветви ели скрывали его. Александр Николаевич, стоявший в стороне, шагах в 20 от меня, тоже вглядывался. Вот он поднял ружье – бам! – и рябчик упал прямо к моим ногам. Мы посвистели еще, надеясь подманить и второго, но он молчал.

– А, ведь, до выстрела по желне вы тоже манили их, но они молчали, – сказал я, – а после выстрела стали перекликаться.

– Да, я несколько раз замечал, что выстрел как будто будит их, – ответил Александр Николаевич.

В тот день мы не вернулись домой, а заночевали в пустом бараке, оставшемся после лесозаготовителей. И там же в эту ночь ночевали несколько лесников местного лесхоза, собравшихся по каким-то своим делам. Конечно, Александр Николаевич не упустил представившейся возможности и подробно расспросил их про охотничьи дела. При этом среди них оказался один – большой юморист, сопровождавший шутливыми замечаниями все рассказы своих коллег. Поэтому в беседе соединилось приятное с полезным: Александр Николаевич записывал интересовавшие его данные и смеялся на замечания шутника.

– Летось, когда я волка убил..., – начинает рассказывать один.

– Али ты волка убил? – перебивает его шутник.

– Убил.

– То-то их мало стало!

Мы смеемся.

– А чем ты его убил? – вступает в разговор молодой наивный парень, чем-то напоминающий такого же наивного парня, изображенного на известной картине Перова «Охотники на привале». Рассказчик недовольно покосился на него.

– Горохом, – ответил он, а шутник тут же подхватил: «Вареным, чтобы шкуру не попортить!».

Так весело мы провели этот вечер.

На другой день мы пошли на охоту по отдельности, так как эти места были Александру Николаевичу знакомы. У меня охота прошла удачно, я добыл пять рябчиков. Но, уходя утром на охоту, я по рассеянности забыл взять рюкзак, и вынужден был класть добычу в карманы пальто, благо эти карманы были довольно обширные. В боковые я положил по два рябчика и одного – в нагрудный.

Возвратился я в барак затемно. Александр Николаевич уже сидел возле топившейся печурки и делал записи в блокноте.

– Ну, как успехи? – спросил я

– Плохо, одного только убил, а еще одного ранил, но он ушел. А у вас как?

Я молча начал вытаскивать из карманов свою добычу. Александр Николаевич с интересом следил за мной. Я вытащил двух из одного кармана и взялся за другой. Александр Николаевич удивленно поднял брови. «Ого!» – сказал он, когда я вытащил четвертого. Я сунул руку в нагрудный карман за последним рябчиком.

– Уж не глухаря ли вы там достаете? – усмехнулся Александр Николаевич.

Но, хотя глухаря и не было, он был огорчен, что я так «обстрелял» его.

Возвращаясь на другой день в Киселево, Александр Николаевич обратил внимание на сухой ствол березы с обломанной верхушкой, у которой вверху виднелось дупло дятла.

– Давайте, попробуем свалить эту березу, – она как будто совсем гнилая – и посмотрим, что там в дупле.

Действительно, мы легко свалили березу и ножом расчистили дупло.

– Ну, вот, видите: последним здесь жил воробьиный сычик – вон сколько перьев мелких птичек.

Так я получил еще один урок: осматривать всё, что можно осмотреть.

Тогда же я сфотографировал Александра Николаевича: с ружьем в руках он стоит возле большого вывороченного комля ели (по местному – «выскиря»), и тянется за ягодами рябины. К сожалению, снимок получился недостаточно резким, но, кажется, это – единственный снимок Александра Николаевича на охоте зимой в лесу.

В 39 и 40-х годах я еще приезжал в Киселево, но на короткое время, и ходить по лесу с Александром Николаевичем мне уже больше не пришлось.

В память о проведенных вместе днях Александр Николаевич в 1948 году прислал мне оттиск своей статьи «Мелкие грызуны и насекомоядные Шарьинского района Костромской области в период 1930-1940 гг.» с надписью: «Дорогому Ване Олигеру на память о шарьинском профессоре, который «все изучат-изучат, а изучить никак не может» – ан все-таки изучил!».

Что касается рябчика, то, на основании собранных мною в Киселеве материалов я пришел к убеждению, что основной ежегодной причиной смертности рябчиков, являются паразитические простейшие – кокцидии и кровепаразиты, поражающие в основном птенцов. Этот же фактор является наиболее вероятной причиной общего сильного – в 8 раз – падения численности, как это показали учёты, произведенные Александром Николаевичем за десятилетний период (1930-1940 гг.).

Полученные материалы и выводы были опубликованы в 1940 году в двух статьях: «Паразитофауна рябчика» и «Паразитические простейшие и их роль в колебаниях численности рябчика».

Александр Николаевич, познакомившись с этими материалами, согласился со сделанными мной выводами лишь частично. Он считал, что основными факторами, определяющими колебания численности рябчика, являются неурожаи в некоторые годы основных кормов рябчика – черники и брусники, – а также неблагоприятные погодные условия, паразиты же могли лишь усилить влияние этих факторов. Все это он изложил в статье «Тетеревиные птицы Шарьинского района Костромской области». К сожалению, эта статья была опубликована лишь в 1976 году, уже после кончины Александра Николаевича, и наш спор с ним по этому вопросу остался незавершенным.

*

После окончания в 1939 году университета я стал работать в Петергофском Биологическом институте лаборантом. Эта работа не удовлетворяла меня ни в материальном, ни в духовном отношении, и я попросил Александра Николаевича помочь мне подыскать более подходящую работу. Он сразу откликнулся и, в результате, с мая 1940 года я стал научным сотрудником Мордовского заповедника, где занялся изучением паразитофауны тетеревиных птиц.

В начале марта 1941 года, направляясь в Ленинград для обработки собранных паразитических материалов, я зашел в Москве к Александру Николаевичу. В разговоре выяснилось, что в этот момент в Крымском заповеднике ведется отстрел оленей и косуль, который производит один из бывших учеников Александра Николаевича, снайпер И.К. Андреев. Таким образом, намечалась возможность получить очень интересный материал по инфузориям желудка этих копытных. Александр Николаевич вполне поддержал эту идею и помог мне получить командировку в Крымский заповедник. К сожалению, добытые там материалы пропали за время войны.

В январе 1943 года я оказался в Москве, в составе слушателей Военной химакадемии. Узнав, что Александр Николаевич тоже в Москве, я, получив увольнительную, отправился к нему.

Александр Николаевич жил тогда плохо. Особенные неприятности доставляло ему отопление. Квартира отапливалась только железной «буржуйкой», стоявшей в одной из двух комнат квартиры. И проклятая "буржуйка", разгоралась очень медленно и, пока не прогреются все дымоходы, нещадно дымила. Поэтому, растапливая её, Александр Николаевич вставал перед ней на колени, и, ругаясь, размахивал перед открытой дверцей тетрадкой, пытаясь загнать обратно валивший из дверцы дым. Я пытался взять все это на себя, но Александр Николаевич не давал, говоря, что он уже приспособился и изучил нрав окаянной «буржуйки». Таким образом, мне оставалось только вздыхать и смотреть на тяжкие усилия Александра Николаевича. Однако верный своей привычке везде подмечать что-либо смешное, я потом, однажды, уже в университете, в кабинете Александра Николаевича, в присутствии аспирантов и студентов, изобразил что-то в комической форме «из нынешней жизни в квартире профессора». Все смеялись, и Александр Николаевич тоже. Но, оказалось, что он все же обиделся, и, после моего ухода, сказал, что «Олигер – немыслимый зубоскал и для него нет ничего святого». Но никаких последствий из этой небольшой размолвки не последовало. Напротив, когда я сказал ему, что мое нынешнее пребывание в химакадемии и предстоящая деятельность в армии в качестве начхима очень мне не по душе, Александр Николаевич направил меня к Калабухову, который мог помочь мне служить в армии по моей специальности. И действительно, вскоре я отправился на фронт в качестве зоолога.

После войны, демобилизовавшись в январе 1946 года, я, конечно, сразу же направился к Александру Николаевичу. От него я узнал, что организован новый Дарвинский заповедник, работа в котором обещает много интересного, а директором там тот самый И.К. Андреев, с которым я ходил по горам в Крымском заповеднике в марте 41 года. Разумеется, мне очень захотелось попасть туда, и Александр Николаевич поспособствовал мне в этом.

А весной 1947 года Александр Николаевич, вместе с женой, В.И. Осмоловской, приехал в заповедник поохотиться (разумеется, за пределами заповедника).

На другой день, погрузив в лодку корзинки с подсадными утками и всякое охотничье снаряжение, мы отправились. До намеченного места было несколько километров. Прибыв туда, мы выбрали на разливе подходящие островки, поставили на них шалаши, расселись. Высаженные утки начали призывно кричать, однако, селезни не появились, возможно, потому, что погода у вечеру начала портиться: подул довольно сильный северный ветер, и заметно похолодало. Все же мы досидели до темноты. Ехать домой ночью не захотелось, и мы остались ночевать на островке. Развели костер, согрели чайник, закусили. Однако толстых дров найти не удалось, поэтому ночью то и дело приходилось вставать, чтобы поддержать огонь. Ночь прошла беспокойно, и утром Александр Николаевич встал не выспавшийся и недовольный. К тому же и утренняя охота из-за непрекращающегося ветра оказалась безуспешной.

Поэтому днем, после того, как согрели чай и перекусили, я решил поехать в другое место, где были маленькие бухточки, закрытые от ветра высоким лесом. Правда, чтобы добраться туда, надо было пересечь плёс, арендованный Всеармейским военно-охотничьим обществом, охота на котором производилась только по путевкам. Но Александр Николаевич сказал, что путевки у них есть, они взяли их еще в Москве. И мы поехали.

Вот и плес ВВОО – видны островки с поставленными на них шалашами; шалаши добротные, высокие, крытые еловым лапником, резко выделяющиеся на открытых песчаных косах.

И вдруг от одного из этих островков к нам быстро направилась лодка.

– Стой, стой! – громко кричал гребец.

Мы остановились. Лодка подлетела к нам.

– Опять заповедницкие браконьерничаете! – закричал сидевший в лодке егерь – да еще и гостей везете. Отберу ружья!

– Но у нас есть путевки, – спокойно сказал Александр Николаевич.

– Какие еще путевки? Никто у нас путевок не брал. Предъявите!

Александр Николаевич достал путевки. Егерь взял их, посмотрел.

– А-а-а-а ...разочарованно протянул он, – у вас без обслуживания. Ну, ладно, тогда поезжайте. Но шалаши не занимайте и близко к ним не подъезжайте.

– Да нам ваши шалаши и не нужны.

И мы поехали дальше. Но разговор запомнился, и впредь, при встречах, рассказывая об охотах, мы обязательно добавляли, что охота была «с обслуживанием», или «без обслуживания!».

Скоро мы нашли уютную бухточку в устье небольшой речки. Но для совместной охоты здесь места не было и мы решили, что пусть здесь останется Варя, а мы пойдем дальше. Она согласилась и начала строить шалаш. Александр Николаевич наблюдал за этим с явным неудовольствием, и, наконец, не выдержал: «Да кто же так ставит шалаш? Это – как у тех егерей, для генералов, – ни один селезень сюда не подлетит и не сядет».

Варя взглянула на него.

– Ну, ладно, – сказала она. – Знаете, что? Садитесь лучше Вы тут, а мы пройдем дальше.

Александр Николаевич сразу согласился и стал строить шалаш, а мы пошли вверх по речке. Шли не торопясь. Разговаривали, с сожалением констатируя все неудачи поездки, и то, как они повлияли на настроение Александра Николаевича. Но вот сзади закричала наша утка – и тотчас над нашими головами с «шарпеньем» пролетел селезень. Еще несколько минут – и послышался выстрел. Мы улыбнулись друг другу: всё в порядке, есть селезень. Прошлись, не торопясь, еще. Минут через 30-40 опять услышали выстрел. Немного подождали еще, но больше стрельбы не было. Надвигался вечер, пора было возвращаться, и мы пошли назад.

Вот и знакомая бухточка, и Александр Николаевич стоит на берегу. Его было не узнать: сияющий, держа за лапы в высоко поднятых руках добытых селезней, он с увлечением стал рассказывать нам, как кричала утка, и как грохнулся к ней селезень, так что сразу стрелять было нельзя – словом все перипетии охоты. Так, веселые и довольные мы поехали домой.

– А из генеральских-то шалашей не было слышно ни одного выстрела, – с удовлетворением заметил Александр Николаевич. – Хоть и «с обслуживанием».

*

В дальнейшем мы встречались уже лишь на квартире Александра Николаевича.

Но в 1959 году, в связи с 60-летием Александра Николаевича, в Москве была организована выставка его рисунков. Она прошла очень интересно, тем более что Александр Николаевич охотно комментировал рисунки, рассказывал об обстоятельствах, сопутствовавших их изготовлению.

И вот, выставка уже заканчивалась, последние посетители и сам Александр Николаевич уже собирались расходиться, как меня осенила идея: собраться тесным кружком друзей и отметить столь замечательное событие за столом. Я кинулся с этой идеей к Александру Николаевичу. Подумав немного, он сказал, что не против, но негде – его квартира слишком тесна для этого.

– А если мы это сделаем у кого-нибудь? Например, у Макара Слепцова? У него очень большая комната.

– Но он уже ушел.

– Созвонимся по телефону.

И мои усилия увенчались успехом – вечером мы собрались на квартире М.М. Слепцова и его жены Н.Л. Гершкович. Собралось человек 15-16. К сожалению, теперь я могу вспомнить из присутствовавших, кроме самих хозяев и Александра Николаевича с женой, только Ю.А. Исакова с женой – О.Н. Сазоновой.

Хозяйка, Надежда Львовна, и Варвара Ивановна успели приготовить угощение, и встреча прошла весело и непринужденно. Однако в тактическом отношении мой план проведения этой встречи потерпел полное фиаско. Я предполагал, что, как и на выставке, мы будем задавать вопросы, а Александр Николаевич рассказывать те или иные случаи жизни.

Но не тут-то было! Хозяин квартиры, Макар Митрофанович Слепцов, обладал огромным запасом всевозможных, случавшихся с ним историй, которые он рассказывал с неподражаемым юмором. Таким образом, почти

все время мы слушали его и смеялись. А когда стали прощаться, Александр Николаевич подошел ко мне и сказал: "Ну, спасибо, за то, что придумали такой вечер!"

В 1973 году, 26 декабря, я приехал в Москву на экологическую конференцию и узнал здесь о кончине Александра Николаевича. Выяснив, что гражданская панихида состоится в Институте географии, я отправился туда.

Александр Николаевич лежал спокойный, казалось, просто отдыхая после трудного похода. И я простился со своим дорогим учителем и другом.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СТРЕЛКОВ
(1903 – 1977)

Зоолог-протистолог, морской гидробиолог. В 1922 году поступил и в 1927 году окончил биологический факультет Ленинградского университета. 1927 – 1930 гг. – аспирантура в лаборатории зоологии беспозвоночных у В.А. Догеля. С 1930 по 1948 гг. – сотрудник кафедры зоологи Пединститута им. Герцена, сначала ассистент, затем заведующий кафедрой. Защитил докторскую диссертацию в 1939 году. В 1948 году уволен, как несогласный с идеями Т.Д. Лысенко.

С 1944 года – сотрудник лаборатории протистологии Зоологического института АН СССР, с 1954 года и до кончины в 1977 году – заведующий лабораторией. Кроме основной работы в течение многих лет фактически возглавлял всю научно-издательскую деятельность ЗИНа. Участник многих экспедиций, как в пределах СССР, так и за границей (в Китай, на Кубу, в Тихий и Индийский океан на «Витязе»).

Основные научные труды: «Паразитические инфузории из кишечника непарнокопытных семейства Equidae». Соавтор «Атласа промысловых беспозвоночных дальневосточных морей», «Большой практикум по зоологии беспозвоночных».

* * *

Имеется превосходная биография А.А. Стрелкова, написанная его женой О.С. Стрелковой (Отечественные зоологи. А.А. Стрелков, Д.В. Наумов, Ю.И. Полянский. Труды Зоологического института РАН. Т. 266. СПб., 1996). В ней не только описаны все основные этапы жизни Александра Александровича, но и раскрыты основные черты его характера, его отношение к событиям и людям, его увлечения.

Мы видим, что, прежде всего это был необыкновенно трудолюбивый человек, настоящий, как говорится «трудяга», и не только в смысле времени, отводимого ежедневно на работу, но и в отношении к делу. Дело – прежде всего, причем преданность ему как таковому, а не личной выгоде, то есть, прежде всего, интересы лаборатории, кафедры, курса. При этом кроме неизменной преданности определенному направлению в науке, взятому еще на студенческой скамье, характерен живой интерес ко всем смежным областям, благодаря чему Александр Александрович обладал огромной эрудицией, позволявшей не просто числиться редактором самых разнообразных зоологических сочинений, но и осуществлять не просто корректорское, а действительное научное редактирование. В этом деле, как и во многих других, хорошо проявлялась и еще одна черта характера Александра Александровича – доброта, желание помочь, но сделать это по возможности деликатно и незаметно.

А.А. Стрелков не был "ученым сухарем", ничем, кроме своих «козявок» не интересовавшимся, напротив, он очень любил различные виды искусства – классическую музыку, балет, изобразительное искусство, очень увлекался библиотечным делом. В последнем трудно было отделить интерес, как любителя от работы: значительную часть времени он проводил в библиотеке института и дома собрал огромную библиотеку по зоологии и изобразительному искусству. Но, опять-таки, следует подчеркнуть, что на первом месте всегда стояла преданность делу. Как только он стал замечать, что сил и времени на все уже не хватает – в первую очередь сильно сократил увлечения.

В молодости он любил лыжные прогулки, выезды в природу, на дачу, но затем они стали реже и, наконец, полностью прекратились, как и посещения филармонии, балетных спектаклей, выставок художников. Однако, различные предметы искусства он продолжал собирать, отдавая общению с ними немногие минуты отдыха. Единственное, чего не хватает в этой биографии – это собственных слов Александра Александровича, мыслей, переживаний, оценок событий и людей. Объясняется это, как неоднократно отмечает Ольга Степановна, чрезвычайной скрытностью и замкнутостью его характера, при этом он вовсе не был молчуном вообще. Правда, в обычных разговорах на текущие житейские темы, он участия не принимал, но с удовольствием обсуждал различные научные вопросы, часто выступал на научных заседаниях, особенно с обобщением в конце их. К себе в душу он не пускал даже самых близких людей, но вовсе не потому, что был «бесчувственный сухарь», а из скромности, не желая казаться навязчивым. Немного раскрываться он позволял себе лишь в письмах.

Из своих многочисленных дальних вояжей Александр Александрович писал жене подробные письма с описаниями природы, людей, всего увиденного и того, что он при этом чувствовал. К сожалению, Ольга Степановна не привела выдержек из этих писем, ограничившись отдельными словам и фразами.

Но мне повезло. Сначала я имел удовольствие познакомиться и лично общаться с Александром Александровичем, а затем поддерживал знакомство во время ежегодных поездок в Ленинград, останавливаясь всегда в его семье. Была между нами и довольно оживленная (особенно вначале) переписка, из которой я смог узнать многое из того, что было в душе этого скрытного человека.

Основываясь на воспоминаниях и письмах Александра Александровича, которых сохранилось у меня 43, я попытаюсь рассказать о нем. Может быть, это добавит кое-какие штрихи к биографии этого замечательного человека.

Впервые я увидел Александра Александровича Стрелкова в зиму 1935-36 гг., когда был студентом 2-го курса биофака ЛГУ и специализировался по паразитологии у профессора В.А. Догеля. На кафедре тогда проводились регулярные научные семинары и заседания студенческого кружка. На них обычно присутствовали не только сотрудники кафедры зоологии беспозвоночных и занимавшиеся на ней студенты, но и многие «догелевцы», работавшие в других учреждениях Ленинграда.

В числе прочих часто приходил и Александр Александрович. Это был человек небольшого роста, суховатого телосложения, скромно одетый, в простых металлических очках, с негромким голосом, никогда не старавшийся выйти «на первый план». Рядом с такими импозантными фигурами, как В.А. Догель, Ю.И. Полянский, он казался совершенно незаметным. Во время заседания обычно тихо сидел где-нибудь в уголке, не вступая в разговоры и обсуждения услышанного, лишь иногда делал краткое резюме в конце. Никакого особого впечатления от этих встреч у меня не осталось, и кроме приветствия при встречах никаких других контактов между нами не возникло вплоть до окончания мною университета в 1939 году.

С осени 1939 года я стал лаборантом в Петергофском Биологическом институте. В большой комнате зоологической лаборатории работали тогда многие сотрудники и аспиранты-зоологи: А.С. и П.С. Мальчевские, Н.И. Калабухов и другие. Сюда же еженедельно приезжал на 2-3 дня и работал Александр Александрович.

Вечером большинство из них расходилось по своим квартирам. Я же, закончив лаборантские дела, садился за обработку собственного материала по паразитофауне рябчика. Часто вечером оставался и Александр Александрович. Наши рабочие места располагались рядом, и естественно, что сначала мы обменивались короткими замечаниями, а постепенно стали переговариваться все больше, особенно если оставались в лаборатории вдвоем. К тому же я тогда обрабатывал группу простейших, и Александр Александрович, специалист по ним, проявлял внимание к моей работе. Частенько, когда я обнаруживал под микроскопом что-нибудь интересное, он вставал и тоже заглядывал в него. Однажды, увидев на мазке крови очень крупную трипаносому галпинарум, он с восхищением воскликнул: «Ого, вот это вещь! Вот бы студентам показать», и я отдал ему этот мазок.

Постепенно отношения наши становились все более тесными и дружескими, насколько вообще могут быть дружескими отношения между профессором и лаборантом – бывшим студентом. Очень характерен такой эпизод. Как-то я пожаловался, что, вот, на мазке всего один паразит, а иногда его нужно еще раз посмотреть и много времени уходит, чтобы отыскать его снова.

– А вы делайте вокруг него колечко тушью, – сказал Александр Александрович.

– Да сверху по мазку нехорошо, мазок испортишь, а там может быть еще что-нибудь интересное.

– Так делайте снизу, по стеклу.

– Пробовал, да не получается, не умею.

– Как вы сказали, «не умею»? – иронически переспросил Александр Александрович. – Больше мне таких слов не говорите.

– Понял, – ответил я, и запомнил это время на всю жизнь.

Действительно, можно что-то физически не в состоянии сделать, но что можешь и обязан, не уметь нельзя.

Вероятно, нашему сближению тогда способствовала и моя любовь ко всякой юмористике. Время от времени, отрываясь от микроскопа, я выдавал какую-нибудь смешную историю, вычитанную в газете или журнале, рассказывал хороший анекдот, а то и изображал в лицах смешные случаи из жизни окружающих. Александр Александрович, хотя сам никогда не рассказывал ничего подобного, очень любил мои рассказы и всегда весело смеялся. Конечно, ни тогда, ни впоследствии я не позволял себе ни малейшей «хохмы» в его адрес, всегда держал себя по отношению к нему как студент к профессору, как ученик к учителю.

По воскресеньям мы, тамошние жители Петергофа – лаборанты, аспиранты и ассистенты вставали на лыжи и отправлялись на прогулку по парку и окрестностям Петергофа. В этих прогулках Александр Александрович принимал непременное участие, чаще всего замыкая нашу кавалькаду. Народ был в лыжном отношении малоопытный, несмотря на отсутствие высоких и крутых гор случались падения, так что шума и смеха было достаточно, да и сама прогулка по чудесному парку всегда была прекрасным отдыхом, давая заряд бодрости на всю неделю.

Такая жизнь продолжалась до весны 1940 года, когда я уехал на работу в Мордовский заповедник. С этого времени началась наша переписка, которая позволила мне открыть и узнать многие черты личности Александра Александро-вича, черты, которые даже при частом личном общении оставались почти или совсем незаметными ввиду его молчаливости и замкнутости.

Вот первое из сохранившихся у меня его писем.

Дальние Зеленцы, МБС, 2.X.40.

«Дорогой Иван Михайлович!

Здорово мы поработали! Насладились Баренцевской «фауной», насмотрелись, бог знает чего. Много мне пришлось исправить в моих иглокожих – очень удачно я попал сюда – еще до того, как они пошли в издательство. Приеду, отшлифую их, тогда будут они на большой! Здешнее море производит совершенно сногсшибательное впечатление! Берег один чего стоит – гранит такой первозданный, ни одной зелениночки, будто безжизненно все. Присутствие фитов всяких узнается только сейчас, глубокой осенью, когда на скалах «золотая Осень» полярная береза золотится, выделяется пятнами (довольно яркими), а какое-то другое растеньице маленькое сейчас красными ковриками кое-где покрывает камни. Море настоящее, иногда бурное, с приливами и отливами (разность уровней иногда доходит до 4-х метров), с литоралью настоящей, с фиордами, некоторые с круглыми бухтами (вроде здешней Зеленцовской). На лодке выедешь – дух захватывает от одного ощущения, что наконец-то попал на Мурман. Общеобразовательное значение поездки громадное я нарочно не стремился собирать себе

что-нибудь, дабы выкроить какую-нибудь темку (это сделать очень просто) и не жалею. Гораздо важней для меня все, что можно было посмотреть и убедиться, что какой-нибудь *Priapulus phallusia* вполне соответствует своим названиям, многие годы не удастся забыть, что увидел за этот месяц.

Кое-что, конечно, привезем с собой – едет живье кое-какое, 400 маринованных звезд и прочего целый чемодан. Все было очень удачно, под конец только непогода задерживает нас здесь – штормует, и пятый день не можем выехать со станции. Ну да наплевать, это уважительная причина, от нас не зависящая. Сидим, читаем в станционной библиотеке, уйти никуда нельзя, ибо в любой момент может случиться оказия. Подробности при личном свидании, которое, надеюсь, скоро. А. Стрелков».

Вероятно, очень многие, попав в столь незнакомый и удивительный мир Заполярья, начали бы письмо с восторгов и описаний этих чудес. Но Александр Александрович верен себе – прежде всего дело: «здорово мы поработали». И далее мы видим, что главное внимание было уделено не сборам для себя лично (хотя «это сделать очень просто»), а возможности познакомиться пошире в натуре со всем тем, что знал лишь по книгам, чтобы использовать полученные знания в дальнейшей работе. И сборы сделаны, прежде всего, для кафедры, для студентов.

Однако, хотя работа и на первом месте, но и у него «дух захватывает от одного ощущения, что наконец-то попал на Мурман». А скорая встреча наша действительно состоялась: в начале 1941 года я побывал у него. И вскоре появилась замечательная перспектива укрепить наши контакты по научной линии, именно: в марте 1941 года мне удалось сделать большие сборы инфузорий из желудков диких парнокопытных (оленей и косуль) Крымского заповедника. Разумеется, дальнейшая работа над ними намечалась под непосредственным руководством Александра Александровича, Но началась война...

В начале войны от него пришло письмо, где рассказывается о начавшейся блокаде Ленинграда (письмо от 5 июля 1941 года). Как и все, он записался в народное ополчение и «... был уже зачислен в ветеринарную часть дивизии, но, в силу своей необученности, был изгнан...». Далее он сообщает, что стал в институте Герцена заведующим кафедрой, вместо ушедшего на фронт Ю.И. Полянского. А с Петергофом распростился, так как появилось много новых обязанностей, в том числе «пожарная», с круглосуточным пребыванием в стенах института. «В случае тревоги пожарники моментально рассыпаются по крышам и чердакам (в том числе и я)». Но и здесь, в условиях начавшейся блокады, Александр Александрович остается верным себе помогать, чем может, прежде всего, в вопросах науки, и дает мне несколько методических советов по обработке моих сборов. Реально оценивая обстановку, он пишет, что «в той сутолоке, которая сейчас здесь наблюдается», вряд ли будет заниматься научной работой. Хотя весь тон письма бодрый, заканчивается оно одним словом «Прощайте» – идет война.

После этого в нашей переписке наступил длительный перерыв, когда мы ничего не знали друг о друге: я был на фронте, он в эвакуации. Только в конце 1944 года я узнал от В.Б. Дубинина, что А.А. Стрелков вернулся в Ленинград, написал ему и вскоре получил ответ на адрес полевой почты, «треугольничек» от 15.01.45.

Письмо начинается тем, что Александр Александрович выражает радость по поводу того, что время эвакуации кончилось, и вся их семья снова вместе. «... И живем с двумя бабками, как у Христа за пазухой».

Основное содержание письма о работе. Несмотря на то, что многое еще разрушено, в аудиториях холод «...учим полным ходом и помногу..., так что я, например, 4 дня в неделю имею почти каждый день по 6 часов лекций. Это порция солидная». В свободные от преподавательской деятельности дни он находит себе работу, поступив в ЗИН, в лабораторию протистологии, возглавляемую В.А. Догелем. «Где и сижу пятницу и субботу, наподобие Петергофа, и видимо это будет тем тихим пристанищем, куда буду уединяться от мирских сует для работы, по примеру многих прошлых лет. Сейчас я только вхожу еще во вкус (забыл здорово инфузорий за время изгнания, с ними там нигде не пришлось иметь дела), но уже начал составлять для ЗИНа определитель по паразитическим инфузориям... Вспоминается с трудом, но все же сдвинулось с мертвой точки... А потом в наших планах работы со свободно живущими простейшими... Кроме того, я как-то недавно съездил в Москву, привез оттуда рукопись «Практикума», II том, который надо было «освежить» слегка, и сейчас уже сдал окончательно в печать.».

Итак, найдено «тихое пристанище», где можно спокойно поработать над любыми простейшими, подобно тому, как это было в Петергофе.

Что касается самого Петергофа, то Александр Александрович побывал там. «Ездил я несколько раз в Петергоф. Одно расстройство только. Остались деревья, пруды в значительной степени спущены (особенно Кристателевый, через него можно с дамбы прямо перейти на остров), и здания в развалинах. Но каменная голова стоит, и тот дуб с дуплом, а парк прорежен настолько, что ни аллеи к общежитию, ни аллеи вздохов нет, другие места трудно узнаваемы, заросло все диким, выше человека, репьем. Так что Петергофа нет, хотя будут пытаться восстанавливать... Но бурсарии в прудах есть, и у нас они уже идут в культуре, и опять начинается работа с ними.». Так бодро заканчивает свой грустный рассказ о Петергофе Александр Александрович – есть все же, с чем работать.

Далее Александр Александрович останавливается на юбилейных торжествах по поводу 125-летия Ленинградского Университета. «Сессия из более чем 20 докладов прошла при большом стечении народа, на пленарных заседаниях Актовый зал был набит битком (я слушал в таком состоянии Тарле с очень интересным и содержательным сообщением о политике Екатерины II, О.Ю. Шмидта о новой теории происхождения Земли, Патрона – о 125 годах университетской биологии и ряд других). И секционные заседания тоже собирали народ, но секционные доклады были не всегда полновесны. Нельзя, конечно, ставить в один ряд доклад Патрона о зоогеографии распространения паразитов в пределах СССР (синтез многолетней работы всех его подручных по паразитам рыб) с докладами Европейцевой, Вернидуб и иже с ними (тут уж конечно чувствуется блат своеобразный). Университет использовал юбилей и подкрасился (это почти единственное здание в Питере, приведенное в порядок извне) и стекла вставил. Конечно, внутри хуже – холодно, и у нас в лаборатории, например, топится только профессорская, где и сидит главным образом народ. К серьезной «деятельности» это, конечно, не располагает и настоящего пульса нет. Нет его и в других местах.».

В этих немногих строках хорошо обрисованы особенности восстановительного периода в мире науки в конце войны в Ленинграде: холодно и работать по-настоящему трудно, но все же справили юбилей и на высоком уровне. Лишь в конце письма Александр Александрович приводит некоторые подробности быта семьи в эвакуации и по возвращении.

«Дома у меня все в абсолютном порядке. В квартире жили блокаду наши соседи, а их сын был в начале войны вместе с нашими ребятами в Ярославской области, и там они прожили до нашего прибытия в Кыштым осенью 42 года. А когда мы туда выписывали своих сыновей, то дико было его оставлять одного, и все время, до приезда в августе 44-го сюда у нас было 3 сына. Так вот и получился товарообмен: мы привезли толстенького упитанного Сашку, а нам была вручена в идеальном, чистом виде квартира (и со всеми книжками, количество которых стараюсь всячески приумножить). Урон, конечно, понесен большой в виде того, что было брошено при драпе с Кавказа (с рюкзачками за спиной) – там была вся новая хорошая мягкая рухлядь, так что в Кыштыме, когда начались 40-50 градусные морозы, у нас с Лелькой был выданный на двоих один полушубок, в котором она ходила и здесь за отсутствием других одеяний. И только сейчас она немного приоделась (завела приличное пальтишко, например). Хорошо, что старое бельишко осталось здесь, есть во что переодеться в бане.

Живем, в общем, дружно. Дома за войну семья сцементировалась в крепкое сооружение, и если не все еще пришло в норму (мальчикам не хватает, например, хлебца), то надежды юношей питают во всех смыслах».

Таким образом, весь тон письма, за исключением нескольких их грустных ноток по поводу разрушенного Петергофа, бодрый и оптимистичный – есть работа, много работы, а в планах еще больше. Однако война еще не кончена, и заканчивается письмо фразой: «Хотелось бы до свиданья. Пишите. Ваш А. Стрелков.».

После войны, в 1946 году я перешел на работу в Дарвинский заповедник, на Рыбинском водохранилище. Темой моих исследований там, послуживших основой для кандидатской диссертации, было изучение паразитофауны тетеревиных птиц. В течение всего периода работы над темой Александр Александрович не только давал мне различные методические указания и советы, а также литературные справки, но нередко и сам, найдя где-то в журналах могущую пригодиться мне статью, сообщал о ней.

Но вот наступил 1948 год, состоялась пресловутая августовская сессия ВАСХНИЛ с разгромом «вейсманизма-менделизма-морганизма». О последовавших затем оргвыводах в отношении известных московских ученых, в частности А.Н. Формозова, Д.А. Сабинина и других, к нам в заповедник доносились слухи. Но из других мест, в том числе и из Ленинграда сначала подобных сведений не было. Можно было подумать, что дело ограничилось Москвой». На мой запрос по этому поводу Александр Александрович ответил не сразу. И вот получено от него замечательное письмо от 29.IX.48, которое ярко характеризует и происшедшие в Ленинграде события, и общую атмосферу этого периода, и, наконец, как все это отразилось на судьбе самого Александра Александровича, и его мысли и переживания по поводу всего увиденного и случившегося с ним. Приведу это письмо целиком.

«Лнгр., 29.IX.48.

Дорогой Иван Михайлович!

О делах московских на биологическом фронте Вы, вероятно, слышали, может, слышали кое-что и о наших. О последних я долго не решался Вам сообщить, побаивался, грозятся, что дело может перейти на Литейный; в последнем случае лучше без сообщений. Но все же авария по всем швам, Юрий Иванович, Хейсин, Лобашов, Гербильский, Айрапетьянц, Новиков (позвоночник) полностью безработные, я сижу в ЗИНе только на 1/2 ставки, из Герценовского уволен с волчьим паспортом (без права преподавания в Вузе). К...в, О...в, У.. .вский, Трифонов, (4 фамилии неразборчиво) уволены в других местах. На нашей кафедре царствует Таиса (Виноградова – И.О.), развернулась во всю ширь. Всем этим мероприятиям предшествовали массовые аттракционы с участием перепуганных, с мокрыми затылками биологов, невероятные по мерзкости. Если будете зимою здесь, получите информацию полную.

Партийцев – вон из партии, правда, пока в первых инстанциях, утверждений еще не было (это о Юрии Ивановиче, Хейсине, Лобашове, Новикове). Все сидят без дела, никаких проблесков еще не было, ждут разрешения партийных дел. Вероятно, придется разъехаться по необъятной нашей Родине, говорят о рассылке всех изгнанных из употребления.

Дело это все продолжается, захватывая все новые и новые круги и горизонты. Парят сейчас ВИЭМ, продолжают чистить Университет.

На кафедре у Патрона (Догеля – И.О.) более благополучно изъят Юрий Иванович (Полянский – И.О). Патрона не тронули вообще, произошли передвижки. Марков стал доцентом и на ассистентское место принята Маруся Волкова (Белопольская тож).

В ЗИНе пока спокойней, собрания прошли на деловом уровне, в жертву предан только настоящий, действительный генетик Кирпичников (докторант, Вы его знаете). Но партия грозится, что здесь приют имеют антимичуринцы, грозится протянуть свою руку сюда, спокойствия нет никакого.

В общем, чувствую себя каким-то преступником, по двору Герценовскому стараюсь не ходить, к счастью, проделали дыру в заборе, можно пролезть прямо на улицу, а то много знакомых, кланяться публично боятся, многие отвертываются (хотя в общем сочувствуют, ибо я-то втяпался в антимичуринцы по совершеннейшему недоразумению), ну и бог с ними, стараюсь не давать повода ни для каких действий. 18 лет в Педвузе как не бывало! Никто не вспомнил даже, скорей, это ставилось в вину – столько лет портил молодежь. Вот с этим я никак примириться не могу, несправедливость чудовищная.

Степановна моя держится на волоске, ее работы с хромозомами тоже преступны, она от них сейчас отказывается, но прошлое-то не вычеркнешь (я считаю, что и не надо), все время роются под нее. Если подроются, скандал будет.

Вот вкратце наши дела. Очень прошу письмишко не комментировать, следят за перепиской. Ваш А. Стрелков».

Как видим, молчание его объяснялось опасением того, что «дело может перейти на Литейный» – ленинградскую Лубянку – и, вероятно, в отношении некоторых ученых так оно и было. Перечислив далее фамилии

многих изгнанных с работы биологов (из них 4 написаны неразборчиво), Александр Александрович замечает, что этому предшествовали «аттракционы, невероятные по мерзкости». На кафедре зоологии беспозвоночных в Университете обошлось более или менее благополучно, уволили лишь Ю.И. Полянского и возвели в ранг доцента Г.С. Маркова – ярого лысенковца. Также и в ЗИНе обошлось лишь изгнанием одного настоящего классического генетика – Кирпичникова.

Далее, переходя к собственным делам, Александр Александрович сообщает любопытный штрих, характеризующий общую атмосферу тех времен: дабы не встречаться с бывшими сослуживцами (одних не хочется видеть, другие боятся раскланиваться с ним), перестал ходить по институтскому двору, а вылезал через дыру в решетчатой ограде прямо на набережную Мойки. И с сожалением отмечает: «18 лет в Педвузе как не бывало!».

Заканчивается письмо тоже очень характерно: «Очень прошу письмишко не комментировать, следят за перепиской».

Получив это письмо, я тут же переговорил с руководством заповедника и, получив согласие на принятие в заповедник на работу А.А. Стрелкова, сообщил ему об этом. Ответ пришел быстро (письмо от 18.X.48.).

Поблагодарив за участие в его судьбе, написал, что уезжать из Питера сейчас ему нет оснований, так как в ЗИНе его не только не уволили, а напротив, собираются перевести на полную ставку. Он замечает, что «... оказался в более выгодном положении по сравнению со всеми прочими: ни Юрий Иванович, ни Хейсин, ни Лобашов, ни Новиков (позвоночник), ни остальные ничего не имеют, им ничего не дают делать, несмотря на наличие свободных мест в ряде Ленинградских институтов (исследовательских). До получения, де, инструкций свыше ничего сделать не можем, принять боимся. Партийные люди ждут разрешения их партийных дел, кое-кого в первых инстанциях постановлено исключить (Юрий Иванович, Хейсин), но утверждение этих решений в высших инстанциях задерживается».

И дальше: «В общем, настроение немного поднялось (я даже в театр сходил раз), как будто самая острота прошла, но идеологическая перетряска продолжается, уже без оргвыводов, типичных для первых периодов. По ЗИНу резко критиковали Рубцова за его «Биологические методы борьбы», предполагают с дресвой продрать Кирпичникова в ближайшее время»...». Волька (Дубинин – И.О.) поглощен реорганизацией первого зала музея, чему придают большое значение не только в ЗИНовском масштабе, но и в общегородском – это ведь будет единственный в городе музей, где будет показана эволюция уже в новом плане.».

После этой переделки в зале появились разные домашние животные: асканийский меринос, украинская свинья, выведенная Ивановым, и другие. К этой работе был привлечен и Александр Александрович, «... правда, инкогнито», вероятно, ввиду недостаточной уверенности в его приверженности мичуринской биологии.

Сообщает также Александр Александрович, что жену его, Ольгу Степановну, «... как-будто оставили в покое, хотя, по ряду обстоятельств, за это еще поручиться нельзя. Спокойно работать трудно ей из-за этого, лекции проходят с большим напряжением.».

И опять с горечью отмечает отлучение его от педагогики: «Я же без педагогики чувствую себя плохо. Мне, как говорится, не хватает общения со студенческой массой, за 18 лет преподавания я отставлен совершенно, и это тем более досадно, что мне удавалось находить подходящую форму внутренней связи с аудиторией. Я научился приспосабливаться и к мокрохвостым девчонкам на первом курсе основного и к зрелым учителям вечернего и заочного секторов. Вот отставку такого рода пережить трудно.».

Однако, понимая, что его положение все же много лучше, чем у других, оставшихся безработными, он заключает: «А так плакаться мне грешно все же. И не буду!». Сообщив в конце письма вкратце о том, что старший сын, Юрий удачно съездил на Мурман и теперь обрабатывает привезенное, он заканчивает: «Вот и все пока. Еще раз спасибо Вам. Ваш А. Стрелков.».

В последующие годы авторитет Александра Александровича в ЗИНе сильно вырос и положение укрепилось. Это выразилось, в числе прочего, и в том, что его часто посылали в дальние экспедиции. Первая состоялась еще в 1946 году на Южный Сахалин. Разумеется, он привез оттуда не только материал для работы в ЗИНе, но и массу всего для занятий со студентами в Герценовском Пединституте. Следующая, на Южные Курилы, состоялась в 1949 году. Сразу по возвращении оттуда он пишет мне подробное письмо (от 25.X.49) об условиях и результатах работы в экспедиции. «Съездил очень здорово. На нашем острове был восточный мысок, который на картах так и получил название «Край света». Этот термин вполне соответствует и вообще нашему географическому полушарию – мы действительно попали на край Советского Союза... Оттуда я добирался месяц, туда два, а если зачесть, что в отсутствии мы пробыли почти 5 месяцев (выехали из Лнгр. 30.V), то чувствуете, какая диспропорция получается рабочего и нерабочего времени. Очень уж это все оказалось далеко». «... Впечатлений приятных масса, но привез барахлишка всякого мало в этот раз – некуда и не для чего. В тот раз с Сахалина я привез много чего для кафедры, сейчас же это отпадает...» (видно, как сожалеет Александр Александрович об утраченной педагогической работе). «А материала научного масса по всем линиям, в том числе и лично для себя.».

«Места интересные чрезвычайно, но туманы все время, либо с утра, либо, наоборот, к вечеру. Воздух влажный, когда тепло, то парко. Всюду, когда нет тумана, очень живописно. Лес пихтовый плюс особенная черноствольная береза с кудрявой кроной, под пихтой – виноград, бамбук, вроде, как на Сахалине. Бухты (в них мы работали порядочно) разнообразны и весьма живописны, с массой животных. Мне лично, как, впрочем, и многим другим, очень досталось по линии физической работы, много кубометров спущенных вниз с сопок дров для приготовления пищи. Но в отличие от 46 года я все пережил очень легко, хотя и приходилось тяжеловато, и приехал в очень хорошем тонусе. Это относится не только к физическому состоянию, но и к моральному – туда не поступали с Большой земли никакие сведения, остров на отшибе стоит совершенно, очень нерегулярны радиосообщения. Так что было совершенно спокойно и очень утихомирились в силу этого нервы. Всякие известия поступили только уже на обратном пути во Владивостоке. Тогда опять окунулся во всю мерзость, а до этого было блаженное незнание.».

(Очень интересное признание, характеризующее тот период времени – И.О.). «… Питались прекрасно... Так что все прошло, я считаю, удачно».

Далее следуют ответы на мои вопросы, посланные еще весной, касающиеся моей работы – о синонимике, точных видовых названиях и другие. Заканчивая этот раздел, Александр Александрович пишет: «Когда Вы получите это письмо, то вероятно все уже будет у Вас кончено.

Жду написанного и прочту, что называется, с пристрастием, что Вам, вероятно, и надо. То есть не только не будет никакой «скидки» на дружбу, а наоборот» и так оно и было впоследствии. Защита диссертации состоялась в ЗИНе в январе 1951 года. Александр Александрович выступил в конце, отметив, кроме прочего, что работа выполнена мной самостоятельно, т.е. без официального руководителя. Но и после защиты он продолжал интересоваться этим Делом, справляясь время от времени в канцелярии ЗИНа, не пришло ли утверждение ВАК и получен ли диплом, сообщая мне об этом.

В мае 1951 года я получил от Александра Александровича письмо (от 20. IV.51) с извещением, что в Герценовском институте на кафедре зоологии открылась вакансия на должность доцента для чтения курса дарвинизма и ведения летней полевой практики по зоологии (орнитологии). Александр Александрович считал, что мне следует включиться в конкурс и подать заявление – редкий случай попасть на работу в солидное учреждение в большой город. Я к этому времени уже вел переговоры с Пединститутом Чебоксар. Пораздумав, я решил отказаться от Ленинграда, так как курс дарвинизма в то время был весьма «скользким», а главное, совершенно неопределенным был вопрос с квартирой. Но прежде, чем я успел послать Александру Александровичу письмо с отказом, от него пришло следующее письмо (от 1.V.51) с сообщением, что ситуация совершенно изменилась – конкурс объявлен на доктора наук, а не кандидата. Таким образом, вопрос отпал сам собой.

С 1 сентября 1951 года я собирался начать работу на кафедре зоологии Чувашского Пединститута и спросил у Александра Александровича совета, какую тему лучше избрать для докторской диссертации, поскольку прежнюю (паразитофауна куриных) вряд ли можно будет успешно продолжать в новых условиях, много времени займет педагогическая деятельность, дальние поездки для сбора материала вряд ли будут возможны, придется ограничиться домашними курами. Александр Александрович быстро ответил (от 11 июня 1951 г.): «А чего Вам зудит докторская диссертация. Пожили бы немного спокойной жизнью, почив некоторое время бездумно на лаврах, и делая, собирая потихоньку материал, не особенно афишируя это широко. Впрочем, дело хозяйское, а на Ваш запрос ответ может быть один – из всякой темы, в том числе и из куриной, может быть сделана диссертация, докторская в том числе. Дело в той изюминке, которая может любую работу превратить в оригинальное докторское сочинение. Так вот, в куриных, спрашивается, как может быть такая идея. Ну, фауна-то должна быть собрана и обработана, возможно, полней и с охватом возможно большего числа птиц (домашние входят в это число), это естественно, а вот что на нее после разыграть, какой мотив из нее выделить. Или это будет видно в процессе сбора материала, видно будет, куда повернет дело, или уже надо в главное метить, уже подойти к делу с предвзятой идеей. Откуда же я-то знаю – автору самому приищется взглянуть кое на что.».

Ответ совершенно замечательный! Я в то время наивно полагал, что докторская это лишь более полная, объемистая кандидатская, что есть диссертабельные и недиссертабельные темы, и важно лишь угадать правильную. Александр Александрович справедливо указывает, что дело не в теме, а в том, чтобы найти в ней изюминку, и это должен сделать сам автор.

Далее он пишет, что будет все лето в городе, «... и если Вы решились ринуться в поток педагогической деятельности, то может быть для Вас было бы полезно, дабы не открывать Америки, послушать кое-что – отнюдь не с точки зрения подражания тому или иному образцу (некоторые образцы-то оказались с изъяном, как известно), а просто посмотреть, как может идти дело в руках с порядочным опытом. А отсюда исходя, имея свою голову на плечах и свой корковый аппарат, и строить уже конкретное свое.».

Этим я, конечно, воспользовался, и в дальнейшей переписке и при личном свидании впоследствии получил от него много ценных советов.

Следующее письмо (от 27.IV.52) весьма примечательно во многих отношениях. Прежде всего, он так долго молчал потому, что «... такая свалка идет в жизни, так все судорожно вертится, что неизвестно, за что и хвататься». Описывая торжества по поводу 70-летия В.А. Догеля, Александр Александрович замечает, что хотя все прошло хорошо и торжественно, так что даже в «узком кругу собралось более 100 человек, но в результате Догель переутомился и ему нужен отдых.».

Далее Александр Александрович с удовольствием рассказывает об успехах старшего сына Юрия, но при зачислении его в аспирантуру в ЗИН пришлось столкнуться с чиновничьей несправедливостью: чиновники были против его зачисления на том основании, что это будет «семейственность», так как отец работает в ЗИНе.

Очень примечательно сообщение о том, что опять грядет рецидив «морганистской болезни»: «А так в эфире большое беспокойство. Хоронят по высшему разряду Северцова, есть стремление уничтожить его с корнем.

Слыхали Вы наверно об защите антисеверцовских диссертаций в Москве – так одна состоялась и степень была присуждена «кандидата философских наук», при полной поддержке лично присутствовавшего Тр. Ден. (Лысенко – И.О.). А ведь много морфологии всякой строилось и строится на основе соображений Северцова. Большие неприятности предстоят, придется, вероятно, и в ЗИНе устраивать аттракцион хуления. Сейчас вроде как рецидив «морганистской» болезни, чувствуется это во многом, и, в частности, в деле с Юрием Ивановичем – заело в смысле внедрения его в ЗИН. Человек стал зело нервничать, пора уж устраиваться на место, а на какое, спрашивается.».

В конце приятное известие: «Слышали, что единственная Сталинская премия 1-й степени присуждена за «Определитель саранчевых» (Бей-Биенко и Мищенко – И.О.), над которым и я попыхтел изрядно, готовя его в печать. В ЗИНе по этому поводу ликование, конечно.».

В письме от 21.V.52 есть любопытная подробность: «Пришлось провести неделю в Москве, сидел на заседаниях комитета по координации АН СССР. Целый день проводил в Биоотделении, до позднего вечера, слушали без конца отчеты Республиканских отделений, выступал с резолюциями сам по поводу прокопанного, участвовал в выработке резолюций – одним словом, трудился не покладая рук все дни, никуда и пойти-то не сумел, ничего не видел, ни с кем из московских не смог разговориться как следует.». Это показывает, что хотя Алек-

сандр Александрович не занимал никакого административного поста в ЗИНе, тем не менее, благодаря его огромной эрудиции в вопросах науки, руководство ЗИНа использовало его как своего представителя даже в Москве, где он, как видно, тоже работал весьма интенсивно.

Отвечая на мой вопрос относительно гипотезы И.Г. Пидопличко о ледниковом периоде – что такового не было – Александр Александрович написал, что беседовал по этому поводу со многими палеонтологами-позвоночниками, и все они относятся к этой гипотезе отрицательно.

Конец письма посвящен семейным делам «...Юрка благополучно защитил свою дипломную работу по развитию одного из моногенетических сосальщиков, которая была им сделана на Севастопольской станции. Работа была подготовлена к печати, всего 15 страничек, и получила высокую оценку на защите, была признана превышающей требования, предъявляемые к дипломным работам обычного типа (в ней действительно есть изюминка). После защиты было распределение, и с известными трудностями Юрка подписал направление в аспирантуру в ЗИН (к Борису Евсеевичу Быховскому в лабораторию – И.О.). Сейчас он зудит марксизм, скоро первый государственный экзамен» (тоже характерная деталь тех времен: первый экзамен не по специальности, а по марксизму!).

Второй сын, Андрей вызывает беспокойство: «Андрейка сдает уже вторую сессию с ленью изрядной. Английский провалялся на постели (изволите ли видеть, утомился за год) и схватил четверку, абсолютно ничего не делая. Второй был марксизм – тут, по его словам, повезло – пятерка. Завтра сдает беспозвоночных – вроде как знает, посмотрим.».

У Ольги Степановны неприятности на работе: «... разгоняют биологов». И кратко о себе: «У меня же без конца по-прежнему много рукописей ждет, черед их не приостанавливается. Сейчас идет в ближайшее время "Определитель грызунов" Б.Т. Виноградова и И.М. Громова – очень нужная книжечка, постараюсь над ней.».

Упомянутая Александром Александровичем антисеверцовская кампания продолжалась. В ЗИНе – были подготовлены соответствующие доклады, о чем он написал мне 5.1.53. В то же время появились первые признаки начавшегося сопротивления «лысенкизму» со стороны биологов-дарвинистов. Обо всем этом Александр Александрович пишет в своем письме от 5.1.53: "... Прежде всего, очень советую Вам прочесть шестой номер «Ботанического журнала» с точки зрения понимания ситуации и некоторого прояснения мозгов (а может быть, Вы уже прочли это). В Питере, сами понимаете, это сенсация. Кроме того, у нас тут переживают до сих пор Северцова, готовы были доклады ряда институтских деятелей, уже были выписаны командировки на сессию Биоотделения – ... отложили на февраль месяц, но антинастроения сгущаются и все-таки, видимо, будут хоронить по первому разряду.».

В это же время Политбюро провозгласило новую кампанию по внедрению всюду принципов политехнизации. Как приложить эти идеи в жизни к тем или иным отраслям науки, надо было решать на местах. С недоуменным вопросом по этому поводу я обратился к Александру Александровичу. В том же письме он ответил: «... с политехнизацией могу Вам только сочувствовать, ибо в таком же положении и все здесь, но только всех-то тут много, все ничего не понимают, и поэтому довольно спокойно продолжают свое дело, в общем, по-прежнему.... В ЗИНе довольно тихо в общем-то, трудятся все зверски, в том числе и мне досталось и достается. В этом году порядочно мной сделано, горб побаливает от того, что на него накладено. Но эффект ощутительный, приедете, посмотрите. Кое-что в нашей фирме вышло солидное, достойное Сталинской премии». В то же время в своей собственной научной работе Александру Александровичу удалось сделать мало, о чем он с некоторой грустью сообщает в конце письма: «Сам же я вообще занят делами других, написал для себя очень немного, и неинтересно – все, что получено, нельзя показывать открыто, районы исследования не подходящие для таких дел. В общем же унывать не приходится, и некогда, надо тянуть лямку, не давать слабостей.».

Упоминает Александр Александрович и о семейных делах: «Лелька наконец-то приобрела устойчивость в жизни, в ее институте новом ее признали полностью, уважают, ценят ее приличный опыт педвузовской работы, и особенно «зацепили» после дифирамбических высказываний в ее адрес со стороны министерской комиссии, долго работавшей у них в институте. Юрка теперь в аспирантуре в ЗИНе. Сейчас спокойно ходит в лабораторию и сидит у Бориса Евсеевича, под его эгидой, и должен этим летом начать изучение глистов Берингова моря, то есть должен провести лето на Камчатке, да и не только это, но и будущее, Андрейка «уродуется» не через край, над английским и органикой. Баба Катя тяжело болела, но сейчас вполне поправилась.».

Наконец, говоря об общем нашем друге, В.Б. Дубинине, Александр Александрович пишет: «Всеволод в общем же в грустях, до сих пор не сдали в печать его том «Фауны», дело тянется уже более полугода, а с места не сдвигается. Он это расценивает совершенно справедливо, как отрицательное отношение к себе, народ действительно его недолюбливает, и показывает это разными способами.».

Следующее письмо от 4.V.53 содержит в основном описание болезни и смерти тещи Александра Александровича – «бабы Кати», как ее называли в семье. Спокойная, умная и рассудительная женщина, она пользовалась чрезвычайным уважением и любовью со стороны всех членов семьи.

В конце письма Александр Александрович возвращается к антисеверцовской кампании. «На нашем же научном фронте дискуссии как-то померкли, хотя прошла северцовская сессия. На ней, при всех потугах, не удалось уничтожить старика, мнения разделились, нашлись храбрецы, не побоявшиеся встать на защиту Северцова (Матвеев, Ливанов, Касьяненко, наш Юдин, Завадский, Попов – эмбриолог). Даже решения настоящего вынесено не было – принять за основу доклад Хрущева и добавить все, что было сказано в прениях. Так что эксгумация не удалась.».

В заключение следует рассказ о том, как прошла защита докторской диссертации Г.С. Маркова – единственного члена кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ, стоявшего на вполне лысенковских, марксистских позициях.

"Защищал тут Марков свою марксистскую диссертацию "Проблемы паразитологии с позиций мичуринского учения". Оппонентами были генерал, Мамин, Точнин. В общем, признали достойным, но при голосовании из 25 членов Совета высказались: «за» – 15 и «против» – 10! Когда декан объявил результат, никто даже не хлопнул, и бросились все вон, чтобы не поздравлять! Конечно, еще большой Совет университетский впереди, и конечно

ВАК, еще будут ему неприятности». Проставленные Александром Александровичем восклицательные знаки лучше всяких комментариев показывают отношение к диссертации и соискателю и самого Александра Александровича, и многих членов Совета, и большинства присутствующих на защите.

Летом 1953 года прошли выборы в Академию Наук СССР, в результате чего «... ЗИН обогатился тремя новыми членами-корреспондентами» – сообщил мне Александр Александрович в письме от 26.X.53. Одновременно состоялись награждения за выслугу лет, «... и Ваш покорный слуга получает Орден Красного Знамени.» (Отмечая при этом, что, как всегда в таких случаях, были обиженные и недовольные).

Переходя к семейным делам, Александр Александрович пишет, что Юрий возвращается с Камчатки – «... ждем своего первенца, по которому изрядно соскучились». Беспокоится опять за Андрея: «Занимается, в общем, и нынче неважно, не пойму, что из него получится, не загорается по-настоящему ничем. Надзирает за ним Юрий Иванович, который теперь на кафедре в Университете! Пока отзывается только кисло, недоволен темпами его работы. Зато машину водит лихо, бьет уток (так на машине и ездит с мальчишками своими), к девицам равнодушен, даже презирает их, что с ним будет-то…».

С тревогой пишет о В.А. Догеле: «Патрон немного прихворнул, сидел безвыходно две недели дома, дряхлеет понемногу, устает от дел всех. Пора бы ему и на покой, такой настоящий, без заседаний, без походов в деканат, ректорат, без всей бумажной муры. Ну, он-то на это не решится, а видно, что силы становятся не те. Впрочем, чего это рассморкался – дай бог ему здоровья и впредь, еще он кое-что сумеет написать – за лето он написал большую книгу – монографию по олигомеризации, готовится она в печать, придется и тут ему помочь своими познаниями в редакционном плане.».

В середине 1954 года на кафедре зоологии Чувашского Пединститута, которой я заведовал, появилась вакансия на место ассистента, и я просил Александра Александровича узнать, не найдутся ли в Ленинграде подходящие кандидаты. Конечно, он произвел обширные поиски, хотя и безрезультатно – «ищу Вам кандидата безуспешно. Сейчас глухой сезон, никого нет, а кто и есть, так мечтает об аспирантуре, либо не хочет ехать к Вам туда.» (письмо от 17.VIII.54).

Здесь же сообщает, как всегда, о сыновьях, что те в экспедициях, Юрий на Камчатке, Андрей на Курилах, на Итурупе.

И опять пишет о В.Б. Дубинине: «Не знаю, есть ли у Вас сведения о Всеволоде – я как-то тут провел у них на даче 4 дня, посмотрел на него – ничего, явно поправился и с осени, вероятно, сможет вступить в строй, хотя не в музей, а в лабораторию. Сердце зажило, а вот бесится и нервничает страшно – ему, видимо, ни мгновения нельзя оставаться на музейном посту, сразу хватит его новый инфаркт. А так, за лето, написал изрядно, понарисовал всяких там своих клещей, и к концу года еще том «Фауны», сейчас сделана большая уже часть. И вид у него неплохой, во всяком случае, не хуже, чем было до болезни. Эскулапы даже удивляются.».

О себе сообщает кратко: «Сейчас я один – Лелька бродит по сельхозвыставке, мальчики на Дальнем Востоке, В общем же я тружусь, сколько могу.».

Как отмечает в своих воспоминаниях Ольга Степановна, Александр Александрович был чрезвычайно обязательным человеком, всегда старавшимся оказать посильную помощь всем своим друзьям и знакомым. Мне он тоже никогда не отказывал в просьбах, и не только в серьезных делах, как, например, поиски нужных людей, но и в мелочах, тратя на это порой много времени и долго держа в памяти, если не мог выполнить сразу. Так, летом 1954 года я послал ему экземпляр божьей коровки, которую не смог определить, но нужных специалистов в это время не оказалось на месте, и Александр Александрович, дождавшись их, выполнил-таки мою просьбу. «Мой ответ Вам задержался по чисто техническим причинам – не оказалось на месте жучников (они были в отъезде) и пока они появились, время-то и ушло и исчерпалось Ваше терпение. Сейчас же спешу Вам сообщить, что присланная Вами божья коровка оказалась довольно обычной – «Адалия десятиточечная» (в письме – по-латыни), чрезвычайно варьирующая по окраске трудная, на первый взгляд, для определения». Тогда же я просил его сообщить, какие имеются книги по бабочкам, кроме единственного имевшегося у меня «Краткого определителя насекомых» Плавильщикова, чтобы дать курсовые работы студентам. Александр Александрович добросовестно перечисляет в том же письме целый ряд различных книг, в том числе и иностранных.

Далее в этом письме сообщает, что сыновья еще не вернулись с Дальнего Востока, и с удовольствием отмечает, что для Андрея эта поездка была, видимо, очень полезной: «... я очень ценю его там самостоятельное существование и барахтанье в своем собственном соображении по всем делам – что сделано, то и будет свое собственное, а если в чем промахнул, то это опять же собственная вина.».

Этим же летом в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка – ВСХВ. Для всех она тогда явилась большим событием – впервые, после тяжелых военных и послевоенных лет мы увидели что-то яркое, новое, радостное. И Александр Александрович, хотя и ограниченный временем, специально выкроил день, чтобы побывать на выставке, и поспешил сообщить мне о своих впечатлениях от нее «... Великолепно все сделано, роскошно. Некоторые павильоны очень богато оформлены внутри, в известной степени отражая богатство республик. Из таких особенно бросаются в глаза Узбекский и Грузинский павильоны. Накануне мне удалось побывать вечером и насладиться внешним видом всего при сказочном освещении. Конечно, очень хороши живые экспонаты, но зелень уже поблекла... ».

«Центр же всего – механизация. Машин масса, самых разнообразных, остроумных. Сам я долго простоял около разрезанного вдоль «Москвича», уж больно сложно все там и непонятно. Вообще же я подумал, вправе ли мы показывать столь шикарно все и решил, что можем. Ведь показывать надо хорошее и лучшее, так оно и есть на выставке. И очень красиво все, сделано фундаментально, надолго, на много лет.».

С удовольствием пишет о В.А. Догеле: «Патрон прочел уже вторую корректуру своей «Олигомеризации», скоро она выйдет в свет – Патрон ждет не дождется ее выхода, он все боялся, что не успеет увидеть, но теперь успокоился – дождется явно. Изрядно одряхлел он, ходит по-старчески, но ежедневно бывает в ЗИНе.».

Потом о В.Б. Дубинине: «Волька в общем оправился, начал служить, освобожден от заведования музеем и состоит старшим научным сотрудником отдела паразитологии. За лето, пока приходил в себя, написал еще том «Фауны» своих перьевых клещей. Очень нервен и вспыльчив стал.».

И, наконец, отмечает, что на биологическом фронте наметился поворот: «Надеюсь, Вы почитываете всякие биологические журнальчики. В ближайшее время начнут поносить и бабку (Лепешинскую – И.О.), одна статья насчет растертой гидры уже появилась в «Вестнике ЛГУ», вторая послана в «Успехи...» – следите и ждите». Однако до победы над идеями Лысенко было еще далеко. В сентябре-октябре 1954 г. в Киеве состоялась IV экологическая конференция, и она прошла под знаком борьбы с «вейсманизмом-морганизмом», вполне в духе воззрений Лысенко. В частности, отрицалось в природе наличие внутривидовой борьбы. Были подвергнуты осмеянию и осуждению работы многих видных советских зоологов: Калабухова, Станчинского, Формозова и других. В числе прочих на конференции был представлен доклад Гнездилова и Павловского о результатах искусственного заражения животных плероцеркоидами широкого лентеца. Оказалось, что при одновременном заражении подопытного животного сразу несколькими экземплярами плероцеркоидов, до нормальной величины и половозрелости вырастает лишь один, а остальные хотя и не погибают, но остаются в зачаточном состоянии. Докладывал Павловский, я спросил его запиской, не указывает ли это на наличие внутривидовой борьбы. Павловский ответил, что хотя не вполне ясно, что именно тут происходит, но «во всяком случае, это не внутривидовая борьба.».

По возвращению с конференции я подробно описал ее Александру Александровичу, в том числе и о докладе Гнездилова и Павловского и ответе последнего на мой вопрос. Александр Александрович ответил очень быстро письмом от 18.X.54. Вот оно. «Получил Ваше письмо, где Вам «понравилась» статья генерала и Гнездилова. Надо было слышать доклад Гнездилова об этом всем материале (это было на одном из паразитологических совещаний) – чистая срамота, никто не смотрел на докладчиков – настолько безобразно выглядело противоречие между материалом и его трактовкой у авторов. Да к этому надо добавить еще очень показательные таблицы, где совершенно ясно было видно угнетающее действие друг на друга глистов при одновременном их большом числе в кишечнике. Единственное, к чему все подходило, но чего язык у докладчиков не повернулся – это провести полную аналогию с докладом Т.Д. по части конечного результата – урожая. Ведь не скажешь же – урожай глистов!

В общем же извольте читать очень важный в этом плане № 4 «Ботанического журнала» за этот год – там есть статья Завадского, который еще тогда повторил опыт Т.Д., но до сих пор не решался опубликовать свои данные и основной вывод, что все в случае загущенного посева кок-сагыза идет по Дарвину (то есть он прямо не сказал о борьбе, но выразился недвусмысленно). А насчет самоизреживания и жертвования собой, чтобы вид мог продолжать благоденствовать, очень хорошо говорил Сукачев в своих статьях и в «Ботаническом журнале» и в «Вестнике института леса». Там прямо сказано о телеологичности такой постановки вопроса. Надеюсь, что Вы успеете прочесть для своего доклада и Завадского и Сукачева – очень важно это для характеристики всего происходящего. К этому надо добавить еще № 2 «Ботанического журнала» с итогами дискуссии и с полным списком статей по этому вопросу. Вы имеете возможность читать «Ботанический журнал»?

«Генерал наш повинен не только в том, что он осторожно ведет себя в отношении проблемы вида в зоологии. Ему лично принадлежит и заслуга в возвышении Ольги Борисовны и весь следующий триумф нового учения о клетке в какой-то мере дело его рук, как и весь хай по поводу Северцова. Единственно, что он себе оправдывает все это, что ЗИН сохранился в неприкосновенности и остался работоспособным, и издано все-таки изрядное количество книг за эти годы – все это сохранилось благодаря такой изворотливости. В 48 году на весь ЗИН из «морганистов» в жертву был принесен только докторант (следовательно, не штатный сотрудник) В.С. Кирпичников, все остались на своих местах и работали вовсю. Особенно не пришлось даже и распинаться в ЗИНе об темах животрепещущих, требовалась усиленная работа только.».

Таким образом, мы видим, что, хотя Александр Александрович никогда, ни в ЗИНе, ни в другом месте не позволил себе критиковать вслух действия Павловского, прежде всего потому, что всегда помнил о той помощи, какую он получил от руководства ЗИНа и Павловского, в том числе, когда его изгнали из Пединститута, все же ясно понимал ту роль, которую сыграл Павловский в борьбе ортодоксальных дарвинистов и Лысенко. Правда, указывая, что благодаря этому Павловскому удалось защитить ЗИН от того разгрома, которому подверглись многие научные учреждения, он не уточняет, действовал ли так Павловский, будучи убежденным сторонником Лысенко или же лишь из тактических соображений, желая сохранить ЗИН.

Далее в этом письме Александр Александрович подробно и с удовольствием рассказывает о вернувшемся домой Андрее – о жизни его на Итурупе и тех трудностях, которые тот успешно преодолевал, и что он садится за обработку привезенного материала.

Не забыл Александр Александрович и об "Олигомеризации" Догеля: «У Патрона скоро выйдет книга по олигомеризации – подписана уже к печати (23 листа – это Вам не брошюра!)».

Заканчивается письмо сожалением, что трудно стало с посещением зрелищ: «Живем и трудимся, зрелищ как-то посещаем мало, все заполонили сейчас организации очередей, куда люди записываются за много времени до концертов, спектаклей – никуда не пробьешься. Даже в кино и то трудно».

В июне 1955 года скончался В.А. Догель – это событие Александр Александрович пережил очень тяжело. В письме от 5.VI.55 он подробно описывает последние дни, смерть и похороны: «Вчера мы схоронили Патрона, на Волконском кладбище, на «Литераторских мостках», рядом (через могилу) с Дерюгиным. Место исключительно удачное. Ритуал весь был проведен удивительно не казенно, в руках Юрий Ивановича, Хейсина, Вольки – организаторов все приобрело характер прощания именно с родным человеком. Гроб стоял в Актовом зале (Академия претендовала, чтобы все было в малом конференц-зале, но ректор, Александров, категорически протестовал, и справедливо – ведь Патрон коренной научник и именно университетский, и эпоха связана с его именем не в Академии, да и понятие «малый зал» звучало недостаточно уважительно), народу набралось изрядно к моменту выноса, но не чрезмерно, студенты уже разъехались на практику и главным образом была старшая братия. Речи были теплые, тон задал сам Александров, давно знающий Патрона, ценящий (вернее, ценивший) его и понимающий его роль в организации зоологической науки в нашей стране. И мне пришлось пару слов сказать от учеников. На кладбище блестящую речь в напутствие произнес Насонов и опять с теплотой, которую Патрон заслужил. И что интересно, не было преувеличения в речах, никто в том не нуждался, тем паче сам покойный. Процессия (на машинах, на автобусах) растянулась порядочно, теперь ведь не велят ходить процессиями». Опи-

сывает болезнь и связанные с уходом за больным Патроном действия: «Хватил классический удар, кровоизлияние в мозг ...». Далее следует подробное описание всего происшедшего: как потерявшего сознание Валентина Александровича внесли в здание Этнографического института, как ухаживали за ним здесь все оставшиеся дни родные, друзья и ученики.

«Вот и кончилась жизнь человечья, пусто без Патрона, привыкли мы к нему, он подряхлел последнее время, за ним приходилось присматривать, ухаживать немного, заботиться. Тем пустей стало без этих, хоть и мелких вещей. Придется за него, вероятно, завершить учебник зоологии беспозвоночных, который он начал переделывать. Его «Олигомеризация» – это последнее произведение, вышедшее из печати при его жизни (если не считать маленькой статейки в «Трудах пробл...» – неразборчиво – И.М.), его подлинная лебединая песня. Он сам-то все время говорил, что больше ничего не успеет сделать, хотя и взялся все-таки за переиздание учебника (издательство предлагало к переизданию и «Сравнительную анатомию» и «Общую паразитологию» – так и вышло в конце концов. Теперь сложно будет на кафедре – руководство перейдет к Юрию Ивановичу, это естественно и так давно и предположено, а на освободившуюся вакансию профессорскую претендовать станет Георгий Сергеевич (Марков), отношения с которым натянулись очень, слишком уж тот стал безобразничать.».

К увековечению памяти В.А. Догеля и его литературного наследства Александр Александрович пишет в письме от 2.VII.55: «Очень своеобразно у меня (и у нас в Питере вообще) состояние – Патрона нет, а, однако, он как-то все наполняет, все идет так, как-будто он влияет на события и поведение людей. Сейчас мы (его ближайшие помощники) стараемся увековечить его память, присвоив его имя лаборатории в Университете и во ВНИИОРХе, добиться стипендий его имени (что достаточно безнадежно сейчас, не в моде такие именные вещи), создать чтения памяти Догеля (на манер чтений памяти Холодковского) в день его рождения (в марте), выпустить в его память том трудов Общества естествоиспытателей, трудов ВНИИОРХа, ЗИНа и, пожалуй, главное, выхлопотать в Президиуме АН листаж на издание трех томов избранных его произведений: I – протистологического, II – паразитологического, III – сравнительно-анатомического (включая и «Олигомеризацию», между прочим ...). Все это естественно было бы, но упирается в преграду – генерала, который далеко недоброжелательно настроен в отношении всего комплекса, хотя и не смеет заявить об этом открыто. Есть риск, что поскольку хлопотать в Президиуме должен именно он лично, удачи может не произойти. Вообще-то и непонятно, зачем и почему ему не провести все это – наоборот, раз Патрона уже нет, то, как раз генерал бы выиграл, если бы «благородно» воскурил весь этот фимиам в честь Патрона – вот де какой я, как чту память (ведь достаточно неприкрыто в Академии генерал Патрону не давал ходу и явно тормозил дело с объявлением вакансий по зоологическому отделению – Догель в собратьях на Академическом Олимпе его не устраивал).». Александр Александрович оказался прав. Эти издания так и не осуществились.

«На похоронах месяц назад (уже месяц прошел, с ума сойти!), когда мне надо было сказать пару слов от учеников, я пообещал от их имени завершить то, что Патрон делал последнее время. Это – издание учебника беспозвоночных, который Патрон сам довел до Аннелид (до половины), а кончать надо нам. Я сделал, что попроще для меня – иглокожих. На пробу остались плоские черви и круглые, которых надо проглядеть после него – вроде как хуже, чем делать заново, непросмотренное. Надо сократить, между прочим, текст на 1/3 – очень это выглядит неважно. Кроме учебника, кафедра взялась сделать сводку по общим вопросам рыбьей паразитологии - меня это не касается, но обязательство есть. Наконец, Патрон должен был написать общую часть к радиолариям в большие «Основы палеонтологии СССР» – не то в 4-х, не то в 5-ти томах. Как раз надо было это сделать в июне, а он уже и прошел благополучно – я же еще не принимался, хотя получил просьбу «подхватить знамя» из рук Патрона от редакции (от Юр. Ал. Орлова). Постараюсь сделать, насколько это будет в моих силах, но перевернуть гору книг – группу-то достаточно я не знаю, хотя и смотрел все время за тем, что делалось по радиолариям в лаборатории. Нахватался кое-чего, и вот теперь надо суммировать все в кратком, но исчерпывающем очерке.».

Таким образом, Александр Александрович взвалил на себя большую ношу по завершению трудов Догеля, причем все это надо было делать срочно, так как предстояло путешествие на научно-исследовательском судне «Витязь».

«А главное-то еще вот что, о чем приходится думать в создавшемся «цейтноте» – это предстоит в X-X1 нынче!! путешествие на «Витязе» в тропики, южнее Японии до 10° с.ш. Предполагается выезд Бориса Быховского, Темушки (Иванова – И.О.) и меня! Отказаться от такой возможности нельзя, чрезвычайно уж это заманчиво, и я решил нырнуть туда очертя голову, бросив свои дела – а их изрядно, ведь никто не снимает с меня моих корректур, дело это сугубо срочное, придется как-то и это соответственно организовать к отъезду, чтобы другим оставить поменьше. Следовательно, к октябрю все должно быть сделано, особенно по линии Патрона.».

Еще в 1954 году появилась статья В.Б. Дубинина о биологическом виде. В ней он рассматривал вид совершенно с пролысенковских позиций. Я обратился к нему с недоумением по этому поводу, в ответ он попросил меня изложить мою концепцию вида. Я сделал это, в ответ, к моему удивлению, он не стал ни защищать свою точку зрения, ни опровергать мои доводы, а раздраженно кратко написал, что прекращает дискуссию, так как теперь другое время, чем было, когда писалась его статья. Желая до конца выяснить, чье же понимание вида правильное – я переслал всю эту переписку Александру Александровичу и получил обстоятельный ответ (письмо от 2 июля 1955 года.) «Наконец, на счет Ваших писем к Всеволоду. Я их прочел с сознанием полной Вашей правоты. Даже не надо никаких плюсов нигде ставить – общий плюс жирный большой. Дело чисто конъюнктурное, но не поднимается моя рука осуждать. Мое счастье, может быть, что мне не пришлось после 48 года вещать с кафедры – я ведь не знаю, хватило ли бы у меня мужества сказать то, что думается, а в моем положении – это, к счастью, не надо было делать и в ЗИНе. На все попытки заставить выступить, что называется, со своим «кредо» в этом плане мне удалось уклониться. А Всеволод – товарищ увлекающийся, и в тот момент, под влиянием всеобщего славословия, бесспорно, устоять не смог и отрыгнул погадку. И я не только не мог бы бросить в него камень, но ведь в какой-то мере способствовал, что ли, появлению в печати – я же читал это все в рукописи и вроде как одобрил, считая, что человек в тот момент отдал дань времени и волен говорить все, что думает на сегодняшний день. Я понимаю, сие беспринципно, но что же сделать, человечек я слабый сам и склонен про-

щать человеческие слабости. Единственно, я осуждал у него чрезмерную легкость мысли, но не препятствовал ее проявлению. Плохо это, верно, но сейчас особенно трогать его негоже – легко возбуждается, вскипает, как бы повторения не было, хотя физически сейчас чувствует неплохо, стал ходить побыстрее. Так что я вижу то же, что и Вы, сам пока подобного не сделал, один раз, зная прекрасно и о последствиях, конъюнктуре не поддался, но если бы остался в Герценовском, не пришлось бы говорить в духе славословия. Не знаю, хотя это чистая схоластика – ведь там же не остался, был изгнан, следовательно, и повода не получилось проверить себя в такой несуществующей обстановке. Вот Вам и все об этом. Новую «Акарологию» видели? Там замечательно в предисловии среди работ русских не оказалось совсем публикаций по перьевым клещам. Здорово получилось, по форме – особенно полное собр. соч. Брегетовой. Можете себе представить, как кипятился человечек – Всеволод то есть. Вот поберечь и следует, пожалуй». Я внял совету Александра Александровича, и больше в своей переписке с Дубининым вопроса о виде совершенно не касался.

Следующее письмо, уже из Новосибирска, извещало, что Александр Александрович отправляется на 2 месяца на «Витязе», а перед отъездом было так много дел, что закончить все не успел и придется доделывать их по возвращении, в частности, статью о радиоляриях за Догеля в сборник.

И действительно, дел этих так много, что письмо от 18 января 1956 года посвящено не столько описанию путешествия, сколько перечислению этих дел: «Сам же я до того погрузился во всякие делишки, запущенные, пока я путешествовал в тропиках, что продохнуть нет никакой возможности. И такое ощущение, что будто и не ездил никуда, настолько захлестнули меня рукописи и прочие издательские дела. Идет Волькина третья часть «Фауны», сделанная в то, инфарктное лето, произведение не высшего сорта с точки зрения конструкции и характера написания, но ему же ничего сказать нельзя абсолютно, все принимается как личная обида, и стараешься обращаться к автору с его собственной рукописью как можно меньше, а отсюда затрата массы времени на преодоление всех шероховатостей. Вторая такая же по объему (больше 60 п.ч.) – это «Мошки» Рубцова. Идет одновременно, и рвут меня на части две девушки-корректорши, устанавливают на меня очередь. А тут еще была и третья рукопись – «Определитель хищников» Новикова – помельче и попроще, но тоже одновременно. Это будет вещь, иллюстрированная весьма!

К «Витязю» только возвращаешься, когда смотришь на фотографии. В плавании снимал немного, кое-что вышло неплохо, и приедете, будет дан Вам полный отчет с демонстрацией всего привезенного. Рейс был для меня очень важный – я привез себе массу материалов по радиоляриям тропическим, таким, каких в наших водах нет совершенно. Это будет описана целая фауна (...) и колониальных (...), которых мы увидели в натуре впервые. Так что новый год для меня – это и новый материал для обработки. Новый он для меня и в том плане, что вынужден был войти в курс радиоляриологии, написав за Патрона большое введение к «Радиоляриям» в «Основы палеонтологии СССР» – знаете такое издание. Сдал рукопись заказчику – «ВСЕГЕИ» в самом конце декабря, лихорадочно заканчивал ее после приезда из Владивостока. И, наконец, в пятницу, перед самым Новым годом, на последнем Совете ЗИНа в старом году был выбран по конкурсу заведующий лабораторией протистологии. Подачу документов я затянул до последнего момента, сами понимаете, что это такое – встать на место Патрона (новый-то материальчик как раз кстати пришелся), с очень неважным настроением проделал эту грустную операцию, и теперь должно придти утверждение Академии. Так что у меня Новый год действительно.».

Весной 1956 года в жизни родных и друзей Александра Александровича произошли важные события – защиты диссертаций и дипломной работы сыновьями. Он прислал мне большое письмо (23.IV.56), в котором обстоятельно описал все происшедшее. Видно, насколько близко к сердцу при всей своей внешней невозмутимости принимал он успехи и неудачи близких людей.

О защите дипломной работы младшего сына Андрея Александр Александрович пишет, что прошла она очень успешно. Доложил все Андрей толково, ясно, много было таблиц, графиков – в целом работа признана достойной для опубликования. Но это лишь одна сторона медали, а оборотная то, что писалась работа наспех, несмотря на наличие необходимого времени, подана в последний момент, так сам Александр Александрович познакомился с ней только на защите. В результате использован был не весь имевшийся материал, не удалось избежать некоторых шероховатостей, а главное именно из-за этой обычной несобранности Андрей, с большим огорчением замечает Александр Александрович, не получил рекомендации в аспирантуру и «распределен лаборантом в Борок».

Напротив, старший сын Юрий стремился тщательно отделать свою диссертацию, «не постеснялся использовать советы и указания», несколько раз переписал работу. В результате защита прошла гладко, и Александр Александрович с удовольствием сообщает, что Юрия пригласил работать младшим научным сотрудником во ВНИИОРХ.

Наконец, говоря о защите докторской диссертации Б.Е. Быховским – «большое событие в ЗИНе, очень ждали и давно уже этой защиты» (Быховский давно был зам. директора ЗИНа по науке, но не имел степени доктора). Александр Александрович пишет, что «получилось замечательное произведение» и «очень умная вещь, совершенно оригинальная, читал я ее лучше всякого романа, сюжет захватывал подлинно, и кульминация была как раз в конце». Сам Александр Александрович «на защите сидел и трясся – я ведь его консультант». Защита прошла успешно, хотя был один «черный шар».

Летом 1957 года Александр Александрович в составе группы из 6 человек отправился в Китай для работ по изучению фауны Желтого моря. Работа продолжалась 2 месяца и произвела очень большое впечатление на Александра Александровича. По возвращении оттуда он писал мне (письмо от 21.VII.57): «Вот уже 3 недели прошло, как я возвратился из своего Китайского путешествия. И до сих пор не могу войти в русло обычных занятий – перед глазами все время стоит Желтое море, его волны, его литорали всякие, где удалось побывать, побродить.».

Исследования производились в основном в районе Циндао. Работали вместе с китайскими коллегами – зоологами. Последние оказались очень толковыми и хорошо знающими местную фауну. Единственное, чего они не умели делать – это составлять биоценотические карты, чему их наши и научили. Работа велась очень интенсивно.

«Темп работы был предложен нами серьезный, остальное же, всякие там цирлихи-манирлихи и всякая торжественная часть были сведены до минимума в силу уже просто того, что кончали мы работу в 10 часов вечера, а это такое время как раз, когда все добрые китайцы уже ложатся спать. Когда уж тут развлекаться или устраивать ужин и прочее.».

Основную трудность в работе представил языковый барьер. Правда, были переводчики, но как пишет Александр Александрович, «Переводчики были в основном дерьмо, толку от них было мало». К счастью, один из членов нашей экспедиции, Гурьянова, свободно говорила по-английски, большинство китайских коллег тоже «... так что все наиболее важные переговоры (а их было немало) были осуществлены на английском. Я же лично был безгласен, как, впрочем, и остальные члены экспедиции. Но все это позади, справились, поймали уйму материалов, которые едут малой скоростью, и которые мы с нетерпением ждем.».

Кроме Циндао экспедиция посетила еще несколько пунктов и «... в целом за 2 месяца работы создалась картина прибрежной фауны Желтого моря. В целом - ничего похожего на фауну наших морей на Д.В.».

По окончании этих работ экспедиция провела около 10 дней в Пекине для составления отчета. Здесь удалось немного ознакомиться с некоторыми достопримечательностями и вообще жизнью Китая, до этого времени на подобные отвлечения совершенно не было.

Китайцы настолько остались довольны результатами экспедиции, что пригласили наших приехать на следующий год, чтобы поработать на самом юге Китая, на о-ве Хайнань. «Ну, посмотрим, – замечает по этому поводу Александр Александрович, – в этот же раз получилось очень удачно все, хотя и трудновато было мне по старости лет, отощал изрядно, перепутал даже хозяйку свою».

Ожидания сбылись – уже в марте Александр Александрович снова в составе экспедиции из ЗИНа едет в Китай, на о. Хайнань. Это было в 1958 году.

Остров этот расположен на самом юге Китая, в тропиках – и там оказались и мангровые заросли, и настоящие коралловые рифы со всей присущей им экзотикой. Трехмесячное пребывание на острове произвело сильнейшее впечатление на Александра Александровича, о чем он мне вкратце сообщил еще по пути домой, во время остановки самолета в Иркутске (письмо от 29.VI.58): «Прошу Вас обратить внимание на штемпель – я снова на Родине. Путешествие мое по Китаю закончено, спешу на самолете домой, к своим обычным обязанностям.

Вся моя посадка сложилась из 3-х месячного волшебного буквально пребывания на о. Хайнань и месячного путешествия по Китаю в виде премии, поощрения, отдыха за успешно проведенные работы. На Хайнане конечно главное – это блуждание с маской на лице по коралловым лесам. Ландшафт открывается глазам удивительный и вполне можно понять тех, кто зачарован миром безмолвия (см. книги всякие, кинофильмы и т.д.). Насмотрелся я всякой живности, сопутствующей кораллам. Второе – это мангровые заросли, тоже чрезвычайно разнообразные. Работа велась весьма напряженно, уставал я очень, спустил весь свой подкожный слой, что даже отметил пограничник, выдающий после визы паспорт обратно. Было и опасение всякое, и рот зажат без конца, и солнце пекло безбожно, но все меркнет перед чудесами подводного царства. И лишнее мне посещение Квантуна, Шанхая, Ханчжоу, Нанкина, Пекина обратно интересно, но это уже чистый туризм, что мне совсем не по сердцу. Однако, выполнил и это.».

Письмо из Ленинграда (15.IX.58): «Очень хотел бы Вас повидать, показать и рассказать – устать невозможно, перебирая в памяти еще и еще все, что удалось увидеть. И в Вашу пользу будет служить то, что я сейчас-то привез кое-что, но мало, главное идет багажом (малой скоростью верней), где-то застряло (китайским товарищам не до него явно), но бог даст к зиме все же придет, а тогда и показать можно будет гораздо больше с естественными комментариями. И хотя жизнь идет своим чередом, Хайнаньские впечатления с большой силой отодвигают все в сторону, и каждый повод вернуться к ним – только счастье и удовольствие... ».

Но я смог приехать только в 1960 году. За это время Александр Александрович успел еще раз зимой побывать на Хайнане. Это была последняя, заключительная поездка в Китай, о чем он с грустью написал мне опять с дороги (письмо от 27.1.60): «Вот и кончена вся экспедиция. С грустью расставался с друзьями-китайцами – это ведь последняя поездка в Китай, мы уже отчитались перед Академией Наук КНР за все 3 года работы и, хотя связи остаются, обрабатывать материалы будем долго, но ходу на литораль где-нибудь на южном Хайнане уже более не будет... Доволен чрезвычайно поездкой и нынешнего года, везу кое-что домой, есть удивительные кораллы – они украсят то, что уже лежит за стеклом».

Все же связь с китайцами на этом не кончилась. Еще в 1957 году из Китая в Ленинград, в ЗИН, в лабораторию Александра Александровича была направлена в аспирантуру китаянка (Юнь-Фэнь), которая в 1960 году закончила свое обучение и оформила кандидатскую диссертацию. Работы была сделана добротная, но перед защитой и во время ее возникли трудности, заставившие сильно поволноваться Александра Александровича, об этом он подробно написал 27.X.60: «Очень давно не писал Вам, и были тому не то, что бы причины, а известные помехи в виде некоторых треволнений. Дело в том, что у меня нынче кончила аспирантуру китаяночка. Сделала она прекрасную работу по экологии пресноводных инфузорий, на массе материала, с очень обоснованными выводами. Но сами понимаете ее муки преодоления русского письма и неменьшие ее руководителя, читавшего и правившего ... Все лето ушло на такое обоюдное общение, зато получилась двухтомная (!) вещь, дважды доложенная на семинаре и произведшая буквально ошеломляющее впечатление (по справедливости). Но на подходах к защите начались каверзы – оппонентов не оказалось! Должен был быть Юрий Иванович, естественно, но он все собирается в Париж, в Сорбонну, сидит на угольях и не мог обещать, что будет на защите (он таки никуда и не уехал и был на защите, выступал, но не оппонентом) пришлось взять Евг. Мин. Хейсина. Второй – Жадин, но он как раз уезжал в Румынию (и он, однако, был на защите и тоже выступал, но опять не как оппонент), пришлось взять Ив. Ал. Киселева. А он-то, от старости, вероятно, решил на моей Юнь-Фэнь показать кузькину мать всяким желтолицым, стремящимся завладеть русской степенью, прицепился к второстепенным мелочам и написал кислейший отзыв. Однако это его брюзжанье произвело неблагоприятное впечатление на Совет (не в смысле осуждения диссертации, а вздорностью изрекаемого), а когда моя китаяночка очень умно, деликатно настояла на своем, не обидев оппонента, то голосование было единогласно в ее пользу. Однако, до этого момента (голосо-

вания), сами понимаете, что самочувствие было так себе. Сейчас она уже уехала к себе на Родину, где в первую очередь ей предстоит фильтр – двухмесячная политучеба в качестве нейтрализатора русского влияния (она ведь за все время аспирантуры не ездила на побывку домой, считается, что оторвалась от китайской действительности). Расставались с нею грустно, за все это время много было вместе и переделано и передумано, а кроме того, мне особенно чувствительно все после трех поездок Китай, когда кое-что удалось понять в китайской национальности и кое-что произвело впечатление ...».

Опасения Александра Александровича насчет его бывшей аспирантки оправдались: после ее возвращения в Китай всякие контакты с ней прервались ... Но в 1995 году она вновь приехала в С.Петербург – теперь уже будучи главным протозоологом КНР. Она побывала в ЗИНе, в семье Александра Александровича и на кладбище, где он похоронен, долго сидела у его могилы, плакала и разговаривала по-китайски со своим любимым учителем.

В 1961-62 годах ЗИН предполагал осуществить зоологическую экспедицию на Яву, подобно тем, что были в Китай, но она не состоялась. Однако в 1965 году Александр Александрович снова отправился в дальнее путешествие, на этот раз на Кубу. О своем пребывании там он написал мне 23.IV.65 следующее: «С праздниками Вас, двумя и первомайским, и 9-м, говорят, нынче мы будем праздновать и День Победы. Пишу Вам из Гаваны, как говорит здешнее радио «свободной территории Америки» territoria libra de America. Я же уже больше месяца здесь, блаженствую, тепло, греюсь на солнце (в меру, учитывая возрастной фактор), любуюсь в масочку на то, что есть в море, очень красиво это.

Совершил чудесное прибрежное плавание на небольшом судне «Xiphias» («Меч-рыба»), иду в ближайшие дни в более солидное на «Ковалевском», который тут от Севастопольской станции почти уже год. Брожу с сачком по пустырям – мы работаем в Институте Океанологии Куб. АН, расположенном на окраине города. В настоящую природу, кроме судна, удалось вырваться только раз, там я поймал большого 10 см скорпиона – свершилась мечта моей жизни – поймать эдакое солидное животное, которое видел только в банках. Однако, это не тот индийский скорпион с толстым хвостом, а с более тонким, но все равно вещь! Да еще у меня был короткий пинцет, он жалом доставал до пальцев, пришлось загнать его в морилку, хотя я хотел доставить его в лабораторию живым. Тропики есть тропики! Вот так и живем.».

Возвращаясь с Кубы, Александр Александрович написал мне с борта самолета 10.VII.65, следующее: «... Только что пару часов летели вдоль Гренландии, коя была видна очень хорошо на ярком солнце. Поразительная картина открылась заснеженного чего-то с торчащими из снега острыми скалами (это около южной оконечности), а дальше растянулось снежное плато, то самое, знаменитое, с толстым слоем льда и снега, которое Ф. Нансен впервые в 90-е годы пересек на лыжах. И лед был виден вокруг Гренландии – спаянные льдины разной формы и размера – все это получилось очень удачно, и людишки, которые летят не в первый раз, удивлялись, что так нам повезло.

На Кубе же я время провел плодотворно, много плавал на судах, собрал большой радиолярный материал, а также участвовал в прочих биологических делах, будучи буквально оракулом зоологическим, пригодилась моя зоология. Насмотрелся я всякого, хотя и видывал виды. Много экскурсировал в окрестностях Гаваны, везу кое-что энтомологам.

Впечатлений всяких масса, очень разных, в том числе и от гаванских кабаков, коих в городе гибель – остаток от американских времен. И вообще налет американизма очень силен и трудно там налаживать настоящую жизнь ... В целом же через пару дней с удовольствием буду дома!».

По возвращении с Кубы он пишет следующее (14.IX.65): «Вот уже 2 месяца, как я «болтаюсь» на Родине, дел свалилось выше головы (многое из издательской области ждало меня буквально и мне пришлось лихорадочно выкручиваться из всяких положений). Но над всем стоят подводные красоты, которые я рассматривал в маску и перед глазами все время те груды бентоса, что приносил трал во время моих плаваний на «Ковалевском». Занят я был только зоологией, это было моей задачей в течение 4-х месяцев пребывания на Кубе, я выступал таким зоологическим оракулом перед кубинцами, и, сколь ни странно, и перед русскими – москвичами и севастопольцами. Так что доволен я сверх меры. Да и встряхнулся как следует». ... «Мерзну после Кубы, схватил даже жестокий прострел, прохваченный сквозняками в ЗИНе, пришлось даже полежать в постели несколько дней. А так самочувствие на 5 с плюсом, Куба пошла на пользу.».

В этом же письме краткое упоминание о Лысенко: «Тр. Ден. удавить не решаются, хотя какие-то робкие попытки делаются (того большого форума биологов, о котором говорилось еще до моего отъезда на Кубу, не будет, слишком скандально он может обернуться). Держится он нагло, однако и, считая себя оскорбленным, не является на приглашения своего (Академического) Президента. Кабачок продолжается ...».

В последующие годы переписка наша стала более редкой – в основном, вероятно, что он продолжал работать также интенсивно, сил же становилось все меньше, и он стал сильно уставать. Поэтому, как замечает в его биографии Ольга Степановна, Александр Александрович стал все реже, а потом и вовсе прекратил посещать концерты, выставки, балет, в последние же годы перестал выезжать даже на дачу. Второй причиной, возможно, стало то, что в эти годы ни в зоологии, ни в мире науки вообще не произошло каких-то ярких происшествий или событий, а об экономике и политике он не писал никогда. Письма его в этот период содержат лишь сведения о работе сыновей и росте внуков.

Однако в деле помощи другим Александр Александрович остался таким же обязательным, и никогда ни в какой просьбе, если мог ее исполнить, не отказывал. Так, в 1969 году он просмотрел рукопись кандидатской диссертации моей сотрудницы Л.Г. Сысолетиной по шмелям (теме, достаточно далекой от его интересов), сделал замечания и дал советы.

В последнем из сохранившихся у меня писем (от 3.1.70) Александр Александрович сначала дает советы по представлению к защите диссертации, затем сообщает о своей загруженности: «Жизнь идет, дела масса, как всегда, все время всплывает что-то непредусмотренное, срочное, конечно (в отчете годовом есть графа – где, когда, кому оппонировал – так мне пришлось писать: 5 канд. дисс. и 3 докторских за один-то год – с ума сойти

можно». И в конце письма об успехах Андрея: « ... Андрей, попав в Университет, внутренне как-то взлетел и вкалывает бог знает как, прорвало его наконец-то ...».

Известие о смерти Александра Александровича – телеграмма, посланная Ольгой Степановной в Чебоксары и пересланная в Алтайский заповедник, где я тогда находился – ошеломила меня. А я не смог не только что поехать (вертолеты оттуда были случайны), но даже телеграфировать вовремя о соболезновании и скорби об ушедшем из жизни Учителе и друге.

Кабинет А.А. Стрелкова в д. 48, кв. 28 по ул. Салтыкова-Щедрина.

Обстановка в кабинете хорошо отражала интересы Александра Александровича, и семья сохраняла ее в том виде, как это было при хозяине вплоть до 1998 года. Это большая комната с двумя окнами на Таврический парк.

Справа у двери стоит низкий закрытый шкаф со стеклянной горкой наверху. В горке различные вещи японские и китайские: статуэтки разные, поделки из слоновой кости и нефрита. Одну из них – большой «подголовник» из нефрита – Александр Александрович приобрел уже в Ленинграде, после того, как побывал на Сахалине и приобрел вкус к японским вещам. Там же куколки, вазочки, драконы и прочее, а наверху на горке большая деревянная резаная японская скульптура – старуха с метлой, высотой около 40 см. В горке – плетеная будто бы, а на самом деле резаная вазочка из слоновой кости – очень тонкая работа! Рядом со старухой большая группа: чугунная скульптура – драконы и обезьяны. В шкафу кусок слоновьего бивня длиной 12–15 см, по окружности вырезаны барельефные фигурки животных. Все эти вещи он называл «пылинки дальних стран» и очень их ценил.

На стене над шкафом фарфоровое блюдо и картина: портрет Александра Александровича в профиль (читает) и литография – цветы.

Далее высокий, под потолок книжный шкаф, верх со стеклянными дверцами, видны книги по искусству. На дверце два литографических портрета (приложения к календарю за год): «Изабелла де Порсель» Ф. Гойи и «Н.Н. Пушкина» К. Брюллова, портрет неизвестной англичанки и «Е. Муравьева» П. Соколова.

На противоположной двери стене, между окнами – японская картина на шелку, в раме: журавли над морем. На стене слева, в стеклянной витрине – полке: объекты, привезенные из Ю. Китая, с о-ва Хайнань: кораллы разные, раковины моллюсков, морские ежи с толстыми, в карандаш, иглами и наши, обыкновенные дальневосточные. На стене отдельно 5-ти и 9-ти лучевые морские звезды и огромный лангуст с расправленными в стороны усами, по 35 см. У стены между окнами стоит большой, старинный письменный стол с ящиками по бокам и портретом хозяина на нем.

С одной стороны – высокая табуретка с пишущей машинкой, с другой – вертящаяся 4-х сторонняя этажерка со словарями. Далее два старинных же дубовых кресла с подлокотниками и шкаф мореного дуба оливкового цвета с резными столбиками по углам. В центре комнаты стол размером 2 м на 1 м, на нем всякие иллюстрации, вновь принесенные книги и т.п. Выставка вновь приобретенных книг менялась постоянно, как в хорошей библиотеке.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАЛАБУХОВ
(1908 – 1990)

Родился в 1908 году. В 1926 году поступил на биологическое отделение физмата МГУ. Еще будучи студентом, занимался экологией грызунов и их значением в эпизоотиях чумы.

С 1934 по 1936 годы работал ассистентом на кафедре зоологии позвоночных Ленинградского государственного университета, где читал курс экспериментальной экологии.

Во время Великой отечественной войны сначала служил простым рядовым бойцом, а с 1943 года возглавлял организацию борьбы с мышевидными грызунами.

После войны защитил докторскую диссертацию.

Работал сначала в противочумном институте «Микроб» в Саратове. Затем в 70-е годы – во Владивостоке в Дальневосточном филиале АН СССР.

* * *

Познакомился я с Николаем Ивановичем в 1937 году. Он тогда вел в Ленинградском университете курс экспериментальной экологии, и я стал посещать эти занятия.

Калабухов оказался молодым человеком (всего на год старше меня), высоким, немного сутулым, очень подвижным и живым. Занятия вел очень живо, увлеченно, с одновременным показом многих приспособлений и приборов.

В 1939 году, после окончания университета, я стал работать в Биологическом институте университета, в Старом Петергофе. У Калабухова там были какие-то экспериментальные установки, и мы стали видеться довольно часто. Общение проходило в неформальной обстановке. Живо обсуждались самые различные события текущей жизни, и оказалось, что Николай Иванович был очень остроумным, ироничным и часто даже язвительным человеком.

После моего увольнения в апреле 1940 года из института отношения наши прервались и возобновились лишь в 1943 году, в конце зимы, в Москве. В то время я был рядовым слушателем Военной Академии хим. защиты РККА, и очень тяготился, как своим тогдашним положением, так и предстоящей вскоре военно-химической деятельностью. И вот, во время одного из краткосрочных отпусков в город, будучи у А.Н. Формозова,

я узнал от него очень интересные вещи. Оказалось, что недавно в армии была создана зоологическая служба, во фронтовых сан.-эпид. лабораториях появилась должность зоолога, – все это в связи с эпидемиями туляремии, прокатившимися по фронтам в 1942 году. Одним из руководителей этой службы является Калабухов, он ведет подбор кандидатов на должности фронтовых зоологов, и, если меня это прельщает, то мне надо обратиться к нему. И я отправился к Калабухову.

Николай Иванович встретил меня очень приветливо и сказал, что постарается устроить мой перевод из хим. Академии на место фронтового зоолога. Однако прошло несколько недель, прежде чем это осуществилось: сначала «химики» не хотели отпускать меня. На соответствующий запрос из отдела кадров Главсанупра в отдел кадров Главхимупра оттуда ответили: «Он – химик и останется химиком» – «А если он нам очень нужен?» – «Обойдетесь». Тогда составили письмо, в котором сам начальник Главсанупра, генерал-полковник Смирнов просил начальника Главхимупра отпустить меня. Ну, когда один высокий генерал просит другого высокого генерала, да еще о такой малости, как перевод простого солдата, то, разумеется, отказа быть не может. Так что, прожив в волнительной неизвестности недели две, я, наконец, был вызван в канцелярию Академии, где мне вручили пакет с предписанием отправиться к новому месту службы. И я отправился в Главсанупр. Но, оказалось, что в армии порядки далеко не таковы, какими они всегда изображались: меня дважды засылали не туда, куда нужно, где зоологи уже были. Лишь в мае 1943 года я был, наконец, утвержден в должности зоолога санитарно-эпидемиологической лаборатории Калининского фронта.

Вскоре же я получил первое задание: приказ отправиться в один из участков тыла нашего фронта и провести там сбор иксодовых клещей. Одновременно я получил письмо от Калабухова, где он говорил о том же: обнаружены случаи клещевого энцефалита, надо собрать и произвести определение клещей. С этого момента началась наша переписка, длившаяся до конца его жизни. У меня сохранились 42 его письма; они дают хорошее представление о многих сторонах личности Николая Ивановича. Писаны они очень живо, торопливо – как и все, что делал Николай Иванович. Но, благодаря этой торопливости (некоторые слова иногда он обрывал недописанными) и общей неразборчивости почерка, письма эти приходилось всегда перечитывать несколько раз, прежде чем вполне уяснялось их содержание. Зачастую многие слова приходилось лишь угадывать по общему смыслу, да и то некоторые так и оставались не разобранными. Однажды я написал ему об этом, но в ответ получил едкую отповедь, что «чья бы корова мычала, а моя бы молчала», так как мой почерк тоже весьма далек от идеала.

Попробую прокомментировать их, расположив в хронологическом порядке.

В письмах военного периода сначала шли рассуждения о моей работе, затем следовали сообщения об общих знакомых. Так, в письме от 11.11.43 он писал: «Очень рад Вашим наблюдениям за вариациями в окраске грызунов. В период массового размножения в 1932 – 33 гг. я это отметил тоже». Далее следовала длинная цитата из его статьи и пожелание продолжать эти наблюдения. В заключение следовали сообщения о гибели Шульпина (Ленинградского орнитолога) и о переводе Дубинина (Ленинградского паразитолога) из армии в Военно-медицинскую академию.

В январе 1945 года я написал Калабухову, что один из работников нашей СЭЛ перешел на работу в какой-то секретный военно-медицинский институт и зовет меня туда же, но я отказался – не хочу работать в секретном учреждении, а после войны хотел бы опять работать в заповеднике. В ответном письме от 20.2.45. Николай Иванович первым делом сообщил, что в том самом месте, где я ловил грызунов в 43 году, выделен вирус из грызунов и из блох. Далее он писал: «Конечно, будущее Ваше предугадать трудно, но я бы, все же, на Вашем месте, подумал о древнем русском городишке, где, все же, будет интереснее работать, чем подвизаться после войны в гарнизоне какого-либо «штатника», или Инстербурга. Правда, может быть, поедете в места более интересные для зоолога, но это тоже надолго. Во всяком случае, думать Вам о заповеднике бессмысленно, так как не освободят, даже если бы Макаров и захотел, а при его характере он и побоится ходатайствовать».

(Примечание: Макаров – зам. начальника Главного управления по заповедникам).

Эти рассуждения Николая Ивановича были весьма логичны. Я все же отказался от секретного института и, как оказалось впоследствии, не прогадал. Из армии мне удалось все же, хотя и с трудом, освободиться, а попади я в этот институт, думаю, это было бы еще труднее.

В конце письма, как всегда, известия об общих знакомых: что виделся с Я. Д. Киршенблатом, который был в Москве проездом; что у А.Н. Формозова возникли какие-то трения с Матвеевым, и «...это выходит боком аспирантам – в частности, Наташу Туликову Матвеев и Сергей Иванович, кажется, «зарезали» на экзамене, и т. п. Вот Вам и здесь война!».

На этом переписка наша прервалась и возобновилась лишь в 1947 году, когда я стал работать в Дарвинском заповеднике. Калабухов к этому времени стал заведующим кафедрой экспериментальной экологии в Харьковском университете. Я написал ему о себе; написал также, что природа здесь победнее, чем в Мордовии (где я работал до войны); в заключение спрашивал, правда ли, что он летом побывал в санатории на Кавказе – и не наловил ли он там своих любимых желтогорлых мышей?

Николай Иванович откликнулся немедленно. В письме от 27.11.47 он написал: «Могу Вас успокоить, что, живя на курорте, мышей я не ловил, но, вот, сотни три *Helix* для опытов по летней спячке, что ведет у меня одна студентка, все же привез».

Очень характерно для Николая Ивановича: и на курорте не забывать о науке.

Далее он писал: «Ваше пренебрежение местной природой и фауной, по-моему – результат недопонимания того, что ряд вещей лучше изучать не в зоне оптимума вида, а на границе его ареала, а здесь у нас как раз кончается граница целого ряда таежных форм, и очень, по-моему, может дать много для понимания особенностей таежных форм».

В октябре 1948 года я поздравил Николая Ивановича с наступающими праздниками, послав ему стандартную цветную открытку. На обороте ее я написал, что после прошедшей сессии ВАСХНИЛ многие биологи были уволены, что некоторые даже впали в панику, так как не могут найти места; выражал надежду, что у него все в порядке, поскольку в провинции, все же, легче отсидеться.

В ответ Николай Иванович прислал мне крайне раздраженное письмо. Уже обращение было не как обычно «дорогой», а «уважаемый». Но далее текст был совсем не уважительный.

«Уважаемый Иван Михайлович!

Много раз за эти десять лет знакомства с Вами я убеждался, что Вы – типичный конъюнктурщик (как, впрочем, многие из Ваших сверстников). Но не думайте, что и другие тоже таковы. И не потому, что я «вдаюсь в панику», а просто потому, что я всерьез думаю при современной ситуации уходить на исследовательскую работу, перейдя целиком в НИИ Биологии. Сейчас я только вернулся из трехдневной экскурсии на биостанцию. И как там хорошо! Кроме моих мышей там сейчас много вальдшнепов, куропаток, свиристелей. Вот я и буду руководить тремя сотрудниками отдела экологии и несколькими дипломниками, и, читая курсы общей экологии и вредных млекопитающих, не мучить себя выколачиванием 540 часов, положенных зав. кафедрой. На лето поеду в степь, где много сайги и стрепетов - заниматься грызунами и связанными с ними инфекциями.

Так что, я, в отличие от других, не думаю, во что бы то ни стало, отстаивать свое реномэ преподавателя, а предпочитаю уйти на исследовательскую работу». (Хорошо, что такая работа нашлась – для некоторых долгое время не было никакой).

«Ваша бесцеремонность, особенно сказывающаяся в том, что Вы пишете на открыточке, на этот раз превзошла себя. Писать там «не впадать в панику», «у вас там отсидеться легко» – мог бы, конечно, только идиот или недруг: ведь, вся наша почта лежит на столике у швейцара университетского дома, по квартирам ее не разносят.

Н. Калабухов»

Не помню, что я ответил ему, но переписка наша прервалась и возобновилась лишь в 50-м году, когда в феврале я неожиданно получил от него письмо. Обращение прежнее – дорогой».

«Дорогой Иван Михайлович! Боюсь, что наша переписка заглохла не по моей вине. Просто Вы ориентируетесь «верхним чутьем», как и Ваш директор».

Далее следовали пространные обвинения в адрес Ю.А. Исакова за то, что тот не шлет ему оттисков своих статей, хотя, по мнению Николая Ивановича, использует его идеи.

«Ну, это все обычное брюзжание, да еще сейчас, когда я, следуя Вашему совету, данному лет семь назад, лег к хирургам в клинику. Во время поездки в Крымский заповедник – олени, муфлоны, орлы и, конечно, желтогорлые мыши! – обнаружил в паху опухоль. Завтра ее вырежут и скажут, рак это, или так себе».

Теперь об «установке» (дело в том, что, еще до нашей размолвки, я писал ему, что хотел бы выяснить, какова активность сидящей на гнезде глухарки, но не знаю, как осуществить нужную «установку». Тогда он мне не ответил, а теперь вспомнил и далее в письме детально описывает установку и даже приводит рисунок).

«Пишите! Даже в случае метастазов я еще, надеюсь, с полгодика проваландаюсь и поэтому еще чем-то смогу быть полезным напоследок. Ваш Н. Калабухов.».

После этого следовал еще большой постскриптум с дополнительными указаниями на установке записывающего прибора.

Уже через месяц, 2.III.50 Николай Иванович пишет: «Опухоль оказалась безобидной кистой.

Рад, что Вы наладите свой аппарат для глухаря; надеюсь, что схему пришлете (в деталях) мне; я включу ее, со ссылкой на Вас, в практикум.».

Характерная стремительность Калабухова: он вообразил, что у меня уже все готово, остается только собрать и наладить установку. Между тем, я писал ему лишь, что постараюсь, но у меня еще не было не только ни одной детали, но еще и не было найдено ни одного гнезда глухаря. Когда же я серьезно задумался над этим, то понял, что предложенная Калабуховым схема неосуществима – дикая птица совсем не то, что курица на гнезде. А Калабухов имел дело с животными в клетке.

Заканчивая письмо, Николай Иванович писал:

«Жаль, что Вы не читаете руководящих статей в периодической литературе. Надо ориентироваться в веяниях в науке! Вот, Всеволод, видимо, прекрасно ориентируется, тем более что сидит около руля зоологической науки! Кроме статьи, о которой Вы писали, в 1-м номере З. Ж., он написал прекрасную статью по материалам двенадцатилетней давности (вот где, оказалось, были скрытые стихийные мичуринцы) о превращении одной формы чесоточных клещей в другие».

Речь шла о В.Б. Дубинине, который, действительно, одно время склонялся к мысли о возможности скачкообразного превращения видов.

В начале 1951 года в Киеве состоялась зоологическая конференция; дух на ней господствовал мичуринский. Выступивший с докладом Ю.М. Ралль «громил» антимичуринцев, в том числе Формозова и Калабухова. Попросивший затем слова для краткой справки Калабухов дал отповедь Раллю и закончил свое выступление словами: «Очевидно, что предыдущий оратор смотрел на мою статью так же, как известное домашнее животное на новые ворота». В зале раздался смех, а сидевший неподалеку от меня В.П. Теплов громко спросил: «Кто это? Осел?». – «Нет – баран» – поправил я.

С осени 1951 года я стал работать в Чебоксарах. Узнав, что и Калабухов ушел из ХГУ и стал работать в Астрахани, я написал ему, спрашивая, не является ли его уход из ХГУ следствием его выступления в Киеве? Он ответил: «Увы, у Вас память, видимо, ослабевает. Ведь, в Киеве не Ралль и К° меня «затравили», а я их отругал последними словами.».

Об уходе из ХГУ я думал уже давно. Будучи в январе в Москве, я добился в МВО разрешения на уход, мотивируя это тем, что, с выходом моей книги «Методика эксперим. исследований» (она сдана в печать) каждый дурак, читающий по-русски, сможет заменить профессора Калабухова.».

Далее он пишет, что ему были предложения от ставропольцев и ростовчан, но первые успели взять Кучерука, а съездив в Ростов, «...я решил, что корпеть за столом зав. отделом и не видеть степь большую часть года не стоит, и обосновался в Приволжье.

Живу в маленьком домике, по неделям провожу в степи. В лаборатории накопляются помаленьку разные приборы, а в природе ставлю опыты на тысячах гектар и вообще чувствую себя свободным от педагогики, студентов и избытка заседаний.

Посылаю Вам книжечку по эксперим. экологии – хотя Вы и не дурак (а скорее хитрец), но она может и Вам пригодиться.».

Я поблагодарил его за книгу и написал, что еще не пригляделся, чем можно заняться на новом месте. Он немедленно (письмо от 11.11.51) ответил. Упрекнул меня сначала в хитрости: «Вы делаете вид, что забыли, как еще два года назад запрашивали меня о том, как изучать активность птицы на гнезде, и как я Вам тогда подробно ответил по этому поводу. Неужели Вы стали профессорски рассеянным, как только получили место зав. кафедрой? Неужели Вы так ничего и не сделали?

Конечно, в зоне тайги, где Вы живете, можно многое сделать, но я бы Вам порекомендовал, как и Формозов, делать что-либо такое, что можно сочетать с экспериментами в лаборатории, ибо времени для работы в природе будет мало. Не взяться ли Вам за экологическую паразитологию – за вечную проблему единства организма и среды, и, прослеживая сезонные изменения у какого-либо из Ваших массовых видов птах (хотя бы куропаток), одновременно заняться изучением изменений в неволе при разных условиях содержания».

Эти рассуждения показывают, что Калабухов не представлял, что его предложения для меня совершенно неприемлемы: нет условий для добычи массового материала, а содержание диких птиц в неволе само по себе огромное трудное дело, даже без экспериментов над ними.

Не желая раздражать Калабухова, я написал ему, что предложения его невыполнимы, прежде всего, из-за отсутствия места – и это тоже было правдой: кафедра тогда ютилась в двух крошечных комнатушках. Но Николай Иванович ответил, что «ссылка на отсутствие места – сущая ерунда. Просто Вы – лентяй и лодырь. Много ли нужно места для десятка куропаток и 5-6 рябчиков?».

В начале 52-го года я написал Николаю Ивановичу, что, возможно, в Чувашии актуальным объектом изучения могли бы стать хлебные клещи, но, вероятно, лабораторная работа с ними будет очень трудна. Николай Иванович сразу откликнулся (05.03.52) и подробнейшим образом описал нужную установку и методику работы, а также привел и список литературы. И я начал собирать установку. Однако, поговорив затем со специалистами, я понял, что эта тема мне не по плечу: нужна не маленькая установка на письменном столе, а хорошая лаборатория, а главное – надо полностью отдать себя этой работе, а не заниматься ею лишь в свободное от учебных занятий время. Я написал об этом Калабухову. Он ответил не сразу.

25.06.52 он писал: «Не думайте, что я молчал оттого, что возгордился. Просто я вертелся как белка в колесе. 5000 га опытных угодий. С 4-х утра и до 12 ночи заботился обо всем, начиная с воды для людей, и кончая бензином для самолетов.».

А пишет из Тбилиси, где находится в однодневной командировке: «Встал рано и, пока хозяева спят, решил ликвидировать свои «долги» по переписке». (Характерно для Николая Ивановича: даром времени не терять).

Далее он опять указывает литературу по клещам и называет людей, к которым следует обратиться за помощью. Но в заключение пишет: «А вообще Ваши хлебные клещи не по душе. Вот сейчас, после вчерашней защиты, я порекомендовал бы Вам дубового шелкопряда.».

Далее он пишет, что если я сумею выяснить условия, нужные для выкармливания гусениц не как принято – в природе, где у них большая смертность, а на стеллажах, то через год – два у меня будет докторская диссертация.

«Не думайте, что я пьян от хорошего вина, которым меня поили вчера».

Я опять сослался на отсутствие помещения и в ответ получил следующее: «Как Вы были лентяй, таким и остались. Как можно откладывать дело с шелкопрядом! Или Вы точно следуете рецепту для кандидатов: 30 минут стыда (пока выступают оппоненты) и 10 лет спокойной жизни (когда начнут требовать докторскую)».

Далее следовали горячие убеждения «хотя бы попробовать.».

Но дело было не в лени, а в нежелании заниматься экспериментальной работой именно летом, в свободное от учебных занятий время. Я так и написал Калабухову.

«Вы правы, – написал он 20.02.53. Интереснее работать с объектом, с которым можно возиться в течение учебного года – шелкопряд для этого не подходит». Далее следовали пожелания продолжить работу по паразитам куриных птиц, но непременно с добавлением экспериментов.

В 54 году мы обменивались текущей информацией: кто и где побывал, кого видел из общих знакомых, над чем работает.

В начале 55 года вышел мой «Определитель позвоночных», и я послал его Николаю Ивановичу. 25.05.55. он написал мне: «Спасибо за книжку! Пособие очень полезное. Я еще не успел разобраться в нем, чтобы найти что-либо достойное критики, но, если это и окажется, как всегда в любой книге, да еще в первом издании, то это не сможет ее умалить, как, буквально, откровение для школьников и учителей, не имевших до сих пор таких доступных пособий.».

Пишет, что за истекшее время много ездил: побывал на конференции в Киеве, в феврале работал в пустыне в Туркмении, в марте у себя в Астраханской области, сейчас опять едет в Туркмению на месяц.

При просмотре кровяных мазков от разных видов грызунов обнаружилось, что один вид сильно заражен разными кровепаразитами и в Туркмении, и в Астрахани, а другой родственный и там и тут стерилен.

На конференции в Киеве встретил И. Громова « и вспоминал доброе старое время в ЛГУ при Д.Н. Кашкарове».

«С интересом прочитал в № 10 «Вестника ЛГУ» дискуссию о виде и сделал заключение, что Юрочка Марков как был ортодоксом и губителем еретиков, таковым и остался.».

Я написал ему, что сам сделал доклад о проблеме вида. Он очень одобрил это, удивившись, как это я решился на такое «рискованное дело.».

Одновременно я написал ему, что хочу немного заняться экологий грызунов: сравнить активность разных видов. Он очень обрадовался – «нашего полку прибыло» – и прислал подробные указания: какие виды следует взять и на что обратить внимание.

Я сделал кое-какие наблюдения, использовав модифицированную мной установку. В феврале 56 года я сообщил о полученных данных Калабухову, приложив и рисунок установки. Он ответил сразу.

«Получил Вашу заметку, и буду рад напечатать ее в нашем сборнике «Грызуны и борьба с ними».

Далее он сообщил, что внес в статью кое-какие изменения и посылает ее мне обратно для согласования. Но присовокупляет: «чтобы была не копия на паршивой газетной бумаге, а первый экземпляр на приличной, а рисунок - на ватмане. Торопитесь! В конце марта сборник пойдет в печать.».

Конечно, я выполнил все требования Николая Ивановича.

12.02.58 он пишет: «Не думайте, что я совсем о Вас забыл, но я все думал ответить Вам, послав одновременно сборник «Грызуны и борьба с ними» № 5, с Вашей статьей, но пока не удалось. Сборник даже датирован 57 годом, но пока еще не вышел.

А.Н. Формозов в одном из писем вспомнил, что Вы сейчас как-то «беспризорны». Думаю, что при Вашей склонности к «dolce far niente» Вы не горюете, что особых хлопот у Вас нет.

Я, как всегда, верчусь, как белка в колесе, создавая вокруг себя суету – дал я людям темы, которые потом ложатся тяжелым грузом на мою шею, а уж приходится их «доводить до кондиции». Правда, все же за десять лет с демобилизации выпустил 6 кандидатов, да еще 4 закончат в 58-59 гг. Но боюсь, что половина из них стремилась к этому из меркантильных соображений.».

*

Я написал Николаю Ивановичу что, вероятно, начну заниматься насекомыми, несмотря на то, что работа с живыми возможна только летом. Он сразу ответил.

«К сожалению, подарить Вам новую «Спячку животных» (1956) пока не могу – у меня их осталось всего 2 штуки – «н.з.», но буду иметь в виду при поездке в Москву, где, кажется, ею еще торгуют.

Насчет насекомых Вы не правы: в Московском зоопарке был энтузиаст Щербаков, у которого в неволе жили всякие насекомые. Он написал об этом главу в книге «Московский зоопарк» (1949) – разыщите. Надеюсь, что Вам удастся не только популярные сводки писать, но и наладить лабораторную работу».

Затем следовали пространные рассуждения о том, чтобы мне все же заняться дубовым шелкопрядом.

«Но вся беда в том, что Вы издавна рассматриваете своего саратовского знакомого, как бестолкового чудака, советующего Вам бесполезные вещи.».

Осенью, 24 сентября, он написал мне: «Вчера я послал Вам бандеролью 40 оттисков Вашей статьи. Десять я удержал – разослал вместе с другими физиологам (далее приведен список лиц, с указанием, где работают и чем занимаются). Корифеям от зоологии (Формозову, Наумову и т.д.) не послал, так как им вообще пошлют весь сборник».

Все это – яркий пример дотошности Николая Ивановича в вопросах, касающихся науки: если что-то может быть полезно для науки, то он это сделает, даже без всякой выгоды для себя.

В конце письма приписка: «1 августа мне стукнуло 50 и я уже чувствую себя стариком».

*

К сожалению, письма Николая Ивановича за последующие 20 лет не сохранились. В 1972-77 гг. он работал на Дальнем Востоке, и переписка наша за этот период была очень редкой, а по возвращении его в 1978 году в Астрахань возобновилась с прежней интенсивностью.

В первом же письме от 29.05.78 он сообщил, что, хотя он уже пенсионер, но успел уже даже в этом году побывать на нескольких конференциях и совещаниях. И очень рад тому, что недавно вышел из печати его, как он выразился, «прижизненный некролог» – «Жизнь зоолога».

Я написал, что занят сейчас внутривидовой изменчивостью у саранчевых, и высказал некоторые общие соображения по этому вопросу. Он ответил, что «Хотя новое качество подготавливается разными количественными сдвигами, но оно имеет такие элементы нового, которые выводят его из этой «постепеновщины». И дело не в числе поколений, ибо, если учесть несходство условий среды и конечных факторов, влияющих на отбор и генотип, это может не происходить миллионы лет (какие-либо океанские «стоячие» виды вроде «старины четвероногa»), и, наоборот, на фоне пластичности радиации быстро и ярко (мелкие млекопитающие). Поэтому-то Ваше сравнение взглядов Дарвина с «идеями» Лысенко вполне уместно: дело не во времени, а в качестве. Шварц писал – и вполне мудро и разумно – о различии между внутри- и межвидовой изменчивостью.».

*

Вскоре я достал «Жизнь зоолога» и написал Николаю Ивановичу об этом. Он сразу прислал мне список опечаток и просьбу: если я могу купить еще, то прислал бы ему несколько штук.

Узнав от меня, что у нас объявлен конкурс на место зав. кафедрой, предлагает своего ученика В.П. Хрусцелевского, который работает в Алма-Ате, но, «жаждет уйти, так как там их выживают свои казахские кадры».

Еще спрашивал, не знал ли я С.С. Шварца, будучи студентом в ЛГУ, и, если знал, то послал бы это в Свердловск (дает адрес), где готовится сборник памяти Шварца. (Очень характерно для Николая Ивановича: если можно чем-то кому-то помочь, то он постарается, хотя бы это лично его совершенно не касалось).

Я написал ему, что Шварца я, к сожалению, совсем не знал, поскольку мы учились на разных курсах. Упомянул я мельком о том, что одна ассистентка нашей кафедры собирается провести какие-то эксперименты (не помню теперь, какие именно) над белыми крысами. Николай Иванович сразу же ответил, что ничего нового она не откроет, а вот, если бы она взяла еще пасюка, да еще хорошо бы, и черную крысу («нет ли у Вас знакомых в Центрально-лесном заповеднике?»), то тогда можно было бы получить интересные данные. И приводит подробное описание клеток, приборов и всего, что нужно для постановки опытов. (Попытки вовлечь меня в экспериментальную деятельность он уже оставил, но, если кого-то можно привлечь, то он постарается помочь, чем может).

В следующем письме 07.01.79 Николай Иванович пишет: «Все мы подходим под определения «конских» пословиц. 1) «Ни коня, ни возу» и «Конь не валялся» – это относится к детям. 2) «Конь о четырех ногах, да спо-

тыкается» – молодежь; что-то делает, но иногда и с «браком». 3) «Укатали сивку крутые горки» – почтенный возраст, вроде Вашего. 4) «Был конь, да изъездился» – вот это – я.

Я, например, сейчас твердо решил писать новое издание не «Спячки животных», а лишь «Спячки млекопитающих», раскрыв и дополнив эту часть интересными новинками по природе и физиологии, и не пытаясь «объять необъятное», против чего бурно возражал Козьма Прутков. Имеющегося материала вполне хватит для 20 п. л. – лимита для таких книг в изд-ве «Наука».

Возможно, что и у Вас «не ладится» с исследованиями потому, что «отвыкли»?

После моего ухода на пенсию заведовать кафедрой в пединституте стала сотрудница кафедры Лидия Григорьевна Сысолетина. Она очень тяготилась этим. Не желая, чтобы на смену ей пришел какой-нибудь совершенно незнакомый человек, я запрашивал своих друзей о возможных кандидатах. Как я уже упоминал, Калабухов сразу предложил своего бывшего ученика, Владимира Павловича Хрусцелевского. После длительных переговоров, наконец, состоялось зачисление его в ЧГПИ. Калабухов был доволен, о чем и написал мне 05.07.79.

В том же письме он писал, что смотрел «Великую отечественную войну» и радовался, что мы оба тоже принимали в ней участие.

Я ответил быстро, сообщив, что уезжаю на месяц, на Алтай, к сыну, в заповедник. Спрашивал, является ли он «чистым» пенсионером, или работает еще где-нибудь? И спрашивал, не подскажет ли он, как бороться с кротами, которые досаждают мне на огороде?

Николай Иванович ответное письмо прислал на Алтай.

Сообщил, что он – чистый пенсионер, получает 160 рублей пенсии. Был случайный приработок в 200 рублей, когда он на противочумной станции обучал какого-то неофита, как определять содержимое желудков у пищух и даже написал для этого краткий определитель. «А сейчас бегаю на станцию 2-3 раза в неделю, контролируя эти исследования, ругаюсь на всяких советах и совещаниях – и все бесплатно».

О борьбе с кротами: «Попробуйте «напитать ядом» (точно Анчар) десятка два земляных червей и раскидать в ходах кротов. Юдин год назад докладывал, что кроты на зимовку запасают червей в камерах сотнями».

В заключение Николай Иванович просит добыть на Алтае десяток бурундуков, с неповрежденными черепами, зафиксировать их и отослать во Владивосток некоему Тиунову, с которым они вместе исследовали бурундуков.

«Так как 1 августа мне будет 71 год, пришлите этот «подарок» Тиунову».

К сожалению, я не смог выполнить просьбу Николая Ивановича, так как большую часть времени в заповеднике провел не в тайге, а в горной тундре, на озере Джулу-Куль, где никаких бурундуков не было. Вернувшись домой, я написал об этом Николаю Ивановичу. Чтобы несколько загладить свою вину, письмо я положил в конверт с рисунком А. Исакова «Бурундук».

Огорченный Калабухов написал, что «...вежливые и обходительные воспитанники ЛГУ всегда достаточно «ушлые» – в буквальном смысле «уходя» от просьб к ним – я знаю давно».

Обида Николая Ивановича стала понятнее после того, как я дальше прочел, что в тех же местах и в то же время побывал еще один ленинградец, который тоже не добыл бурундуков.

Зато конвертом с рисунком бурундука Николай Иванович остался очень доволен и даже положил его в свой «н. з.».

Сообщая далее, что жена Кашкарова отметила свое 99-летие, но ничего не помнит, он написал: «Да, слишком долго жить тоже плохо, и мы с Вами подходим к рубежу, о котором у Махтум-Кули написано довольно горько: « А придет седьмой десяток – в сердце горя отпечаток, тело дряхло, разум шаток...».

Стихи мне очень понравились, но некоторые слова я не смог разобрать и написал об этом Николаю Ивановичу, с просьбой повторить их.

Кроме того, напомнив Николаю Ивановичу о его рекомендации по борьбе с кротами, я просил уточнить, какой яд следует применить, чтобы черви остались живы, а кроты, съев их, подохли, и куда и как вводить яд и т.д.

Николай Иванович ответил 25.10.79.
«Конечно, почерк мой плохой. Повторяю.
Махтум-Кули. Человек.
……
В пятьдесят скудеют силы,
Вяло длится труд постылый.
Где-то реет тень могилы,
Слово слышится – «старик».
В шестьдесят – одна усталость;
Лишь вздыхать ему осталось:
«Жизнь прошла! Какая жалость!»
И от счастья он отвык.
А пойдет седьмой десяток –
В сердце горя отпечаток,
Тело дряхло, разум шаток,
Как надломленный тростник.
Стукнет восемьдесят – тело
Беспредельно ослабело;
Нету сна и нету дела;
Взор растерян, мутен, дик.
Девяносто! Он не встанет,
Он во двор на миг не глянет,
Руку внуку не протянет –
Смерть взяла за воротник.
Нет, Фраим, признаться прямо:
Жизнь такая – хуже срама.
Будет мерзок сын Ислама,
Если он ста лет достиг!

Я утешаюсь только тем, что, в общем, южане растут и стареют лет на десять позже, чем русаки. А вот Вы – черноглазый и курчавый – не южанин ли по крови?

А грибы собирать, конечно, лучше! И вот, если я будущей осенью доживу и допишу и сдам свою «Спячку», то, на страх Вам, приеду побродить по лесу. Трепещите!

И вот, еще выпала у меня история с червями, о которых Вы пишете (см. Махтум-Кули: « А пойдет седьмой десяток... разум шаток»). Ей-богу, не помню. ... Вы что-то путаете, по-моему... И никаких рецептов травить я не давал, и не мог давать, ибо не дурак! Вы приписываете мне эту нелепую идею, да еще, пожалуй, «трепанули» кому-либо из общих знакомых, чтобы развлечь их *dementosa senelos* старого зоолога. И даже требуете от меня литературных ссылок, хотя я и не помышлял об этой глупости.».

Тогда, скопировав слово в слово рекомендацию Николая Ивановича, я отослал ее ему, добавив, что не возвращаю самого письма только потому, что боюсь, что Николай Иванович уничтожит его, чтобы не прослыть, как он сейчас пишет, дураком, а потом обвинит меня в злостной выдумке. Но, если он не верит, что я все скопировал точно, то я могу сделать фотокопию.

«Да, счет в Вашу пользу 5:0! – написал Николай Иванович 11.11.79. Теперь я вспомнил, что рекомендовал травить не кротов, а червей. ... Легкомысленный, как все старики, я не подумал, что надо еще придумать, как заставить червей есть отравленную приманку, да еще такую, которая не губила их, но травила кротов.».

«Хорошо, что Вы взялись за кузнечиков. Все же, конкретные, «живые» вещи приятнее всяких упражнений в литературе. И у меня так «медлит» дописание спячки, потому, что я около года беспечно бегаю на противочумную станцию, где сижу часами за микроскопом, смотря содержимое желудков сусликов». Делал он это, желая составить определитель растений поедаемых сусликами. Для этого он изготовил множество микропрепаратов – «... даже не представляете, как красиво выглядят всякие трубчатые ходы... очень доволен, что в МГУ уделял внимание ботанике, все это пригодилось.».

Послав Николаю Ивановичу поздравление с Новым годом, я выразил пожелание, чтобы он в наступающем году не только сидел бы в лаборатории, но и побывал в природе. Николай Иванович в письме от 02.01.80, поблагодарив за «благие пожелания», с горечью отметил, что, хотя в своей жизни он побывал во многих местах – Украина, Крым, Кавказ, Поволжье, Сибирь, Туркмения, Алтай, Приморье – и повидал самые разнообразные ландшафты – тайгу, степи, пустыни, горы – и много жил в палатках во все сезоны года, – но все это в прошлом. И он очень хотел бы жить в лесу, пусть даже не в благоустроенной квартире, а в простой избушке.

«Но выбирать место для пенсионерского жительства не приходится, а у жены все родственники в Астрахани.».

В следующем письме от 25.01.80 продолжается та же линия: «Спасибо за «ободряющее» письмо! Конечно, я не жалею что не могу больше путешествовать из конца в конец: всякому овощу свое время!»

В конце приписка: просит прислать аминолон, который он постоянно принимает, но в Астрахани он исчез. Я послал ему просимое. В письме от 24.02.80 он благодарит за посылку.

«Но Харон работает исправно и 31.01 уже перевез «на тот берег» Г.А. Новикова, а ему еще не было 70 лет. На вокзале, в пути». Напоминает, что также не дома, в дороге, скончались Дерюгин, Стрелков, Кашкаров, Догель. Как писал К. Симонов: «Никак не можем мы смириться с тем,

Что люди умирают не в постели,

Не дописав картин, или поэм,

Не долечив, не долетев до цели».

О передаче «В мире животных»: босс там Дроздов: «Там много хорошего, но много и стремления «показать себя или своих коллег».

Олимпиаду я смотрю лишь фигурное катание, т.е. то, что красиво. А все «силовые» номера с высунутыми языками и выпученными глазами, так же как футбол и хоккей – не люблю.

Вот Вашим прогулкам по лесу я завидую.».

В письме от 30.03.80 Николай Иванович писал: «Я хочу, чтобы Вы взглянули на ЖОБ № 1 1980 – на мою «лебединую песню» по Владивостокской лаборатории, где я расписался о жировых запасах беличьих. Пять авторов пишут о двух видах сусликов, бурундуке, белке и летяге, а я – организатор всей этой авантюры и «писатель». Но важен не только материал, но и предисловие, где я пытался написать фразу «от души» об Александре Николаевиче Формозове. Я хотел посвятить свою статью ему (в связи с его статьей 1928 г. – 50 лет), но мне сказали, что этого делать нельзя. Но я сделал "the best", включив все эти «эмоции» в книгу. Конечно, в «Экологии» № 3 за 1979 г. я то же сделал о Д.Н. Кашкарове.».

Я написал Николаю Ивановичу, что журналов этих в Чебоксарах нет, и я постараюсь их прочесть, когда попаду в столицу. Что касается Формозова и Кашкарова, то они в книге Николая Ивановича оказались рядом, чего при жизни их никогда не бывало. Интересно, как бы они сами на это посмотрели?

В ответ Николай Иванович разразился взволнованным полным упреков письмом.

Прежде всего, он упрекнул меня в том, что я преклоняюсь перед авторитетами, не замечая их слабостей. Так, по его мнению, я «не заметил», что Формозов недооценивал зарубежных ученых, а Кашкаров – наших. «А я, будучи сыном актера и режиссера, с детства понял, что люди – «со всячинкой», поэтому не сотворил себе кумира, а старался брать ценное от всех». Перечислив многих московских профессоров, он говорит, что оставил их и «с радостью пошел на выучку к Кашкарову, будучи уже кандидатом и доцентом. И в своей «зеленой книге» я так и написал обо всех этих людях, подчеркивая, что они дали ценного, не касаясь всяких "faux pas" и слабых черт их характера. А тут, читая Вашу фразу: «А тут они оба рядом. Интересно что бы они подумали сами о таком соседстве?». Уверен, что обиделись бы, да и мне досталось «на орехи». Но я сделал, безусловно, правильно, ибо оба они разными путями шли к познанию того трудного и сложного, что мы называем природой.

А Вы вытащили на свет божий и хотите увековечить их споры и несогласия, не понимая, что они исчезнут из истории, как исчезли споры между Кювье и Сент-Илером». А подчеркивать «раскол» двух ведущих экологов – полезно ли бы это было?».

В заключение Николай Иванович указывает, что, хотя он ругался с Раллем «не на жизнь, а на смерть», а Поляков «поливал грязью» и его и Формозова, он нашел им место в своей книге.

Я написал Николаю Ивановичу, что не совсем понимаю, в чем он меня обвиняет: с одной стороны, я не замечаю ошибок у своих кумиров, а с другой – хочу вытащить их на свет божий. На этот счет он напрасно волнуется: весь «свет божий», это – он сам; больше я на эту тему ни с кем не говорил, тем более не собираюсь это увековечить. Что касается споров между учеными, которые, по его мнению, со временем исчезают, то это не так, и как раз спор между Кювье и Сент-Илером и вошел в историю. Так же, как спор между Пастером и Кохом.

А фразу, которую он ставит мне в вину, я написал вовсе не из желания раздуть их неприязнь друг к другу, а просто из юмора: два льва оказались рядом в одной клетке.

В заключение я спросил, какого он мнения о миграционной теории Бей- Биенко?

Он ответил 01.05.80. «Вы правы, сравнивая взаимоотношения между Кашкаровым и Формозовым с таковыми между Пастером и Кохом. И видно так будет всегда, ибо человеческие чувства, увы, содержат всегда долю самолюбия и самоуверенности».

О теории Бей-Биенко он судить не берется, но у птиц и млекопитающих в основе – пища: «Если корм будет, так и на погоду «плевать».

Летом я уехал в деревню, и переписка наша стала менее интенсивной, но затем возобновилась. В письме от 27.03.81 неугомонный Николай Иванович опять предлагает мне заняться экспериментальной экологией: провести наблюдения в природе и в лаборатории за питанием двух-трех видов прямокрылых – выяснить состав поедаемых растений.

И опять завидует тому, что у меня тут настоящая зима, «...а у нас было два зимних дня, а остальное время пыль и слякоть».

Но в мае я получил письмо совсем другого рода. К маю я послал ему поздравительную открытку, написав в конце: «Да здравствует советская экология и один из ее основателей Н.И. Калабухов!». Николай Иванович усмотрел в этом насмешку, или, наоборот, желание «лизать зад», и гневно обрушился на меня. Пришлось мне извиняться и уверять, что я не имел в виду ни того, ни другого.

В последующие годы, в связи с тем, что я переселился в деревню и перестал заниматься наукой, наша переписка стала менее интенсивной и приобрела «домашний» характер, о мелочах повседневной жизни.

Когда я сообщил ему о тяжелой болезни жены, о том, что была операция, он написал (21.03.83): «Надеюсь, что у Вас и Вашей супруги все пойдет на лад. Вспомните, у Гёте – мудрый был человек:

Gut verloren, etwas verloren
Ehre verloren, vree verloren
Mut verloren, – alles verloren
Und da basen nieht geloren!»

В 1983 году он сообщил, что сдал в печать «Спячку млекопитающих». Затем он долго беспокоился, что книга медленно продвигается, Наконец, в конце 85 года она вышла, и он написал, что, если она появится в Чебоксарах, то хорошо бы мне посмотреть ее, там найдется кое-что, что может пригодиться для лекций.

А он, успокоившись, что «Спячка» вышла, занят теперь эпизоотией чумы – пишет статьи и выступает на всевозможных совещаниях.

В каждом письме сожалеет, что живет в пыльной Астрахани и завидует моему «лесному» житью.

Весной 87 года он выражал мне сочувствие в связи с кончиной жены. Но думал, что я уже «вошел в курс новой жизни». А вот у него очень большое несчастье: старший сын, вскоре после службы в армии, стал психическим больным. Долго лежал в больнице, выписался и какое-то время был нормальным, а затем все повторилось. Пришлось даже взламывать дверь, чтобы добраться до него и отвезти в психбольницу. Сейчас поправляется, но все это ненадежно.

В сентябре 87 года я послал ему посылочку с клюквой и спрашивал, прочел ли он нашумевшую книгу Гранина «Зубр» о Тимофееве-Ресовском?

04.10.87 он ответил мне: «Завидую Вашей жизни в лесу. По сравнению с нашей пыльной Астраханью, это – рай!». Благодарит за клюкву.

«Зубра» он еще не прочел, но с Тимофеевым-Ресовским знаком давно: тот еще до войны прислал Калабухову оттиски своих статей о спячке божьих коровок. А после войны Николай Иванович познакомился с ним лично на конференции в Свердловске. Узнав, при этом, что, когда Тимофеева-Ресовского «взяли», то весь архив его остался в Берлине, Николай Иванович, вернувшись домой, послал Тимофееву-Ресовскому полученные некогда от него оттиски, чему тот был очень благодарен. И еще: когда Яблоков «поднял знамя» фенетики, то Тимофеев-Ресовский сказал: «Я и не знал, что всю жизнь занимался фенетикой.».

Поздравляя меня 17.04.88 с праздниками, Николай Иванович опять завидует тому, что я живу в лесу, с сожалением вспоминая свое детство на берегах Оки, и 72-77 годы на Дальнем Востоке. А под конец сообщает, что перенес инфаркт.

1 августа 88 года Николаю Ивановичу исполнилось 80 лет и я послал ему поздравление. В письме от 20.08.88 он благодарил меня за поздравление, напомнил, что мы знакомы уже более 50 лет.

06.01.90, благодаря меня за поздравление с Новым годом, Николай Иванович написал, что он «совсем скис»: непорядки в ободочной кишке, поэтому ходит вразвалку и с трудом, но приходится – стал «кухонным мужиком», а также надо сопровождать супругу в магазин, так как та из-за катаракты на обоих глазах почти слепа.

«Хорошо еще, что мне, как ветерану, прибавили пенсию и два раза в месяц дают паек.».

26.09.90 Николай Иванович попенял мне, что от меня давно нет писем. А сам он не писал потому, что этот год у него тяжелый: умер его старший сын, у которого лечившие его в больнице врачи-невропатологи просмотрели воспаление легких с отеком. А снятие катаракт у жены врачи отложили на октябрь. «И я всю весну и лето «забочусь» в качестве поводыря и «домашнего мужика».

29.10.90 он подтвердил, что является «кухонным мужиком и поводырем». К сожалению, операцию снятия катаракты отложили на январь.

Узнав, что я собираюсь в Ленинград, просил передать там приветы всем знакомым.

Больше от Николая Ивановича писем не было, и на мои письма мне никто не ответил.

Так ушел из жизни этот замечательный человек – энергичный, целеустремленный, настойчивый, живой, вспыльчивый, ироничный, язвительный, но всегда готовый помочь словом и делом – Николай Иванович Калабухов.

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕМЦЕВ
(1917 – 2002)

Зоолог, орнитолог, охотовед. Окончил Московский зоотехничес-кий институт в 1941 году. В 1942-45 гг. воевал на фронтах Великой Отечественной войны. С 1948 года научный сотрудник Дарвинского заповедника. Основные объекты работы: утки (экология и создание искусственных гнездовий) и глухари (разведение в вольерах). Защитил кандидатскую диссертацию в 1953 году.

Основные печатные работы: «Инструкция по привлечению водо-плавающей дичи в искусственные гнездовья».

* * *

В июне 1948 года в Дарвинском заповеднике появился новый сотрудник – орнитолог Вячеслав Васильевич Немцев. По образованию он был охотовед – окончил звероводческий факультет Московского зоотехнического института.

Мы быстро сошлись с ним, поскольку оба были охотниками. К тому же и темой его научной работы в заповеднике стали водные и околоводные птицы Рыбинского водохранилища.

В то время напротив Борка (поселка, где размещалось Управление заповедника), на другой стороне Мологи, образовался обширный плёс с многочисленными низкими островками. На некоторых открытых, травянистых островках образовались колонии крачек, а под их прикрытием гнездились кулики и утки. К осени, кроме выведшихся здесь птиц, сюда же на вечерней заре устремлялись на кормежку многочисленные стаи уток. Поэтому Вячеслав Васильевич мог ежедневно добывать необходимый материал, к тому же, часто используя не только добытых самим птиц, но также и другими охотниками поселка. Таким образом, он довольно быстро собрал обширный материал по видовому составу, численности, линьке, питанию и другим биологическим особенностям уток.

Однако это все были речные утки, а по нырковым материал почти отсутствовал. Осенью наблюдались большие стаи летевших на зимовку нырков, однако, на ближайших плёсах они не останавливались. Для того чтобы осаживать их, нужны были чучела. Первых Вячеслав Васильевич сделал из пары хохлатых чернетей. К этой паре стали подсаживаться пролетавшие одиночки и скоро Вячеслав Васильевич располагал уже целой стайкой из 10-15 чучел. К такой стайке стали подсаживаться и пролетавшие стайки нырков.

Вячеслав Васильевич устроил себе постоянную сидку на небольшом островке, располагавшемся одиночно посреди обширных плёсов, назвав его островом Уединения.

Отправлялся он на свой остров затемно, а возвращался часов в 9-10.

– Ну, как успехи? – спрашивали мы его по возвращению.

– Очень интересно! – картавя, неизменно отвечал он.

После этого следовал подробный рассказ о том, как шел перелет, и, как и что удалось добыть. Но в другой раз – обычно в тихую, безветренную солнечную погоду – помолчав немного, Вячеслав Васильевич лукаво улыбался и кратко заключал: «Пустыня!». Таким образом, мы скоро узнали: пришел циклон – жди прилета северных уток; штиль и ясно - никого нет, пустыня.

Но, не ограничившись успешной охотой, Вячеслав Васильевич, как охотовед, поставил перед собой еще одну цель: добиться увеличения числа гнездящихся в заповеднике уток. Для этого были изготовлены и расставлены различные типы укрытий: простые кучи хвороста, шалашики, навесы, дуплянки. Первые полученные данные казались многообещающими, многие укрытия были заняты утками. Однако вскоре наступило разочарование: в большинстве наземных укрытий гнезда были разорены воронами. Попытались произвести отстрел ворон, но нужного результата не достигли, вороны оказались очень осторожными и умными птицами и человека с ружьем близко не подпускали. Тогда Вячеслав Васильевич использовал для охоты на ворон пленного филина. Поставив где-нибудь на опушке шест с перекладиной, с сидящим на перекладине филином, Вячеслав Васильевич устраивался неподалеку в кустах. Вороны быстро замечали филина и с криками спешили к нему, попадая под выстрел охотника. Таким путем довольно быстро удалось истребить почти всех, обитавших в окрестностях Борка ворон. Но по всему заповеднику сделать это было невозможно, а вороны, хоть и в меньшем количестве, чем возле поселка, встречались всюду и всюду разбойничали. Характерный случай: однажды Вячеслав Васильевич и приехавший в заповедник, известный орнитолог Евгений Павлович Спангенберг, на экскурсии подошли к высокой пожарной вышке, на верхней площадке которой оказалось гнездо беркута. Беркут, при их приближении, слетел. Вячеслав Васильевич влез на вышку. В гнезде оказалось всего одно яйцо.

– Дайте его мне! – крикнул Спангенберг.

– Нет, – покачал головой Вячеслав Васильевич. Если бы было два яйца, одно бы можно было взять, а раз одно – не могу. Он спустился с вышки, и они пошли прочь. Но не успели они отойти метров на 200, как увидели ворону, которая быстро метнулась в гнездо на вышке, схватила драгоценное яйцо и была такова.

Учтя все это, Вячеслав Васильевич решил применять в качестве искусственных гнезд только дуплянки, в которые вороны залезать не научились.

Результаты были отличные. В первый же год из 107 развешенных дуплянок 27 были заняты гоголями и 2 – лутками, а на третий год из 467 дуплянок 134 были заняты гоголями, 4 – кряквами и 2 – лутками. В результате, гоголь стал одним из массовых видов уток не только в заповеднике, но и на всем водохранилище.

Наблюдая за дуплянками, Вячеслав Васильевич установил, как гоголята покидают гнедо. Это происходит на следующий день после вылупления, когда гоголята обсохнут. Самка садится на воду против дуплянки и начинает призывно крякать. Довольно скоро первый гоголенок, сидящий в отверстии дуплянки, решается и, с силой оттолкнувшись лапками и, расправив култышки будущих крыльев, прыгает вперед. Упав, он секунды две лежит, ошеломленный, но удар о землю оказывается не очень сильным, так как гоголенок, это – пушистый шарик, и он быстро вскакивает и бежит к матери. Тотчас же выскакивают один за другим остальные гоголята, и, через несколько минут, вся семья уплывает прочь.

Любопытно, что впоследствии, на охотах, Вячеслав Васильевич избегал стрелять гоголей.

– Что же, я буду одной рукой разводить гоголей, а другой стрелять? – сказал он.

Покончив с утками, Вячеслав Васильевич взялся за разведение глухарей. Такие попытки предпринимались неоднократно, но успеха не имели.

Вячеслав Васильевич правильно рассудил, что для успеха нужно с самого начала оперировать не с одной-двумя птицами, а с достаточно большим количеством, чтобы иметь возможность компенсировать потери. И, действительно, после неизбежных промахов и неудач в начале работы, через несколько лет были выработаны правила содержания, рацион питания, условия инкубации и выращивания молодняка. Все это позволило свести до минимума отход молодняка и получить стадо в 50 -70 птиц, состоящее из нескольких поколений выращенных в неволе глухарей. Эти птицы не были вполне ручными, они не боялись только обслуживающего персонала (молодые даже брали пищу из рук), а от незнакомых людей спешили прочь. Впрочем, некоторые самцы во время токования становились настолько агрессивными, что нападали на вошедших в вольер незнакомых им людей. Сохранились две фотографии: на одной старший лесничий, Л. Н. Куражковский, присев на корточки, фотографирует токующего глухаря Петьку, а на другой он уже запрокинулся назад, будучи сшиблен Петькой.

Глухариный питомник просуществовал до 90-х годов, когда был закрыт из-за отсутствия средств. Не ограничиваясь наблюдениями за птицами в природе, Вячеслав Васильевич постоянно держал птиц дома. Это были не мелкие певчие птицы, а более крупные, и содержались они не в клетках, так, что могли свободно летать. Парочка мохноногих сычей, самец и самка, днем спали где-нибудь в темных уголках, на книжных полках, а ночью свободно летали по квартире. Посторонних они избегали, хозяевам же даже разрешали почесать им голову. Еще большей свободой пользовался филин. День он спал на чердаке, а ночью свободно летал по поселку. У хозяина он брал мясо из рук. В начале зимы он улетел. Следующей весной Вячеслав Васильевич однажды вечером услышал уханье филина, позвал его знакомым криком, и филя подлетел на зов и даже взял корм. Однако пробыл тут недолго и через несколько дней исчез уже навсегда.

Большей известностью в Борке пользовался ручной ворон, который свободно летал по поселку, заглядывая во дворы и принимая угощения.

Пара молодых журавлей жила во дворе. Подросшие птицы также свободно летали по окрестностям, но осенью, услышав крики пролетавшей стаи, поднялись и улетели.

Птицы, несомненно, являлись не только объектом работы, но и предметом любви Вячеслава Васильевича. Но не только они - с не меньшим увлечением он занимался бабочками. Эта сторона его деятельности долгое время оставалась мало известной, поскольку это была не работа, а «хобби». Его достижения в этой области обнаружились лишь тогда, когда стал оформляться музей заповедника, и оказалось, что кроме многочисленных чучел птиц, Вячеслав Васильевич собрал коллекцию (кроме самых мелких, вроде молей) бабочек заповедника. А заинтересовавшись тем или иным видом из этой коллекции, можно было узнать у Вячеслава Васильевича всё о биологии этого вида: сроки появления различных фаз, кормовые растения гусениц, относительную численность, географическое распространение. Вскоре его коллекция переросла местные рамки, так как Вячеслав Васильевич не только старался сам собирать недостающие виды при поездках по стране, но и просил об этом своих друзей, работавших в разных уголках Союза. Так он получил от А.И. Олигера виды аполлонов из Киргизии и с Алтая. Т.И. Олигер, работавшей в Приморье, он послал особую лампу для сбора ночных видов. Сам он при поездках по стране не упускал возможности пополнить коллекцию. Так, будучи в санатории в Сочи, он непременно хотел добыть обитавшую там крупную грушевую сатурнию. Но в это время взрослых бабочек еще не было, были только гусеницы. Вячеслав Васильевич пытался найти их, но никак не мог. Наконец, за день до отъезда, он заметил под одной чинарой, на тротуаре крупный помет. Раз есть помет, значит, должны быть и гусеницы! Долго высматривал он их, задрав голову, и, наконец, углядел. Но как добыть их? Ствол чинары гладкий, и, с его негнущейся ногой, ему туда не взобраться. Но тут он вспомнил, что видел на рынке длинные шесты, лежавшие возле одной из лавок, и направился туда. Шесты были на месте, но лавка была закрыта. Ждать хозяина? – а когда он будет? Вячеслав Васильевич решительно, без тени колебания, взял один шест, ожидая – не окликнут ли соседи? Нет, никто не обратил внимания и он полетел с шестом к заветной чинаре. Но только он подошел к месту, как на улице появился милиционер. Опасаясь, «как бы чего не вышло», Вячеслав Васильевич принял независимый вид, и стал дожидаться ухода милиционера. Наконец, тот скрылся и Вячеслав Васильевич начал орудовать шестом, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих.

И вот – три гусеницы сшиблены; одна, к сожалению, немного повреждена, и, вернувшись в санаторий, Вячеслав Васильевич добыл в киоске стрептоцид и засыпал им ранку.

На следующий день он уехал, взяв с собой в дорогу веточек с листьями. Однако, гусеницы, не выдержав всего происшедшего, уже в дороге окуклились. Дома Вячеслав Васильевич поставил садок с куколками в подполье.

На следующий год, летом, он рассказал мне все это.

Должны бы уже вывестись бабочки, а не вывелись. Погибли, наверно. Давайте, посмотрим.

И взяв один кокон (от той самой – поврежденной гусеницы), он бритвой осторожно разрезал кокон, вынул куколку и положил ее на ладонь.

– Да-а-а..., – начал было он, и в тот же миг куколка шевельнула хвостиком. Жива!

– Но как же теперь? Ведь, она должна быть в коконе, а он разрезан?

Но Вячеслав Васильевич положил куколку в кокон, достал иголку и нитку и аккуратно зашил разрез «Будем ждать».

Бабочки вывелись лишь на следующий год, все три в полном порядке, в том числе и та самая – многострадальная. И Вячеслав Васильевич с гордостью показал ее мне в коллекции.

Под конец в его коллекции появились и некоторые экзотические бабочки из Африки и Южной Америки, привезенные его друзьями. Однажды я привез ему книжку с цветными фотографиями американских бабочек. Вячеслав Васильевич был очень доволен и с восхищением рассматривал фотографии.

– А что, Вячеслав Васильевич, если бы самому такую поймать?

– О! – после можно и умереть!

После кончины Вячеслава Васильевича, его коллекция бабочек поступила в Зоологический музей МГУ. Здесь она несколько месяцев экспонировалась, как отдельная коллекция и пользовалась большим интересом у посетителей.

Но интересы Вячеслава Васильевича не замыкались на птицах и бабочках.

Возле глухариного питомника в противопожарных целях был вырыт большой котлован и образовался пруд, метров 25 в диаметре и около 2-х метров глубиной. Вячеслав Васильевич посадил в нем различные водные растения – кувшинки, кубышки и другие; пустил в пруд тритонов и различных рыб и с интересом наблюдал за становлением этого маленького биоценоза.

Однажды он поймал в пруду широкого плавунца и, посадив его в банку, понес домой.

– Зачем он Вам? Что Вы с ним хотите делать? – спросил я его.

– Хочу посмотреть, как он себя ведет.

– Но, ведь, жизнь плавунца прекрасно описана в различных научно-популярных изданиях; хотя бы, например, у Павловского и Лепневой?

– Да. Но это – про наиболее обыкновенного, окаймленного плавунца. А про широкого я ничего не знаю. Вот, и посмотрю.

То есть, Вячеслав Васильевич, чем-то интересовался больше, чем-то меньше, но, как подлинный натуралист, не проходил мимо самых различных, повстречавшихся ему, таинств природы.

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КОЗЛОВ
(1936 – 2006)

Зоолог-энтомолог. По национальности чуваш. Поступил в 1955 году на биолого-химический факультет Чувашского государственного пединститута, в 1959 году перешел на 3-й курс биофака Ленинградского государственного университета и окончил его в 1962 году. Работал в Зоологическом институте АН СССР экскурсоводом музея. Защитил кандидатскую диссертацию в 1967 году. Зачислен научным сотрудником лаборатории систематики насекомых ЗИН АН СССР. В 1983 году защитил диссертацию на степень доктора биологических наук. В 1991 году получил звание профессора. В 1992 году избран действительным членом Национальной Академии наук Чувашской Республики. В 1997 году ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Чувашской Республики. Член Совета и президиума Всесоюзного, а затем Русского энтомологического общества при РАН.

Основной объект научных исследований М.А. Козлова – проктотрупоидные наездники из отряда перепончатокрылых насекомых.

Активно занимался пропагандой и популяризацией научных знаний по зоологии и биологии в целом – написал несколько научно-популярных книг и (в соавторстве) учебник по зоологии для средней школы.

Основные печатные труды:

1. Проктотрупоидные наездники (Hymenoptera, Proctotrupoidea) фауны СССР. – Автореф. дис. …канд. биол. наук. – Л., 1967. – 14 с.

2. Морфотипическая специализация наездников (Hymenoptera, Parasitica) // Энтомол. обозр. – 1970. – Т. 49. – Вып. 2. – С. 286-291.

3. Филогения, эволюция и система проктотрупоидных наездников (Hymenoptera, Proctotrupoidea) // Отчетная научная сессия по итогам работ 1970 года: Тезисы докладов. – Л.: Наука, 1971. – С. 24-25.

4. Проктотрупоидные наездники (Hymenoptera, Proctotrupoidea) фауны СССР // Тр. Всесоюзн. энтомол. общ-ва. – 1971. – Т. 54. – С. 3-67.

5. Соты жизни. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1976. – 192 с.

6. Кольцо жизни. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1980. – 192 с. .

7. Сцелионины фауны СССР (Hymenoptera, Scelionidae, Scelioninae). – Л.: Наука, 1990. – Вып. 161. – 144 с. (совместно с С.В. Кононовой).

8. Морфологические основы эволюции, палеонтологическая история, филогения и система наездников-сцелионид (Hymenoptera, Scelionidae). (Морфологические основы филогении насекомых) // Тр. Всесоюзн. энтомол. общ-ва. – 1987. – Т. 69. – С. 128-190.

9. Не просто букашки. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1991. – С. 223.

10. Школьный атлас-определитель беспозвоночных. – М: Просвещение, 1991. – 207 с. (совместно с И.М. Олигером).

11. Животные. Их место и роль в биосфере // Изв. Нац. академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР). – 1996. – С. 74-81.

12. Зоология. Беспозвоночные. Многоуровневый учебник для 7 класса средней общеобразовательной школы гимназий и лицеев. – СПб.: Специальная литература, 1997. – 253 с. (Переиздания: 1999, 2001, 2002) (Совместно с В.Р. Дольником).

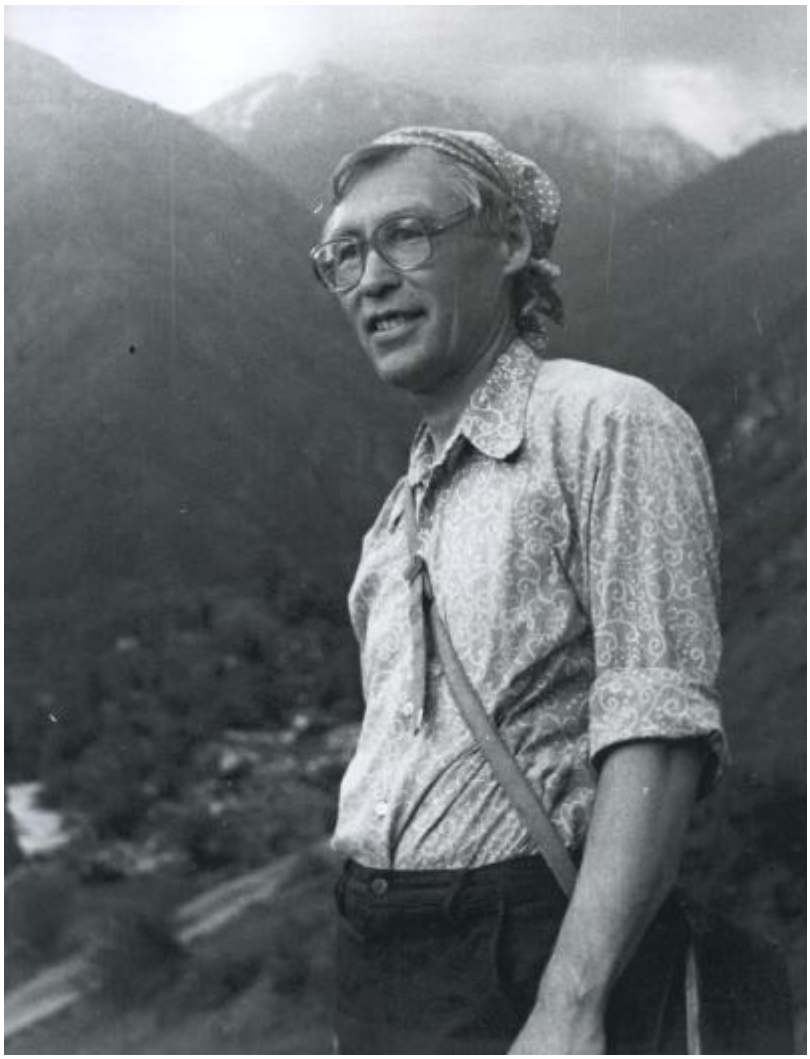
13. Зоология. Хордовые. Многоуровневый учебник для 8 классов средней общеобразовательной школы, гимназий и лицеев. – СПб.: Специальная литература, 1997. – 408 с. (Переиздания: 1999, 2000, 2001, 2002) (совместно с В.Р. Дольником).

14. Кольцо жизни. – М.: Современник, 1998. – 368 с.

15. Мир животных: рыбы, земноводные, пресмыкающиеся. Зоологическая энциклопедия. – СПб.: Азбука-классика, Золотой век, 2004. – 720 с. (совместно с И.М. Олигером).

Всего М.А. Козловым опубликовано более 200 статей, атласов и книг.

* * *



Миша Козлов поступил на 1-й курс биолого-химического факультета ЧГПИ в 1955 году. По внешности он не выделялся среди остальных студентов: небольшого роста, шатен, в очках. Но на заседаниях студенческого зоологического кружка он сразу обратил на себя внимание. Там большинство студентов доклады и сообщения воспринимали обычно молча, лишь иногда старшекурсники задавали один-два вопроса. Миша же не только часто задавал вопросы, но порой и высказывал свое мнение при обсуждении услышанного. А когда я предложил ему самому сделать сообщение, то он охотно согласился – редкий случай для студента 1-го курса.

Таким образом, весной к моменту окончания курса он обнаружил отличное знание предмета и большое желание произвести летом сбор материала по энтомологии. На кафедре тогда велись работы по изучению животного мира Чувашии, и я предложил Мише заняться сбором материалов по жесткокрылым. Он охотно согласился.

Для того чтобы получить материалы из южных районов Чувашии – на кафедре таковые отсутствовали – мы решили, что лучше всего будет, если Миша не примет участия в полевой практике, проходящей в Хыркасах, возле Чебоксар, а отправится на все лето к себе на родину, в деревню Асаново, на крайнем юге Чувашии. Договорились с ботаниками, что должен сделать Миша по их части, получили разрешение ректора и после сдачи Мишей последнего экзамена, он оправился в Асаново.

Мне тоже хотелось посмотреть на эти места, и мы поехали вместе на моей машине. Поехали вчетвером: Миша, мой сын Алёша, преподаватель сельхозинсти-тута Н.П. Воронов и я. До Канаша на дороге местами был асфальт, а дальше пошла грунтовка. Местами после прошедших дождей на дороге были глубокие колеи, которые мой ГАЗ-А преодолевал с большим трудом, так что ехали мы до Асанова – это около 250 км – два дня. Остановились в семье Миши – обычной колхозной семье. Отец Миши – колхозник, хорошо говоривший по-русски, мать – домашняя хозяйка, по-русски не говорила. Приняли они нас очень радушно. Стали угощать. Хозяйка, наливая в тарелку суп, говорила: «Си яшку, си!» – ешь суп, ешь.

На другой день пошли знакомиться с местностью. Местность мне очень понравилась. С одной стороны вдаль уходил сплошной массив хвойно-лиственного леса, с другой на юг тянулись открытые поля. По берегам небольшой речки расстилались роскошные луга. Через несколько лет по приказу районного начальства эти луга были распаханы и в течение одного-двух лет давали богатые урожаи зерновых. Но затем весной разлившаяся речка смыла лишенную растительности почву, и там образовался голый заболоченный пустырь.

На следующий день мы отправились обратно, оставив Мишу в Асанове. Он пробыл там все лето, собирая жуков в разных биотопах и, явившись 1 сентября в институт, предъявил очень большой материал. Всю зиму 1956-57 гг. он был занят определением собранных видов. Летом 1957 года по окончании аудиторных занятий я снова хотел направить Мишу в Асаново, но он не согласился, сказав, что не хочет отрываться от коллектива группы, хочет пройти вместе со всеми полевую практику, тем более, что она будет посвящена позвоночным животным, которых он не знает, а сборы жуков проведет здесь. Я согласился с ним. На полевой практике он был очень внимателен и к концу её стал хорошо узнавать многих птиц. Кроме того, во время экскурсий, он не расставался с блокнотом, постоянно делая в нем записи не только тогда, когда ведущий преподаватель что-то объяснял, но и сам по себе. Впоследствии многие сделанные тогда заметки были использованы им для своих научно-популярных рассказов.

Характер у Миши был общительный, открытый, он охотно принимал участие во всех студенческих мероприятиях, зимой принимал участие в лыжных вылазках. Вспоминается одно забавное происшествие. Однажды весной, в апреле, мы втроем – я с дочерью Мариной и Миша – отправились к нам на дачу, в Кувшинку. Пошли пешком. Лед на Волге был еще вполне крепкий, но у левого берега, благодаря нагреву солнцем, он стал совсем рыхлым. А во многих местах образовались закраины. Найдя место, где на рыхлый лед с прочного льда на берег была положена доска метров пять длиной, мы решили попробовать переправиться здесь. Первым пошел я и благополучно ступил на берег, но доска была тонкая, сильно гнулась, и я предупредил Марину и Мишу, чтобы были осторожными. Пошла Марина; шла осторожно, но когда дошла до середины, доска прогнулась так, что вода начала заливать сапоги. Марина повернула обратно, но, все же, прежде чем выбралась на лед, вымокла почти по пояс. Тем не менее, Миша, решив, что все дело в нерасторопности Марины, смело ступил на доску, но тоже быстро погрузился в воду уже по пояс, и Марине пришлось схватить его за куртку, помогая выбраться на лед. Каким-то образом все же им удалось переправиться ко мне, мы развели костерок и стали сушиться, со смехом обсуждая происшествие.

Осенью и зимой 1957 года Миша закончил обработку как собранного им материала, так и имевшегося на кафедре. Этого было вполне достаточно для статьи, но нужно было проверить определение по музейным коллекциям и посоветоваться со специалистами. Поэтому в январе 1958 года после окончания экзаменационной сессии мы с Мишей отправились в Москву, в Зоологический музей МГУ. В то время там работал Н.Н. Плавильщиков – крупный энтомолог, соавтор (вместе с Тарбинским) замечательного солидного «Определителя насекомых Европейской части СССР», специалист по жесткокрылым насекомым. Он принял нас очень любезно, и Миша сразу получил рабочее место, микроскоп и доступ к коллекциям. В лаборатории рядом с ним за одним длинным столом уже сидели несколько зоологов весьма почтенного вида, так что можно было не сомневаться, что Миша сможет весьма плодотворно провести здесь время. И я, успокоенный за него, отправился по своим делам в Ленинград.

Через несколько дней, в конце каникул, на обратном пути домой, зашел за Мишей в Музей. Оказалось, что он очень успешно поработал и не только проверил все свои определения (они оказались верными), но и ознакомился со многими, ранее ему неизвестными насекомыми. Пока он отправился сдавать числившиеся за ним оборудование и коллекции, я разговорился с его соседями. Одним из них оказался сотрудник ленинградского Зоологического института АН СССР, член-корреспондент Академии наук СССР В.В. Попов.

– Вам следует постараться перевести Мишу на учебу в Ленинградский университет, – сказал он. – Миша – прирожденный систематик. Ему необходимо получить полноценное биологическое образование. Если Вы добьетесь разрешения на переход, то мы поможем зачислению его в университет. А после окончания университета мы возьмем его в ЗИН.

Окрыленные такой перспективой, мы вернулись в Чебоксары.

В институте я сразу начал хлопотать о переводе Миши в ЛГУ. Как я и предвидел, руководство института вовсе не хотело расставаться со студентом-отличником. Более того, к моему удивлению и досаде, заведующие кафедрами ботаники и химии, хотя и не рассчитывали, что Миша захочет перейти к ним, тоже выступили против его перевода. Преодолеть столь мощное сопротивление не удалось, и Мише пришлось продолжить учебу в институте.

Все же, списавшись с Поповым, летом 1958 года Миша принял участие в качестве лаборанта в экспедиции в Казахстан, организованной совместно Ботаническим и Зоологическим институтами АН СССР. По ее завершении Попов еще более утвердился во мнении видеть впоследствии Мишу в ЗИНе. Зимой 1958-59 гг. Миша закончил обработку собранных материалов и представил на кафедру статью, характеризующую фауну жесткокрылых Чувашии по 9 семействам. Работа вполне отвечала требованиям, предъявляемым к подобного рода фаунистическим статьям, поэтому я представил её в редколлегию намечавшегося очередного сборника «Ученые записки» ЧГПИ. Однако и здесь я встретил совершенно неожиданное сопротивление: проректор по науке отказал в помещении статьи в сборник, мотивируя тем, что сборник предназначен лишь для преподавателей института, а не для студентов. Мои указания на то, что статья по своим качествам ничуть не уступает статьям преподавателей, успеха не имели.

– Но вот же статья, в которой соавтором является студент?

– Это – другое дело. Если бы он был соавтором преподавателя, тогда можно.

Переговорив с Мишей, мы пришли к следующему: я выступлю в качестве соавтора, для чего обработаю еще одно семейство жуков. Так и сделали, причем я выступал как, якобы, основной автор – моя фамилия стояла впереди. Однако в предисловии к статье было чётко указано, кто что сделал: Миша – 9 семейств, а я – одно. И статья появилась в сборнике, который вышел лишь в 1960 году. Таким образом, хоть и в соавторстве, у Миши появилась первая научная печатная работа.

Однако я не оставлял попыток уговорить руководство института дать Мише разрешение на переход в ЛГУ. И, наконец, нужное разрешение было дано, и Миша отправился в Ленинград. Однако здесь его ожидали новые трудности. Прежде всего, декан биофака ЛГУ Новиков отказался зачислить Мишу в число студентов. Пришлось прибегнуть к помощи ЗИНа. Его директор, академик Павловский, направил соответствующую просьбу ректору

ЛГУ, и тот дал разрешение на прием Миши. Но Новиков настоял, все же, на том, чтобы Миша поступил не на 4-й, а на 3-й курс, и с непременной сдачей экзаменов по тем предметам, которых не было в учебном плане ЧГПИ. Кроме того, пока не будут сданы эти «хвосты», он отказал Мише в стипендии. Пришлось Мише обратиться к ректору, указав, что эти «хвосты» возникли не по его вине, и что он обязуется ликвидировать их в указанные сроки. Ректор согласился с доводами Миши, и стипендия была дана. А к концу семестра были благополучно ликвидированы и «хвосты».

В 1962 году Миша с отличием окончил курс биофака ЛГУ. Сразу же он был принят на работу в Зоологический институт на должность экскурсовода музея.

К работе в музее Миша отнесся с большой ответственностью (как, впрочем, и к любому роду деятельности, которыми ему приходилось заниматься в жизни). Внимательно и с интересом он ознакомился со всеми многочисленными и разнообразными экспонатами музея, перечитал массу литературы и мог интересно и увлекательно рассказывать посетителям музея о самых различных животных, начиная с низших беспозвоночных и кончая млекопитающими. Кроме того, благодаря полученным ранее в пединституте навыкам, он легко менял характер и манеру проведения экскурсии в зависимости от возрастного и интеллектуального состава слушателей. Таким образом, эта работа весьма расширила и обогатила его умственный кругозор, и впоследствии он с успехом использовал полученные знания при написании учебников и различных научно-популярных книг.

Но сразу по приезде в Ленинград, то есть еще во время пребывания в университете, Миша вошел в тесный контакт с энтомологами ЗИНа. Упоминавшийся выше Попов предложил ему заняться проктотрупоидами – микроскопическими перепончатокрылыми, паразитирующими на яйцах различных насекомых. В то время эти самые проктотрупоиды были еще очень мало изучены. Вероятно, многих отпугивала трудность работы с ними из-за их малых размеров (большинство этих насекомых были не более миллиметра). Миша принял это предложение и начал работу. И уже в 1961 году, то есть, еще во время учебы в университете, в чехословацком научном журнале выходит его первая статья, посвященная этим насекомым. Затем, когда он уже работает в ЗИНе экскурсоводом музея, в 1963-66 гг. ежегодно в печати появляются новые статьи. А в 1967 году он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Проктотрупоидные наездники (Proctotrupoidae) Европейской части СССР».

Защита прошла не стандартно, очень живо и интересно. Дело в том, что многие из этих наездников играют большую роль в сельском хозяйстве, так как откладывают свои яйца в яйца сельскохозяйственных вредителей, снижая таким образом их численность. К таковым, например, относится теленомус, откладывающий яйца в яйца клопа черепашки – одного из злостных вредителей зерновых культур. Поэтому для многих работников сельского хозяйства были очень важны все сведения по систематике, морфологии и биологии этого и других сходных видов, позволяющие четко определять их и правильно использовать в борьбе с вредителями.

В диссертации Миши были детально освещены указанные особенности не только теленомуса и других известных к тому времени для России видов, но и рассмотрены многие виды, в том числе новые не только для нашей фауны, но и новые для науки: ранее в Европейской России было известно около 40 видов, а Миша отметил более 100 видов.

Немудрено, что вместо 7-8 отзывов, поступающих обычно на такого рода диссертации и исходящих в основном от специалистов систематиков, в этот раз поступило 34, в большинстве от работников сельского хозяйства.

Защита прошла блестяще. Все члены Ученого совета ЗИН проголосовали за присуждение Мише ученой степени кандидата биологических наук.

Сразу после защиты диссертации Мишу переводят на должность научного сотрудника лаборатории систематики насекомых. Здесь ему шкафами отгородили крохотный закуток, в котором еле помещались стул, стол и шкафчик с микроскопом. Пробираться сюда надо было извилистым ходом, лавируя между высокими шкафами с коллекциями насекомых. В этом тесном закутке Миша и проработал все последующие годы, вплоть до своей кончины.

Здесь, не «почив на лаврах», как делали многие после защиты диссертации, Михаил Алексеевич продолжал активно работать, собирая материал по проктотрупоидам. Он много ездил по всей стране, особенно по её азиатской части – Казахстану, Средней Азии, Дальнему Востоку. Побывал также и в ряде зарубежных стран: принял участие в 7 больших экспедициях по Монголии, сделал сборы во Вьетнаме, Иране, Южной Корее. Завязав переписку с иностранными энтомологами, смог получать материал и из других стран. Благодаря этому, он смог собрать богатый палеонтологический материал. Впрочем, нужно заметить, что в то время проктотрупоидами серьезно занимались немногие. Таковым, в частности, был чех Lubomir Masner. Между ними возникла дружеская переписка, и Михаил Алексеевич даже собрался было посетить его, но сначала события 1968 года – ввод советских войск в Прагу – помешали этому, а вскоре после этого Lubomir Masner уехал в Канаду, куда в то время наши ученые попасть не могли, так что их личное знакомство так и не состоялось.

Лето Михаил Алексеевич обычно проводил в экспедициях, а зимой, сидя в своем закутке, обрабатывал полученные материалы, ежегодно давая в печать несколько научных статей. И через 16 лет – в 1983 году – он блестяще защищает докторскую диссертацию: «Сцелиониды, их систематическое положение, морфобиологическая характеристика, распространение, эволюция, филогения, классификация и хозяйственное значение».

Уже из названия диссертации видно, что в ней содержится монографическое описание всего семейства сцелионид. Особенно интересно то, что рассмотрено не только современное состояние этих насекомых, но и детально прослежены эволюция и филогения на основе палеонтологических данных. В результате произведен полный пересмотр систематики семейства.

Если же взять и другие работы Михаила Алексеевича, касающиеся паразитических наездников, то им описано 5 новых семейств, 26 новых триб и около 600 новых видов проктотрупоидов.

При этом он объяснил, как следует трактовать появление в эволюции проктотрупоидов и даже вообще паразитических наездников новых хозяев. Наиболее обычный путь – это переход на родственные прежним хозяевам виды (филогенетический тип эволюции). Но иногда в эволюции появляются новые хозяева, не только не

родственные прежним, а принадлежащие к другим отрядам насекомых, а иногда даже к другим классам членистоногих. Михаил Алексеевич предположил, что это происходило благодаря морфологическому сходству некоторых фаз развития старых и новых хозяев – например, пупариев мух и яйцевых коконов пауков (топологический тип эволюции). В дальнейшем, опираясь на эту, выдвинутую Михаилом Алексеевичем, гипотезу, стали понятны некоторые ранее необъяснимые случаи паразитизма.

Итак, летом – экспедиции в разные концы света, зимой – обработка собранных материалов. Казалось, заниматься еще чем-то – времени нет. Но Михаил Алексеевич вовсе не собирался стать «ученым сухарем». Еще работая экскурсоводом музея, он познакомился со школьным учителем Е.М. Нинбургом, и они вместе написали учебное пособие для школьников «Ваша коллекция», которое было опубликовано в 1971 году.

А в 1976 году в Чебоксарах выходит в свет замечательная книга М.А. Козлова «Соты жизни». В первой части этой книги речь идет о мельчайших существах, которых мы не видим из-за их малой величины, но которые в неисчислимых количествах населяют Землю, это – вирусы, риккетсии, бактерии, грибы и одноклеточные простейшие. Автор кратко, но четко и ясно рассказывает об их строении, образе жизни и значении в природе и для человека. Во второй части он пишет о живущих вместе с нами или рядом с нами диких и домашних животных – пауках, насекомых, кошках. В третьей части идет рассказ о самых различных животных, беспозвоночных и позвоночных, отличающихся какими-нибудь любопытными особенностями своего образа жизни.

Язык повествования ясный, меткий. Автор часто задает вопросы, стараясь обратить внимание читателя на те или иные непонятные особенности поведения животных, изумляется и восхищается неожиданными поворотами их жизни.

Книга с первой и до последней страницы читается с неослабевающим интересом и, закрыв ее, мы с приятным удивлением осознаем, как много мы узнали о тех, кто часто живет рядом с нами, но кого мы совсем не замечали.

А в 1980 году в Чебоксарах опять вышла книга М.А. Козлова «Кольцо жизни», являющаяся продолжением предыдущей книги. В «Сотах жизни», как указывает сам автор, были даны описания внешности и «биографии» рассмотренных организмов. Здесь же идет речь о размножении животных.

В первой части рассматриваются различные, связанные с размножением, разнообразные и удивительные особенности строения и поведения, способствующие встрече самцов и самок: звуковая и зрительная сигнализация – «песни», «танцы», «подарки»; различные приспособления, способствующие выживанию потомства.

Далее идет рассказ о жизненных циклах тех животных, у которых потомство – личинки – оказывается в совершенно иных условиях среды, чем их родители, поэтому по внешности не похоже на них и ведёт иной образ жизни.

Во второй части книги сначала рассказывается о строении у живых организмов разных типов клеток – соматических и половых; о процессах, происходящих в них при их рождении и развитии и процессе оплодотворения. Делается вывод, что эти процессы в основном сходны у всех животных, начиная с одноклеточных простейших и кончая млекопитающими и человеком. Далее рассматриваются случаи нетипичного размножения: бесполое размножение, размножение без оплодотворения, размножение в личиночной стадии, гермафродитизм, шизогония, чередование поколений.

Наконец, в третьей части идет рассказ о различных приспособлениях, морфологических и поведенческих, направленных на защиту потомства от неблагоприятных внешних условий, от нападения хищников, способствующих их развитию – все, что носит общее название «забота о потомстве».

«Кольцо жизни», как и предыдущая книга, с первой и до последней страницы читается с неослабевающим интересом.

В 1991 году, вновь в Чебоксарах, вышла третья книга Михаила Алексеевича «Не просто букашки…», посвященная насекомым.

В первой части автор рассказывает о том, насколько велик и разнообразен мир насекомых, обитающих на нашей планете. Описав сначала класс насекомых в целом, далее автор рассматривает различные отряды.

Во второй части речь идет о вредных насекомых. Сначала идет подробный рассказ о «казни египетской» – саранче, затем о других вредителях сельского хозяйства. Далее следует рассказ о насекомых-кровососах, которые не только досаждают нам своими укусами, но и являются переносчиками многих опасных болезней человека и животных. Перейдя далее к борьбе с вредными насекомыми, автор приходит к справедливому выводу, что большие надежды на решение этой проблемы с помощью химических средств не только не оправдались, но и в большинстве случаев привели к ухудшению экологической обстановки. Рассмотрев различные биологические способы борьбы – с помощью хищников, паразитов, стерилизации и другие – Михаил Алексеевич справедливо указывает, что только с их помощью можно решить эту проблему.

В начале третьей части идет подробный рассказ о полезных беспозвоночных – опылителях растений и истребителях вредных насекомых. В заключение автор показывает, насколько велико участие всех насекомых в различных биологических процессах, происходящих в почве, воде и на поверхности – в создании и поддержании биосферы Земли.

Наконец, в 1998 году, в Москве, в издательстве «Современник», вышла книга М.А. Козлова «Кольцо жизни», в которой он объединил все три вышедшие ранее книги. В итоге получилась совершенно оригинальная замечательная книга, знакомящая читателя с миром животных (наиболее полно – с насекомыми) – с особенностями их строения, образом жизни, участием в различных биологических процессах и значении для человека и природы в целом. Зачастую излагается история изучения рассматриваемого вопроса, приведено много цитат и высказываний различных авторов, начиная с древних египтян, греков и римлян и кончая современными учеными. Чтобы заострить внимание или усилить впечатление, автор неоднократно использует различные пословицы и поговорки. В итоге получилась книга, удачно сочетающая научную информацию с живым разговорным языком.

Но еще ранее, в 1989 году, Михаилу Алексеевичу пришлось пережить происшествие, чуть не оборвавшее его жизнь. Произошло это так. Лето он проводил на своей даче в Ольгино, возле Ленинграда. И вот, гуляя там однажды по саду, он заметил выпавшего из гнезда птенчика какой-то маленькой певчей птицы. Миша решил спа-

сти птенчика, вернув его в гнездо, находившееся под крышей сарая, на высоте около трёх метров. Взяв птенчика, он приставил к стене сарая лестницу и полез наверх. Вот птенчик положен в гнездо, но в тот же момент ступенька лестницы переломилась, и Миша полетел вниз. Как раз в этом месте у стены лежал большой камень, и Миша ударился об него головой. На какое-то время он потерял сознание, а когда пришел в себя, то встать не смог, с трудом, со стонами, он пополз на четвереньках по тропинке к дому. К счастью, хозяин соседней дачи оказался в этот момент рядом возле забора. Услышав стоны Миши, и увидев его, ползущего с окровавленной головой, он немедленно вызвал скорую помощь.

В больнице, куда его привезли, ему сделали перевязку, однако он продолжал находиться в полубессознательном состоянии, и было ясно, что ему необходима срочная квалифицированная врачебная помощь. Но дело осложнялось тем, что это был выходной день и в большинстве больниц остались лишь дежурные врачи. Помог брат жены – известный композитор Петров, созвонившийся со знакомыми врачами.

В специализированной больнице Мише сделали трепанацию черепа. После операции он несколько суток оставался в бессознательном состоянии, а когда пришел в себя, то оказалось, что не может не только двигаться, но и говорить, и обращенные к нему слова понимал с трудом. Потребовалось длительное многомесячное лечение, прежде чем он вернулся к нормальному состоянию. И нужно сказать, что в этом не только заслуга медицинских работников, но и сила воли самого Миши. Как только он понял, в каком оказался состоянии, он решил приложить все силы к тому, чтобы вернуться к нормальной жизни. И выполнял все требования врачей, хотя многое давалось с трудом. Когда я побывал у него в больнице, он показывал мне, как он учился писать: на бумаге во весь лист было выведено дрожащими линиями «мама». Он рассказал также, что начав уже писать разные буквы и составлять из них слова, он еще не мог сказать, сколько в написанном слове букв – пришлось учиться особо. Однако он преодолел все трудности и не только восстановился для обыденной жизни, но и с прежней энергией продолжал заниматься наукой и литературной деятельностью.

Кстати оказалось, что Михаил Алексеевич обладает большой силой внушения не только по отношению к самому себе, но и к другим. В одной палате с ним лежал больной тоже с каким-то повреждением центральной нервной системы. Врачи считали, что он уже настолько оправился, что может ходить, но больной говорил, что он не в состоянии даже встать. И вот однажды Миша, поправившийся уже настолько, что готов был к выписке из больницы, сказал вечером этому больному: «Завтра Вы пойдете!». На другой день, утром, он подошел к койке больного: «Ну, вставайте, пошли!». И больной встал и, опираясь на руку Миши, пошел по палате.

Задолго до описанных событий, в 1980 году, я предложил Мише совместно написать определитель беспозвоночных, предназначенный для широкого пользования. Он согласился. В 1981 году наша книга была принята издательством «Просвещение». Однако выпуск книги сильно задержался – она появилась лишь в 1991 году под названием Козлов М.А., Олигер И.М. «Школьный атлас-определитель беспозвоночных».

В середине 80-х годов мы с Мишей, рассмотрев существовавший тогда школьный учебник зоологии, пришли к единому мнению, что он не отвечает современным требованиям: слишком сух, перегружен анатомией и мало данных по биологии и экологии. Издание нового учебника потребовало бы много труда и времени не только на его составление, но и на проталкивание его сквозь административные рогатки. Поэтому мы ограничились тем, что составили программу улучшения существующего учебника, в соответствии с этой программой переработали одну из глав и представили все это в издательство «Просвещение» с тем, чтобы при переиздании учебника в него были внесены предлагаемые нами изменения. Редакция издательства созвала совещание для обсуждения наших предложений. На этом совещании учителя биологии нескольких московских школ высказались в поддержку наших предложений. Но деятели «чистой» педагогики из Министерства просвещения и московских пединститутов выступили «против». При этом они не столько возражали по существу предлагаемых нововведений, сколько считали, что в таком случае это будет уже не переработанный, а совершенно новый учебник, а для его одобрения необходимо более глубокое и широкое обсуждение. В итоге издательство отказалось от наших предложений.

Михаил Алексеевич на этом не успокоился. Сначала он принял участие в составе коллектива ленинградских авторов в создании учебника «Биология. Животные. Учебник для 7-8 классов общеобразовательных учреждений». Первое издание выпущено в Москве издательством «Просвещение» в 1989 году, затем последовали переиздания вплоть до 2000 года.

В 1997 году в С.-Петербурге издательством «Специальная литература» был издан учебник: Быховский Б.Е., Дольник В.Р., Козлов М.А. «Биология. Животные. Учебник для 7-8 классов общеобразовательных учреждений». Переиздания – в 1999, 2001, 2002, 2004 годах.

Также в 1997 году, в С.-Петербурге в издательстве «Специальная литература» появились две такие книги: Дольник В.Р., Козлов М.А. «Зоология. Беспозвоночные. Многоуровневый учебник для 7 класса кл. общеобразовательной школы, гимназии и лицеев» и Дольник В.Р., Козлов М.А. «Зоология. Хордовые. Многоуровневый учебник для 8 класса общеобразовательных школ, гимназий и лицеев». Это были совершенно новые, оригинальные учебники, отличавшиеся от всех прежних тем, что в них всюду кроме основного текста были даны особо выделенные дополнения для более любознательных читателей. Обе книги были переизданы в 1999, 2000, 2001 и 2002 годах.

Наконец, в том же 1997 году, в Москве издательство «Педагогика-Пресс» выпустило книгу: Дольник В.Р., Козлов М.А. «Зоология для всех. Рыбы».

В 1999-2000 гг. Козлов и Дольник с помощью двух издательств (СПб.: ЧкРо-на-Неве; М.: издательство МГУ), выдали «на гора» 8 книжек «Атлас. Учебное пособие. – Насекомые. – Птицы. – Земноводные и Пресмыкающиеся. – Введение в зоологию. Простейшие. Губки. Кишечнополостные. – Черви и моллюски. – Ракообразные и паукообразные. – Рыбы. – Млекопитающие». Это книжки большого формата, с прекрасными рисунками на хорошей бумаге, несомненно, стали ценными учебными пособиями.

Также в 2000 году издательство «Золотой век, Диамант» выпустило большую книгу М.А. Козлова «Живой мир».

Как видим, все эти годы Михаил Алексеевич много и успешно работал над учебными пособиями и научно-популярными книгами по зоологии.

Еще в начале 90-х годов Михаил Алексеевич задумал написать большое сочинение, в нескольких томах о животном мире СССР, нечто вроде «Жизни животных» Брема, которое содержало бы описание строения, географического распространения, биологии, поведения, значения в природе и жизни человека различных животных из всех типов царства животных. Он поделился этими планами со мной и предложил мне принять участие в их осуществлении. Я ответил, что с удовольствием бы включился в эту работу, но у меня тогда уже сильно ухудшилось зрение, поэтому с литературой работать мне будет трудно, в основном придется полагаться лишь на собственную память. А знаю и помню я хорошо лишь фауну европейской части СССР, азиатскую же фауну знаю недостаточно. Михаил Алексеевич ответил, что этого достаточно, а чего будет не хватать, он дополнит сам. И мы принялись за работу.

Мы решили сделать четыре тома: беспозвоночные, холоднокровные позвоночные, птицы и млекопитающие. И в 1996 году первые два тома – «Беспозвоночные» и «Холоднокровные позвоночные» были сданы в издательство. Однако, с «Беспозвоночными» вышла какая-то неувязка – пришлось переделывать рисунки, поэтому в печать сначала пошли «Холоднокровные позвоночные». Но тут в издательстве начались финансовые неурядицы, дела его перешли к другому издательству. В результате том «Холоднокровные позвоночные» лишь в 2004 году вышел из печати в С.-Петербурге, в издательстве «Азбука-классика, Золотой век», под названием: Козлов М.А., Олигер И.М. Мир животных: рыбы, земноводные, пресмыкающиеся. Зоологическая энциклопедия. Книга получилась очень солидной (720 страниц), и прекрасно оформленной, с рисунками Н.А. Флоренской каждого из описанных видов животных.

Тогда же был сдан в издательство и подготовлен к печати том «Птицы». Том «Млекопитающие» Михаил Алексеевич собирался оформить и сдать в издательство в 2006 году, но нелепая смерть не позволила ему закончить эту работу. Вечером 11 сентября 2006 года, возвращаясь из Зоологического института, уже недалеко от дома он был убит бандитами. Так нелепо внезапно оборвалась жизнь замечательного человека, блестящего ученого-зоолога Михаила Алексеевича Козлова.

Все, кто знал Михаила Алексеевича, помнят его как выдающегося ученого, систематика «от Бога», сумевшего разобраться в сложнейшей группе насекомых (за которую никто не хотел браться) – проктотрупоидных наездниках. Он дал их монографическое описание, описал около 600 новых видов (как ныне существующих, так и вымерших), выявил ход их эволюции и установил некоторые закономерности эволюции, общие для всех паразитических насекомых. Мы помним его как талантливого популяризатора науки, написавшего ряд увлекательных научно-популярных книг по зоологии, задумавшего создать «Зоологическую энциклопедию» и осуществившего выход ее первого тома. Помним, как вдумчивого педагога-новатора, создавшего совершенно оригинальный школьный учебник зоологии и ряд учебных пособий. И, конечно, всегда будем помнить, как чуткого и добросердечного человека, всегда старавшегося помочь не только коллегам по работе, но и всем интересующимся природой, активно привлекавшего единомышленников к соавторству в осуществлении задуманных им проектов.

ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ ШАПОШНИКОВ
(1909 – 1973)

Федор Дмитриевич Шапошников родился в Нижнем Новгороде в 1909 году. Семья Шапошниковых состояла из шести человек: отец, Дмитрий Гаврилович Шапошников, был санитарным врачом, мать, Лидия Федоровна Шапошникова, медицинская сестра, и дети: старший сын Георгий (в семье его звали Зорькой), второй сын Евгений (Жека), дочь Ольга (Ляка) и младший сын Федор (Фека). Семья занимала второй этаж (4 комнаты) двухэтажного деревянного дома на Звездинке. Дмитрий Гаврилович любил столярничать, и в квартире была оборудована небольшая столярная мастерская. Фека тоже любил столярничать и вообще рукодельничать. Все мальчики также очень любили рыбалку и охоту. Старший сын, Зорька, послужил прообразом одного из героев известной повести А.Н. Формозова «Шесть дней в лесах». Впоследствии он окончил Лесотехническую академию в Ленинграде и работал инженером в авиационной промышленности. Второй сын, Жека, окончил лесной техникум в городе Ветлуге Нижегородской области, работал лесничим и погиб на фронте в 1941 году.

Я познакомился с Фекой в начале 20-х годов. Его мать, Лидия Федоровна, работала медсестрой у моего дяди, Константина Федоровича Богуша, и Шапошниковы иногда, на праздники, бывали у Константина Федоровича. И однажды, кажется на Рождество, Лидия Федоровна пришла к Богушам с Фекой, и мы познакомились, стали встречаться. Встречи эти, однако, были довольно редкими – у каждого из нас была уже своя компания. Но иногда, отправляясь на охоту за галками и грачами (в 22-23 гг. их использовали в качестве объектов питания), он заходил за мной и даже давал иной раз выстрелить из своей берданки. Позже, после 1925 года, когда у меня появилось собственное ружье, мы иногда ходили вместе на вальдшнепиную тягу, или тропили зайцев. Тогда же он познакомил меня с заведующим Нижегородским естественноисторическим музеем Николаем Александровичем Покровским, и таким образом я стал, так же как и Фека, постоянным посетителем музея – одним из нештатных сотрудников музея, «ребятишек» Покровского.

Однажды в начале зимы мы отправились с ним в Заволжье на охоту за пушными зверями, взяв с собой его собаку – лайку Забавку. Выйдя из деревни, где ночевали, на рассвете, мы вскоре в близлежащем сосновом лесу, благодаря прекрасно работавшей Забавке, добыли 7 белок. Но к полудню белки перестали попадаться –

видимо, наелись и залегли в свои гнезда. Тогда мы свернули в пойму протекавшей здесь небольшой речки Везломки и пошли вдоль нее. Но идти здесь было трудно и неприятно: под снегом, который был по щиколотку, была вода. Мокрый снег налипал на подошвы, идти было очень тяжело, и вскоре я стал намекать, что не лучше ли выбраться на сухое место, все равно здесь ничего нет, но Фека упрямо шел вперед. Так прошли мы километра три, и я уж совсем заскучал, как вдруг бежавшая впереди Забавка засуетилась, метнулась туда-сюда и, наконец, с лаем кинулась к стогу сена. Мы побежали к ней. Собака яростно лаяла, пыталась подлезть под стог и грызла концы веток, торчавших из под стога. Цепочка следов шла от реки под стог. Норка!

Попытки Забавки пролезть под стог были безуспешны. Как же выгнать оттуда норку? Мы срубили тонкую березку, очистили ее от ветвей и стали тыкать этим шестом под стог. Делали мы это со стороны реки, с тем чтобы выпугнуть норку на противоположную сторону, где была открытая луговина и до леса было метров пятьдесят. Но норка тоже была не дурой и продолжала прятаться где-то под стогом. Что же делать? Придется пробовать выгнать ее с другой стороны, но тогда, она может успеть скрыться в реке, до которой было всего 7-9 метров. Придется рискнуть!

Фека отошел на несколько шагов в сторону, взяв ружье на изготовку, а мы с Забавкой стали орудовать со стороны леса. И вскоре наши попытки увенчались успехом: норка выскочила из под стога и кинулась к реке. Фека выстрелил тогда, когда она уэе делала свой последний прыжок в воду. Норка оказалась убитой, осталась на поверхности воды. Забавка стремглав кинулась в воду, схватила норку, однако, не повернула обратно, а продолжала плыть по инерции вперед. Выплыла с норкой на другой берег, где и улеглась со своей добычей. Что же делать? Просить Забавку, чтобы принесла к нам норку бесполезно – лайки не приучены подавать добычу. А речка хоть и не очень широкая, всего несколько метров, но глубокая и лезть в нее совсем не хочется. Пришлось срубить в лесу два длинных деревца, перебросить их через речку, и Фека по этому шаткому, прогибающемуся под его тяжестью мостику перебрался на тот берег и взял у Забавки норку.

К этому времени уже свечерело, и мы со своей добычей отправились на ночлег в деревню.

На ночлеге мы стали снимать шкурки с добытых зверьков. При этом я заметил Феке, что его большой нож неудобен для такой работы.

– Это пустяки, – сказал Фека. А с белок-то можно снять шкурку и без ножа.

– Как это? Это невозможно!

– Давай поспорим, что я сниму с белки шкурку без ножа и вообще без всякого инструмента.

– Давай!

Фека взял белку и… отодрал у нее зубами и ногтями губы от десен, через образовавшееся отверстие вытащил голову, а затем снял всю шкурку чулком, оторвав лапки, но хвост вытащил полностью, как положено. И я был вынужден признать свое поражение.

Году в 1928-м или 29-м мы с Фекой решили совершить на первомайские праздники далекий поход к реке Керженец (впадает в Волгу возле Макарьева), в Юсуповскую лесную дачу. Эта дача – бывшее владение княгини З.Н. Юсуповой, представляла из себя большой лесной массив около 4 000 га. Поскольку до ближайшей деревни от нее было около 30 км, там сохранились хорошие глухариные и тетеревиные тока, и мы решили сходить туда поохотиться. Однако, перед самым отправлением мы узнали, что весенняя охота в том году была запрещена. Значит, поход наш, о котором мы мечтали всю зиму, невозможен? Но мы настолько прониклись уже идеей похода, что решили все же пойти, только вместо ружей взять фотоаппараты. И отправились.

Рано утром переправились через Волгу к селу (теперь город Бор) и зашагали по полям и перелескам к деревне Шехонке – это составило около 20 км. За Шехонкой еще 5 километров полей, и мы подошли к так называемому Большому лесу – сплошному лесному массиву, где никаких деревень уже не было. До намеченного места оставалось еще примерно столько же. Сделали привал.

Развели костерок, выпили чайку и зашагали дальше. Вскоре во многих местах, в низинах, дорога оказалась затопленной, приходилось идти по колено в воде, так что к месту ночлега мы подошли только к вечеру. Здесь нас ждала знакомая мне по прошлым походам зимница – зимнее жилище лесорубов.

Поскольку теперь эти замечательные сооружения – зимницы – нигде больше не встречаются приведу здесь их краткое описание.

Зимница представляла из себя неглубокую, 30-49 см прямоугольную яму, около 2,5 м шириной и 5 м длиной. На края ямы поставлен сруб из 4-5 рядов нетолстых, около 12 см в диаметре стволов, сверху прикрытый двускатной крышей из таких же стволов. Крыша сверху и на некоторую высоту бока сруба засыпаны землей. Все сооружение обычно бывало устроено на склоне, врезаясь в него, так, что задний конец конька крыши возвышался над поверхностью почвы всего на 40-50 см. В передней стенке вход внутрь закрывала двустворчатая дверь.

Внутри в центре располагался земляной стол около 75 см шириной и около 120-130 см длиной. Этот стол служил очагом – на нем раскладывался костер, над которым подвешивались на проволоках, прикрепленных к верхней балке крыши, чайники и котелки. Вокруг стола шел ров глубиной и шириной около 40 см, отделявший его от расположенных по бокам и в задней части помещения нар. Боковые нары узкие, на них мог поместиться боком к огню один человек, а на задних нарах ногами к огню свободно могли лежать 4 человека. Наверху в разных местах в стены были вбиты колышки, на которых развешивались для просушки одежда и обувь.

Когда на очаге зажигался огонь, то первое время дым заполнял все помещение, но, как только устанавливалась тяга, дым выходил через волоковое оконце в задней стенке под крышей. Величина этого оконца регулировалась прикрывавшим его снаружи отдельным обрубком. После того, как устанавливалась тяга, весь дым собирался плотным, слегка колеблющимся покрывалом под крышей, так, что нижняя его поверхность располагалась на уровне волокового оконца. Таким образом, можно было свободно сидеть на нарах опустив ноги в ров, окружавший стол с очагом; голова при этом располагалась немного ниже уровня дыма.

«Климат» в зимнице был сухой, теплый и давал возможность хорошо отдохнуть после работы.

Устраивались они в те времена там, где лесосеки располагались далеко от деревень. В настоящее время, в связи с наличием автомобильного транспорта, позволяющего быстро доставить людей в месту работы и отвезти вечером обратно, необходимость в зимницах отпала.

Переночевав, мы отправились на поиски глухариных токов. Однако, найти их не удалось, хотя мы и «прочесали» всю Юсуповскую дачу, вплоть до Керженца. Кстати, о том, что мы находились именно в Юсуповской даче свидетельствовал, стоявший на развилке дорог столб со щитом наверху, с надписью «Лесная дача кн. Юсуповой Сумароковой-Эльстон». Ниже этой надписи были две стрелки, направленные в разные стороны, с надписями «На Яры» и «На Хмелевую».

Вечером, определив расположение тетеревиного тока, поставили на нем шалаш, в который и забрались утром еще затемно. На току играли 7 тетеревов. Однако, сделать хорошие снимки нам не удалось, так как сначала было слишком темно, а когда взошло солнце, то оказалось, что мы неудачно расположили шалаш – снимать приходилось как раз против солнца. Таким образом, мы лишь полюбовались азартно игравшими тетеревами.

Возвращаясь с тока, мы решили заглянуть на соседнее осоковое болото – над ним токовал, планируя с громким заунывным криком «Тюр-люр-люр-люр …» большой кроншнеп, и мы решили попробовать снять его. Но, не дойдя еще до болота, в высоком сосновом редколесье увидели вдруг метрах в ста идущего к нам навстречу журавля. Мы сразу опустились на колени и приготовили аппараты. Но снимать его на таком расстоянии было бесполезно, так как у нас не было телеобъективов. Но журавль приближался, и мы совсем залегли, следя за ним сквозь редкие кустики сухой травы. Не дойдя до нас метров тридцать, журавль изменил направление движения вбок от нас. Мы лежали не шевелясь, следя за ним боковым зрением. А он все так же неспешно шагал и … вот, его уже и не видно. Мы лежим, все так же не шевелясь. Поднять голову – сразу заметит и улетит. Где же он? Напряженно ждем что будет. И вдруг Фека шепчет мне чуть слышно: «Вот, подойдет сейчас, да и долбанет нам по затылку!». Мы мелко затряслись от одолевшего нас внутреннего смеха, и, когда, казалось, что выдержать это больше уже нет возможности и мы сейчас расхохочемся вслух, вдруг увидели журавля метрах в тридцати – он шагал также не спеша, но уже удалялся от нас. Мы встали на колени и вскинули фотоаппараты. Журавль тотчас заметил нас и запрыгал огромными прыжками, взлетая. Затворы наших аппаратов щелкнули, журавль взлетел и скрылся. Мы остались довольны – хорошее было приключение. Вот, только – вышли ли снимки? Дома, когда отпечатали, увидели, что журавль оказался в поле зрения, но смазан – скорости затворов не хватило. Все же, при взгляде на них, сразу всплывали в памяти все детали этого замечательного приключения.

На следующий день мы отравились домой.

Начиная с осени 1928 года и в течение нескольких последующих лет мы с Фекой занимались отловом лягушек для кафедр физиологии мединститута и университета в Горьком. Мы знали места зимовок лягушек и поставляли их по требованию в любое время года.

Вообще же последующие несколько лет мы стали встречаться очень редко. Основной причиной, вероятно, послужило то, что оба были очень заняты: я работал на заводе, а Фека учился в Политехническом институте, куда он поступил в 1930-м году. Здесь он учился весьма успешно и, вероятно, стал бы по окончании института хорошим инженером. Однако, любовь к природе пересилила технику и в 1932 году он вновь поступил на 1-й курс, но уже биологического факультета Нижегородского государственного университета. Здесь он учился с еще большим увлечением и вскоре стал заметной фигурой среди студенчества биофака. Поступивший на биофак в 1935 году профессор И.И. Пузанов избрал именно Федора Шапошникова гидом для ознакомления с местной природой, о чем он упоминает в своих мемуарах.

В свою очередь я, в 1935 году уехал учиться в Ленинградском государственном университете. С тех пор наши встречи стали случайными, раз в несколько лет.

* * *

Окончив университет в 1937 году, он был направлен на работу в Алтайский государственный заповедник. Условия жизни и работы там в то время были совершенно особенными.

Огромная территория заповедника (свыше 1 млн. га) представляла из себя хвойную горную тайгу, с многочисленными болотами, озерами и речками. Управление заповедника размещалось в поселке Яйлю, на берегу Телецкого озера, у его юго-восточного изгиба. Сообщение с внешним миром осуществлялось только по озеру, летом на парусно-весельных лодках – карбасах (подвесные лодочные моторы тогда в СССР еще не изготовлялись) и изредка, не регулярно, на маленьком пароходике, а зимой по льду озера на лыжах, а когда лед становился крепким – на конных санях. Весной, во время ледохода, и осенью, пока лед не окрепнет, всякое сообщение прекращалось.

Природа заповедника была исследована лишь в общих чертах. Видовой состав фауны, размещение по территории, численность и её сезонные изменения для многих видов оставались еще совершенно неизвестными.

Таким образом, перед зоологом-натуралистом открылись широкие перспективы научной работы, для исследований. Можно было выбрать любой вид или группу животных.

Однако, получение интересующих материалов было связано с большими физическими трудностями. Главная трудность была в передвижении. Фактически лишь по акватории Телецкого озера можно было передвигаться более или менее свободно. На всей сухопутной части территории заповедника никаких дорог не было, лишь кое-где имелись конные и пешеходные тропы, прерываемые многочисленными болотами или каменными осыпями. Точных крупномасштабных карт не было так же, как и хороших, надежных проводников.

Наконец, следует упомянуть об опасности встречи с браконьерами, постоянно проникавшими в заповедник.

Федор Дмитриевич взял тему «Экология северного оленя». Про этого оленя известно было лишь то, что он встречается в заповеднике, но где и как точных данных не было.

Первые походы по заповеднику Федор Дмитриевич предпринял вскоре после прибытия туда, в августе - сентябре 1937 года. И сразу же, с одной стороны, был очарован первозданной красотой горного Алтая и в то же время увидел, какие трудности его ждут при решении поставленных задач. Но эти трудности не остановили его – настойчиво и упорно он старался преодолеть их, порою даже с риском для жизни. Об этом – и о его впечатлениях, и о его переживаниях – лучше всего повествуют выдержки из его дневников.

«12.01.38. Верховье р. Коэтру. Соображения, заставившие меня предпринять обратный путь, следующие: гольцовая зона очень сильно изрезана, поиски оленя без проводника чрезвычайно трудоемки и заняли бы не менее 7 дней для полного обследования при благоприятной погоде. Количество продуктов у нас позволяло пробыть еще два дня, но назревшая медленно перемена погоды говорила за долгое состояние гольцов вне видимости. Наконец, мое здоровье стало хуже. Выехал я, простуженным, и чувствую ухудшение. Для продуктивного производства работы совершенно необходима постройка избушек в требуемых районах. Все подобные выходы производить более солидно, т.е. с освобождением зоолога полностью от ненаучного багажа, придав ему рабочего. Совершенно необходим проводник, знающий местность и зимние стоянки оленя в прошлом.».

Однако, перечисленные трудности оказались лишь «цветочками» по сравнению с тем, что преподнесла вскоре коварная погода Горного Алтая.

18.01.38. Утром в 11 ч. выехали с Кырсая по средней верховке. На Беле не удалось попасть, т.к. мешала волна. До Челюша ехали 3,5 часа. Верховка стихла. С 16 час. до темноты шли на веслах. В Ижоне нас затер лед, Вечером при безветрии лед образовывался с большой быстротой. Ночью потянула низовка и мимо нашего бома понесло большое ледяное поле. К утру опять подула всё усиливавшаяся низовка.

19.01.38. Ночь провели плохо. Было до – 20 °С. Лиственничные сырые дрова плохо горели, дежурили всю ночь. Утром из-за сильной верховки боялся ехать, но к часу дня решился. Проезжая Купоросную, позади увидел сильный пар, и нас догнала особенно сильная верховка. Когда до Яйлю осталось около 2 км, то внезапно увидел ледяную шугу, тянущуюся белым зыбким полем вплоть до берега. Моментально сбросил парус и пошел на веслах. Стало заливать нос, и мой спутник не смог выгрести. Шуга затянула. Пробились шугой метров 50 и встали. Дальше ехать нельзя, лодку затерло. Предстояла холодная ночь во льду, если выдержит лодка беспрестанное трение льдов, а если не выдержит, то … Обдумал положение, решил ждать конца верховки, когда успокоится шуга и смерзнется. Мой спутник дрожал, сидя в своей шинели. Пока до смерзания решил обратить на себя внимание Яйлю. Поднял парус и дал 3 выстрела. На берегу забегал народ. От пристани пошли двое, держа в руках что-то черное, но вернулись назад. Через некоторое время пошли еще двое. У меня настроение упало. Если двое вернулись, значит от берега не пройти, а нам не дойти до берега от лодки. Но вторая пара приближалась, и вскоре к ней присоединился третий. В трубку узнал Николая Рябова с лодкой на санях. Нас спасли, бросая доски и переходя по ним по шуге. Докончил дело Ощепков, который с гордой смелостью шел по волнующейся шуге. Организовал спасение Николай Рябов.».

Лето 1938 года прошло в долгих странствиях по заповеднику в поисках оленей. При этом Федор Дмитриевич не раз с горечью убеждался, что оленями также и весьма успешно – интересуются и браконьеры.

«08.07.38. Окрестности озера Иты-куль. В 200 м от устья Кара-Сулук есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно, т.к. на ней постоянные стоянки сойотов давностью 2-4 года. Вырублено около 120 деревьев (30-35 см, листвяк). Найдено 6 станов. На станах кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых оленей, из которых 2 молодых (по остаткам нижних челюстей с непрорезавшимися коренными).Остатков рогов нет, нет и шерсти. Кроме костей, принадлежащих оленям, найдены кости лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года – ранняя весна, апрель-май. Зверя били на зимовке. Признаки зимней охоты следующие: 1 – лыжи, 2 – настил для спанья из таловых веток с зимними почками, 3 – очень толстые срубленные деревья и остатки, показывающие, что костер служил для тепла (без тагана), 4 – ветровые застилы для спанья, 5 – отсутствие остатков рогов.

09.07.38. Кара-Сулук. О несомненном присутствии R. t. в прошлом говорят остатки убитых оленей на сойотских станах. Мне приходит в голову версия, что сойоты, узнав об организации заповедника, решили воспользоваться тем, что в начале его существования охрана и пограничная охрана фактически не существовали, поэтому, организовав «большую охоту», выехали в большом числе и истребили R. t. на его зимовке весной в большом количестве.

10.07.38. Гора Колык Таш. Звери тут зимуют, что и было сказано вчера на основании осмотра соёнских стоянок.

11.07.38. К Каза-Яду. Свежих следов R.t. нет. Найдены сойотские станы, оба с остатками убитых оленей, взрослого и молодого.

14.07.38. Иты-куль, верховья Кара-кема. По дороге весенние стоянки сойонов.

15.07.38. Верховья Кара-кема. Попалось три стана, один из них свежий. В верховьях Кара-кема, в кедраче нашли зимнюю стоянку саянов, промышлявших белку.

16.07.38. Водораздел Нбян-Сору. – Узун-карасу. Прекрасные места для зимовки и для лета для R.t. Есть небольшое количество зимнего помета. R. t., безусловно, был, но жестоко выбит соёнами.

17.07.38. Верховье р. Ньян-сору. На берегах озер есть весенние стоянки саянов.».

Убедившись, что олени есть, Федор Дмитриевич вскоре возобновил их поиски, теперь уже с целью понаблюдать за их поведением и попытаться добыть одного для музея (на что было получено разрешение Главка). Пережитые при этом приключения и переживания нашли свое отражение в дневниках и письмах.

12.08.38. Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски. К вечеру вымотались вконец.

13.08.38. Ознеу (?), лог 3-х братцев, верховье р. Тушкен. Места для оленя не очень мне нравятся: мало ягеля.

Раскинув палатку, позавтракав рано утром, мы с Федосеичем вышли на гольцы Коль-Тайги. Прохладный ветерок спускался от самых снежных пятен в зеленые долины, где пушистые вершины кедрачей принимали его в свои объятия с радостным шепотом. Солнце чуть золотило острые гребешки скалистых вершин. На траве лежал еще утренний иней. Хорошо, свободно дышится в горах при такой погоде. Полной грудью вдыхаешь утреннюю прохладу. Жизнь идет. Медведи, маралы уходят на дневной покой. Северный олень и бун выходят кормиться.

Когда мы залезли до первых снежных пятен, солнце начинало уже припекать изрядно. Я знал, что олени держатся всегда в районе сохраняющегося снега, поэтому мы с Федосеичем тщательно пересматривали снеж-

ные поля. Вот на одном из них под навесом скалы в бинокль мы увидели следы. Оказалось, что снег был истоптан ногами большого оленя. След оленя нельзя спутать ни с одним следом другого зверя. Он индивидуален. Как резко индивидуален сам олень.

У самой кромки льда, уже подтаявшего от ярких лучей, мы увидели свежий след Мне необходимо было добыть систематический материал – безрогую самку. По следам трудно было установить кто это: самец или самка, один или много? Все было истоптано.

Мы пошли дальше – осторожно, против ветра. Перед нами открылось величественное поле курумов. Огромные камни преградили путь. Целый час мы лезли 300 метров, пока достигли края хребта. Под ногами метров за 200 синевой темнело озеро в каре. Из снежного пятна вытекал ручеек и падал с шумом, взбивая белую пену на глади. Справа зеленела долина Тушкена с разбросанными осколками зеркал – озер; еще ниже темнел густой кедрач, торчали серые, покрытые ягелем утесы, горизонт весь изрезан хребтами.

Мы сели над озером и осмотрелись. Сзади нас возвышался хребет. Острыми вершинами упирались три пирамиды в небо, – как три братца – мелькнула у меня мысль и невольно поплыли воспоминания детства: братья, совместные походы, охоты, ученье в институте. Плывут миражем знакомые лица, встречи… Почти инженер. Затем ученье в университете. Теперь зоолог на Алтае.

Федосеич прервал мои мысли легким толчком.

– Смотри – олень! – шепнул он, страстно вглядываясь в бинокль на курумы. Я спешно потушил папироску и тщетно искал знакомые очертания.

– Нет, не вижу. Давай ориентир.

– Вон он, около большого камня, спускается к еланке, – шепнул Федосеич, не отрываясь от бинокля. Таежные глаза острее моих городских.

Из курумов под гольцами спускался на еланку северный олень, увенчанный короной. Сразу даже трудно было понять, что у него на голове. Я в жизни не представлял ничего подобного. Федосеич шептал: «Вот так рога! Рога-то какие!». Он впервые видел оленя и ему было еще дивнее, чем мне. Черный лоб, белая шея с отвесом длинных белых волос, серая спина, бок и брюхо белоснежные. Сзади снежный ком ослепительной белизны волос, разделенный темной полоской на хвосте. Черные концы ног, белые носки.

Медленно, важно шел наш могучий красавец к зеленому полю. Не дошел, повернулся и направился к глубокому ложку, затемненному скалистой релкой. Постоял, нагнулся подогнул передние ноги и лег. Рога точно лес. Дремлет и смотрит. Черной морды не видно на фоне березки. Мелькнула мысль: надо попытаться сфотографировать. Дал Федосеичу условные знаки и скатился вниз. Вдруг олень встал. Ветер ли, играя, донес до него весть тревоги, сам ли захотел поесть? Пошел. Наклонился над зеленью и сощипывал верхушки травки. Я вернулся обратно. Олень шел к нам. Вечерело. Медленно подходил, он ближе и ближе. Стал виден каждый отросток на изумительных рогах. Приготовлена «Лейка», жадно смотрим в бинокль. Внезапно дунул ветер от нас. Олень поднял голову и застыл. До него было метров 200. Красавец-отшельник! Долго стоял изваянием. Нет, все спокойно. Мерным шагом стал спускаться вниз, где мы продирались через ивняк и березку, спотыкаясь о камни, там, где на конях ни пройти, ни проехать, шел ровным шагом отшельник, неся корону из бархата и кости. Прошел и перевалил через бугор.

Мы бегом скатились метров на 300. Олень медленно шел по березке и рысью бежал по еланкам все ниже и ниже в долину Коэтру к перевалу. Мы бросились ему наперерез, но так, чтобы красавец нас не почуял. Летим, как птицы. Вдруг стой! – из-за кустов шагов за 40 видно концы короны. Вот он вышел и встал перед нами на фоне заката во всей своей красоте. Снять не успел. Он чувствовал опасность. Поднял свой белоснежный хвостик, рысцой спустился с бугра и побежал к перевалу, затем свернул в косогор, уже шагом скрылся под гольцами. Прощай, наш красавец!

Стемнело. Мы вернулись ночью. Я потерял обе подметки от штиблет. Как хорошо, что Федосеич взял валенки.

14.08.38. Чуть брезжит. Коней седлаем. Надо проверить, ушел или нет. Надо осмотреть, где он пасся, надо узнать, где он провел ночь.

Ветер утром дует с гольцов. Окрашены золотом вершины гор, а мы уже под гольцами. Белоснежный иней на траве. Надо теперь дождаться, когда солнце накалит камни гольцов, и ветер подует из долины. Мы ведь теперь выше, чем олень.

Проверили два перевала и район лежки и жировки оленя. Стали намечать дальнейший ход, чтобы сверху наблюдать за оленем. Вдруг среди темной березки метров за 300 мелькнуло белое. Олень! Медленно поднимается красавец из кедрача - редколесья в курумы. Вот, подошел к скалистой рёлке с островками кедрачей и пропал. Нет, он стоит ниже деревьев и что-то щиплет, видимо, ягель. Поднимается выше и выше.

Мы бросились за скалу и засели в тени камней. Шаг за шагом все ближе наш олень. Затем внезапно свернул и очутился в тени угрюмых камней. Он слился с ними – пропал. Прошло минут двадцать, солнечный луч осветил белоснежную шерсть. Поднялся красавец, пошел к нам. У нас единственное теневое место. Я знал, что он придет сюда.

Все ближе и ближе. Я бросил бинокль. На «Лейке» блестит телеобъектив. Руки дрожат, я чувствую зверя. Федосеич не отрывается от бинокля и шепчет: Рога-то, рога-то!». Да, это – рога! Нет, тебе суждено жить не свой срок. Ты заслужил жить сотню лет. И на тебя будут любоваться тысячи людей.

Медленно шагая, поравнялся он с маленьким кедровым стланцем. Надо снимать, он в фокусе. Щелкаю «Лейкой»…. Ближе… Щелкаю еще и еще и перевожу дыхание. Руки дрожат, стук сердца как в барабан, шум в ушах.

Вздрогнул и встал, вперив прекрасные глаза на смертельных врагов. Расширились ноздри, направлены уши. Мотнул великолепной короной, повернулся в курумы и хотел могучим прыжком унестись к скалистым гребням. Нет, ты достоин служить для науки.

Резко рвет воздух выстрел. Вскидывается красавец и в смертельном порыве стремится вниз. Волочится ранее могучее тело. Потоком хлынула кровь из ноздрей. Зарылся красавец, с треском сминая кусты. Умирая, вперились очи в голубое небо.

Уткнувшись в зеленый мох, лежу и больно мне за эту жертву науки. Перерастут тебя твои дети. Стадо будет огромно. Но не сгниют в неизвестности твои кости, не размоет белоснежную шерсть, не съедят тебя черви. Будут тобой любоваться годами».

Итак, цель достигнута, олень добыт. Схлынуло напряжение всех сил организма, позволявшее выдерживать трудности и напасти экспедиции. И сразу дали о себе знать усталость и различные недуги. Вот запись сделанная спустя три дня.

«… Сегодня 17 августа. Яркое солнце палит. Я лежу в палатке, Она стоит на высокотравной еланке на границе леса. Над нами громоздятся скалистые вершины со снегом. Шумит от ветра кедрач, внизу говорит речушка Коэтру.. Мы в Коль-Тайге – Дяраш-Тайге. Перед палаткой стоят вешала, на них сушится мясо. Мой спутник сидит у костра, режет белое сало и топит его в котелке. На мою кошму падает тень от великолепных рогов старика ирваса. Он был слишком великолепен. Я не видел равного по красоте нигде – ни в музеях, ни на снимках. Чудовищные рога! Они покрыты еще бархатистой шерстью.

Мне трудно двигаться – болен. Плохо болеть в далекой тайге. Пять дней пути до жилья. Семь дней пути до фельдшера. Гудит голова. У меня карбункул на том месте, на котором сидят в седле. Видимо простудился. Хуже всего, что нельзя двигаться. Это был трудный путь до Коль-Тайги. Тропа шла по скалам. Нервничаешь, глядя на коней, ежеминутно могущих сломать ногу в курумах, завязнуть в болоте меж скал.».

Когда, наконец, смогли тронуться с места, проявилась новая беда: совершенно изорвалась неприспособленная для таких походов обувь. Уже упоминалось, что подметки у штиблет отлетели. И вот новая запись.

«21.08. 38. Верховья р. Коэтру. С обувью опять беда. Штиблеты просят каши, а «новые» сапоги, о которых было уже за полгода слышно, что «идут», за три выхода почти отказали. Сделаны какой-то сволочью из сортирного говна.

25.08.38. Верховье р. Коэтру. На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Всё неподходящее. Нет спецовки, т.е., хорошей исправной одежды. На конях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну – идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. Сапоги развалились, а в штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой.».

Видимо, с этим удалось как-то справиться, и путники направились к дому. И по пути пришлось пережить еще большую опасность.

«… Среди темного хвойного леса, замшелого и обросшего до кончиков веток бородачом, мрачного и сырого, крутая еланка выступает светлым кружевом. Как солнечный зайчик, пущенный на стену шалуном. Желтые, фиолетовые, голубые, розовые букеты цветов.

Как из погреба вылезли мы на солнечный свет. Вдруг кони с храпом шарахнулись. Сверху несется огромное, черное. С ревом вздыбился метров за двадцать – медведь. Из оскаленной пасти через сверкающие клыки брызжет слюна. На задних лапах подходит все ближе и ближе. Мечутся кони. Курки щелкнули у карабинов. Ну, подходи!

Молча стоим и смотрим. Огромное, жирное тело, темная шерсть трясется на складках. Развороченные слюнявые губы, на холке дыбом щетина.

Не выдержал великан, опустился на лапы, сверкнул кровавым белком и медленно, обернувшись поплелся наверх. Затем ощетинился, снова взыграл и забрызгал слюной. И опять, глухо стеная, зашелестел травой. Ушел.».

Но ни опасности, ни болезни, ни трудности с обувью и одеждой не остановили Федора Дмитриевича и, едва успев вернуться домой, он отправляется в новую экспедицию.

«07.09.38. Верховье р. Б. Абакан. Обувь наша просто безобразие. «Сапоги мои тово – пропускают H_2O» – как говорят химики. У Деменева тоже одни заплаты.

К 7,5 часам перевалили первую скалистую рёлку. Перед нами стена камня. Идет снег. Решаю ехать дальше, ибо если снег ляжет сухой и будет мороз, то через эту рёлку перевалить будет невозможно из-за курумов, прикрытых снегом, и скользких каменных плит.

…Начинает темнеть. Потеряли тропу. Еду на «авось». К счастью, пересек тропу, и мы в темноте спустились с последней скалистой рёлки.

08.09.38. Тушкен. Утром проснулись рано. Снегу выпало 20-30 см. Хорошо, что выбрались из скал вчера. Сегодня бы не прошли. Разыгрывается настоящий буран. В гольцы вылезать нельзя. К тому же давление падает. К моему несчастью, мой спутник трусоват. Вчера он совсем растерялся, когда в сумерках мы потеряли дорогу. Приходится уже быть с ним построже и не надеяться на «таежника».

Сейчас надо решать проблему: ехать или ждать? Температура –4 °С. Жуть! Ноги у меня мерзнут жутко. Сегодня опять надо чинить, сук прорвал голенище.

К 10 часам буран стих. Выехали дальше. С большим трудом перевалили последнюю рёлку и пошли под гольцами. Снег лепит глаза, тропы нет и следа. Надеюсь больше на «звездочку», да на свое чутье. К часу дня добрались до первого стана в Тушкене и, переждав порыв метели, перевалили в Чиринскую поскотину (Кужлон)».

Как видим, во время этих походов мысли Федора Дмитриевича были заняты в основном вопросами решения поставленной задачи, преодоления встречающихся препятствий. Но и красота окружающей природы, конечно, не ускользнула от его внимания, что и нашло отражение в его письмах. Приведем некоторые выдержки из них:

«… Уже третий день мы ищем среди скал лазейку в Дяраш-Тайгу. Грозные обрывы, угрюмые курумы защищают туда дорогу. Мы изорвались, как цыгане. Закоптелые, черные лазим по скалам и ищем, ищем дорогу себе и коням. Завтра осталось лишь одно место. Пройдем – будем опять вдвоем полтора месяца бороздить без-

брежные гольцы. Не пройдем – придется заезжать с северного конца озера, но уже Дяраш-Тайги не видать, как своих ушей. И опять потерянные дни.

Сейчас сижу на гольцах Телецкого озера в палатке и строчу это письмо. Только что прошла очередная гроза. Солнце через 15 минут спрячется за Алтын-Ту. Кромка гор уже окрасилась в золотой цвет. Алтын-Ту – золотая гора. Все легенды о куске золота – чушь. Это выдумки романтичных исследователей, как ни красива эта легенда. Да и водопада такого с Алтын-Ту нет. На самой вершине этой горы выходят на поверхность слюдистые сланцы в виде огромной гладкой плиты. При закате и восходе, зимой и летом, при рождении солнца блестит эта плита в его лучах. Вот и получилась Алтын-Ту, а отсюда и Алтын-Коль (Золотое озеро). Много есть мест, где есть золото в горах, а Алтын-Ту и Телецкое озеро – самые беззолотые места. У алтайцев есть много легенд, почти про каждый большой камень свалившийся с горы, про крота и гагару, про луну. Около селенья Аргу-Баш (голова порогов) в истоках реки Бии на горе есть огромная каменная плита и на ней высечено: «Перевернешь – счастье найдешь». Когда нашли ее, то собралось человек 30. Стали ворочать. Еле-еле перевернули. Ну, думают, все – клад. Копали, копали – нет ничего. Потом посмотрели на плиту, а на перевернутой стороне опять лаконичная надпись: «Перевернешь – счастье найдешь». Поматерились, посмеялись и разошлись. Пройдет сотня лет, может быть забудут это и опять найдутся «искатели счастья».

«…Солнце близится к закату. Ярко выступают нежной зеленью иголок и красноватыми стволами лиственницы из темного изумруда кедрачей. На освещенной солнцем полянке, где мощный строй леса разрежен и вперед кверху идут лишь одни пионеры, среди головок маральего корня светлое пятно. Кто-то поставил копну сена, оно поблекло и выцвело от времени. Но что там вертится темное у копешки? Слышно какое-то чавканье. Да оно движется! Среди высокотравья пасется тройка медведей. Поблекшая мамаша с темным малышом и 2-годовалым медвежонком. Со стараньем копают все трое копеечник и выкопав толстый мясистый корень сладко чавкают».

«…Жарко. Солнце печет. Мошкара лезет в глаза. В высокой траве на еланках меж кустов березки циркают кобылки. Громко тараторят тарашки, перелетая с кедра на кедр, с полными оттопырившимися зобами от запрятанных орехов. Пахнет хвоей. Прекрасное летнее время. Ягель хрустит под ногами – сухо. На небе ни облачка. Только где-то там, с севера, за далекими хребтами протянулась темная полоска. Она растет, ширится.

Через полчаса наступает первый отряд облаков. Быстро несутся они, глотая солнечный свет. Стали охлаждаться гольцовые камни. Легкий ветерок подул в глубокие, темно-зеленые долины. Сильней и сильней дуют порывы ветра. Солнце скрылось. Отряд за отрядом, все ниже и ниже несутся облака. Вот они уже цепляются за верхушки хребтов и зацепились – спускаются глубже в долины. Упали первые капли дождя. Птицы примолкли. Вся мошкара давно убралась в укромные уголки. Дождь идет. Воздух охладился. Вот застучала крупа по листве. Все больше и больше её. Ветер стал холодный, пронзительный. Стало похоже на осень. Через час крупные хлопья снега сыплются с белого зимнего неба. Уже и еланки под снежным покрывалом. Лишь заросли березки выступают сквозь туман темными пятнами. Снег идет гуще, все кругом бело. Наступила зима. Кони вырывают ногами из-под белой скатерти снега поблескивающие стебли травки. Холодно, сыро. Ветер стихает. Туман спускается вглубь долин. Облака редеют, сквозь них просвечивает солнце. Появился голубой кусочек неба. Яркие лучи солнца ослепительно блестят, отражаясь от снега. Быстро, на глазах, зеленеют березки. Белыми пятнами сверкают еланки, и они вновь открываются вскоре. Становится жарко. Закричали тарашки, пискнул конек. Лето. Прекрасное лето.».

«… Прибыли в южный конец озера, в урочище Атушту. Нам, т.е. мне и моему рабочему из наблюдателей, надо было перебросить коней и багаж через горы, километров 10, до урочища Чири, откуда мы хотели ехать в Дяраш-Тайгу, т.е. «Красавицу тайгу». Наш путь с конями проходит в подножье горы Туалок, соседа горы Алтын-Ту. Мы выехали вечером, заранее зная, что захватим часть ночи. Тропа вьется по крутому склону, градусов 70-65, местами переходящему в отвесные скалы – бомы. Кругом непролазная тайга с кедром, пихтой, березой и высокотравьем. Масса красной и черной кислицы, черной смородины, таволги и прочих кустарников и кустарничков, переплетенных хмелем. Там, где топтыгин не сломал кусты смородины или шиповника, ягоды висят гирляндами, красными, черными, розовыми гроздями.

Мы вышли по этой прекрасной, но сложной тропе. Вечер был ясный, но вдалеке, где-то за Туалоком, гремели раскаты грома. На половине пути налетел вихрь, и все завертелось. Сверканье молний и беспрерывный грохот и стон тайги. Мы продирались, падая, спотыкаясь о камни и завязая в грязи. С неба нас усердно поливали из тысяч ведер. Кусты и трава выливали на нас целые потоки. Временами было ощущение, что можно захлебнуться в этом каскаде воды. Всякая осторожность и страх перед кручами исчезли, притупились, осталась одна мысль – вперед. Кони дрожат и храпят от грозных ударов. Молнии сверкающими лентами ударяют над головой. Это была сказка. Я не ожидал такой мощи. Этот вечер и ночь будут памятными на всю жизнь. Среди темной ночи, под вечный рокот мы переезжали вброд речку – белой пеной опутаны лошади до брюха, ноги бороздят воду. Теперь уж все равно, что бы ни случилось, а надо добраться. Добрались.

А на утро, после разгула стихии, безоблачный день, зеркальное озеро и скопа ловит хариусов.».

В начале 1939 года к Феке приехала жена Муся – Мария Владимировна Федяй. Но ее приезд ничуть не отразился на его рабочих планах, он по-прежнему проводил много времени в экспедициях. Приведем несколько выдержек из дневников.

«23.04.39. Карасу – верховье р. Сурьяза. Снег был крайне тяжелый. Днем – кисель. На гольцах я едва не сломал ногу в коленке. Бедарев и Табаков сломали по лыжине.

24.04.39. Пришли в Чемраду. К концу дня опять брели без лыж, но по снегу. Среди ребят паническое настроение. Все страшно устали. Я их вполне понимаю. Положение безусловно опасное.

26.04.39. Пришли до Теренколя. Дальше я не решился задерживать ребят. У всех большие семьи, а в это время час лишний может выручить. Мы же как-нибудь эти 7 километров груз переправим. Весна идет прямо катастрофически быстро. Пока я пишу эти строки передо мной потек целый ручей.

29.04.39. Иты-Куль. Все же интересно складывается жизнь. Позавчера мы нашли задранного оленя. Я вырезал оставшиеся куски мяса со спины и язык, закопал в снег, но эти черти вороны украли все мясо. Пришлось

мне довольствоваться объедками. Параев брезгает – не ест, а я наслаждаюсь в «день ненастный» шашлыком и супом. До чего дошел – украсть у волка мясо!

07.05.39. Иты-Куль. Весь день шел то дождь, то снег, безвылазно сидим в шалаше и жарим шашлык. За день слопал около 4-х кг чистого мяса!

17.05.39. Итыкуль. От мая месяца никакого впечатления. Все же на южных склонах березка набрала почку и скоро распустится, а пока лишь генцианы да примулы оживляют картину высокогорной весны.

18.05.39. Итыкуль. За день выпадал раз 16 снег и стаивал. Нам удалось перебросить часть груза на плоту через Итыкуль. Остальные вещи придется – завтра, ибо с погодой прямо вакханалия и бог Итыкуля, видимо, на нас сердится».

Осенью 1939 года (16 октября) в семье Шапошниковых появилась дочка Наташа. В связи с этим в зиму 1939-40 гг. Федор Дмитриевич дальних экскурсий не предпринимал. К тому же и тема «Северный олень» закончилась, надо было подводить итоги.

В 1939 году за ним была закреплена новая тема «Экология кабарги», и для решения ее он возобновил дальние экскурсии по заповеднику.

«19.06.40. Боскон. Прошел тропой до лесного притока Боскона. Дальше идут заросли кислицы, ольхи, молодой березки. Места для кабарги не интересные. Поднялся на г. Аргал. Здесь, на крутом склоне, покрытом старым кедрачом без подлеска и травянистого покрова, много поедей кабарги с веток – лишайника, и многочисленны копки. Кабарга, видимо, ест какие-то корешки.

21.06.40. Боскон. После часа ночи вышел на экскурсию. Ночь тихая. На рассвете встретил у засидки кабарожку. Зверек поднялся снизу к кедрам, у некоторых останавливался покормиться. Кабарга легко прошла, часто останавливаясь и прислушиваясь, по стволу упавшего кедра, затем спрыгнула с комля и подошла к подножью кедра, у которого стала собирать с упавших веточек лишайник. Затем, встав на задние ноги и опершись передними о ствол дерева, захватила сухую веточку за конец, обломала ее и опять общипала лишайник. Так продолжалось минут 15-20. В 2 ч. 30 минут послышался шорох, и я увидел темный силуэт медведя, тихонько поднимавшегося по тропе наискось в гору. Кабарга заметила зверя и замерла в настороженной позе. Медведь прошел мимо кабарги в 25-30 метрах. Пройдя уже выше ее, он остановился, повернул голову в её сторону, постоял с минуту, затем пристально посмотрел в мою сторону и опять пошел в гору. Кабарожка успокоилась и, покормившись несколько минут, легкими прыжками прошла вдоль склона и скрылась».

Однако, увлеченный работой, Фека не учел того, что во время его длительных экскурсий жена оставалась дома с ребенком одна, без родных и близких. Между супругами начались размолвки и кончилось все тем, что осенью 1940 года Муся, подхватив дочку, рассталась с Фекой и уехала в Горький.

Оставшись вновь один, Федор Дмитриевич продолжал прежний образ жизни.

В мае 1941 года Федор Дмитриевич вновь отправился в длительную экспедицию в южные районы заповедника. Там он вел совершенно безмятежную жизнь, занятый лишь зоологическими наблюдениями и не зная ничего о событиях в остальном мире. И о начавшейся войне он узнал лишь 26 июня при встрече с пограничниками.

«26.06.41. Джулу-куль. День дождливый, идет град. Ночью кричали птенцы – молодые ушастые совы. Приехали пограничники и привезли известие о том, что 22 июня германские войска перешли границу Союза. Бомбили Севастополь, Киев, Житомир, Каунас и Мурманск.

Днем препарировал лисят и птиц. Дрозды – птенцы уже оперлись. Вечером кричат молодые ушастые совы.».

Как видим, новость о войне большого впечатления на Федора Дмитриевича не произвела. Объясняется это, вероятно, тем, что все мы тогда находились под воздействием постоянной партийно-государственной пропаганды и верили в то, что это лишь досадное начало, а скоро, конечно, мы «будем бить врага на его территории». Поэтому Федор Дмитриевич спокойно продолжал работать. При этом однажды он чуть было не погиб, пытаясь добыть горного барана архара.

«07.07.41. Верховье реки Богояш. …Подошел метров за 30 сверху, из-под ветра. Два самца стояли рядом на ветру. Подкараулив третьего самца, выстрелил в него. Кочкор упал. В карабине застрял следующий патрон. Стадо исчезло. Подбежал к барану. Баран стоял на коленях. Хотел заколоть его, но получил внезапно удар рогами и потерял сознание. Очнулся метров на 60 ниже по склону. Из горла шла кровь. Кочкора не было видно.».

«Оклемавшись», Федор Дмитриевич продолжил свои наблюдения. Лишь 21 июля он получил приказ от дирекции заповедника о немедленном возвращении на центральную базу.

В декабре 41 года Федор Дмитриевич был призван в армию и отправлен на фронт.

* * *

В 1942 году он был ранен и отправлен в госпиталь. Находясь там, он вскоре, подлечившись немного, стал помогать персоналу, выполняя различные технические работы: осуществлял электропроводку, ремонтировал электроприборы и другой инвентарь. Эта его деятельность оказалась настолько полезной для госпиталя, что, по окончании лечения его не отправили обратно, а оставили при госпитале. Там он и прослужил до конца войны.

При этом он познакомился там с одной из медсестер, Валей, оказавшейся землячкой – горьковчанкой. Сначала были общие воспоминания о родном городе, постепенно переросшие в дружбу и любовь. Правда, когда Фека сделал предложение соединить после войны их судьбы, Валя сказала, что это вряд ли возможно из-за разницы в возрасте – она была старше его почти на 10 лет. Однако он на это ответил, что главное в совместной жизни не возраст а сходство взглядов на жизнь.

После окончания войны и демобилизации они сначала поехали в Горький, где и оформили официально свое супружество.

В поисках работы Федор Дмитриевич зашел в университет, и там его сразу оформили заведующим Биологической станцией университета в Старой Пустыни.

Работая там, он предложил и осуществил на практике особый метод учета птиц. Этот метод был одобрен и введен в практику другими русскими экологами.

Однако, работа на Биостанции в Старой Пустыни мало удовлетворяла Федора Дмитриевича – слишком тут было тесно и относительно беден животный мир. И, когда в 1949 году представилась возможность возвратиться в Алтайский заповедник, он не колебался ни минуты.

* * *

Итак, он опять на столь полюбившемся ему Алтае. Жизнь, как будто, складывалась очень удачно. Алтай стал второй родиной. Наладились связи с коллективом сотрудников. Составлены были обширные планы дальнейшей научной работы. А 20 марта 1950 года он защитил диссертацию на степень кандидата биологических наук.

Дома, благодаря усилиям заботливой жены, создана благоприятная обстановка как для отдыха, так и для работы.

И вдруг все рухнуло в одночасье, как в 41 году, и даже еще более стремительно.

Осенью 1951 года Алтайский заповедник, как и многие другие, был закрыт. На ликвидацию дел сотрудникам дали две недели. Но и без этого надо было торопиться с отъездом, так как надвигалась осенне-зимняя распутица, когда выезд из Яйлю становился на длительное время невозможным.

Куда деваться? Где жить и работать?

Главк предложил Федору Дмитриевичу на выбор два места: «Столбы» (возле Красноярска) или Мордовский заповедник. И тот и другой мало устраивали: малая площадь (то есть однообразие природных условий), небогатый животный мир (особенно в отношении копытных, исследованию которых и намечались планы дальнейшей работы). Пришлось, как писал Федор Дмитриевич, «выбрать из всех зол меньшее – Мордовский». Живя и работая в нем можно было надеяться, благодаря относительной близости к Москве, перебраться со временем в более удачное место.

Фека тяжело переживал все случившееся. В письме уже из Мордовского заповедника от 3.XII.51 он писал мне: «Алтайская история крепко ударила по всем моим планам на будущее. Более того – внесла разочарование и неуверенность в завтрашнем дне. Отразилась не только на работе, но и на здоровье».

Прибыв в Мордовский заповедник, он обнаружил, что условия жизни и работы там еще хуже, чем он ожидал. Коллектив научных сотрудников, которым ему предстояло руководить, был очень мал, всего три человека – с таким не организуешь широких комплексных исследований. И квалификация их оказалась весьма невысокой, и многое из того, что они должны были сделать, не сделано. – «В общем, - писал он, – пока что не знаю, за что и хвататься, везде щели и дыры.».

Сам он решил попробовать продолжать изучение копытных. Однако, возможности для этого здесь были весьма ограниченными и совершенно иными, чем те, к которым он привык на Алтае: из копытных здесь были только в небольшом количестве лось и небольшое стадо пятнистых оленей, завезенных сюда с Дальнего Востока и содержавшихся в полувольном состоянии.

Да и вся природа была далеко не алтайской Особенно удручало полное отсутствие большой воды, к которой он привык, живя в Нижнем и на Алтае. Ни хорошей рыбалки, ни хорошей охоты близко не было. Поэтому ясно было, что при первой же возможности он оттуда уедет.

Такая возможность представилась через год – и в 1952 году он перевелся в заповедник Аксу - Джабаглы, расположенный в Казахстане, в отрогах западного Тянь-Шаня.

Это – горный заповедник, с высотами от 1200 до 4200 м, с сильно изрезанным рельефом. Понятно, что наличие разнообразных природных условий и привлекло сюда Феку. Правда, его любимых копытных здесь было только два вида: горный баран архар и сибирский горный козел, однако, биология их оставалась еще мало изученной.

Оглядевшись, Фека составил план комплексной научной работы, в которой над общей темой работали сотрудники разных специальностей. В письме от 25.I.53 он сообщает о своих первых впечатлениях и планах.

«Дорогой Ванча!

Я забрался в горы Южного Казахстана на Таласский Ала-Тау. Пока природа и общая обстановка меня не разочаровывают. Несколько смущает зверский рельеф и почти полная невозможность быть в заповеднике в зимнее время из-за погоды, состояния снежного покрова и пока отсутствия необходимого лагерного снаряжения.

В отношении науки тут дело видимо обстоит хорошо. Много интересного и полезного. С этого года мы начали разработку интересной темы в комплексе с ботаником, энтомологом-паразитологом и зоологом позвоночных. В основном вопрос касается горных пастбищ, их улучшения, изучения взаимоотношений диких и домашних животных, преимущественно с целью выяснения путей циркуляции инфекций и инвазий в связи с природной очаговостью. На мою долю выпадает изучение взаимоотношений и путей контакта диких и домашних животных, их численные соотношения, пути миграций и т. д.».

Далее следует весьма интересное признание.

«Ванча, учитывая, что мои ноги и сердце не вечно будут работать как у верблюда и особо трудные условия передвижения в зимнее время, меня потянуло на разработку какой-либо более доступной группы. После размышлений по этому вопросу я выбрал наземных моллюсков. Относительная простота сборов, малоизученность и практическая важность этой группы, особое ее значение для зоогеографического анализа происхождения фаун и континентальных связей меня соблазнили. … Мне хотелось бы слышать твое мнение по этому поводу…».

Таким образом, у Феки тогда сложились интересные, обширные и разнообразные планы научной работы. Однако, этим планам не суждено было осуществиться. Уже на следующий год он, благодаря своей горячности и малой опытности в отношении работы в условиях высокогорья попал под лавину. И, хотя остался жив, однако, ноги оказались настолько повреждены (подробностей я не знаю), что ходить стало трудно. Таким образом, работа, связанная с большими переходами, тем более в горах, стала невозможной. Оставаться далее в заповеднике было бессмысленно, да и в других заповедниках возможности продолжать прежние исследования не было. И

Фека, скрепя сердце, вынужден был перейти на педагогическую работу. Обо всем этом он написал мне 12.X.55, уже из города Тюмени.

* * *

«Дорогой Ванча! Представь, я изменил своим привычкам и перебрался в город. Семнадцать лет прошло с тех пор, как я впервые приехал в заповедник. Трудно было переменять протоптанную дорожку, что, впрочем, тобой тоже испытано.

Осели мы в Тюменском пединституте, где мне предложили кафедру зоологии позвоночных.

Казахстан меня вымотал, ибо зимняя экология там связана с совершенно головоломными походами. В результате своей неразумной горячности я краешком хватил снежку из лавины. Финал – снижение радиуса действия из-за левой ноги и в меньшей степени – правой. А ведь нас – полевиков, как волков, ноги кормят.

Живем в городе уже с июля. О своих переживаниях при перемене специальности не пишу, тебе это знакомо. Приходится много готовиться к лекциям и практическим занятиям. Сейчас ужу немного втянулся и попривык. На днях в библиотеке мне попалась твоя книжка – определитель. Выполнено хорошо и отвечает запросам учителей, с достаточным для них объемом. …

Жена и дочка довольны новой жизнью. Тюмень мне нравится. При наличии своего транспорта, который я решил завести, можно освоить окрестности, которые тут весьма не плохи. Я уже успел трахнуть пару зайчишек, с десяток рябчиков и три белых куропатки.

С квартирой устроился хорошо, в самом центре, от всех городских благ близко и не шумно.

Александр Николаевич (Формозов – И.О.) меня благословил на новом поприще… Прислал поздравительное письмо и Бодо Иоганзен. Остальные же все жалеют, что мне пришлось изменить курс.

Напиши, что поделываешь, остается ли время для каких-либо исследований, понимая под этим экскурсии в природу. Я после освоения новых курсов думаю с будущего года заняться адаптациями млекопитающих к ограничивающим факторам, сиречь, так называемой, «летней спячкой».

Ну, будь здоров …».

Таким образом, мы видим, что Федор Дмитриевич, несмотря на полученные серьезные телесные повреждения и, как результат, резкую смену работы и всего образа жизни, не пал духом, активно осваивает новую профессию и уже строит планы новой научной работы.

Я немедленно ответил Феке, поздравив его с удачным переходом на новую работу и устройством на новом месте. Я также послал ему мой «Краткий определитель позвоночных животных», прося его дать книге более подробную оценку. Он быстро откликнулся (письмо от 19.XII.55).

«Дорогой Ванча! Спасибо за письмо и книжицу. Ты просишь подробнее сказать о ней. Мне она очень понравилась в общем по своей идее, продуманности и лаконичности.».

Сделав далее различные частные замечания он заключает: «Я уже приобрел для нашей библиотеки 30 экз. и посоветовал студентам приобрести лично.».

Далее он пишет о некоторых деталях его зачисления в институт, и что он уже представлен к званию доцента. Затем подробно сообщает, как он собирается организовать работу студенческого научного кружка.

Перейдя далее к домашним делам пишет, что собирается приобрести автомобиль «Москвич». До сих же пор он ездит на велосипеде «Иртыш», в котором он произвел целый ряд конструктивных изменений, в результате чего проходимость и надежность работы всего агрегата очень возросла.

«На этом моторе я уже в Казахстане сделал более 5 т., да уже здесь 1200 км. Без каких либо приключений в дороге. Расход бензина на 100 км ровно 1,5 л при скорости 20 км.».

Очень характерно для Феки: всякую «технику» самостоятельно улучшить и содержать в полном порядке.

Заканчивается письмо просьбой писать еще и припиской: «Ты прав, друзей со временем становится все меньше и меньше, и я рад, что ты отозвался на письмо.».

К сожалению, сам он был не столь аккуратен в переписке и следующее письмо от него я получил только через год. Это письмо (от 10.XI.56) довольно минорное по тону и содержанию. Дела в институте не радуют. Сразу же: «У нас сменился директор, что несколько осложнило работу». Не хватает некоторых материалов для практических занятий и неизвестно, где их можно добыть. И главное: согласно новым учебным планам увеличилась учебная нагрузка, следовательно уменьшилось время для научной работы. В то же время количество лекционных часов сократилось до 52-х.

Не очень радостны и впечатления, полученные летом. Правда, удалось проехать на ботнике около 600 км по озерам и рекам Западной Сибири (питаясь в основном тем, что сам мог добыть), но местность оказалась очень заболоченной и однообразной.

Хотел бы заняться бобрами и даже побывал под Тобольском, где их недавно выпустили, но место это, по его мнению, выбрано неудачно.

А автомашину до сих пор не приобрел, «…что меня здорово стесняет – уменьшает возможность собирать материал!

Приятное только то, что удалось частично использовать свою богатую фототеку: некоторые его фотографии скоро должны появиться в солидных сводках, издаваемых Зоологическим институтом АН СССР.

В конце письма сообщает, что профессор И.И. Пузанов (бывший его «шеф» в университете в Горьком) раскритиковал в «Ботаническом журнале» школьный учебник по дарвинизму.

А в постскриптуме с удовольствием отмечает, что дочка его учится на отлично.

В ответном письме я спрашивал его, не собирается ли он в январе в Ленинград, в Зоологический институт – мы могли бы тогда встретиться там. Кроме того, я просил его написать рецензию на мой «Определитель позвоночных», поскольку я собирался переиздать его.

Ответ пришел быстро и очень нерадостный (22.XII.56). Сообщив вначале, что в Ленинграде в январе его не будет, так как он едет на совещание в Свердловск, далее он пишет:

«У нас, тюменцев, начинают сгущаться тучи над институтом. Отказали в здании, а мы задыхаемся в старом. Стоим перед дилеммой сокращения либо нашего, либо физмата. Так что не ровен час и придется грузиться

на колеса. Пока все это еще не ясно, но к тому клонится. Вот тут и задумаешься о конечной Пристани – куда еще придется совершить путешествие.».

К этой внешней угрозе сокращения факультета добавились и неприятности внутренние. В этом году ЦК КПСС провозгласил лозунг: «Политехнизация». И как в ту пору неизменно бывало этот лозунг стали приклеивать всюду, во все сферы, в том числе и в области просвещения в любой дисциплине. Хочешь – не хочешь, а выдумать какую-то «политехнизацию» непременно надо было каждому. И Федор Дмитриевич с горечью и тревогой пишет: «Вчера очень бурно проходил отчет мой и ботаников на партбюро о политехническом обучении, и я еще до сего времени не «оклемался» от целой гаммы впечатлений.».

Подводя итог, он пишет: «Извини меня – дурацкое настроение мешает мне писать тебе о чем-нибудь ином, выбивает из колеи неясность ближайшего будущего.».

Что касается моей просьбы к Феке дать рецензию на мой «Определитель», то он ответил, что не может этого сделать, так как, во-первых, он никогда таковых не писал; во-вторых, он почти не пользуется им, так как для их мест он во многом неподходящ.

«Главное же, мне просто нет времени крепко засесть за это дело, да нет и опыта. …Времени у меня хватает только на письма, да иногда на кино. Все остальное – занятия, заседания, собрания, планы и прочее.».

Конечно, я согласился с его доводами, учел, в каком он оказался положении и нисколько не обиделся на него за отказ.

К счастью, его опасения не оправдались. Факультет остался цел, а «политехнизация», как и другие подобные кампании, постепенно сошла на нет.

1957 год Фека провел весьма активно и во многом успешно.

В письме от 7 февраля 58 года он писал, что прошлым летом осуществил выпуск 60 бобров (которыми, как мы помним, он собирался серьезно заняться) уже недалеко от Тюмени, причем 20 штук даже там, где проходит полевая практика студентов.

«На кафедре задумали написать научно-популярную книгу «Природа Тюменской области», но дело двигается очень туго.».

Однако, ему удалось, наконец, приобрести автомашину, что сильно увеличило возможность дальних поездок, и он собирается летом съездить на юг области, посмотреть рептилий и амфибий.

Доволен он, в общем, и учебными делами: ему не приходится разбрасываться, он ведет только одну дисциплину – зоологию позвоночных: лекции, лабораторные занятия и половину полевой практики. Но «Все дело портят заочники, чёрт бы их побрал!». Понять Феку можно: летняя сессия заочников совпадала по времени с полевой практикой студентов стационара и, при наличии на кафедре лишь небольшого числа преподавателей, им приходилось работать по 12-15 часов в сутки. Однако, законом это запрещено, и если все же в своем отчете преподаватель указывал такие цифры, то любая официальная ревизия вычеркивала «излишки» сверх положенных ежедневно 8 часов и, таким образом, получалось невыполнение нагрузки. Приходилось исхитряться и разбрасывать сверхурочные часы по другим дням.

Неплохо сложились и личные дела. Благодаря наличию автомашины появились возможность выезжать всей семьей за город – за грибами, на рыбалку. Правда, проходимость «Москвича» оставляла желать лучшего: на грунтовых дорогах в сухую погоду он застревал в песке, а в дождливую – в глине, но все же выезды в природу стали постоянными.

Особенно удачно шла рыбалка. – «Прекрасный клёв на удочку (язь, окунь, чебак), а в сентябре заразился ловить блесной окуня. Клюет прямо сказочно и все крупные. Азарт необыкновенный! За 2-3 часа вытаскивал до 100-120 штук окуней средним весом в 1150 г …кормил рыбой весь дом и двор.».

Желая и меня приохотить к такой рыбалке, Фека подробно описывает снасть, где следует искать окуней и приемы лова.

Однако, кое в чем он мне немного завидует – в частности тому, что я лучше организовал летний отдых семье (все лето на даче). Кроме того, мне удается ежегодно проводить около 2-х недель в совместной дальней поездке на лодке со старыми друзьями-горьковчанами. – «Очень хотелось бы мне повидать горьковчан… У нас тут к сожалению, туго со знакомыми.».

Домашние дела в порядке, дочка учится хорошо, «но под большим давлением», а жена нашла себе интересное занятие – организовала детский самодеятельный кружок по изучению немецкого языка.

Заканчивается письмо, как всегда, приветом моей семье.

Следующее письмо от 16.III.58 короткое но полное недовольства. Опять сетует на «засилие» заочников: их вдвое больше, чем студентов стационара. Одолевают разные комиссии и проверки.

«Один ревизор решил, что заповедники не являются научно-исследовательскими учреждениями и пытался лишить меня научно-исследовательского и педагогического стажа. Едва отыскал постановление СНК, но до указания МНО мне боятся платить за 10-летний стаж и лупят по 5-летнему.

…Если у тебя есть конспект какой-либо лекции по позвоночным, примерно по теме «Происхождение какой-либо группы, или сравнительно-анатомический очерк класса», пришли мне для обмена опытом. Я его тебе верну. Неплохо бы и программу полевой практики (рабочую).».

Единственно, о чем пишет с удовольствием, это – описывает детально свою машину.

Получив это письмо, я сразу же ответил ему. Вместо того, чтобы посылать конспекты отдельных лекций я изложил ему мою концепцию построения всего курса лекций по зоологии позвоночных.

Я считал, что для учителя основу курса должны составлять не детали строения различных систем органов, а биология: приспособительные особенности к среде обитания, суточный и сезонный ритм жизни, питание, размножение, значение в данном биоценозе и для человека.

Фека тоже сразу (25.III.58) ответил мне.

«Собственно говоря, ты мне сообщил то, чего хотелось. Точно такой же политики в отношении лекционного материала придерживаюсь и я, но мне надо было моральную поддержку, так как некоторые педики-профессионалы упрекали меня в излишней аутэкологии на лекциях. Общая же экология, оторванная от конкрет-

ного вида, тем более попытки втиснуть в совершенно неразработанные биогруппы, как это делает Н.П. Наумов, не дает ни уму, ни сердцу не только педагогу, но и универсанту.».

В своем письме я выражал сомнение в том, что ему удастся написать «Природу Тюменской области» в намеченный им срок. Он согласился со мной.

«С «Природой» ты прав, у меня у самого надежды мало за этот срок сделать что-либо путное. Но я надеялся на выход сводок по Западной Сибири Строгановой, А.Н. Формозова, И. Лаптева, Б.Г. Иоганзена, на собственный материал надежды, конечно, мало.

…Писал мне И.И. Соколов, он выпускает копытных в серии «Фауна СССР». Там, наверно, будут мои фото. Мне все хочется устроить фотовыставку, наберется изрядно по ландшафтам и животным.

…К занятиям мне по-прежнему приходится много готовиться, память у меня прямо-таки аховая, да и прежних знаний маловато.».

Далее опять вспоминает о прошедших неприятностях.

«Появился у нас новый директор. В связи с этим было обследование состояния работы на кафедре.».

При этом, видимо, были отмечены какие-то недостатки, в которых виноват был прежний заведующий кафедрой, но за которого пришлось отдуваться Федору Дмитриевичу: «Жалею, что у меня постепенно, но верно ухудшаются отношения с А.Д. Шароновым, старым работником института. Ни черта не делает, а мне за него отдуваться приходится.».

И опять вспоминает, как ему пытались снизить зарплату и сколько усилий пришлось приложить, чтобы преодолеть бюрократизм чиновников.

Говоря о летнем отдыхе, Фека пишет: «Несколько завидую твоему уменью организовать разумный отдых. У меня это дело не получается. Дочка еще маловата для капитальных выходов, а Валентине Александровне это уже не под силу. Большую надежду питаю в единении с машиной и байдаркой, которую купил и дома уже собирал и разбирал в положенное инструкцией время за 25 минут. Наладил рыболовную снасть – увлечение удочками и блеснами. Для души купил духовую винтовку и с удовольствием постреливаю из нее в цель. Научился класть пульки на 25 метров в спичечную коробку.».

Далее следует подробный рассказ о том, как возится с машиной, что перебрал в ней и заменил, какие внес усовершенствования (обогреватель на стекло). «Прости, что расписался, но иногда это бывает какой-то потребностью. Нет ни черта людишек, с кем можно было бы побеседовать, как когда-то.».

Конечно, я сразу же ответил. В числе прочего, сообщил ему о слепоте одного общего знакомого – Славы Карпова, конструктора байдарок. Также спрашивал его, как он проводит полевую практику. Фека также быстро откликнулся – письмо от 4 апреля 1958 года. Выразил сожаление о слепоте Славы.

Далее пишет, что у него произошла «пренеприятная история» при выезде из гаража внезапный порыв ветра захлопнул одну половинку ворот, которая ударила по машине и сильно повредила дверцу. Кое-что он исправил, но полностью устранить повреждение пока не удалось. «В общем – испохабил машину. Ругаю себя матерно, но толку от этого мало.».

О полевой практике пишет: «Я провожу ее фронтально, т.е. 16 дней зоология, 16 ботаника. Иначе ботаники своими гербариями портят нам дело. Провожу занятия по каждому биотопу комплексно: амфибии, рептилии, рыбы, птицы, млекопитающие в соответствии с тем, какое место в биотопе занимают те или иные животные. Кроме наблюдения, изучения поведения, голосов и прочего делаю маршруты учета по встречам. Устраиваю лов рыбы бреднем с последующей ее обработкой, лов удочкой. Дело заканчивается ухой. По млекопитающим закладываю учетные ленты на мышевидных и учетные ленты по следам крупных на песчаных и влажных участках…В конце заставляю сделать эколого-фаунистическое описание района с распределением по биотопам и относительно количественных характеристик животных. Зачет принимаю по самостоятельным для каждого студента часовым экскурсиям, где остальные являются условно экскурсантами.».

Таким образом, мы видим, что полевую практику Федор Дмитриевич проводил весьма тщательно и дотошно.

В сентябре 1958 года я послал ему письмо с описанием несчастного случая, произошедшего у нас на охоте: как я выбил глаз нашему общему другу, доктору Михаилу Вениаминовичу Колокольцеву. Конечно, Фека сразу откликнулся. 25 сентября он написал мне.

«Твое письмо поистине ужасно. Бррр. Но знаешь, дорогой друже, подобных случаев на охоте не занимать. Помнишь судьбу сына инж. Григорьева, выстрел Сашки Л. по отцу, который был в шалаше. С Сашкой я бросил ходить на охоту из-за многочисленных случайностей с его ружьем, причем жертвой почему-то был я.

Все дело, конечно, в том, что это близкий человек. Хорошо, что Миша уже достиг высоких вершин, и на его жизни это происшествие не так сильно отразится…

Мне вспоминаются два случая. Первый – на производстве. Я чинил электромотор. Внутри кожуха на валу стояли двое рабочих… Время нам было дано 20 минут. Через этот срок я обязан был включить мотор. Рабочие были этажом ниже, и я их не видел. За 2 минуты до пуска я догадался крикнуть в кожух. Но один не успел вылезти, и его едва не намотало на вал. Отделался он переломом руки.

Второй случай, когда меня затащило в шторм на Телецком озере в январе 38 года в шугу и один смельчак, Акинф Ощепков, чтобы спасти меня, подошел с риском для жизни ко мне на длинной доске. У него была семья, сам девятый.».

«Свой отпуск прошел тоже комом. Весь июль я был занят приемом госэкзаменов в роли председателя комиссии. Дома у нас был ремонт и в отпуск пошел только с 5-го августа. В августе мы поехали за 60-80 км на реку Пышму. …Прожили там 12 дней.

Правда, рыбалка была замечательная. Вволю покатались на байдарке. Комбинация у нас байдарки с машиной вышла изумительная… На сборку без посторонней помощи трачу 20-30 мин. Борька еще скорее. Скорость по тихой воде без ветра при одном гребце до 10 км, транзитная – 5-6 км. Подъемность: нас трое и груз до 150 кг. Бывали прорези внешнего резинового слоя корда, гл. образом, от консервных затонувших банок и беззубок на отмелях. Ремонт очень простой: вулканизирую брикетами для машины и той же струбциной….Один переношу

(на голове или на плече) сие суденышко до 500 м без отдыха. …В общем, для рыбалки, охоты и прогулок с использованием машины для подъезда, пожалуй, ни в какое сравнение с надувной не идет. Для меня, при составе семьи в три человека, это поистине идеальная вещь.

Рыбалкой я увлекаюсь здорово. Нынче клёв был значительно худшим по сравнению с прошлым годом, но и то удавалось хорошо ловить язей, окуней, чебаков и щук. Ловили мы все втроем на удочки с червяком. (Далее идут подробности лова разных рыб. – И.О.).

С охотой у меня дело было хуже. Охотился только несколько дней, и то по мере надобности в мясном обеде. Загубил 12 чирков, пару б. кроншнепов, 4-х красноголовых нырков и несколько мелких куличков (таковы тогда были охоты под Тюменью ! – И.О.)… На Алтае и в Казахстане я избаловался крупным зверем и мне теперь птичья охота как-то не по душе.

…С наукой у меня плохо. Я тебе писал, что в прошлом году обследовал реку Пышму под выпуск бобров и там выпустил в общей сложности 58 голов. К сожалению, обе партии были из Белоруссии, а там ловят не семьями, а одиночками. В результате бобры широко разошлись и живут большей частью тоже одиночками. В этом году только поверхностно посмотрел их размещение.

Был в Воронежском заповеднике на съезде бобрятников и выхухолятников. Докладал на тему о перспективах расселения бобров в Зап. Сибири по южной границе тайги.

На съезд в Уральский филиал не поехал – нет времени, да и доклады там об охране природы в пользу бедных. Дело не в словопрениях, а в отсутствии закона и в государственных мероприятиях, которые известны каждому (Он имел здесь в виду массовое закрытие заповедников в 1951 году. – И.О.).

У меня на кафедре осечка с физиологом. Физиологичку, которая была, пришлось освободить за негодностью, а замену нам только пообещали. Боюсь, что у 5-го курса сорвется курс физиологии.

Очень трудно у нас с лягушками. Здесь сибирские, которые зимуют разрозненно в илу. Их не добудешь, да они и маленькие. Травяные тоже редки и маленькие.

Придется, наверно, брать из Москвы.

Посылаю тебе фото. Дочка становится совсем большой. Учится неплохо, но под большим нажимом; невнимательна, мало чем интересуется, кроме живых игр.

Фото птиц не совсем удачны. Дубонос снят далеко, а жулан против света… Ну, будь здоров, пиши.».

Фека напрасно сетовал на плохое качество своих снимков. Может быть, эти два действительно были «не совсем удачны», а вообще-то многие его снимки были превосходны. Об этом он сам пишет в следующем письме (от 8.IV.59).

«Несколько месяцев назад я послал три снимка в «Вокруг света» и их, к моему удивлению, приняли, просят еще. Замучили со снимками наши зоологи: И.И. Соколов, Строганова, Иоганзен для иллюстраций своих книг. Всем им я посылал немного. Теперь пристает газета.

Таким образом, я постараюсь отслужить еще пару-тройку лет, а затем, вероятно, перейду на почасовую работу и займусь фото и литературой. Хочется что-либо изобразить для детишек. Материал есть, и неплохой.».

Но это – далекие планы. А что теперь?

За мной числится в тематике «Природа Тюменской области». В частности – раздел о млекопитающих. Как я буду справляться с этим – не знаю. Думаю дать что-либо популярное для учителей.

Затем я направил в «Тр. Алт. гос. заповедника» статью по птицам (совм. С. Дулькейтом). Написал о бобрах Тюменской области (выйдет в «Уч. зап. Тюм. ин-та»). На эту же тему просят послать текст моего доклада о бобрах на совещание по бобрам в Воронежский заповедник. Там будут издаваться труды этого совещания республиканского масштаба.

Со студентами думаю заняться влиянием зайца-беляка на лесовозобновление естественное и лесных культур, экологией сибирской лягушки, выяснением роли белки по отношению к возобновлению сосны на старых пнях, количественным учетом воробьиных по своему методу. С этого года с помощью ботаников и бесхребетников хочу организовать сборы наземных моллюсков…

Сейчас парюсь над редакцией «Ученых записок» и сборника обл. музея. Никак не предполагал, что это такая сволочная вещь! Со всеми авторами переругался и перессорился.».

Таким образом, мы видим, что скучать без дела Федору Дмитриевичу не приходилось.

Остальная часть письма посвящена личным интересам и делам.

«Завидую тебе, что ты каждое воскресенье ходишь на лыжах. У нас до ближайшего леса 8 км. Пока я туда дойду – устану, да и назад особенно бывает тяжело. А вот за зайчишками в этом году я поездил и поколотил их изрядно. Ездили обычно компанией 5-8 человек. Поочередно устраивали загон и открывали стрельбу во всю. В этом году много зайцев было заражено паразитами.

Для зимней рыбалки я все наладил даже приобрел в Свердловске бокоплавов и «малинку» – мотылей. Они у меня маринуются в живом виде в холодильнике.…Зимний лов рыбы у нас замечательный на озерах, но далеко и дорога туда плохая. На своем «Москвиче» я туда не суюсь. Машина у меня стоит давно на стойках – дожидаюсь тепла с нетерпением. Хочу приобрести приемник на полупроводниках («Спутник» или «Фестиваль»).

Чтобы ловить рыбу на удочку и одновременно слушать музыку. Теперь с машиной и байдаркой меня просто заманивает вода. Своим «Москвичом» я очень доволен … и не думаю о чем-либо другом.».

Однако, как ни удачна комбинация машины и байдарки, сколь ни хороши здесь рыбалка и зайчиная охота, а сердце Феки оставалось верным первой любви – Алтайскому заповеднику. Вот что он написал в особом приложении к письму.

«Да, должен еще тебе похвастать. Очень просят меня вернуться в заповедник Алтайский. Предлагают хотя бы организовать туда мою поездку на лето для консультации. Я, конечно, доволен и может быть выберусь туда на время летом. Если когда-либо существовал земной рай, то наверняка там…Ехать туда совсем я не решаюсь из-за жены, которой уже 60, и дочери, которой надо учиться не у тайменей и маралов, а у учителей более надежных. А самого так и тянет на голубую гладь горных озер! И комаров ведь там нет, и рыбы много, и зверя, и

птицы, а аромат лесной – только ухнешь! Давно не смотрел с хребтов вниз, а это – особое удовольствие, которое не опишешь.

Дулькейт, дьявол, в июне туда едет насовсем, а ему, чёрту сухому, уже за 60 стукнуло. Эх, Ванча, до чего же там хорошо! Я когда-то мечтал там и сдохнуть. Место подыскал на мысе Чичелган, о который разбиваются волны с разгона – хорошо там. Летом брызги летят, как жемчуг, зимой все льдом покрывается: каждая веточка на дереве звенит на ветру, как волшебный колокольчик. А уж если солнечный луч упадет, то совсем сказочное царство получается.

Теперь туда попадать проще. Автобус ходит от Бийска до Турочака, а там, на попутной машине, до самого Телецкого озера. Раньше же верхотурой от Горноалтайска 270 км было еще лучше.

Ходит там на свободе до последнего времени кержак со всей своей семьей по тайге, где-то в верховьях Абакана.

Таймени и ленки на Абаканских перекатах спят, как бревна, у омутов. Кинешь блесну, а он, каналья, медленно за ней нехотя тянется. Пригубит и бросит. А если голодный – только тенью промелькнет и шнур со свистом воду зарежет. А как харюза за мошкой прыгают!

Так и не забыть мне никогда Алтая».

Так было 60 лет назад. Теперь остались только горы, озера и ветер, а о былом богатстве животного мира приходится только вспоминать.

Заканчивается письмо сообщением о том, что вся семья переболела гриппом: «Сам старею и глупею не по дням, а по часам. Память и раньше была плохая, а теперь хоть плачь – ни черта не помню.

Вот, пожалуй, все основные новости. Привет Ксении и детям. Твой Фека.».

В следующем письме от 14.XII.59 Фека всю первую половину письма посвятил восхвалению своей собаки, сеттера Роя и описанию его охотничьих подвигов. По его словам, Рой настолько талантлив, умен и послушен, что «… показал себя профессором… С каждого выхода с ним я привожу 5-7 тетеревов… Дома мы только и ожидаем от него «не заговорит ли он человеческим языком» – такой умница! Он знает очень много слов: «Иди к маме, папе, Вале; достань мяч, пирожок, газету, иди спать, иди сзади, иди рядом, тихо, сядь, лежать.».

Из этого дифирамба видно, что Фека уделял своему псу очень много внимания, чтобы сделать его таким же безотказно работающим, как и все механизмы, с которыми он имел дело.

Перед этим я ему писал, что у нас открылась вакансия на место зоолога-позвоночника. На это он пишет: «Если бы у вас в ин-те мне могли предоставить квартиру с удобствами, я бы подал на конкурс. Мне искренне хочется поработать с тобой.».

Однако, основная причина его желания сменить место работы была в том, что у него окончательно испортились отношения с бывшим зав. кафедрой Шароновым, который «будет продолжать свои каверзы.».

В заключение Фека сообщает: «Осенью 62 года предполагается съезд зоологов пединститутов. Там будет фотовыставка «Природа нашей Родины». Если у тебя есть фото – имей в виду и подбери получше.

… Недавно Гл. упр. по охотничьему хозяйству и заповедникам Казахской ССР попросило меня напечатать фото по природе (фауне и флоре) Казахстана. Я выслал им 120 шт., по 3 экземпляра. Сам печатал с негативов впервые. Есть очень хорошие. Теперь жду ответа.».

Как видим Федор Дмитриевич уже приобрел довольно широкую известность, как фотограф природы.

Вскоре вслед за этим обстоятельным письмом пришло письмо от 20.XII.59. В нем Фека, вспомнив, что он не ответил мне на мой вопрос о байдарке, подробно описывает ее качества.

«… По моему мнению это суденышко для двоих пригодно в любого вида водных походах.».

В конце письма кратко сообщает, насколько еще богата тогда была природа Западной Сибири.

«На нашей Западно-Сибирской территории еще столько неосвоенных мест… Приведу пример. Что на реке Аштис (приток Вагая) близ озера Уват (озеро примерно 20 х 30 кв.км) рыбалка напоминает мне алтайскую. За час-полтора можно натаскать окуней сколько влезет. Увы, на озерах во время пролета осенью тучи. А если иметь подсадную утку для весны и, главное, время, то и тут будет ограничивать только спортивная совесть.».

Правда, такие места далеко на севере, добираться до них трудно. Но и вблизи Тюмени можно еще, как говорится, «отвести душу», но свободного времени очень мало. Так он и пишет мне в конце зимы.

«Все время поглощает работа, времени ни на что больше катастрофически не остается. К тому же у нас в плане большая углубленная проверка Мин-ва. А так хочется освободиться, перейти на почасовую работу, заняться всерьез фото и литературой. Материал есть, и хороший.

Два раза были на озерах на зимней рыбалке. Хотя и далеко, и дорога плохая, но рыбалка была замечательная.».

Упомянутая предстоящая проверка работы кафедры состоялась и оказала большое влияние на работу и жизнь Федора Дмитриевича. Вот что он писал мне 23.IV.60.

«Дорогой Ванча!

Поздравляю тебя с весенними праздниками!

… У нас недавно была комиссия Мин. проса. Нашу кафедру проверял физиолог Якушев из Челябинска. Попало мне здорово, но, в основном, не за мои грехи. Из-за недостатка помещения я не смог развернуть современной физиологической лаборатории, развернуть научную и профильную работу среди студентов (у нас самих нет рабочих мест).

Относительно моей лекции (я читал систематику птиц, в частности дневных хищных) было сделано замечание, что не показал на примере адаптации мичуринское учение и не провел критики теории преадаптации – другими словами, не проявил «воинствующего духа» и т.д., при том дал интересный и достоверный материал в экологическом аспекте.

Вот и подумаешь, прав ли сей человек, требуя за уши притягивать философские обобщения для каждой части темы?

По-моему, вскрытие объективных природных закономерностей и формирующего влияния условий и дает материалистическое понимание явлений.

Подвел меня и А.Д. Шаронов. При проверке его научной работы оказался несостоятельным. За 20 лет после защиты диссертации по птицам он сумел опубликовать только 2 сообщения в 51 и 54 гг. Нет у него и рукописей, планирования работы на каждый год.

Вот за эти прорехи мне и влетело, пожалуй, впервые за все мои годы. Сказалась неопытность в педагогической руководящей работе. Правда, отмечено было это все только в акте ревизии и от Мин-ва не последовало никаких санкций, но настроение у меня неважное. Шаронов задумал уходить, не закончив учебный год, и поставил меня перед дилеммой: искать человека для проведения полевой практики по беспозвоночным, а с почасовым фондом плохо. Вот я и кручусь «как цветок» в проруби.

Стал нервничать и подумывать сам прежде всего сбросить хомут адм. обязанностей зав. кафедрой, а для этого потребуется тоже уход совсем с педработы или перевод в другой ин-т.

Встречаю весенние дни осенним настроением. Хотелось бы опять на заповедную работу, но там опять предлагают зав. научной частью, а это дело не подходящее. В этой шкуре я уже побыл и вновь не хочется.

Завидую тем, кто подобных переживаний не испытывает, либо относится к ним более спокойно. Как проведу лето в связи с этими делами пока еще не думал, но чувствую, что устал сильно и надо успокоиться.

Что ты наметил по науке в этом плане для себя? Я, откровенно говоря, при занятости летнего периода встал перед необходимостью «придумывать», а это плохо. Наука требует «души».

Извини, что загромоздил письмо переживаниями своими, но только уж у меня сейчас состояние, потребность поделиться. Привет Ксении. Твой Фека».

Таким образом, можно было предположить, что перенесенными неприятностями дело не ограничится и впереди Федора Дмитриевича ждали новые трудности. Так оно и оказалось. Вот, что он писал мне 20.XII.60.

«Дорогой Ванча! Что-то давно от тебя нет вестей. Где ты и как провел лето, осень? Как твои дела в ин-те?

В этом году у меня сумасшедше прошло время. Представь, что только 3 или 4 раза выезжал с семьей в лес. Не рыбачил. Правда, раза 4 был с собакой за тетеревами и перепелами.

В октябре проехал на байдарке по р. Пышме около 350 км, – учитывал выпущенных туда в 1957 году бобров. Результаты оказались очень хорошими. Хоть тут удалось что-то сделать существенное.

Занятий до чёрта. До сих пор еще не нашел на кафедру беспозвоночника взамен ушедшего еще в мае Шаронова. Упорное желание сбросить обузу зав. кафедрой. В нашей тесноте это – слишком беспокойное дело. Начинает беспокоить квартира, которая у нас без удобств, а В.А. становится уже нелегко лазить по нашей лестнице с ведрами и прочими прелестями.

Представь, все сильнее пробуждается желание куда-нибудь «трахнуть», а тут еще приятели соблазняют. Один мой хороший друг – Мишка Игошин, вернулся с Камчатки и так ее расхваливает, что я затосковал.

Здоровы ли вы все? Пиши. Сердечно поздравляю всю твою семью с Новым годом! Желаю здоровья и успехов в работе. Привет Ксене. Твой Фека.».

Как же удалось ему справиться со всеми трудностями?

Не получая от него долго писем, я написал ему, спрашивая, не обиделся ли он на меня? И вот его ответ (8.03.61).

«Письмо ты написал, и я его получил и, конечно, не обижался, а просто завертелся. Был в Новосибирске на зональном совещании педвузов Сибири и Дальнего Востока, затем погрузился в организацию вивария, подготовку к 30-летию ТГПИ, встречал нового сотрудника и проч., и проч., и проч.

…Беспозвоночницу добыл как будто хорошую – Лидию Ивановну Кородину из Кзыл-Орды, увлекается совками. На первый взгляд очень милая, симпатичная, а главное интеллигентная.

Беспозвоночник у нас был один – Шаронов А.Д. В мае он подал заявление и ушел из ин-та. Пытались его возвратить, но он отказался. Вот я и мучился весь сезон практики и 1-й семестр с приглашенными людьми.

Затащили меня в оргкомитет съезда зоологов пединститутов, организуемый Мин. Просв. в январе-феврале 1962 года. Что я там буду делать – не знаю сам.

Мой план на лето еще очень проблематичен. Во-первых, декан и ботаники настаивают в этом году повезти студентов 2 курса на практику на Кавказ. Я хочу и не хочу – сам не могу решить. Сомнение в том, что нам удастся показать студентам здесь больше. Второго зоолога у меня нет.

В сентябре я думаю съездить в глушь к бобрам Вайского района, где я был в 1956 году. Необходимо проверить мои данные. Мне хочется доказать:

1. Бобров нельзя завозить в северные районы.
2. Нельзя надеяться на быстрое увеличение поголовья, если основным пищевым компонентом служит береза.
3. Численность молодых в помете зависит от набора основных кормов.
4. Бобры перед осенью подсачивают осины, чем прекращают отток питательных веществ в корневую систему после окончания вегетационного периода.
5. Бобров нужно выпускать семьями, сложившимися в естественной обстановке.

Кроме того, я убежден, что пришла пора заняться комплексным изучением водоемов с целью введения их в хоз. эксплуатацию. К сожалению, эту крайне интересную и эффективную работу не могу организовать из-за отсутствия комплекса специалистов: гидробиолога, альголога, паразитолога.».

(Конечно, Федор Дмитриевич совершенно прав, говоря, что было бы интересно осуществить комплексное изучение водоемов. Надо, однако, обратить внимание на цель, какую он при этом имел в виду: «введение их в хоз. эксплуатацию». Это очень характерно для тех времен. Партийное руководство страны провозгласило лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Поэтому от науки требовалась прежде всего практическая направленность. Темы научных работ непременно должны были иметь «практическое значение». «Надо взять у природы», а каковы будут последствия этого «взятия» тогда не интересовались).

Кроме этих интересных сообщений Фека сообщил, что приобрел и для кафедры магнитофон для записи голосов птиц и спрашивал, каковы у меня возможности в этом деле.

Я ответил ему и, кроме того, поинтересовался, в чем причина ухода из института Шаронова? Фека ответил мне письмом от 3.V.61, в котором подробно изложил всю историю с Шароновым.

А.Д. Шаронов знал Федора Дмитриевича еще в Горьком, когда тот был студентом ГГУ. Когда Федор Дмитриевич приехал в Тюмень и поступил на работу в ТГПИ, Шаронов передал ему заведование кафедрой, сказав при этом, что он устал и хочет отдохнуть. Федор Дмитриевич учел это, определив Шаронову небольшую учебную нагрузку.

Первое время все шло хорошо. Но в 1958 году в ТГПИ сменился директор. Новый директор обратил внимание на то, что Шаронов систематически не выполняет числящиеся за ним планы научной работы и предъявил к Федору Дмитриевичу, как заведующему кафедрой, соответствующие претензии. Об этом Фека писал мне в 58 году: «Шаронов ничего не делает, а я отдувайся». Все же Федор Дмитриевич сначала защищал Шаронова, но, в конце концов, вынужден был сделать замечание Шаронову. Последний очень обиделся на это, восприняв замечание, как идущее не от дирекции, а непосредственно от Федора Дмитриевича, и отношения между ними натянулись.

В 1959 году в ТГПИ работала комиссия Мин. Прос-ния. И вот, неожиданно, на заседании комиссии, посвященном работе кафедры зоологии, Шаронов выступил с заявлением, в котором обвинил Федора Дмитриевича в симуляции, сказав, что тот прикинулся больным, поэтому ему – Шаронову – пришлось две недели работать за него, в то время как Федор Дмитриевич занимался рыбалкой.

Опровергнуть сразу документально это обвинение Федор Дмитриевич не смог, но возмущенные сотрудники кафедры выступил в его защиту. Но, позднее, уже на заседании МК (Месткома?) Федор Дмитриевич представил соответствующие документы. И тогда, на этом же заседании МК, декан обвинил Шаронова в клевете и в уклонении от выполнения плана научной работы.

И тогда, 15 мая 1960 года Шаронов подал заявление об уходе с работы. Этим он поставил кафедру в очень трудное положение, ввиду приближающейся полевой практики. Федор Дмитриевич попытался уговорить Шаронова остаться, говоря, что он готов уступить не только заведование кафедрой, но и вообще может уйти из института (тогда у него была возможность перейти на работу в Новосибирск). Однако, Шаронов стоял на своем. Пытался уговорить его и директор. Но Шаронов, якобы (Федор Дмитриевич при их разговоре не присутствовал), поставил условием своего возвращения увольнение не только Федора Дмитриевича, но и нескольких членов кафедры и декана, на что дирекор не пошел.

Но на этом дело не кончилось. Оставшиеся в институте друзья Шаронова, написали письма в «Правду» и другие органы, в результате чего последовали проверки. Федор Дмитриевич пишет: «В этом году я пережил уже 2 комиссии, обследовавшие состояние работы на кафедре и факультете… Последняя комиссия работала у нас 2 недели. Всех издергали, но особых недостатков и у нас, и на факультете, которые требовали принятия особых мер, не обнаружили.

…Как видишь, дело сложное, и я сам не могу понять, в чем тут корень. Как работник, в педагогическом процессе Шаронов А.Д. не вызывает сомнений. Он очень опытен, у него много знаний и большая эрудиция, вел много лет и педпрактику. До этого случая за все 24 года его работы в институте никаких подобных ситуаций не было. А.Д. универсален. Вел курсы по зоологи позвоночных и беспозвоночных, дарвинизма (до меня), лабораторные работы и полевая практика. Лекции у него очень хорошо спланированы и интересны.

Мне представляется, что ранее А.Д. был окружен в институте ореолом славы, привык к этому, но, когда требования к научной работе усилились, а у него продукции не оказалось, то с потерей авторитета он не смог примириться. Виновным же он посчитал меня.». (К этому можно добавить и оскорбленное самолюбие: как это ему, опытному педагогу, делает замечания его же бывший студент!).

… «Вот, Ванча, и все что я хочу тебе сообщить по этому поводу…. В общем, если бы не эта история, могло бы быть все хорошо. Но теперь дело зашло слишком далеко.

… Сам я чувствую себя паршиво. Если бы не последние события, связанные с заповедным делом (он имел в виду недавнее закрытие ряда заповедников – И.О.) – уехал бы, а теперь все это гораздо сложнее. Да и жалко жену и дочку, хотя квартирные условия у нас в Тюмени тяжелые – нет никаких коммунальных удобств, а Валюша моя, хоть и бодрится, но ведь ей уже перевалило за 60. Звали меня на Камчатку но опять там задумаешься и о своих возможностях.

Вот, таковы-то дела у меня, друже – не очень блестящие.

… Занятость моя большая. В этом году все занятия по зоологии позвоночных легли на меня. Затем будут госэкзамены, занятия на заочном, полевая практика с 3 группами (3 потока), то есть примерно так же, как и ты, буду занят до конца июля.

Привет семье, пиши, твой Ф. Шапошников.».

Получив такое письмо, я сразу же написал Феке, что если ему так плохо в Тюмени, то я был бы рад видеть его на своей кафедре, тем более, что открывается такая возможность – освобождается место преподавателя. Ответ на мое письмо пришел моментально (письмо от 11 .V. 61).

«Дорогой Ванча !

Ты заставил меня сразу задуматься. Если бы мы могли приехать сразу в благоустроенную квартиру, то ты вместо письма получил бы мое заявление. Откровенно говоря, мне очень бы хотелось поработать с тобой. В некотором смысле мы дополнили бы друг друга, хоть общая моя эрудиция и похуже твоей. Манит меня и освобождение от кафедры, ибо я много лет мечтаю избавиться от административных обязанностей еще с заповедных времен. Но, дорогой, мы так намучились с квартирой в Тюмени, что опять в неизвестное мне ехать не хочется, а тут я стою на очереди и есть надежда к осени перебраться в новую с удобствами. Мне до смерти жалко мою Валюшу, которой из-за неудобств квартирных становится тяжело. Больше у меня нет никаких препятствий.

Времени на раздумье тоже нет: я завтра выезжаю в Москву на совещание оргкомитета, коего членом меня затащили, а с 22 мая у меня начинается полевая практика.

… У меня дочурка учится музыке, а как у вас с музыкальной школой? Не мог ты, чёрт возьми, раньше мне намекнуть об этом деле!

Относительно же имеющейся кандидатуры вполне с тобой согласен и могу добавить по опыту, что если к бесхребетным у женщин есть несомненный плюс – аккуратность, то в отношении позвоночных дело обычно идет туго, особенно в экологии.

Так вот, Ванча, дело в хорошей крыше над головой. Нам уже надоела канитель с тасканием воды, помоев, дров, беготней «до ветру» и прочие прелести полукультурной обстановки. Пиши или телеграфируй твое мнение.

Привет Ксении и потомству. Твой Фека.».

К сожалению, я не мог ответить ничем положительным. Никаких квартир институт не предоставлял. Поэтому объявленный конкурс успеха не имел, о чем я и написал Феке. Он ответил в августе (25.VIII.61).

«Видимо, намечавшаяся начальством твоим кандидатура не прошла и ты опять ищешь зоолога? В объявлении ни слова о квартире, а без оной трудно что-либо подыскать дельное.

Мы нынче в отпуск далеко никуда не ездили. Крутились под Тюменью. Рыбачили, собирали ягоды, грибы. С 23-го начал ходить с собакой. Умница, но не сумел я ее пока натаскать, очень мало специально езжу с ней, да и сомневаюсь в чувствительности, по крайней мере, в сравнении с лайкой. Убил с ней в этом году всего 3-х тетеревов.

… Кафедральные дела мои не блестящи. А.Д. Шаронов через подставных лиц строит всяческие козни. В результате было несколько проверок кафедры и даже факультета. Все обошлось хорошо, но история продолжается.

… В связи с отсутствием квартиры моя новая сотрудница – Бородина, беспозвоночник – тоже удрала, и теперь мне придется брать аспиранта, паразитолога рыбника, что, впрочем, для наших условий хорошо.

… Наши студенты на уборке и занятия на первом курсе будут, видимо либо с конца сентября, либо с октября.

(Это было очень характерно для тех времен: использовать студентов для уборки урожая! – И.О.).

В моем семействе благополучно. Дочь усиленно учится плавать кролем и музицирует на фортепьяно, которое из-за невозможности затащить его в мою квартиру продолжает стоять у соседей.

Вот и все мои новости.».

Я написал ему, спрашивая каково его самочувствие, имея в виду прежде всего кафедральные дела. Но незадолго перед этим произошло очередное сокращение сети заповедников, и оказалось, что Федор Дмитриевич принял это очень близко к сердцу. Вот что он написал мне в начале сентября:

«Добрый день, Ванча!

Ты спрашиваешь о моем самочувствии. А я, откровенно говоря, думал о тех, кто работает сейчас в природе.

Один из этапов подобного мероприятия я уже пережил сам и не завидую судьбе тех, которым оно предстоит. Для некоторых это будет потеря интереса к жизни, некоторые сумеют перестроить себя. Хуже всего, на мой взгляд, то, что большие затруднения будут испытывать исполнители, а не их руководители, в т.ч. и Академия наук, которая стыдливо прикрывает рукой определенное место, когда приходится туго, и рьяно ратует «за», когда это ей выгодно. Я уж не говорю о работниках Главка, от которых в значительной мере зависела как структура, так и направление исследований. Поэтому-то эти горе-руководители сами себя стараются устранить и освободиться от последствий и личной ответственности…. Чего только стоит «захоронение» и последующее уничтожение рукописей то от «наводнения» на Неглинной, то от переездов на другие квартиры. Теперь и въявь нельзя доказать, что люди не были тунеядцами, а отдавали все, что могли, не считаясь со временем, здоровьем и устройством личного быта.

… Конечно, не этот фильм (об Алтайском заповеднике – И.О.) послужил основанием, а известный ряд «благожелателей» заповедного дела в целом, принципиально отрицающих народно-хозяйственное и научное значение этой системы.».

Как видим, Федор Дмитриевич полон горечи за состояние заповедного дела в СССР и особенно за судьбы лиц, непосредственно работающих в заповедниках.

Далее он пишет о делах текущих.

«Мне пришлось быть на первом зональном совещании институтов Западной Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске. Многие из биологов тоже сильно заинтересовались звукозаписями и киносъемкой живых объектов. Я лично не слышал записей и мог только заказать их через магазин. М.б. у тебя будет возможность скопировать на магнитофонную ленту пластинку или ленту Мальчевского?

Из некоторых новостей: не лишено интереса переход части институтов на собственное расписание лабораторных занятий.. Я попробую это сделать во II-м семестре…

… До сих пор не придумаю, что мне делать если к началу семестра не сумею найти беспозвоночника.

…Вот такова погода у нас на сегодняшний день. На душе конечно прескверно, думаю и у тебя тоже».

В следующем письме (16.IX.61) вся первая половина посвящена квартирным и кадровым вопросам.

«У меня создалось впечатление, что твое начальство трудное. Очень жаль, что нет нормального жилья. Я лично обошелся бы, но не хочу, чтобы В.А. (жена Валентина Александровна – И.О.) на старости лет вела студенческий образ жизни.

А с квартирами и у нас полное безобразие. Нашему вновь назначенному доценту, несмотря на личное обещание секретаря Обкома КПСС, председателя Горсовета, своевременно квартиру не предоставили, и она улетела в Тирасполь… Хоть мне и жалко было терять работника, но в душе я вполне согласен. Обман, да еще таких ответственных лиц – дело весьма неблаговидное.

Пришлось срочно искать, и я нашел в ин-те очаговых заболеваний, который у нас есть, одну деву, окончившую Герценовский пединститут и аспирантуру в филиале АН в Коми АССР. Она имеет страстное желание работать «педиком». По специальности паразитолог. Диссертация у нее (еще не защищенная) по паразитам рыб. Таким образом, я вышел из положения. Хочу поручить ей читать и лекционный курс по беспозвоночным.

…У меня назревает второй кризис – с физиологом. Он хочет переезжать к себе в Воронеж, где у него старики. Придется срочно искать замену.

…В этом году особенно сильно напирают на нас работать в школе. Не знаю, как и быть, я ведь совершенно не знаю это дело.».

Как видим, кроме упоминавшихся ранее трудностей с личным трудоустройством на Федора Дмитриевича навалилось еще много трудноразрешимых дел как на заведующего кафедрой. От всех этих неприятностей он находит утешение в природе – рыбалке, охоте и фотографии.

«… Теперь об охоте. Ванча, я почему-то часто вспоминаю наш керженский поход. Ты, Боря и я. Пытались мы снимать из шалашей тетеревов. Борька ходил вокруг куста можжевельника «со звуком». Ты натер ногу и долго болел.». (Последствия этого заболевания – лимфаденита – напоминают о себе всю жизнь. – И.О.).

Можно вспомнить, что еще совсем недавно Фека сетовал, что у его собаки как будто слабое чутье. Но стоило удачно поохотиться и все переменилось.

… «Ванча, милый, песик у меня – настоящий друг нашей семьи… Теперь же (я с ним взял уже более 30 шт. тетеревов) он просто бесподобен. Я поражаюсь его сообразительностью. … Он уже два раза приходил за мной показать убитых (вернее – подбитых) мною тетеревов, которые упали в непролазные заросли.

…В общем, когда я теперь хожу с дорогим ружьем (3 кольца Зауер) и бегающей впереди меня красавицей собакой, то невольно вспоминаю тургеневские времена.

А дома у нас вчера был «штурм крепости Измаил». Я и двое ребят затаскивали в нашу квартиру по немыслимой для этого лестнице пианино. Чертовски тяжелая штука, а ведь когда-то я спиной поднимал даже рояль.

Дочурка моя уже наигрывает этюдики, которые с удовольствием слушаю. Вспоминает свою прежнюю игру и Валя старшая. Иногда обе мои Вали «квакают» в 4 руки, а я, грешный, люблю музыку, хотя сам способен играть только «чижика».

С охотой нынче я почти забыл о рыбалке, мало собрал и грибов.

Из случаев на рыбалке один интересен. Я полюбил ловить щук на простую удочку с маленьким крючком, на который надеваю окунечка или чебачка. Щука его заглатывает. Я даю ей время проглотить его совсем, а затем подсекаю – начинается интересная борьба. Удилище гнется, вот-вот лопнет, леска как струна.

Недавно щука, прежде, чем я ее вытащил, съела у меня с крючка 3-х окунишек. Все они оказались у нее в желудке. Увлекательная вещь!

Этим летом я мало снимал – как-то не было интересных объектов.

Ну, дорогой мой, пока всего хорошего! Передай привет Ксении, детишкам включая и внуков. Я, ведь, тебя «дедом» еще не видел. Пиши. Твой Фека.».

Между тем, у меня продолжало оставаться незамещенным место зоолога-позвоночника. Но переговоры с дирекцией в отношении перехода к нам Федора Дмитриевича были безрезультатными – сносной квартиры не было. Об этом я и сообщил Феке. Но он не очень расстроился, наоборот – его положение в Тюмени настолько укрепилось, что он предложил мне подумать о моем переходе в Тюмень (письмо от 27.IX.61).

«… нас посетил 1-й секретарь обкома и поинтересовался нашей учебной и научной работой. Одобрил наше направление, в частности мою работу с бобрами, и наметил работы по изучению паразитофауны рыб, которые будет проводить новый ассистент паразитолог.

Обещал нам улучшить условия с помещениями, как учебными, так и квартирами. Я уж теперь задумался и о том, что ежели все эти обещания реализуются и, как он говорил, будет форсировано окончание нового учебного корпуса, то, м.б., тебе следует подумать о возможности приехать к нам? Такая возможность будет, вероятно, с будущего года. В этом случае ты бы стал зав. кафедрой.».

Так легко поверил Федор Дмитриевич обещаниям «значительного лица», совсем забыв, что еще недавно лишился ценного работника именно потому, что тот же 1-й секретарь не выполнил таких же обещаний.

Далее, как всегда, речь об охоте.

«Последние дни отпуска отводил охоте за тетеревами с Ройкой. В общей сложности за эту осень Ройка мне поставил под выстрел более 50 тетеревов, из которых я взял 38 шт. Кроме этого из под стойки я взял с ним 3-х коростелей и 4-х рябчиков.».

Из этих слов мы можем сделать заключение, во-первых, о высоких охотничьих качествах самого Феки и его собаки, а во-вторых, насколько богата дичью была Тюменская область 50 лет назад.

Заканчивается письмо так: «Вот, Ванча наши дела. Так жаль, что мы никак не встретимся. Было бы веселее жить. Пиши и передай привет от нас всех Ксене и детям. Твой Ф. Шапошников.».

Однако, радужное настроение у Федора Дмитриевича длилось недолго, реальная действительность скоро напомнила о себе. Вот что он писал 16.XI.61.

«Дорогой Ванча!

Как-то тебе удалось справиться с заполнением свободного места? А у меня опять открылась брешь, теперь уже по физиологии человека и животных. Хороший человек ушел из-за квартиры и болезни жены. Правда, ушел он на лучшее место во всех отношениях и уехал в теплые края. Теперь ищу вновь, уже физиолога. Один вроде бы наклевывается из сельхозинститута, но, будучи очень хорошим человеком, как будто бы слишком часто заглядывает в рюмку.

В этом году я и моя кафедра переизбираемся по конкурсу и предстоит плановая проверка работы Минпросом. Все это, конечно, доставляет дополнительные хлопоты.

В октябре я совершил по договору с Облохотинспекцией детальное обследование речных бобров в Вагайском районе, с остолблением поселений, количественным учетом и хозяйственными рекомендациями по эксплуатации этой популяции. Должен тебе сказать, что все мои заключения по этой популяции, которые были сделаны в 1957 году, блестяще подтвердились, и мои противники оказались в неловком положении. Настолько трудно было провести эту работу, что из 4-х моих спутников, среди которых было 2 промышленника, егерь и мой препаратор, ни одного не осталось здоровым до конца работы. Я один выдержал сию путину. В день можно было проходить из-за сплошных завалов берегов или заболоченности 4-5 км!

Чёрт бы сам там не лазил.

Как только я возвратился, пришлось сейчас же переезжать на другую квартиру. Тут мы сделали величайший промах. Соблазнились коммунальными удобствами и близким расположением к институту. Но, дураки, пошли в общую квартиру. Теперь чувствуем себя не дома, а в гостинице. Сократилась и наша площадь до 27 кв. м. Теперь занимаемся вопросом, как разместить в двух небольших комнатах наше большое барахло. Машина тоже осталась на бобах. Стоит пока в старом гараже, а в новом месте строить не разрешают. Выиграл из этой истории только Ройка. Вблизи есть садик, где он может побегать всласть.

Вот, пока, все наши новости, даже не знаю, хорошие или плохие.

Пиши. Большой привет Ксении и всей семье от мала до велика. Твой Фека.».

Как видим, неприятностей было много и даже получение новой квартиры с коммунальными удобствами оказалось вовсе не столь ожидаемым благом, поскольку эти самые «удобства» пришлось делить с другими жильцами.

В ответ я написал ему, что и сам нахожусь в таком же положении.

Кроме того, спросил у него, в какой мере он отклоняется в своих лекциях от официального учебника, слишком перегруженного анатомией. На это он ответил мне весьма подробно – письмо от 30.I.62.

«Мне думается, что избыток анатомических сведений дается из-за недостаточной освоенности курса в профессиональном направлении. М.б. этим страдаю и я. Но я хитрю. Я даю не столько сравнительно-анатомический обзор, сколько сравнительно морфолого-физиолого-экологический. Детали строения я отношу, по возможности, на самостоятельную и лабораторную проработку.

В лекциях я пытаюсь разрешить или поставить перед студентами такие вопросы.

Почему, например, органы зрения и слуха у земноводных обитателей не эволюционируют дальше? С чем связано появление двух потоков крови в сердце и дальнейшее его усложнение, приводящее к образованию перегородки? Почему именно выигрышным в процессе естественного отбора стал лёгочный тип дыхания, а не усвоение атмосферного кислорода иными добавочными органами дыхания?

Конечно, все это на конкретных примерах и в связи с формирующими условиями существования.

Иногда я, м.б. преждевременно, акцентирую не на гидростатической роли плавательного пузыря, а на его роли в регуляции содержания газов в крови в нерастворимом состоянии. Т.е., другими словами, его роли, как органа, предотвращающего образование газовых пузырей в кровяном русле при изменениях давления и температуры, особенно первого, от чего зависит растворимость газов в водной среде обитания.

В вопросе о размножении ставлю и пытаюсь разрешить вопрос, почему в ходе эволюции уменьшается плодовитость и как это связано с выживаемостью, за счет чего повышается выживаемость? Как с этой точки зрения оценивать внутреннее оплодотворение живородящих, «заботу» о потомстве и т.д.? Почему при уменьшении числа яйцеклеток число сперматозоидов остается астрономическим?

Я привел тебе ряд примеров, но, где возможно, стараюсь заставить студентов задуматься над связями в строении и функции, о зависимости формирования организма и его систем от условий окружающей среды и закрепления признаков естественным отбором. Конечно, даю все это на конкретных примерах в конкретной обстановке.

Я глубоко убежден, что примат в завоевании суши позвоночными должен быть отнесен к появлению зародышевых оболочек, дающих возможность размножения вне водной среды. Все остальное, грубо говоря – «дело наживное». Легочное дыхание и конечности наземного типа имелись уже и у предшественников «завоевателей суши», но это к окончательному результату не привело, т.к. все это были предпосылки. Экопреадаптация оказалась решающей.

М.б., назовешь меня дилетантом и будешь, вероятно, прав. Мне очень хотелось бы послушать тебя или даже посмотреть твой тематический рабочий план с разбивкой на часы.

Ну, прости за болтовню.

… А киносъемка тебя еще не захватила? Я бы не прочь попробовать, да времени в обрез.

Привет Ксении и сочувствие по общей кухне. Ежели наш ректорат и Горсовет не выполнят своего обещания об отдельной квартире, то после окончания года мы покинем Тюмень.

Ну, будь здоров, пиши. Твой Фека.».

В начале февраля 62 года в Москве состоялось совещание зоологов пединститутов, на котором мы оба присутствовали. К сожалению, встреча наша оказалась очень кратковременной, так как Федор Дмитриевич был занят в оргкомитете, а вечера после заседаний, проводил у отца.

В Москве он был очень бодр и энергичен и довольно оптимистически смотрел на будущее. Но не успел он вернуться в Тюмень, как на него снова обрушили различные невзгоды, о чем он и написал мне 20.II.62.

«Дорогой Ванча, я чувствую себя перед тобой виноватым, мало мы с тобой поговорили, а в следующие дни я тебя не видел.

Как только прибыл с совещания застал комиссию ЦК и Мин. проса, которая нагрянула проверять меня и работу кафедры по жалобе друзей А.Д. Шаронова.

А через три дня получил известие о смерти отца. Я его видел еще 4-го, а 7-го ночью он умер. При встрече был бодр и необычайно весел. Это было неожиданностью.

Все эти события повергли меня в очень тяжелое моральное состояние. 10 дней я не спал и почти не ел. Только помощь жены, её дружеская рука меня поддержала. Я было собрался все бросить и уйти, куда и сам не знаю.

Лекции и науку оценили хорошо, нашли кучу недостатков в работе на кафедре. Конфликт внешне разрешили мы еще до комиссии, а теперь только оформили и А.Д. снова у меня на кафедре. Ничего он не понял из этой истории и, думаю, что по-прежнему мне с ним трудно будет работать. Настроение у меня поганое, больше из-за характера гнусного – слишком беспокойного, тревожного. Организаторская работа у меня всегда проходила худо, а сие необходимо, вот и страдаю не столько за себя, сколько за других.

Купил вторую пластинку с голосами птиц: глухарем и тетеревами. Говорят, была еще с подвывкой и воем волков, но уже не застал.

Побывал у А.Н. (Формозова – И.О.) на новой его квартире. Молодец он, что теперь так устроился. Деловых разговоров почти не вел, так о всем понемножку.

Как у тебя идут твои кафедральные и научные дела?

… Нет ли у тебя на примете физиолога дипломированного, который бы пожелал у нас работать в Тюмени? Теперь у нас есть помещение для вивария и рабочий по виварию, а физиолога нет. Выезжаю пока на почасовике, а это плохо.

Ну, будь здоров, буду ждать от тебя письма. Привет от всех нас Ксении и всем чадам. Твой Фека.».

Видимо, все эти свалившиеся на него трудности и невзгоды работы и быта сильно повлияли на него, так что лишь через год я получил от него коротенькое письмо. В нем, упомянув о том, что на него свалилась очередная проверка работы – « в 8-й раз за 2 года (!) – теперь уже по проверке реализации решений XXII съезда», он написал, что заинтересовался «… очень интересной, но пока фантастической затеей по изучению природной очаговости зоонозных заболеваний. Тянет меня самому заняться этим вопросом и боюсь – надо осваивать много нового, надо уходить их института.

…Завидую твоей многосторонности – ты и дарвинист, и зоолог и беспозвоночных, и позвоночных, паразитолог.

Увлекся я мыслью о возможности полевых работ в филиале Омского н.-и. ин-та очаговых инфекций. Зовут меня туда в зоологическую группу. Надо решать, а духу, как говорится, у меня не хватает.

Ты бы прислал мне свои оттиски по амбарным клещам и по слепням. Твой Фека».

Оттиски я ему послал, хотя и не думал что они смогут ему пригодиться – слишком далеко было это все от его прежней деятельности. Однако, оказалось, он действительно настолько увлекся этим, что попытался даже уйти из пединститута. Об этом я узнал из его следующего письма (от 2.I.64).

«Если я психую, то обычно никому не пишу и никуда не езжу.

Хотел сбежать из Тюмени – не вышло. Хотел удрать из пединститута в медицинский исследовательский – прошел там по конкурсу, но местные власти категорически запретили.».

Таким образом, попытка резко изменить опостылевшие ему образ жизни и работы не удалась, что, видимо, он пережил с трудом. Однако, в конце концов его энергичная натура взяла верх, и он постарался максимально использовать имевшиеся в его распоряжении возможности.

«Что я делаю? Сижу в Тюмени. С успехом читаю лекции, подвергаюсь, как и другие бесчисленным ревизиям.

Начал готовить из своих снимков выставку на тему «Охота с фотоаппаратом». Размер 24х30, под стеклом. Получается настолько хорошо, что мне страшно хочется показать ее своим друзьям. В общей сложности у меня будет штук 60 отборных. Сейчас у меня готовы 25 снимков зверей (соболь, горностай, маралы, горные козлы и бараны, верблюды, буйволы, барс, пятнистая кошка, медведи, пищуха красная, ёж ушастый, лисица, сурок).».

Далее, он переходит к семейным делам.

Моя семья живет тоже нормально. Валя маленькая учится в 9-м классе с уклоном сетевязальщицы. Не придумаем, что дальше с ней делать. Пожалуй, посоветуем на медицинский (зубоврач. или стоматологический). Биолога из нее не выйдет – брезглива, боится насекомых до ужаса.

А вот с Зорькой (его брат Георгий. – И.О.) дела плохи. У него парализованы ноги, страшные боли уже год, живет только на наркотиках. Лежит в московском военном госпитале, у сына Юльки. Юлька женился на дочери Вишневского, перед этим защитил диссертацию и теперь живет в Москве.

Лёлька (сестра Феки Ольга – И.О.) через 4 месяца должна уйти на пенсию. По-прежнему сумбурна и оторвалась от нас. Живет сейчас у дочери Ирины под Ленинградом.».

Как видим, все семейные дела далеко не радостны. А на работе появились новые неприятности.

«К несчастью, в этом году меня избрали председателем местного комитета (Профком – И.О.), и я верчусь, как белка в колесе. Забросил науку и все свои дела запустил.

Нынче почти никуда не ездил. Охота прошла комом, рыбалка тоже.

… Все же я осенью прошлого (уже прошлого!) года проехался с учетом речных бобров по речке, где их выпускали по моей рекомендации. Состояние популяции и численность в очень хорошем состоянии, гораздо лучше, чем в более северных таежных районах.

Из интересного отметил, что, все же, бобры, как правило, перед валкой крупных осин «заподсачивают» их (диаметром крупнее 20 см – 80%)

В одном месте нашел выходы серых глин с многочисленными остатками мамонта, носорога, бизона и м.б. еще кого-то.

Проектирую, но едва ли осуществлю в этом году, изготовление сборных домиков (из фанерных щитов); 2 – на 24 места (общежит. и лаборат.) и 1 – на 2 места для преподавателей. Нужно всего 250 листов фанеры, а ее-то и трудно достать.

Эти домики будут перевозиться на 3-х грузовых машинах в виде щитов и собираться студентами в любом выбранном для практики месте за 1-2 дня. Срок службы будет зависеть от окраски щитов, примерно 4-5 лет. Щиты все взаимозаменяемые.

Если это дело удастся (директорат меня поддерживает), то вопрос полевой практики в значительной мере будет решен.».

Как видим, несмотря на все неприятности, дело есть дело и забывать о нем нельзя.

«Ванча, вероятно тебе будет небезынтересны некоторые вопросы, какие я пытаюсь объяснить. В отношении птиц – отсутствие у них мочевого пузыря и экскрецию мочевой к-ты, а не мочевины (как и у некот. рептилий) я объясняю особенностью водного обмена, а именно – повышенной потерей влаги у птиц при полете в связи с двойным дыханием, а у рептилий (змей) в связи с формированием их в сухом климате с ксероформной растительностью.

На съезде зоологов Сибири меня ругали заочно, что я оторвался от науки и не ушел из пединститута. Сам я на съезд не имел возможности поехать, да и доклад поленился написать.

По словам приятелей, особо интересного там не было. Доклады Фолитарека и Иоганзена были очень расплывчаты, гипотетичны.

…Вот, дорогой друже, все мои новости.

Получил письмо из Аксу-Джабаглы (заповедник). Там остался только один (!) научный сотрудник.

В Ленинграде заинтересовались моими снимками наскальных рисунков в Казахстане.

Пиши, отвечать буду.

Большой привет Ксении. Желаю здоровья и успехов в Новом году. Фека».

Однако, несмотря на обещание отвечать, следующее письмо от него я получил только через год.

2 января 1965 года он написал мне.

«Дорогой Ванча!

Большое спасибо за поздравление и открытку. Прими от нас, всей семьи, самые лучшие пожелания в новом году.

Ксене передай, что и у меня есть большое желание повидать ее. Ведь я представляю ее такой, какой видел давно – давно, на берегу озера среди соснового бора у тубсанатория.». (Это было в 1936 году. – И.О.).

«Моя В.А. стала чаще прихварывать, хотя и держится молодцом. Валя «маленькая» заканчивает в этом году школу и метит попасть в медицинский институт, но удастся это ей или нет – трудно сказать, ибо учится она средне. За это полугодие схватила две тройки по алгебре и геометрии.

Ройка под опекой В.А. располнел и выглядит больше домашним псом, а не охотничьей собакой. Имеет 5 малых золотых медалей и на этом успокоился.

В природе бываю очень редко, а в последние два месяца не вылезал. Транспорт законсервирован, а попутного нет. Продолжаю увлекаться по мере возможностей киносъемкой и мечтаю приобрести «Ладу». Школьники приходят в телячий восторг от моих птиц и зверюшек в фильме, и это заставляет думать, что время уходит на съемку не зря.

В этом году задумали втроем заняться изучением гельминтов водяной крысы и ондатры в зональном аспекте.

Я до сих пор не пойму – почему ты бросил паразитологию? Это и меня заставляет настороженно относиться к гельминтам. Черкни, что ты думаешь по этому поводу?» (На это я ему ответил, что, во-первых, обычно зоологи, заинтересовавшиеся паразитами, но не обладающие навыками паразитологических обследований обычно обращают внимание лишь на крупных, хорошо заметных паразитов, и чаще всего это будут круглые черви типа аскарид – как раз мало патогенные и не оказывающие поэтому существенного влияния на численность популяции своих хозяев. А во-вторых, что наиболее патогенными и массовыми и тем самым оказывающими большое влияние на численность популяции хозяев являются не гельминты, а простейшие – кровепаразиты и кокцидии. А их обнаружение и обработка требуют уже особой специальной подготовки. Поэтому намерение Феки заняться гельминтами, если не окунуться в это полностью, вряд ли принесет ожидаемые результаты. – И.О.)

«В отношении чтения курса зоологии я стал придерживаться несколько иного расположения материала. Даю вначале предпосылки появления новой жизненной формы рассматриваю реализацию этих предпосылок в новых условиях, становление новой жизненной формы (класса) и потом уже даю естественно слагающуюся характеристику современных представителей, видовое и экологическое разнообразие и т.д.

В анализе среды обитания, в частности водной, почему-то очень мало уделяется такому важному явлению, как гравитация. Если учесть, что эволюция большинства водных организмов происходит в условиях относительной независимости, то, ведь, становится ясно и влияние форсы и появление обособленного в теле водных животных органа, восполняющего проявление тяготения, в виде вестибулярной части внутреннего уха со статолитом, образование инертной системы в виде 3-х полукружных каналов и т.д. и т.п. Также интересно проследить проявления гравитации и связанные с этим адаптированные особенности у воздушно-наземных форм. Образование шейного отдела, трехлучевая схема строения поясов конечностей и т.д. Конечно, все это с учетом сопряженного действия и других элементов.

К нашему общему счастью приходят наконец к б.м. правильному решению относительно биологии в целом. Плохо то, что перелом сделали не биологи, а физики и математики, что, впрочем, легко объяснить их большим авторитетом. Боюсь только, чтобы опять палку не перегнули и не свели биологию к одной теории наследственности и изменчивости.

Пиши, чем занимаешься. Твое долгое молчание навело уже на мысль: не готовишь ли ты себя в доктора? Я давно оставил эту мысль. Поздно, как говорится, после драки кулаками махать.».

Ну, будь здоров. Передай большой привет Ксене. Твой Ф.Ш.

P.S. У нас в связи с газонефтеносностью горячка в освоении таежных и тундровых территорий. Это начинает сказываться и на живности, особенно той, которая связана с водой.

В этом году очень мало зимующих мелких воробьиных, очень мало было уток. В большинстве районов очень мало зайца, белки. Охотсоюз собирается выпустить у нас на юге области зайца-русака.

Население Тюмени и области растет быстро. Открыли индустриальный институт с расчетом на 10 тысяч студентов. работают медицинский, сельскохозяйственный, наш – педагогический, институт очаговых инфекций, Сибирское отделение ВНИОРХа. Прибавляется людей науки и от науки.

Пиши о себе и семье, как живешь и работаешь.».

С этого времени переписка наша становится более редкой. Причиной этому, вероятно послужило то, что прекратились постоянные невзгоды и напасти, то и дело сваливавшиеся на его голову и не возникало уже у него желания поделиться с кем-то этими бедами, излить душу, получить дружеский совет. Служебное положение его упрочилось. А писать что называется «просто так» Фека не любил.

В 1966 году я задумал переиздать свой «Краткий определитель позвоночных», в связи с чем обратился к Феке с просьбой высказать свои замечания. В ответном письме от 21.IV.66 Фека привел большой список позво-

ночных животных, которых, по его мнению, надо включить в «Определитель», с тем, чтобы он стал пригоден для пользования и в Западной Сибири.

Я также спрашивал его, не собирается ли он летом съездить куда-нибудь в «глушь» на Север, и если – да, то не смог ли бы принять участие в такой поездке мой Лёша? Фека на это ответил (а том же письме от 21.IV.66).

«Дорогой Ванча, моя поездка в «глушь» зависит от возможностей и организаций в связи с рядом учреждений. Мне надо побывать в тундре, но это будет не ранее августа-сентября. Там я буду собирать гельминтов ондатры и водяной крысы. Как это осуществится еще сам не знаю. Очень рад бы взять и Лёшу, но как и что будет точно не смогу сейчас ответить. Выяснится – напишу.

Полевую практику буду нынче проводить на одной из речек, в палатках (8 - местных). Боюсь – зажрут комары.

… Большой привет Ксении и потомству. Твой Фека».

Весной 1968 года к нам в институт поступил запрос из Тюменского пединститута: в связи с представлением Федора Дмитриевича Шапошникова к званию профессора дать отзыв о нем и его научной деятельности.

Отзыв я послал и одновременно написал Феке, спрашивая его, что это значит и почему он ничего не сообщил мне об этом? Он ответил мне 7.IX.68.

«Дорогой Ванча!

Всю эту кутерьму с профессорством затеяли наш деканат и ректорат. Мне это не нужно. Очень неприятно, что, вероятно, многим своим друзьям и знакомым я доставил лишние хлопоты.

Это лето прошло у меня неудачно. Во время полевых практик была отвратительная погода. Холодно, дожди, грязь невылазная. Мои попытки взять на кино кое-что из жизни животных на пленку 16 мм аппаратом «Киев» окончились неудачно.

Я сконструировал приспособление к «Киеву», позволяющее снимать любым объективом: «Телемаром – 200», «Таиром» и «МТО-500». Это очень расширило возможности съемки, тем более, что наводка получалась непосредственно через объектив. Но дело в том, что кассеты к «Киеву» (эта модель была сдута с амер. аппарата для съемки через пропеллер бомбардировщика) не рассчитаны на нашу пленку. Эта пленка легко ломается в петлях изгибов кассеты. Поэтому при съемке вдруг неожиданно она ломается. А ведь подготовка к съемкам интересных объектов и само выполнение очень сложны.

Вторая неудача была у меня с записью «речи» животных. Я приобрел себе по рекомендации друзей (к сожалению оказавшихся некомпетентными) магнитофон «Комету 206». Эта штука оказалась дрянью и имеет массу неполадок. После моей рекламации Новосибирский завод перевел мне ее стоимость и рекомендовал «Романтик», который я и приобрел, но время уже ушло.

Перед сезоном охоты задумал подремонтировать своего «Москвича». Он служил мне верой и правдой 11 лет. Я даже ни разу не залезал в мотор. Эта затея вылилась в то, что половину августа и вот до сих пор я еще не окончил ремонт

Понятно, что и охотничий сезон сорвался. Собирался я летом с дочерью на Байкал. Но погода там стояла отвратительная, и я не поехал.

Затем собрался на Алтай, но приехавшие с Телецкого озера приятели меня отговорили. Ибо все там так изгажено, что будет одно расстройство.

Вот я и махнул рукой на свои увлечения и отправил жену и дочь в Одессу к каким-то дальним родственникам жены. Там они и пробыли почти месяц…

Я же был дома с Ройкой. В институте принимал экзамены вступительные по общей биологии. А затем больше двух недель был «под машиной».

Первый раз пришлось пожаловаться на сердце. Вдруг почувствовал резкую боль, да так здорово, что струхнул порядком, т.к. был один со своим песиком. Медики, к счастью, ничего особенного не обнаружили.

Для души все же несколько раз был на рыбалке. Увлекся ловлей окуней и плотвы (чебака) на зимние мормышки с червями. В начале августа кормил своим уловом половину дома – приносил по 15-20 кг окуней и чебаков.

С наукой у меня туго. В прошлом году осенью ондатра во многих районах (нужных мне) почти нацело вымерла от заболевания близкого к Омской лихорадке. По правде сказать, я что-то охладел к этому делу. Насчет аспирантуры, вероятно, тут что-то не так. Я подготовил несколько студентов в аспирантуру, некоторые из них уже закончили, а одного я намечаю себе в заместители. Он должен приехать в этом году, уже защитившись, а в 70-м я, наверное, уйду на пенсию, если с дочкой будет все хорошо и не потребуется больше получать монет.

Вот какие у меня делишки. Не очень-то блестящие.

Ты и Ксения здорово обросли семьей. Это хорошо. Ксите передай мой большой сердечный привет. Я, ведь, на Алтае тоже занимался пчёлами. Интересное дело.

Относительно юбилея 70-летнего Александра Николаевича (Формозова. – И.О.) ты правильно пишешь. Надо что-то сообразить, но что? М.б., у тебя уже есть какие проекты? Ну, будьте все здоровы. Твой Фека».

Как видим, действительно, прошедшее лето, это – сплошные неудачи во всех делах. Но особенно тревожен «сердечный сигнал». И хотя медики и не нашли в нем ничего особенного, но, видимо, к нему следовало серьезно прислушаться и сделать соответствующие выводы при планировании работы и жизни.

Весной 1969 года я написал Феке письмо с просьбой, не сможет ли он собрать мне тамошних саранчовых? Он ответил, что постарается это сделать, хотя сборы вряд ли будут успешными, так как полевая практика кончается в июне. К тому же этот год вообще очень неблагоприятен. Вот что он написал мне 29.V.69:

«Я постараюсь организовать сборы саранчовых. Этот год пока крайне неблагоприятен. Весна запоздала у нас в Тюменской области минимум на 30 дней. До сих пор еще не распустился лист на березах осинах и др. деревьях и кустарниках. Лес стоит мертвый. Из цветов только прострел, медуница и калужница…. В лесу под куча-

ми хвороста (зимней рубки) еще снег. Во время моего выезда на полевую практику 20 – 28.V ночью были неоднократно заморозки. Т-ра днем 9-10, а к ночи 8.

…На практике мы живем в палатках и было так холодно и сыро, что я опять зарадикулитил и еле-еле приехал обратно на машине. Садился в нее около часа. Попробую полечиться ваннами. На практике я буду еще сам с 10.VI по 28.VI…».

В своем письме я сообщал также, что моя Ксения перебралась на постоянное жительство в деревню – в Каменку где прошло ее детство. В ответ Фека пишет: «Что это Ксения задумала про Каменку? Потянуло в родные места? Там, вероятно, еще хорошо сохранилась природа. Но к старости, а она у нас наступает, жить в селе не так просто. Прежде всего, бывает необходимость в медицинском обслуживании, которое там едва ли на высоте.

… Мы живем хорошо, если не считать, что у меня радикулит, а у жены болят суставы ступней.

Дочурка увлекается медициной и учится отлично. Мы довольны, хотя, конечно, много есть современных замашек. К счастью, не красится и особо не модничает, но старается быть «страшно независимой» и не терпит критики.

Я уже подумываю: не уйти ли мне на пенсию? С одной стороны будет туговато, но не хочется быть свободным тогда, когда эта свобода будет уже невозможна – будешь только «жуков ловить сачком». А дочка есть дочка – выйдет замуж и уедет, да если и не выйдет к окончанию, то все равно уедет по распределению.

Заниматься полевыми исследованиями серьезно я уже едва ли смогу из-за этого проклятого радикулита, хотя по-прежнему хожу без устали в перерывах между приступами.

Ну, вот, пока все. Большой привет Ксении. Твой Фека.».

Как видим, здоровье его сильно пошатнулось.

В 1969 году ему (как и мне) исполнилось 60 лет. В Тюменском пединституте решили официально отметить эту дату. Было принято решение провести 22 декабря расширенное заседание Ученого совета института целиком посвященное чествованию Федора Дмитриевича «в связи с его 60-летием со дня рождения и 40-летием научной, педагогической и общественной деятельности». Были разосланы соответствующие извещения. Получив таковое, я посла официальное поздравление в адрес института и письмо Феке. Он ответил мне 2.I.70.

«Дорогой мой Ванча !

Спасибо, друг, за теплое поздравление. Наш уже возраст такой, что тянет к своим дорогим друзьям. А ведь я оказался свиньей, да еще какой! Почему-то был уверен, что ты меня младше. Извини, мой друг, но я не послал тебе поздравления.

Не послал и А.А. Насимовичу, а у него все это было на месяц раньше, я и не знал.

Живу в какой-то внутренней тревоге. Все делаю как-то механически. Казалось бы, объективных причин нет.

Мне устроили этот «бум» против желания, мотивируя «воспитательным значением для студентов». А студентам я отказать не мог. Меня они сильно любят и фактически дважды это дело отметили: в настоящий день рождения на зоологическом кружке, где я им делал доклад, и на официальном Совете ин-та. Они, черти, выпустили такую «шаржевую» газету, что я хохотал до упаду. А бывшие мои ученики – теперь «сами с усами»- собрались у меня дома. Все это, конечно, было очень приятно.

А.А. Насимович и А.Н. Формозов и многие другие подписались под очень теплым приветствием.

Но все эти события в целом очень неприятно подействовали – возникло чувство старости.

… Со здоровьем как будто бы стало лучше. Лечился от радикулита спиртом «Лори». А от больничного лечения получил один парализованный палец на ноге. Видимо, ткнули иглой шприца не в то место, куда нужно.

Валька моя сильно невестится, а это самое тревожное для родных время. Но пока учится хорошо и далеко не дура. Если она все же станет хирургом, то, наверное, очень хорошим, у нее «золотые руки».

Приехал бы ты к нам? Правда, прелестей природы бывшей не обещаю. Катастрофически все беднеет. Но все же кое-что может быть интересным.

… Поздравь от меня (и поцелуй) в счет уже наступившего Нового года Ксению.

Ну, будь здоров. Твой Фека.».

Из этого письма ясно видно, что, несмотря на утверждение Феки, что «со здоровьем стало лучше», на самом деле это далеко не так. И даже приятные переживания, связанные с празднованием 60-летия, в конце концов отозвались упадком душевных сил: «…все делаю механически… возникло чувство старости».

Все же он продолжал работать еще два года и лишь с 1 сентября 1972 года ушел на пенсию.

Узнав об этом, я написал ему, спрашивая, как он чувствует себя в новом положении, не скучно ли без работы?

В ответ он написал мне (письмо к сожалению не сохранилось), что, наоборот, он полностью воспрянул духом, так как теперь может свободно, без всяких оглядок, планировать свое время и заниматься только тем, чем хочется: рыбалкой, киносъемкой животных и вообще общаться с природой сколько душе угодно.

Так он и пытался жить дальше. Но увы! – теперь место казенных обязанностей заняли собственные болезни. Они одолевали все больше. Весной 1973 года обнаружился еще рак кишечника. Пришлось лечь в больницу. Там его прооперировали, но выйти из больницы ему было не суждено. Вот как описала это его вдова, Валентина Александровна (16.XII.78).

«…У Ф.Д. был рак прямой кишки, но умер он не от рака, а от сердечной слабости в результате 3-х операций в течение месяца.

Дома не болел. Как почувствовал неладное пошел в спецполиклинику, но получил направление в онкологическую больницу, а через два месяца его не стало – 2-го мая.

Во время пребывания в больнице Ф.Д. был бодр и даже весел, брился ежедневно до последнего дня, читал.

За два дня до кончины ходили с ним в лес, который напротив больницы через тракт, слушали птиц, и накануне, т.е. 1 мая, опять пошли, но в воротах больницы он почувствовал боль в животе и сказал: «Придется вернуться».

… Дни праздничные, кое-кто поразъехался. Похоронили не очень хорошо – далеко и где нельзя ставить ограды. Месяца через три, когда я это поняла, схлопотала другое место, перехоронили, поставили ограду, а несколько позднее и памятник мраморный.

…Все 5 лет почти ежедневно ездила на кладбище. Оно в сосновном лесу. Бурундуки, белки и птицы привыкли ко мне, приходили на камни, птицы на руки, плечи, голову – я их кормила.

… Глубоко уважала я Федора Дмитриевича, гордилась им и крепко любила. Тридцать лет мы прожили душа в душу».

Валентина Александровна уехала из Тюмени (вопреки своему желанию) в 1979 году, в Ленинград. Оттуда она почти ежегодно ездила в Тюмень на 2-3 недели – посещала кладбище и приводила в порядок могилу Федора Дмитриевича. Когда уже не смогла ездить, договорилась с кем-то из знакомых о том, чтобы следили за могилой.

Умерла в 1995 году.

Раздел 4. Вклад И.М. Олигера в изучение беспозвоночных животных

СПИСОК ВИДОВ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ, УКАЗАННЫХ И.М. ОЛИГЕРОМ ВПЕРВЫЕ ДЛЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Л.В. Егоров
Государственный природный заповедник «Присурский»,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

Анализ всей научной литературы, опубликованной по фауне беспозвоночных Чувашии, позволил составить список таксонов, впервые указанных для республики И.М. Олигером.

Названия видов внутри семейств, надсемейств, подотрядов или классов приводятся в алфавитном порядке. Для их уточнения и современной интерпретации использовалась база данных «Fauna Europaea». Номенклатура таксонов Coleoptera выверена по современным источникам (Catalogue …, 2003, 2006, 2007).

Тип Arthropoda

Класс Acariformes (Олигер, 1956) (10 видов)

Это было первое сообщение по фауне клещей Чувашии.

Acotyledon redikorzevi (A. Zachvatkin, 1937)
Neoacotyledon sokolovi (A. Zachvatkin, 1940)
Caloglyphus rodionovi (A. Zachvatkin, 1935)
Cheyletus eruditus (Schrank, 1781)
Cheyletus trux (Rohdendorf, 1940)
Chortoglyphus arcuatus (Troupeau, 1879)
Glycyphagus destructor (Schrank, 1781)
Lepidoglyphus fustifer (Oudemans, 1903)
Tyroglyphus farinae (Linnaeus, 1758)
Tyrophagus noxius (A. Zachvatkin, 1935)

Класс Insecta-Ectognatha

Отряд Odonata (Олигер, 1967а) (40 видов)

Это было первое сообщение по фауне стрекоз Чувашии.

Подотряд Равнокрылые (Zygoptera)

Calopteryx splendens (Harris, 1782)
Calopteryx virgo (Linnaeus, 1758)
Coenagrion armatum (Charpentier, 1840)
Coenagrion hastulatum (Charpentier, 1825)
Coenagrion lunulatum (Charpentier, 1840)
Coenagrion puella (Linnaeus, 1758)
Coenagrion pulchellum (Vander Linden, 1825)
Enallagma cyathigerum (Charpentier, 1840)
Erythromma najas (Hansemann, 1823)
Ischnura pumilio (Charpentier, 1825)
Lestes barbarus (Fabricius, 1798)
Lestes dryas Kirby, 1890
Lestes sponsa (Hansemann, 1823)
Lestes virens (Charpentier, 1825)
Platycnemis pennipes (Pallas, 1771)

Подотряд Разнокрылые (Anisoptera)

Aeshna affinis Vander Linden, 1820
Aeshna cyanea (Mueller, 1764)
Aeshna grandis (Linnaeus, 1758)
Aeshna juncea (Linnaeus, 1758)
Aeshna serrata Hagen, 1856
Aeshna viridis Eversmann, 1836
Cordulia aenea (Linnaeus, 1758)
Gomphus flavipes (Charpentier, 1825)
Gomphus vulgatissimus (Linnaeus, 1758)
Epitheca bimaculata (Charpentier, 1825)
Leucorrhinia caudalis (Charpentier, 1840)
Leucorrhinia dubia (Vander Linden, 1825)
Leucorrhinia pectoralis (Charpentier, 1825)
Leucorrhinia rubicunda (Linnaeus, 1758)
Libellula depressa Linnaeus, 1758
Libellula quadrimaculata Linnaeus, 1758
Ophiogomphus cecilia Fourcroy, 1785 (=*Ophiogomphus serpentinus* Charpentier, 1825)
Somatochlora arctica (Zetterstedt, 1840)
Somatochlora flavomaculata (Vander Linden, 1825)
Somatochlora metallica (Vander Linden, 1825)
Sympetrum danae (Sulzer, 1776)
Sympetrum flaveolum (Linnaeus, 1758)
Sympetrum pedemontanum (Allioni, 1766)
Sympetrum sanguineum (Mueller, 1764)
Sympetrum vulgatum (Linnaeus, 1758)

Отряд Orthoptera (Олигер, 1965, 1970) (41 вид)

Это были первые сообщения по фауне прямокрылых насекомых Чувашии.

Надсемейство Tettigoniodea (12 видов)

Decticus verrucivorus (Linnaeus, 1758)
Gampsocleis glabra (Herbst, 1786)
Conocephalus dorsalis (Latreille, 1804)
Metrioptera bicolor (Philippi, 1830)
Metrioptera brachyptera (Linnaeus, 1761)
Metrioptera roeselii (Hagenbach, 1822)
Onconotus laxmanni (Pallas, 1771)
Onconotus servillei Fischer von Waldheim, 1846
Pholidoptera griseoaptera (DeGeer, 1773) (=*Pholidoptera cinerea* (Gmelin, 1789)

Poecilimon intermedius (Fieber, 1853)
Tettigonia cantans (Fuessli, 1775)
Tettigonia caudata (Charpentier, 1845)

Надсемейство Grylloidea (2 вида)
Gryllotalpa gryllotalpa (Linnaeus, 1758)
Acheta domesticus (Linnaeus, 1758)

Надсемейство Acridoidea (27 видов)
Bryodemella tuberculata (Fabricius, 1775).
Chorthippus apricarius (Linnaeus, 1758)
Chorthippus biguttulus (Linnaeus, 1758)
Chorthippus brunneus (Thunberg, 1815).
Chorthippus mollis (Charpentier, 1825)
Chorthippus pullus (Philippi, 1830)
Chorthippus parallelus (Zetterstedt, 1821)
Chorthippus dorsatus (Zetterstedt, 1821)
Chorthippus albomarginatus (DeGeer, 1773)
Chrysochraon dispar (Germar, 1834)
Dociostaurus brevicollis (Eversmann, 1848)
Euthystira brachyptera (Ocskay, 1826)
Gomphocerippus rufus (Linnaeus, 1758)
Locusta migratoria (Linnaeus, 1758)
Stethophyma grossum (Linnaeus, 1758) (=*Mecostethus grossus* L.)
Myrmeleotettix maculatus (Thunberg, 1815)
Oedipoda caerulescens (Linnaeus, 1758)
Omocestus viridulus (Linnaeus, 1758)
Omocestus haemorrhoidalis (Charpentier, 1825)
Podisma pedestris (Linnaeus, 1758)
Psophus stridulus (Linnaeus, 1758)
Sphingonotus caerulans coerulans (Linnaeus, 1767)
Stauroderus scalaris (Fischer von Waldheim, 1846)
Stenobothrus lineatus (Panzer, 1796)
Tetrix tenuicornis (Sahlberg, 1893) (=*nutans* Hagenbach, 1822)
Tetrix bipunctata (Linnaeus, 1758)
Tetrix subulata (Linnaeus, 1758)

Отряд Coleoptera
(Козлов, Олигер, 1960) (155 видов)

До публикации статьи авторов список видов жесткокрылых можно было составить лишь на основе работ А.Г. Лебедева (1906, 1913, 1925).

Семейство Carabidae (22 вида)
Acupalpus parvulus (Sturm, 1825)
Agonum gracilipes (Duftschmid, 1812)
Amara consularis (Duftschmid, 1812)
Amara ovata (Fabricius, 1792)
Amara similata (Gyllenhal, 1810)
Anisodactylus binotatus (Fabricius, 1787)
Calosoma auropunctatum (Herbst, 1784)
Calosoma investigator (Illiger, 1798)
Calosoma sycophanta (Linnaeus, 1758)
Carabus clathratus Linnaeus, 1761
Carabus hortensis Linnaeus, 1758
Carabus stscheglowi Mannerheim, 1827
Cicindela sylvatica Linnaeus, 1758
Cychrus caraboides (Linnaeus, 1758)
Dolichus halensis (Schaller, 1783)
Elaphrus cupreus Duftschmid, 1812
Harpalus flavescens (Piller & Mitterpacher, 1783)
Harpalus smaragdinus (Duftschmid, 1812)
Leistus ferrugineus (Linnaeus, 1758)
Ophonus diffinis (Dejean, 1829)
Ophonus laticollis Mannerheim, 1825 [=*punctatulus* (Duftschmid, 1812)]
Pterostichus anthracinus (Illiger, 1798)

Семейство Scarabaeidae (8 видов)
Anomala dubia (Scopoli, 1763)
Aphodius ater (DeGeer, 1774)
Aphodius haemorrhoidalis (Linnaeus, 1758)
Aphodius ivanovi Lebedev, 1912
Hoplia zaitzevi Jakobson, 1914
Onthophagus taurus (Schreber, 1759)
Onthophagus ovatus (Linnaeus, 1767)
Protaetia fieberi (Kraatz, 1880)

Семейство Elateridae (20 видов)
Actenicerus sjaelandicus (O.F. Mueller, 1764)
Agriotes lineatus (Linnaeus, 1767)
Ampedus balteatus (Linnaeus, 1758)
Ampedus elongatulus (Fabricius, 1787)
Ampedus pomonae (Stephens, 1830)
Ampedus praeustus (Fabricius, 1792)
Ampedus sanguineus (Linnaeus, 1758)
Ampedus sanguinolentus (Schrank, 1776)
Anostirus castaneus (Linnaeus, 1758)
Cidnopus aeruginosus (A.G. Olivier, 1790)
Ctenicera cuprea (Fabricius, 1775)
Ctenicera pectinicornis (Linnaeus, 1758)
Danosoma conspersa (Gyllenhal, 1808)
Danosoma fasciata (Linnaeus, 1758)
Hemicrepidius hirtus (Herbst, 1784)
Lacon lepidopterus (Panzer, 1800)
Oedostethus quadripustulatus (Fabricius, 1792)
Paraphotistus nigricornis (Panzer, 1799)
Selatosomus cruciatus (Linnaeus, 1758)
Synaptus filiformis (Fabricius, 1781)

Семейство Buprestidae (10 видов)
Buprestis haemorrhoidalis Herbst, 1780
Buprestis novemmaculata Linnaeus, 1767
Buprestis octoguttata Linnaeus, 1758
Buprestis rustica Linnaeus, 1758
Chalcophora mariana (Linnaeus, 1758)
Dicerca aenea (Linnaeus, 1761)
Dicerca furcata (Thunberg, 1787)
Dicerca moesta (Fabricius, 1792)
Melanophila acuminata (DeGeer, 1774)
Poecilonota variolosa (Paykull, 1799)

Семейство Cantharidae (1 вид)
Cantharis lateralis Linnaeus, 1758

Семейство Coccinellidae (4 вида)
Anatis ocellata (Linnaeus, 1758)
Chilocorus renipustulatus (L.G. Scriba, 1791)
Hippodamia (Adonia) variegata (Goeze, 1777)
Hyperaspis reppensis (Herbst, 1783)

Семейство Cerambycidae (31 вид)
Acanthocinus aedilis (Linnaeus, 1758)
Acanthocinus griseus (Fabricius, 1792)
Aegomorphus clavipes (Schrank, 1781)
Anastrangalia sanguinolenta (Linnaeus, 1761)
Arhopalus ferus (Mulsant, 1839)
Arhopalus rusticus (Linnaeus, 1758)
Asemum striatum (Linnaeus, 1758)
Clytus arietis (Linnaeus, 1758)
Cortodera femorata (Fabricius, 1787)
Deilus fugax (Olivier, 1790)
Lamia textor (Linnaeus, 1758)
Lepturobosca virens (Linnaeus, 1758)
Leptura (Leptura) quadrifasciata Linnaeus, 1758
Molorchus (Molorchus) minor (Linnaeus, 1758)

Monochamus galloprovincialis (Olivier, 1795) [ssp. *pistor* (Germar, 1818)]
Monochamus urussovi (Fischer-Waldheim, 1806)
Nothorhina punctata (Fabricius, 1798)
Oberea (Oberea) oculata (Linnaeus, 1758)
Obrium cantharinum (Linnaeus, 1767)
Pogonocherus (Pityphilus) fasciculatus (De Geer, 1775)
Rhamnusium gracilicorne Thery, 1894
Rhagium (Rhagium) inquisitor (Linnaeus, 1758)
Rhagium (Megarhagium) mordax (De Geer, 1775)
Ropalopus clavipes (Fabricius, 1775)
Saperda (Anaerea) carcharias (Linnaeus, 1758)
Saperda (Saperda) perforata (Pallas, 1773)
Saperda (Saperda) scalaris (Linnaeus, 1758)
Spondylis buprestoides (Linnaeus, 1758)
Strangalia attenuata (Linnaeus, 1758)
Tetropium castaneum (Linnaeus, 1758)
Tetropium fuscum (Fabricius, 1787)

Семейство Chrysomelidae (28 видов)
Altica tamaricis Schrank, 1785
Cassida lineola Creutzer, 1799
Cassida margaritacea Schaller, 1783
Cassida murraea Linnaeus, 1767
Cassida pannonica Suffrian, 1844
Cassida panzeri Weise, 1907
Cassida vibex Linnaeus, 1767
Chrysolina gypsophilae (Küster, 1845)
Chrysolina herbacea (Duftschmid, 1825) [= *menthastri* (Suffrian, 1851)]
Chrysolina polita (Linnaeus, 1758)
Chrysolina staphylaea (Linnaeus, 1758)
Chrysolina sturmi diversipes (Bedel, 1892) (=*violacea* Weise, 1916)
Chrysomela saliceti Suffrian, 1851
Chrysomela vigintipunctata (Scopoli, 1763)
Clytra quadripunctata (Linnaeus, 1758)
Crioceris duodecimpunctata (Linnaeus, 1758)
Cryptocephalus octopunctatus (Scopoli, 1763)
Donacia aquatica (Linnaeus, 1758)
Donacia crassipes Fabricius, 1775
Gastrophysa viridula (DeGeer, 1775)
Gonioctena decemnotata (Marsham, 1802) [= *rufipes* (DeGeer, 1775) nec (Linnaeus, 1758)]
Gonioctena linnaeana (Schrank, 1781)
Gonioctena quinquepunctata (Fabricius, 1787)
Gonioctena viminalis (Linnaeus, 1758)
Labidostomis tridentata (Linnaeus, 1758)
Plagiosterna aenea (Linnaeus, 1758)
Phratora atrovirens (Cornelius, 1857)
Phyllobrotica quadrimaculata (Linnaeus, 1758)

Семейство Apionidae (3 вида)
Aspidapion radiolus (Marsham, 1802)
Oxystoma opeticum (Bach, 1854)
Protapion assimile (Kirby, 1808)

Семейство Erirhinidae (1 вид)
Tournotaris bimaculatus (Fabricius, 1787)

Семейство Curculionidae (27 видов)
Asproparthenis foveicollis (Gebler, 1834)
Cleonis pigra (Scopoli, 1763)
Coniocleonus hollbergi (Fåhraeus, 1842)
Cryptorhynchus lapathi (Linnaeus, 1758)
Curculio glandium Marsham, 1802
Curculio venosus (Gravenhorst, 1807)
Hypera adspersa (Fabricius, 1792)
Hypera diversipunctata (Schrank, 1798)
Hypera nigrirostris (Fabricius, 1775)
Larinus ruber Motschulsky, 1845
Lepyrus palustris (Scopoli, 1763)
Lepyrus volgensis Faust, 1882
Lixus bardanae (Fabricius, 1787)
Lixus iridis Olivier, 1807
Magdalis frontalis (Gyllenhal, 1827)
Otiorhynchus tristis (Scopoli, 1763)
Otiorhynchus velutinus Germar, 1824
Parafoucartia squamulata (Herbst, 1795)
Phyllobius crassipes Motschulsky, 1860
Phyllobius pyri (Linnaeus, 1758)
Phyllobius thalassinus Gyllenhal, 1834
Polydrusus mollis (Stroem, 1768)
Rhinoncus inconspectus (Herbst, 1795)
Sitona cylindricollis (Fåhraeus, 1840)
Sitona inops Gyllenhal, 1832
Sitona macularius (Marsham, 1802)
Strophosoma capitatum (De Geer, 1775)

Отряд Diptera (Олигер, 1960, 1967б)
Семейство Tabanidae (11 видов)
Сведения по фауне слепней Чувашии отчасти были опубликованы ранее другими авторами (Волкова, 1934; Гуцевич, 1943; Волкова, 1950).

Chrysops sepulcralis (Fabricius, 1794)
Chrysops rufipes Meigen, 1820
Hybomitra arpadi (Szilády, 1923)
Hybomitra borealis (Fabricius, 1781).
Hybomitra lapponica (Wahlberg, 1848)
Hybomitra lundbecki Lyneborg, 1959.
Hybomitra muehlfeldi (Brauer, 1880)
Hybomitra nigricornis (Zetterstedt, 1842)
Hybomitra tarandina (Linnaeus, 1758)
Tabanus glaucopis Meigen, 1820
Heptatoma pellucens (Fabricius, 1776)

Таким образом, И.М. Олигером (отчасти совместно с М.А. Козловым) впервые для фауны Чувашии приведено 247 видов насекомых из 4 отрядов и 10 видов клещей.

Выражаю искреннюю признательность И.М. Олигеру и А.И. Олигеру, А.В. Димитриеву (все – Чебоксары), Т.В. Питеркиной (Москва), Е.А. Петровой (Санкт-Птербург) за информационную помощь.

Литература:

Волкова М.И. Двукрылые Чувашской республики по данным зоологической экспедиции за 1926 –1929 г. // Уч. зап. КГУ. – 1934. – Т. 94. – Кн. 4. – Вып. 2 (Зоология). – С. 70-103.

Волкова М.И. К изучению слепней Среднего Поволжья, Татарской и Чувашской республик // Уч. зап. КГУ. – 1950. – Т. 110. – Кн. 4. Биология. – С. 155-199.

Гуцевич А.В. Кровососущие двукрылые насекомые присурского лесного массива (Чувашская АССР) // Зоол. журн. – 1943. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 19-26.

Козлов М.А., Олигер И.М. К изучению фауны жесткокрылых Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – 1960. – Вып. XI. – С. 153-167.

Лебедев А.Г. Материалы к фауне жуков Казанской губернии. Ч. I // Тр. РЭО. – 1906. – Т. XXXVII. – Вып. 3-4. – С. 352-438.

Лебедев А.Г. Материалы для фауны жуков Казанской губернии, II // Русск. энтомол. обозр. – 1913 (1912). – Т. XII. – № 2. – С. 336-348.

Лебедев А.Г. Материалы для фауны жуков Татарской Республики, III // Русск. энтомол. обозр. – 1925. – Т. XIX. – С. 133-138.
Олигер И.М. Хлебные (амбарные) клещи Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 1956. – Вып. 5. – С. 95-106.
Олигер И.М. Фауна слепней Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1960. – Т. 39. – Вып. 7. – С. 1099-1102.
Олигер И.М. Фауна прямокрылых Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1965. – Т. 44. – Вып. 1. – С. 46-54.
Олигер И.М. Материалы по фауне стрекоз Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – 1967а. – Вып. 23. – С. 108-110.
Олигер И.М. Фауна слепней зоны южной тайги Среднего Поволжья // Зоол. журн. – 1967б. – Т. 46. – Вып. 5. – С. 721-729.
Олигер И.М. Материалы по фауне прямокрылых надсемейств кузнечиковых и сверчковых (Tettigonioidea et Grylloidea) Среднего Поволжья // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1970. – Вып. 31. – С. 108-117.
Fauna Europaea // http://www.faunaeur.org/index.php
Löbl I., Smetana A. (ed.). Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 1. – Stenstrup: Apollo Books, 2003. – 819 p.
Löbl I., Smetana A. (ed.). Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 3. – Stenstrup: Apollo Books, 2006. – 690 p.
Löbl I., Smetana A. (ed.). Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 4. – Stenstrup: Apollo Books, 2007. – 935 p.

Раздел 5. Критика и библиография.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ И.М. ОЛИГЕРА

Л.В. Егоров, А.И. Олигер, А.В. Димитриев
Государственный природный заповедник «Присурский»

1940

Олигер И.М. Паразитические простейшие и их роль в колебаниях численности рябчика // Доклады АН СССР. – 1940. – Т. 28. – № 5. – С. 470-473.

Олигер И.М. Паразитофауна рябчика на севере Горьковской области // Уч. зап. ЛГУ. – 1940. – № 59. – С. 102-124.

1945

Олигер И.М. Материалы по динамике численности мышевидных грызунов // Противоэпидемическая защита войск. Сборник 2. Военно-санитарное управление Первого Прибалтийского фронта. – Рига, 1945. – С. 205-209.

Олигер И.М. К вопросу о фауне клещей Витебской области // Противоэпидемическая защита войск. Сборник 2. Военно-санитарное управление Первого Прибалтийского фронта. – Рига, 1945. – С. 210-212.

1946

Олигер И.М. Материалы по распространению и численности мышевидных грызунов лесной зоны западных районов РСФСР в 1943-1944 гг. // Зоол. журн. – 1946. – Т. 25. – Вып. 4. – С. 359-366.

1948

Олигер И.М. Об определении возраста птиц // Природа. – 1948. – № 8. – С. 68-69.

1949

Спангенберг Е.П., Олигер И.М. Орнитологические исследования в Дарвиновском заповеднике в 1946 и 1947 годах // Труды Дарвинского государственного заповедника. – М., 1949. – Вып. 1. – С. 245-302.

1950

Олигер И.М. Причины дестробиляции цестод тетеревиных птиц // Доклады АН СССР. – 1950. – Т. LXXIV. – № 4. – С. 869-872.

Олигер И.М. Опыт истребления в помещениях комаров дустом ДДТ // Природа. – 1950. – № 2. – С. 53.

Олигер И.М. Паразитофауна тетеревиных птиц лесной зоны Европейской части РСФСР. Автореф. дис….канд. биол. наук. Л., 1950. – 8 с.

Олигер И.М., Немцев В.В. Изменения в биологии некоторых животных Дарвинского заповедника под влиянием изменений условий существования // Природа. – 1950. – № 2. – С. 42-43.

1951

Олигер И.М. Мордовский заповедник им. П.Г. Смидовича // Заповедники СССР: в 2 т. – М.: Государственное издательство Географической литературы, 1951. – Т. 1. – С. 193-200.

1952

Олигер И.М. Паразитофауна тетеревиных птиц лесной зоны Европейской части РСФСР // Труды ГЕЛАН АН СССР. – 1952. – Т. 6. – С. 411-412.

1955

Олигер И.М. Краткий определитель позвоночных животных Европейской части СССР. – М.: Учпедгиз, 1955. – 130 с.

1956

Олигер И.М. Новые виды паразитов тетеревиных птиц // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – 1956. – Вып. 3. – С. 329-335.

Олигер И.М. Хлебные (амбарные) клещи Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – 1956. – Вып. 5. – С. 95-106.

1957

Олигер И.М. Паразитофауна тетеревиных птиц лесной зоны Европейской части РСФСР // Зоол. журн. – 1957. – Т. 36. – Вып. 4. – С. 493-503.

Олигер И.М. Новый тип установки для изучения активности мышевидных грызунов // Грызуны и борьба с ними. – М., 1957. – Вып. 6. – С. 472-473.

1958

Олигер И.М. Краткий определитель позвоночных животных. Пособие для учителей средней школы. 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1958. – 136 с.

Олигер И.М. Краткий определитель позвоночных животных. Пособие для учителей средней школы. 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1958. – 145 с. (на китайском языке).

1960

Козлов М.А., Олигер И.М. К изучению фауны жесткокрылых Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. – 1960. – Вып. 11. – С. 153-167.

Олигер И.М. Фауна слепней Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1960. – Т. 39. – Вып. 7. – С. 1099-1102.

1965

Олигер И.М. Фауна прямокрылых Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1965. – Т. 44. – Вып. 1. – С. 46-54.

1966

Олигер И.М. Фауна прямокрылых Среднего Поволжья // Тез докл. 4-ой межвуз. зоогеогр. конф. (Одесса, 26-30 сентября 1966 г.). – Одесса, 1966. – С. 191-192.

Олигер И.М., Сысолетина Л.Г., Воронов Н.П. Животный мир Чувашии. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1966. – 176 с.

1967

Олигер И.М. Материалы по фауне стрекоз Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1967. – Вып. 23. – С. 108-110.

Олигер И.М. Краткий определитель стрекоз Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1967. – Вып. 23. – С. 185-188.

Олигер И.М. Фауна слепней зоны южной тайги Среднего Поволжья // Зоол. журн. – 1967. – Т. XLVI. – Вып. 5. – С. 721-729.

Олигер И.М., Сысолетина Л.Г. К методике количественного учета наземных беспозвоночных // Структура и функционально-биогеоценотическая роль животного населения суши: матер. совещ. (М., 23-24 февраля 1967 г.). – М.: Изд. МГУ, 1967. – С. 150-152.

1970

Олигер И.М. Материалы по фауне прямокрылых надсемейств кузнечиковых и сверчковых (Tettigonioidea et Grylloidea) Среднего Поволжья // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1970. – Вып. 31. – С. 108-117.

Олигер И.М. О влиянии антропогенных факторов на фауну прямокрылых Среднего Поволжья // Влияние антропогенных факторов на формирование зоогеографических комплексов: матер. докл. V Межвузовск. зоогеограф. конф. (Казань, 30 сентября-2 октября 1970 г.). Ч. 1. – Казань, 1970. – С. 102-104.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых Среднего Поволжья // Матер. IV науч. конф. зоологов пед. институтов. – Горький, 1970. – С. 221-223.

Олигер И.М. К вопросу о географической изменчивости у саранчовых // VI съезд Всесоюзного энтомологического общества: аннотации докладов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. – С. 131.

Олигер И.М., Сысолетина Л.Г., Васильева Г.П. Герпетобий и методика его изучения в различных биотопах Чув. АССР // Матер. IV науч. конф. зоологов пед. институтов. – Горький, 1970. – С. 223-224.

1971

Олигер И.М. Краткий определитель позвоночных средней полосы европейской части СССР. – М.: Просвещение, 1971. – 144 с.

Олигер И.М. О географической и популяционной изменчивости у некоторых видов саранчовых рода *Chorthippus* (Orthoptera, Acrididae) // Зоол. журн. – 1971. – Т. 50. – Вып. 11. – С. 1658-1664.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых надсемейств кузнечиковых и саранчовых Северного Присурья // Матер. Первой научной конференции по проблеме фауны, экологии, биоценологии и охраны животных Присурья. – Саранск, 1971. – С. 37-41.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых (Orthoptera) Среднего Поволжья // Тр. XIII Междунар. энтомол. конгресса (М., 2-9 августа 1968 г.). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. – С. 184.

1973

Олигер И.М. Материалы по питанию тетеревиных птиц лесной зоны Европейской части РСФСР // Природные ресурсы Молого-Шекснинской низины. Наземные позвоночные. – Труды Дарвинского государственного заповедника. – Вологда, 1973. – С. 151-157.

1974

Олигер И.М. Таксономическое значение особенностей строения стридуляционного аппарата у видов группы *biguttulus* рода *Chorthippus* Fieb. (Orthoptera, Acrididae) // Энтомол. обозр. – 1974. – Т. LIII. – Вып. 1. – С. 81-90.

1975

Олигер И.М. А что в животном мире? // Советская Чувашия. – 1 января 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Под снегом, подо льдом… // Советская Чувашия. – 2 февраля 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. И прилетят грачи // Советская Чувашия. – 2 марта 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Оживает мир звериный // Советская Чувашия. – 1 апреля 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Месяц продолжения рода // Советская Чувашия. – 2 мая 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. В воде мальки, в гнездах птенцы // Советская Чувашия. – 1 июня 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Не слыхать заливистых песен // Советская Чувашия. – 2 июля 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Дыхание осени (календарь природы) // Советская Чувашия. – 3 августа 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Готовятся к зиме // Советская Чувашия. – 2 сентября 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Прощай тепло, прощай лето // Советская Чувашия. – 1 октября 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Ноябрь – последний месяц осени. Им холод не страшен // Советская Чувашия. – 2 ноября 1975 г. – С. 4.

Олигер И.М. Декабрь год замыкает, зиму начинает // Советская Чувашия. – 2 декабря 1975 г. – С. 4.

1984

Бухаринов С.В., Олигер И.М. Формирование колоний чайковых птиц на отстойниках сточных вод // Эколого-морфологические особенности животных Среднего Поволжья. – Казань: КГПИ, 1984. – С. 132-135.

1988

Олигер И.М. Черный аист // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 232-233.

Олигер И.М. Скопа // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 238-239.

Олигер И.М. Серый журавль // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 246-247.

Олигер И.М. Малая чайка // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 250-251.

Олигер И.М. Филин // Редкие и исчезающие растения и животные Чувашской АССР. Каталог. – Чебоксары, 1988. – С. 252-253.

1991

Козлов М.А., Олигер И.М. Школьный атлас-определитель беспозвоночных. – М.:Просвещение,1991. – 207 с.

1993

Козлов М.А., Олигер И.М. Зоологические прогулки. Школьный атлас. 2-е изд. – Чебоксары: Изд. Чувашского ун-та, 1993. – 207 с.

1998

Олигер И.М. Ландшафтно-географическое распространение видов рода *Chorthippus* Fieb. (Insecta, Orthoptera) на территории бассейнов р. Волги, Среднего и Нижнего Дона // Энтомологические исследования в Чувашии: матер. I Респ. энтомол. конф. – Чебоксары, 1998. – С. 83-85.

Олигер И.М., Сысолетина Л.Г., Егоров Л.В. История и современное состояние энтомологических исследований в Чувашии // Энтомологические исследования в Чувашии: матер. I Респ. энтомол. конф. – Чебоксары, 1998. – С. 3-8.

1999

Олигер И.М. С А.Н. Формозовым в природе // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биол. – 1999. – Т. 104. – Вып. 5. – С. 36-44.

2002

Олигер И.М. Более полувека в Дарвинском заповеднике // Охота и охотничье хозяйство. – 2002. – № 11. – С. 9.

Олигер И.М. О В.А. Догеле и немного о других // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882-1955). К 120-летию со дня рождения: Сб. статей / Под ред. С.И. Фокина. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – (Труды С.-Петерб. о-ва естествоиспытателей; Сер. 1; Т. 95). – С. 49-60.

2003

Олигер И.М. Вячеслав Васильевич Немцев // Заповедное дело. Научно-методические записки. – 2003. – Вып. 11. – С. 153-159.

Олигер И.М. Краткий определитель позвоночных средней полосы Европейской части СССР. – Чебоксары: Изд. «Руссика», 2003. – 138 с.

2004

Козлов М.А., Олигер И.М. Мир животных: рыбы, земноводные, пресмыкающиеся. Зоологическая энциклопедия. – СПб.: изд. «Азбука-Классика», изд. «Золотой век», 2004. – 720 с.

2008

Олигер И.М., Олигер А.И., Сысолетина Л.Г., Хмельков Н.Т., Шабалкин В.М., Егоров Л.В., Кириллова В.И. Животные Чувашии. – Чебоксары: Изд. «Руссика», 2008. – 316 с.

2010

Олигер И.М. К вопросу о природной очаговости клещевого энцефалита, туляремии и лептоспирозов в западных районах РСФСР // см. настоящий сборник.

Олигер И.М. Паразитофауна акклиматизируемых копытных в Мордовском государственном заповеднике // см. настоящий сборник.

Олигер И.М. Паразитофауна диких куриных птиц Мордовского государственного заповедника // см. настоящий сборник.

Олигер И.М. Славная девятка. Мои друзья – зоологи // см. настоящий сборник.

В заключение следует отметить, что в 60-е гг. И.М. Олигер работал над реферированием статей для Реферативного журнала «Биология» (Том «Зоология»).

Олигер И.М. Очерки по формированию фауны Рыбинского водохранилища // С. 35-43. [Библиография требует уточнения. Работа, судя по содержанию, опубликована после 1951 г.].

Статьи об И.М. Олигере

Егоров Л.В. Наш долгожитель // Педвузовец. – 8 сентября 1999 года.

Егоров Л.В. Олигер И.М. // Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары: Чув. кн. изд., 2001. – С. 305.

Егоров Л.В. Олигер Иван Михайлович // Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары: Чув. кн. изд., 2009. – Т. 3: М–Се. – С. 319.

Егоров Л.В., Кириллова В.И., Архипова М.Н. Поздравляем со 100-летием великого биолога – Ивана Михайловича Олигера! // Педвузовец. – 30.10.2009. – № 13-14 (363-364). – С. 2-3.

Козлов М. Дело исследователя продолжают его ученики // Советская Чувашия. – 16 сентября 1999 года. – С. 3.

Красильников В.А. Олигер Иван Михайлович (Wikipedia) // http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B5%D1%80,_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Олигер А.И., Егоров Л.В., Димитриев А.В. К 100-летию Ивана Михайловича Олигера // Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». – Чебоксары-Атрат: КЛИО, 2009. – Т. 21. – С. 122-124.

Олигер Иван Михайлович // Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева: история, структура, ученые. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2000. – С. 252-253.

Олигер Иван Михайлович // Ученые Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2005. – С. 253.

Олигер Иван Михайлович // Ученые Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 297.

Семакина А. Сто лет в гармонии с природой // Аргументы и факты Чувашия. Региональное приложение. – 4 ноября 2009 года. – № 45 (499). – С. 4.

Авторы искренне признательны Т.В. Питеркиной (Москва), Е.А. Петровой (Санкт-Петербург) за уточнение библиографии некоторых работ.

Раздел 6. Статьи учеников И.М. Олигера

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ *ONCONOTUS LAXMANNI* (PALLAS, 1771) (ORTHOPTERA, TETTIGONIIDAE) С ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

Л.В. Егоров

Государственный природный заповедник «Присурский»,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

Севчук Лаксманна [*Onconotus laxmanni* (Pallas, 1771)] – крупный бескрылый кузнечик, обитающий в степной зоне от Молдавии и Украины на западе до Казахстана и юга Сибири на востоке (Стороженко, 2004). Эндемик степей (Якобсон, Бианки, 1905). Сведения о морфологии и оплодотворении приводятся в статье В.Ф. Болдырева (1915), о распространении и экологии – в работе Г.Я. Бей-Биенко (1950). Биология вида в условиях степей Предкавказья подробно описана в публикации С.М. Федорова (1962). Представляется уместным остановиться на данных этого автора более подробно.

Севчук Лаксманна обитает в разнотравно-дерновиннозлаковой степи, предпочитая более увлажненные и затененные участки. Зимуют яйца. В мае происходит отрождение личинок, которые линяют 5 раз. К началу июля формируются имаго. Самцы привлекают самок негромким стрекотанием, напоминающим отдаленный звук швейной машины. Спариваются севчуки в условиях Предкавказья в июле. По наблюдениям С.М. Федорова (1962) в природе и в лаборатории это происходит так: «Вечером (20-22 час.) или рано утром (4-5 час.) … после длительной приглушенной трели самца самка взбирается к нему на спину. Головы обоих направлены в одну и ту же сторону, брюшко самки вплотную прилегает к самцу. В этой позе пара остается 3-4 минуты, после чего самка проворно соскакивает с самца со сперматофорой. … Через несколько минут после спаривания самка изгибаясь достает сперматофилакс и откусывает его кусочками. Если спаривание произошло в вечерние часы, то поедание сперматофилакса затягивается на ночь, если самка получила сперматофору на рассвете, то к 6-7 часам утра сперматофилакс уже съеден». Откладка яиц происходит в конце июля – начале августа, спустя 1,5-2 недели после спаривания. Самка откладывает всего 50-76 яиц группами по 4-6 штук, скрепляя их выделениями придаточных желез. Взрослые кузнечики активны до конца августа – начала сентября. Типичный фитофаг. Личинки поедают зелень бобовых и злаковых культур, а также молодые зерна злаков. Взрослые севчуки питаются исключительно зернами злаков. Личинки и имаго днем прячутся в трещинах земли, в норах грызунов или в густом травостое; активны в сумерках, ночью и перед рассветом. Вид может быть отнесен к жизненной форме скрытноживущих геофилов, герпетобионтов (Федоров, 1962). Особенности жизненного цикла *O. laxmanni* позволили ему широко распространиться в зоне степей (Бей-Биенко, 1950).

Практически во всех регионах, где обитает *O. laxmanni*, его численность невелика. Редкость вида в природе, обусловленная, прежде всего, уменьшением площадей целинных степей в результате их распашки и перевыпаса скота, привела к тому, что севчук Лаксманна включен, например, в Красную книгу Саратовской области (категория 3 – редкий вид) (Красная книга…, 1996; Синичкина, 2006).

В Чувашии до настоящего времени был известен по единственной находке из окр. с. Стемасы Алатырского района (Олигер, 1965, 1970, 1971). Один самец обнаружен автором в сорняках на меже 01.08.1961. Отмечается также, что севчук Лаксманна встречается на юге Горьковской области (Неручев, 1949), приводятся точки его находок для Ульяновской области (Олигер, 1970). В Среднем Поволжье известен также с юга Республики Татарстан (Кармазина, Шулаев, 2007).

В последние годы появились новые данные о находках вида в Чувашской Республике. Ниже приводится информация о них. Определение прямокрылых проводилось по работе С.Ю. Стороженко (2004). Для установления географических координат использовался «Приёмник-навигатор атмосферных изменений GARM».

Onconotus laxmanni (Pallas, 1771) – Яльчикский район, окр. дер. Старое Янашево, 12.08.2003, поле, 1 ♀, сборщик неизвестен; Яльчикский район, окр. с. Эшмикеево, Яльчикский участок Государственного природного

заповедника «Присурский», 55°01`22`` с. ш., 47°54`59`` в. д., 29.07.2008, луговая степь на границе с полем пшеницы, кошение, 1 ♂, Егоров Л.В.; Яльчикский район, 3 км О с. Эшмикеево, 55°01`36`` с. ш., 47°54`44`` в. д., 25.07.2009, пшеничное поле, на колосе пшеницы, ~ в 15.00, 1 ♂, Егоров Л.В.

Вид впервые приводится для Яльчикского района и Государственного природного заповедника «Присурский».

Представляется необходимым включить информацию об *O. laxmanni* в новое издание Красной книги Чувашской Республики. Это редкий таксон прямокрылых насекомых, эндемик степей, распространен в республике у северной границы своего ареала. Пока же севчук Лаксманна внесен нами в Приложение 3 Красной книги Чувашской Республики, издание которой предполагается в 2010 г.

Автор искренне признателен И.М. и А.И. Олигерам, А.В. Димитриеву (все – Чебоксары), Н.В. Шулаеву (Казань), Г.А. Ануфриеву (Нижний Новгород) за информационную помощь; Л.В. Князеву за содействие в полевых исследованиях.

Литература:

Бей-Биенко Г.Я. Прямокрылые и кожистокрылые // Животный мир СССР. Т. III. – М., 1950. – С. 379-424.

Болдырев В.Ф. Материалы к познанию строения сперматофор и особенностей спаривания у Locustoidea и Grylloidea // Труды Русск. энтомол. общ-ва. – 1915. – Т. XLI. – Вып. 6. – С. 1-245.

Кармазина И.О., Шулаев Н.В. К фауне прямокрылых (Orthoptera) Республики Татарстан // Проблемы и перспективы общей энтомологии: тез. докл. XIII съезда Русского энтомол. о-ва (Краснодар, 9 – 15 сентября 2007 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2007. – С. 140-141.

Красная книга Саратовской области: Растения, грибы, лишайники. Животные. – Саратов: Изд-во «Детская книга», 1996. – 264 с.

Неручев В.М. К обзору фауны прямокрылых Горьковской области Tettigoniidae et Gryllidae // Уч. зап. Горьковск. ун-та. – 1949. – Вып. 14. – С. 107-112.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1965. – Т. 44. – Вып. 1. – С. 46-54.

Олигер И.М. Материалы по фауне прямокрылых надсемейств кузнечиковых и сверчковых (Tettigonioidea et Grylloidea) Среднего Поволжья // Уч. зап. Чуваш. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1970. – Вып. 31. – С. 108-117.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых надсемейств кузнечиковых и саранчовых Северного Присурья // Матер. Первой научной конференции по проблеме фауны, экологии, биоценологии и охраны животных Присурья. – Саранск, 1971. – С. 37-41.

Синичкина О.В. Севчук Лаксманни – *Onconotus laxmanni* (Pallas, 1771) // Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные / Комитет охраны окружающей среды и природопользования Саратовской области. – Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской области, 2006. – С. 278-279.

Стороженко С.Ю. Длинноусые прямокрылые насекомые (Orthoptera: Ensifera) Азиатской части России. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 280 с.

Федоров С.М. К биологии кузнечиков *Bradyporus multituberculatus* F.-W. и *Onconotus laxmanni* Pall. (Orthoptera, Tettigonoidea) в степях Предкавказья // Энтомол. обозр. – 1962. – Т. LXI. – Вып. 4. – С. 751-762.

Якобсон Г.Г., Бианки В.П. Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи и сопредельных стран. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1905. – 996 с.

СОСТАВ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ-ГЕРПЕТОБИОНТОВ АЛАТЫРСКОГО УЧАСТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ПРИСУРСКИЙ»

***Д.Ю. Куруленко, **Л.В. Егоров, *В.Н. Подшивалина**

*** Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,**

**** Государственный природный заповедник «Присурский»**

В настоящей работе отражены некоторые итоги исследования жесткокрылых-герпетобионтов Алатырского участка Государственного природного заповедника «Присурский» (далее – ГПЗ) по результатам обработки материала за полевой сезон 2008 г. Ранее были опубликованы сведения по данной группе жесткокрылых, полученные в полевой сезон 2007 г. (Куруленко, Егоров, 2007).

Работа выполнялась с 13 апреля по 11 октября 2008 г. Использовалась традиционная методика отлова напочвенных беспозвоночных с помощью ловушек Барбера (Фасулати, 1971). Исследовано 10 биотопов, в каждом из которых было установлено по 10 ловушек в 1 линию на расстоянии 5 м друг от друга. В качестве фиксирующей жидкости использовался 3%-ный раствор уксусной кислоты. Выборка насекомых проводилась 1 раз в 10-15 дней. Всего отработано 17480 ловушко/суток, собрано 33500 экземпляров жуков. Для определения географических координат применялся «Приёмник-навигатор атмосферных изменений GARM».

Описание биотопов.

Ельник. Кв. 36, 55°00` с.ш., 46°41` в.д. Состав древесных пород: ель обыкновенная, береза повислая. Подрост: липа сердцевидная, ель обыкновенная. Подлесок: осоки, медуница неясная, папоротники, сныть обыкновенная.

Сосняк молодой. Кв. 36, 55°00` с.ш., 46°41` в.д. Состав древесных пород: сосна обыкновенная. Подрост: липа сердцевидная. Подлесок: осоки, земляника лесная, папоротники, ежевика сизая.

Ельник приручьевой. Кв. 36, 54°59` с.ш., 46°41` в.д. Состав древесных пород: ель обыкновенная, береза повислая, липа сердцевидная. Подрост: липа сердцевидная, рябина обыкновенная, клен платановидный, лещина обыкновенная, бересклет бородавчатый. Подлесок: сныть обыкновенная, папоротники, хвощи, осоки, медуница неясная, копытень европейский, мхи зеленые.

Березняк. Кв. 36, 54°59` с.ш., 46°41` в.д. Состав древесных пород: береза повислая. Подрост: ель обыкновенная, сосна обыкновенная, ольха, береза повислая. Подлесок: злаки, осоки, ястребинки, папоротники.

Осинник. Кв. 39, 55°00`10`` с.ш., 46°44`16`` в.д. Состав древесных пород: осина, береза повислая, ель обыкновенная, липа сердцевидная, рябина обыкновенная. Подрост: дуб черешчатый, рябина обыкновенная,

клен платановидный, липа сердцевидная, крушина ломкая. Подлесок: папоротники, осоки, земляника лесная, костяника, ятрышник, черника, хвощи, ясменник душистый.

Сосняк спелый. Кв. 1, 55°00`56`` с.ш., 46°39`55`` в.д. Состав древесных пород: сосна обыкновенная, ель обыкновенная. Подрост: сосна обыкновенная, ель обыкновенная, рябина обыкновенная, береза повислая. Подлесок: злаки, ландыш майский, брусника, купена, мхи зеленые.

Ольховник. Кв. 56, 54°58`53`` с.ш., 46°40`24`` в.д. Участок окружен березняком и спелым сосняком. Состав древесных пород: ольха, ель обыкновенная, береза повислая. Подрост: ель обыкновенная, рябина обыкновенная. Подлесок: осоки, крапива двудомная, лабазник, гравилат городской, сныть обыкновенная, хвощи, хмель.

Болото. Кв. 55, 54°58`50`` с.ш., 46°38`59`` в.д. Состав древесных пород: ольха, береза повислая, ель обыкновенная. Подрост: ивы. Подлесок: осоки, папоротники, крапива двудомная.

Пойменная дубрава. Кв. 51, 54°59`10`` с.ш., 46°36`28`` в.д. Состав древесных пород: дуб черешчатый. Подрост: клен платановидный, бересклет бородавчатый, лещина обыкновенная. Подлесок: сныть обыкновенная, осоки, медуница неясная, копытень европейский, мхи зеленые (на пнях и стволах деревьев).

Пойменный луг. Окр. кв. 51, 54°59`12`` с.ш., 46°37`09`` в.д. Подрост: ивы. Травянистые растения: злаки, осоки, ирисы, зонтичные, герань луговая.

В данной работе приводится первичный анализ фауны, основанный на учете численности и встречаемости семейств герпетобионтных жесткокрылых в отдельных биотопах. Номенклатура и состав таксонов в основном (лишь Pselaphidae рассматриваются нами как самостоятельное семейство, а не как подсемейство Staphylinidae) соответствуют таковым в «Catalogue of Palaearctic Coleoptera» (2003, 2004, 2006, 2007, 2008).

Встречаемость. Следуя представлениям Ю.А. Песенко (1982), под встречаемостью понимается отношение числа проб, в которых отмечены представители семейства, к общему числу произведенных в данном биотопе проб. Этот показатель может свидетельствовать о приуроченности исследованных таксонов к тому или иному биогеоценозу.

За исследованный период в составе фауны были отмечены представители 51 семейства. Наибольшее разнообразие семейств (32) выявлено в сосняке спелом. Гораздо меньшее количество таксонов такого ранга зафиксировано в фауне сосняка молодого, ольховника и болота (22, 24 и 25 соответственно).

Общими для изученных биотопов стали 10 семейств жесткокрылых (табл. 1). Так, встречающимися во всех сообществах семействами явились как типичные герпетобионты (Carabidae, Cryptophagidae, Elateridae, Leiodidae, Silphidae, Staphylinidae), так и обычно приуроченные к травянистому ярусу таксоны (Apionidae, Chrysomelidae, Coccinellidae). Из семейства Curculionidae были собраны преимущественно герпетобионтные виды. Причем представители Apionidae, за исключением дубравы, пойменного луга и сосняка молодого, в биотопах отмечены более чем в половине проб. Встречаемость Carabidae (кроме пойменного луга) и Staphylinidae (кроме пойменного луга и спелого сосняка) везде составила 100 %. Более половины сборов содержат виды семейств Chrysomelidae (исключение – дубрава пойменная) и Leiodidae. Встречаемость Coccinellidae и Cryptophagidae, напротив, не превысила 50 % во всех сообществах.

В одном-двух биотопах отмечены семейства, представители которых в принципе оказались редкими (Byrrhidae, Dermestidae) или попали в ловушки случайно (Anthicidae, Byturidae, Ciidae, Cerylonidae, Eucnemidae, Lampyridae, Lycidae, Malachiidae, Melandryidae, Oedemeridae, Phalacridae, Rhynchitidae).

Численность. Наибольшей численностью во всех изученных сообществах характеризуются Staphylinidae, Carabidae, Leiodidae (табл. 2), что типично для фауны герпетобионтов исследованного региона. Средняя численность этих семейств, наряду с малочисленными Apionidae, Latridiidae, в наименьшей степени варьировала в зависимости от биотопа (коэффициент вариации составил 27-55 %). Данный факт может свидетельствовать о том, что основные отличия в плотности фауны жесткокрылых-герпетобионтов отдельных точек обусловлены наличием в их составе специфичных таксонов с низкой численностью и относительно малой встречаемостью.

Среди семейств, представители которых отмечены во всех биотопах, есть как доминирующие, составляющие основу фауны (Staphylinidae, Carabidae), так и относительно редкие для сообществ таксоны (Apionidae, Curculionidae, Elateridae и др.) (табл. 3). Среди последних стабильно попадаются в ловушки (не являясь типичными герпетобионтами) и составляют около 1 % суммарной численности Apionidae, Coccinellidae, Chrysomelidae.

Еще более редки (0,07-0,6 % численности) Cryptophagidae. Виды Silphidae также регулярно попадали в ловушки во всех биотопах. Поскольку их участие в структуре сообщества мало отличается в разных точках (5-12 %) можно предположить, что выявленные показатели их относительной плотности могут быть фоновыми для данного региона и использоваться при учетах герпетобионтов в тех случаях, когда в ловушки попадают мелкие позвоночные, привлекающие их.

Доля типичных напочвенных представителей из семейств Elateridae и Curculionidae (0,3-3 % и 1-7 % соответственно), вероятно, напрямую связана с условиями биотопа, поскольку варьирует в значительной степени от типа сообщества.

Таблица 1. Встречаемость семейств жесткокрылых-герпетобионтов в разных биотопах Алатырского участка ГПЗ и его охранной зоны в полевой сезон 2008 г.

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Anthicidae	-	-	-	-	-	0,3333	-	-	0,0833	0,2500
Anthribidae	0,0833	-	-	-	0,0833	-	-	0,2500	0,3333	-
Apionidae	0,7500	0,5833	0,5833	0,4167	0,3333	0,5833	0,5000	0,5833	0,5833	0,2500
Byrrhidae	-	-	0,5000	-	-	0,2500	-	-	-	-
Byturidae	-	-	-	0,0833	-	-	-	-	-	-
Cantharidae	-	0,2500	0,0833	-	0,0833	-	0,1667	0,0833	0,1667	0,0833
Carabidae	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	0,7500
Cerambycidae	0,0833	-	0,4167	-	-	0,2500	-	-	-	-
Cerylonidae	-	0,1667	-	-	-	0,0833	-	-	-	-
Chrysomelidae	0,9167	0,8333	0,5000	0,5833	0,4167	0,9167	0,8333	0,5833	0,6667	0,7500
Ciidae	-	0,1667	-	-	-	-	-	-	-	-
Coccinellidae	0,2500	0,1667	0,5000	0,2500	0,1667	0,5000	0,1667	0,1667	0,2500	0,2500
Cryptophagidae	0,1667	0,2500	0,4167	0,5000	0,0833	0,0833	0,2500	0,2500	0,0833	0,1667
Curculionidae	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	0,8333	1,0000	0,8333	1,0000	0,5000	0,7500
Dermestidae	-	-	0,5000	-	-	-	-	-	-	0,0833
Dytiscidae	0,0833	0,0833	-	-	0,1667	-	0,0833	-	0,4167	-
Elateridae	0,5833	0,5000	0,3333	0,3333	0,3333	0,4167	0,4167	0,6667	0,3333	0,4167
Endomychidae	0,0833	0,0833	0,0833	0,0833	-	0,1667	-	0,0833	-	-
Erirhinidae	-	0,0833	0,0833	-	-	0,1667	0,0833	-	-	0,2500
Erotylidae	-	-	0,3333	-	0,0833	-	-	-	0,0833	0,0833
Eucinetidae	-	-	0,0833	0,0833	0,0833	0,1667	-	0,1667	-	-
Eucnemidae	-	-	-	-	-	-	-	-	0,0833	-
Geotrupidae	0,5000	0,5833	0,5833	1,0000	0,8333	1,0000	1,0000	1,0000	0,5000	-
Haliplidae	-	0,0833	-	-	-	-	-	-	-	-
Helophoridae	-	0,0833	0,0833	0,0833	-	-	-	-	-	-
Histeridae	-	0,0833	0,0833	-	-	-	0,4167	-	0,2500	0,1667
Hydraenidae	-	-	-	-	0,0833	-	-	-	-	-
Hydrophilidae	-	0,3333	-	-	0,2500	0,0833	0,5833	0,0833	0,5000	0,1667
Lampyridae	-	-	-	-	-	-	0,0833	-	-	-
Latridiidae	0,1667	0,1667	0,1667	0,1667	0,0833	0,2500	0,1667	0,1667	0,1667	-
Leiodidae	1,0000	1,0000	0,8333	1,0000	0,9167	0,9167	1,0000	1,0000	1,0000	0,5000
Lucanidae	0,2500	0,1667	-	-	0,1667	0,3333	0,0833	0,3333	0,0833	-

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Lycidae	-	-	-	-	-	-	0,0833	-	-	-
Malachiidae	-	-	0,1667	-	-	-	-	0,0833	-	-
Melandryidae	-	-	-	-	0,0833	-	-	0,1667	-	-
Mordellidae	0,1667	-	0,2500	0,2500	0,1667	0,1667	-	0,2500	-	0,2500
Nitidulidae	-	0,5000	0,0833	-	-	0,2500	-	0,1667	-	-
Oedemeridae	-	-	0,0833	-	-	-	-	-	-	-
Phalacridae	0,0833	-	0,0833	-	-	-	-	-	-	-
Pselaphidae	0,0833	0,0833	-	0,0833	0,0833	0,1667	0,1667	0,1667	0,3333	0,1667
Ptinidae	0,1667	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Rhynchitidae	-	-	-	-	-	-	0,0833	-	-	-
Scarabaeidae	0,1667	0,0833	0,5000	0,1667	-	-	-	0,2500	-	0,1667
Scirtidae	0,0833	0,2500	-	-	0,1667	-	-	0,0833	-	-
Scolytidae	0,3333	0,0833	0,0833	0,1667	0,0833	-	-	-	0,0833	-
Scraptiidae	-	-	0,0833	-	0,1667	0,0833	-	-	-	-
Scydmaenidae	-	0,0833	0,0833	0,0833	0,0833	0,0833	0,0833	0,1667	0,0833	-
Silphidae	0,7500	0,9167	0,3333	0,9167	0,6667	1,0000	1,0000	0,7500	0,9167	0,7500
Staphylinidae	1,0000	1,0000	0,9167	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	0,7500
Tenebrionidae	0,0833	-	0,4167	-	0,2500	-	0,3333	-	0,4167	0,4167
Throscidae	0,0833	0,0833	0,0833	0,5000	0,0833	0,2500	-	0,4167	-	-

Таблица 2. Средняя численность семейств жесткокрылых-герпетобионтов в разных биотопах Алатырского участка ГПЗ и его охранной зоны в полевой сезон 2008 г.

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Anthicidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,58	0,00	0,00	0,08	0,33
Anthribidae	0,08	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,33	0,42	0,00
Apionidae	4,42	4,08	3,58	2,58	1,25	7,25	4,67	3,50	1,67	0,42
Byrrhidae	0,00	0,00	0,67	0,00	0,00	0,33	0,00	0,00	0,00	0,00
Byturidae	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Cantharidae	0,00	0,67	0,08	0,00	0,08	0,00	0,83	0,08	0,58	0,08
Carabidae	29,08	41,25	16,42	28,83	58,92	77,25	73,67	15,92	57,92	93,17
Cerambycidae	0,08	0,00	0,75	0,00	0,00	0,33	0,00	0,00	0,00	0,00
Cerylonidae	0,00	0,17	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00
Chrysomelidae	3,00	2,92	0,67	1,83	0,58	2,75	6,17	2,17	2,50	22,00
Ciidae	0,00	0,33	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Coccinellidae	0,33	0,25	0,92	0,50	0,17	1,42	0,17	0,17	0,25	0,67
Cryptophagidae	0,25	0,25	0,50	1,25	0,50	0,17	0,75	0,33	0,17	0,17
Curculionidae	16,08	31,25	8,58	14,67	3,67	19,25	3,75	20,67	1,83	2,08
Dermestidae	0,00	0,00	0,67	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,17
Dytiscidae	0,08	0,08	0,00	0,00	0,17	0,00	0,17	0,00	0,75	0,00
Elateridae	3,67	1,00	0,67	0,83	2,00	6,08	0,75	8,50	1,00	1,67
Endomychidae	0,08	0,08	0,08	0,08	0,00	0,25	0,00	0,08	0,00	0,00
Erirhinidae	0,00	0,17	0,08	0,00	0,00	0,17	0,08	0,00	0,00	0,25
Erotylidae	0,00	0,00	0,50	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,08	0,08
Eucinetidae	0,00	0,00	0,25	0,08	0,08	0,17	0,00	0,17	0,00	0,00
Eucnemidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00
Geotrupidae	0,75	4,67	0,75	24,33	9,33	11,17	39,67	37,58	1,00	0,00
Haliplidae	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Helophoridae	0,00	0,08	0,08	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Histeridae	0,00	0,08	0,08	0,00	0,00	0,00	0,58	0,00	0,75	0,42
Hydraenidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Hydrophilidae	0,00	0,42	0,00	0,00	0,25	0,08	1,75	0,08	2,92	0,25
Lampyridae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00
Latridiidae	0,42	0,25	0,17	0,42	0,17	0,58	0,50	0,25	0,17	0,00
Leiodidae	79,58	58,25	23,33	26,92	22,67	26,83	12,58	40,83	29,00	26,25
Lucanidae	0,25	0,25	0,00	0,00	0,17	1,08	0,08	1,83	0,08	0,00
Lycidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00
Malachiidae	0,00	0,00	0,17	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00
Melandryidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,17	0,00	0,00
Mordellidae	0,25	0,00	0,42	0,33	0,58	0,25	0,00	0,42	0,00	0,50
Nitidulidae	0,00	0,75	0,08	0,00	0,00	0,25	0,00	0,17	0,00	0,00
Oedemeridae	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Phalacridae	0,08	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Pselaphidae	0,08	0,08	0,00	0,08	0,08	0,25	0,25	0,17	0,50	0,17
Ptinidae	0,17	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Rhynchitidae	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,00
Scarabaeidae	0,33	0,08	0,75	0,25	0,00	0,00	0,00	0,92	0,00	0,17
Scirtidae	0,08	0,33	0,00	0,00	0,25	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Scolytidae	0,50	0,08	0,08	0,42	0,08	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00
Scraptiidae	0,00	0,00	0,08	0,00	0,17	0,08	0,00	0,00	0,00	0,00
Scydmaenidae	0,00	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,17	0,08	0,00
Silphidae	40,33	40,17	18,58	24,33	50,00	40,83	44,08	23,67	35,67	44,33
Staphylinidae	96,67	222,67	45,17	80,50	60,00	167,00	177,58	189,25	73,33	67,17
Tenebrionidae	0,17	0,00	1,42	0,00	0,25	0,00	0,50	0,00	0,83	0,92
Throscidae	0,33	0,08	0,08	2,25	0,08	0,42	0,00	0,42	0,00	0,00

Таблица 3. Средняя доля семейств жесткокрылых-герпетобионтов в разных биотопах Алатырского участка ГПЗ и его охранной зоны в полевой сезон 2008 г.

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Anthicidae	-	-	-	-	-	0,0014	-	-	0,0004	0,0008
Anthribidae	0,0004	-	-	-	0,0004	-	-	0,0013	0,0020	-
Apionidae	0,0232	0,0134	0,0303	0,0197	0,0076	0,0253	0,0179	0,0137	0,0081	0,0011
Byrrhidae	-	-	0,0063	-	-	0,0010	-	-	-	-
Byturidae	-	-	-	0,0001	-	-	-	-	-	-
Cantharidae	-	0,0011	0,0009	-	0,0003	-	0,0020	0,0002	0,0032	0,0002
Carabidae	0,1266	0,1325	0,1645	0,1601	0,2958	0,2075	0,2227	0,0550	0,3094	0,2843
Cerambycidae	0,0002	-	0,0084	-	-	0,0008	-	-	-	-
Cerylonidae	-	0,0004	-	-	-	0,0002	-	-	-	-
Chrysomelidae	0,0126	0,0090	0,0089	0,0143	0,0089	0,0093	0,0196	0,0080	0,0136	0,0844
Ciidae	-	0,0006	-	-	-	-	-	-	-	-
Coccinellidae	0,0030	0,0014	0,0115	0,0026	0,0010	0,0046	0,0006	0,0005	0,0015	0,0015
Cryptophagidae	0,0007	0,0007	0,0045	0,0060	0,0031	0,0002	0,0023	0,0008	0,0008	0,0007
Curculionidae	0,0689	0,0678	0,0959	0,0759	0,0187	0,0583	0,0106	0,0677	0,0091	0,0071
Dermestidae	-	-	0,0042	-	-	-	-	-	-	0,0003
Dytiscidae	0,0001	0,0003	-	-	0,0006	-	0,0005	-	0,0035	-
Elateridae	0,0192	0,0031	0,0067	0,0052	0,0126	0,0206	0,0021	0,0293	0,0063	0,0043
Endomychidae	0,0003	0,0002	0,0015	0,0006	-	0,0009	-	0,0004	-	-
Erirhinidae	-	0,0003	0,0016	-	-	0,0005	0,0002	-	-	0,0009
Erotylidae	-	-	0,0053	-	0,0003	-	-	-	0,0003	0,0004
Eucinetidae	-	-	0,0009	0,0009	0,0006	0,0004	-	0,0006	-	-
Eucnemidae	-	-	-	-	-	-	-	-	0,0004	-
Geotrupidae	0,0027	0,0068	0,0077	0,0875	0,0512	0,0263	0,0928	0,0871	0,0056	-

	Ельник типичный	Ельник приручьевой	Сосняк спелый	Сосняк молодой	Дубрава пойм.	Березняк	Ольховник	Осинник	Болото	Луг пойменный
Haliplidae	-	0,0003	-	-	-	-	-	-	-	-
Helophoridae	-	0,0001	0,0007	0,0007	-	-	-	-	-	-
Histeridae	-	0,0001	0,0009	-	-	-	0,0014	-	0,0035	0,0007
Hydraenidae	-	-	-	-	0,0004	-	-	-	-	-
Hydrophilidae	-	0,0013	-	-	0,0015	0,0002	0,0041	0,0004	0,0138	0,0014
Lampyridae	-	-	-	-	-	-	0,0002	-	-	-
Latridiidae	0,0023	0,0006	0,0014	0,0040	0,0009	0,0022	0,0016	0,0009	0,0008	-
Leiodidae	0,2112	0,1061	0,1188	0,1081	0,0885	0,0567	0,0400	0,1162	0,0970	0,0536
Lucanidae	0,0010	0,0004	-	-	0,0010	0,0031	0,0003	0,0062	0,0004	-
Lycidae	-	-	-	-	-	-	0,0011	-	-	-
Malachiidae	-	-	0,0019	-	-	-	-	0,0002	-	-
Melandryidae	-	-	-	-	0,0003	-	-	0,0004	-	-
Mordellidae	0,0011	-	0,0039	0,0021	0,0034	0,0007	-	0,0015	-	0,0019
Nitidulidae	-	0,0015	0,0008	-	-	0,0008	-	0,0012	-	-
Oedemeridae	-	-	0,0003	-	-	-	-	-	-	-
Phalacridae	0,0006	-	0,0031	-	-	-	-	-	-	-
Pselaphidae	0,0006	0,0001	-	0,0004	0,0004	0,0009	0,0009	0,0006	0,0026	0,0005
Ptinidae	0,0007	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Rhynchitidae	-	-	-	-	-	-	0,0002	-	-	-
Scarabaeidae	0,0007	0,0003	0,0054	0,0013	-	-	-	0,0024	-	0,0005
Scirtidae	0,0001	0,0007	-	-	0,0016	-	-	0,0004	-	-
Scolytidae	0,0018	0,0001	0,0009	0,0035	0,0003	-	-	-	0,0004	-
Scraptiidae	-	-	0,0003	-	0,0006	0,0002	-	-	-	-
Scydmaenidae	-	0,0003	0,0005	0,0004	0,0004	0,0003	0,0003	0,0006	0,0003	-
Silphidae	0,1129	0,0783	0,0825	0,0832	0,1145	0,0935	0,1202	0,0538	0,1576	0,1089
Staphylinidae	0,4082	0,5723	0,4098	0,4108	0,3835	0,4833	0,4572	0,5492	0,3555	0,1933
Tenebrionidae	0,0003	-	0,0091	-	0,0014	-	0,0012	-	0,0038	0,0032
Throscidae	0,0006	0,0001	0,0005	0,0127	0,0001	0,0008	-	0,0011	-	-

Особый интерес представляет рассмотрение доли доминирующих таксонов. В большинстве биотопов преобладают Staphylinidae (в сосняке приручьевом, осиннике они составляют 57 % и 55 % соответственно) (Табл. 3). На пойменном лугу за счет низких по сравнению с другими биотопами значений численности Leiodidae (5 %) и Staphylinidae (20 %) доминируют Carabidae (около 30 % суммарной численности). В ельниках и сосняках последние составляют 12-16 % населения, наименьшую долю жужелицы составляют в осиннике (5,5 %). Наибольшее (около 20 %) относительное обилие Leiodidae выявлено в типичном ельнике (в остальных биотопах оно составило порядка 10 %).

Типичные герпетобионты – Geotrupidae – не отмечены только на пойменном лугу. В сосняках и на болоте они оказались менее обильны (менее 1 % численности), чем в других биотопах (5-9 %).

Таким образом, полученные нами данные позволили охарактеризовать количественные показатели фауны жесткокрылых-герпетобионтов основных биотопов Алатырского участка ГПЗ и его охранной зоны. Результаты исследований могут послужить основой для мониторинговых исследований данной экологической группы Coleoptera на территории заповедника.

Благодарности. Авторы искренне признательны директору ГПЗ А.И. Олигеру и заместителю директора по научной работе А.В. Димитриеву за всестороннее содействие в проводимых исследованиях.

Литература:

Куруленко Д.Ю., Егоров Л.В. К фауне жужелиц (Coleoptera, Carabidae) государственного природного заповедника «Присурский» (Чувашская Республика) // Природа Европейской России: исследования молодых ученых: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2007. – С. 70-72.

Песенко Ю.А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. – М.: Наука, 1982. – 285 с.

Фасулати К.К. Полевое изучение наземных беспозвоночных. – М.: Высшая школа, 1971. – 424 с.

Löbl I., Smetana A. (ed.) Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 1. – Stenstrup: Apollo Books, 2003. – 819 p.

Löbl I., Smetana A. (ed.) Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 2. – Stenstrup: Apollo Books, 2004. – 942 p.

Löbl I., Smetana A. (ed.) Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 3. – Stenstrup: Apollo Books, 2006. – 690 p.

Löbl I., Smetana A. (ed.) Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 4. – Stenstrup: Apollo Books, 2007. – 935 p.

Löbl I., Smetana A. (ed.) Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Vol. 5. – Stenstrup: Apollo Books, 2008. – 670 p.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЦИКАДОФАУНЕ ЯЛЬЧИКСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*** В.И. Кириллова, И.В. Тенькова, ** Н.В. Мардарьева**
***Чувашский государственный педагогический университет,**
****Чувашская государственная сельскохозяйственная академия**

Яльчикский район входит в состав Юго-Восточного природного остепненного района Чувашии. Цикадовые на этой территории изучались в основном в конце прошлого века, и некоторые сведения были опубликованы (Кириллова, Волкова, Кудрявцева, 1998; Волкова, 2000; Кириллова, 2002а). Сборы в 1995-97 гг. проводились Волковой (Мардарьевой) Н.В. в окрестностях сел: Кушелга, Яманчурино, Эшмикеево и Кирилловой В.И. в окрестностях Эшмикеева, Шемалакова, на лугу вдоль р. Карла. Особенно подробно был исследован Шемалаковский лесной массив (ООПТ) и прилегающий к нему остепненный склон (Кириллова, 2002б). Некоторая часть материала из этого пункта представляла собой сборы на свет, переданные нам для обработки В.П. Лосмановым. До начала нынешних наших исследований цикадофауна района насчитывала более 60 видов из 6 семейств, в том числе на указанной ООПТ с прилегающим остепненным склоном выявлено 38 видов из 5 семейств. В настоящей работе приведены данные 1995–97 гг., а также сведения о сборах цикадовых, проведенных Теньковой И.В. в июле-сентябре 2009 г. в окрестностях с. Лащ-Таяба и вдоль р. Карла на маршруте Эшмикеево – Шемалаково. Использовался традиционный метод кошения сачком с последующей выборкой насекомых эксгаустером. Часть материала 2009 г. предоставлена Егоровым Л.В. (сборы на свет в с. Лащ-Таяба и кошением на Яльчикском участке государственного природного заповедника «Присурский»). Авторы статьи выражают всем названным лицам свою благодарность. Определение материала проведено Кирилловой В.И. по самцам с препаровкой гениталий. Использовались определители А.Ф. Емельянова (1964), Ю. Вильбасте (Vilbaste, 1971), Оссианильссона (Ossiannilsson, 1978, 1981, 1983).

Общее количество собранных насекомых составляет более 3000 экземпляров. В приводимые ниже таблицы включены также названия таксонов, представленных только самками (как правило, идентифицированных лишь до рода ввиду сложности определения).

Результаты и их обсуждение

Цикадофауна суходольных лугов. В мае-августе 1995 г. сборы на суходольном лугу в окр. с. Кушелга проведены Мардарьевой (Волковой) Н.В. Обнаружено 5 видов из сем. Cicadellidae: *Doratura stylata, Errastunus ocellaris, Mocuellus collinus, Macrosteles laevis, Psammotettix confinis.* Два последних вида являлись супердоминантами по численному обилию (в сумме 97,80% сборов). Бедность видового состава, наличие видов-супердоминантов свидетельствуют о высокой степени антропогенного воздействия на биоценоз (данный луг использовался для выпаса скота). Были обнаружены также единичные самки и личинки дельфацид, которых не удалось идентифицировать до вида.

Обследованная в 2009 г. территория суходольного луга в окр. с. Лащ-Таяба граничит с сосновой посадкой и прудами. Водный баланс поддерживается в основном неглубоко проходящими грунтовыми водами (4–5 м) и атмосферными осадками (Отчет о землепользовании колхоза «Слава», 1981). Рельеф участка холмисто-равнинный, сильно изрезанный овражной сетью. На участке есть редкие деревья березы. Травянистый покров составляют различные злаковые: тимофеевка луговая (*Phleum pratense*), овсяница желобчатая (*Festuca valensiaca*), мятлик луговой (*Poa pratensis*), мятлик луковичный (*Poa bulbosa*); сложноцветные: кульбаба осенняя (*Leontodon autumnalis*) и др. Из зонтичных встречается тмин обыкновенный (*Carum carvi*). Обследованный суходольный луг используется в качестве пастбища, поэтому растительность здесь подвержена сильной дигрессии.

В таблице 1 приведены данные по видовому и групповому составу цикадофауны исследуемого биотопа. В нем выявлено 22 вида цикадовых из 3 семейств. По видовому богатству (18 видов) и численному обилию доминирует семейство Cicadellidae.

Таблица 1

Видовой состав и численное обилие цикадовых суходольного луга (2009)

№ п/п	Семейство, вид	Число экз.	% в сборах
Семейство Aphrophoridae		**1**	**0,21**
1.	*Neophilaenus lineatus* L.	1	0,21

№ п/п	Семейство, вид	Число экз.	% в сборах
Семейство Cicadellidae		**466**	**97,08**
2.	*Macropsis* sp.	2	0,42
3.	*Hephathus nanus* H.-S.	52	10,83
4.	*Agallia ribauti* Oss.	1	0,21
5.	*Aphrodes albifrons* L.	2	0,42
6.	*Aphrodes bicinctus* Schrk.	20	4,17
7.	*Aphrodes trifasciatus* Fourcr.	5	1,04
8.	*Chlorita viridula* Fall.	2	0,42
9.	*Macrosteles* sp.	2	0,42
10.	*Doratura homophyla* Flor.	132	27,50
11.	*Doratura stylata* Boh.	162	33,75
12.	*Graphocraerus ventralis* Fall.	2	0,42
13.	*Rhopalopyx preyssleri* H.-S.	1	0,21
14.	*Laburrus* sp.	1	0,21
15.	*Psammotettix confinis* Dhlb.	2	0,42
16.	*Psammotettix striatus* L.	68	14,17
17.	*Errastunus ocellaris* Fall.	2	0,42
18.	*Turrutus socialis* Flor.	1	0,21
19.	*Diplocolenus abdominalis* Fabr.	3	0,63
20.	*Sorhoanus magnus* Mit.	2	0,42
21.	*Mocuellus collinus* Boh.	2	0,42
	Личинки	2	0,42
Семейство Delphacidae		**13**	**2,71**
22.	*Ribautodelphax albostriata* Fieb.	4	0,83
23.	*Ribautodelphax collina* Boh.	2	0,42
24.	*R. ochreata* Vilb.	1	0,21
	Самки Delphacidae	6	1,25
	Всего	**480**	**100**

Соотношение семейств цикадовых показано на диаграмме (рис. 1).

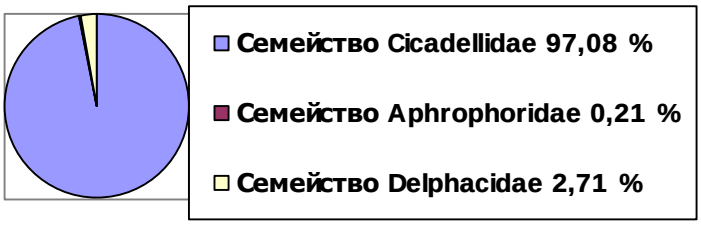


Рис. 1. Соотношение семейств цикадовых суходольного луга по численному обилию.

Семейство Delphacidae представлено 3 видами, семейство Aphrophoridae – 1 видом. По общеевропейской шкале обилия Ренконена (Renkonen, 1938) во всех биотопах нами были выделены доминантные, субдоминантные и редкие виды.

Доминантными видами суходольного луга являются: *Hephathus nanus, Doratura homophyla, Doratura stylata, Psammotettix striatus. Aphrodes bicinctus* – субдоминантный вид. В сумме выявленные доминантные и субдоминантные виды (5) являются фоновыми для данного биотопа. Остальные виды – редкие.

Таким образом, список цикадовых суходольных лугов района значительно расширился и насчитывает 23 вида цикадовых (включая *Macrosteles laevis*) из 3 семейств.

Цикадофауна пойменных лугов. В июле-августе 1995–96 гг. изучалась цикадофауна пойменных лугов вдоль р. Кубня (окр. с. Кушелга), в мае 1996 г. – вдоль р. Карла (окр. с. Шемалаково). В эти годы отмечено наибольшее видовое обилие цикадовых района именно для данной группы биотопов – 29 видов из 3 семейств.

Семейство Aphrophoridae представлено 5 видами: *Aphrophora alni* Fall., A. *costalis* Mats., A. *salicina* Goeze, *Neophilaenus lineatus* L., *Philaenus spumarius* L.; семейство Delphacidae – 6 видами: *Euconomelus lepidus* Boh., *Laodelphax striatella* Fall., *Javesella dubia* Kbm., *J. pellucida* Fabr., *J. stali* Metc., *Ribautodelphax albostriata* Fieb. Больше всего видов выявлено из семейства Cicadellidae (18): *Hephatus nanus* H–S., *Populicerus confusus* Flor., *Notus flavipennis* Zett., *Kybos strigilifer* Oss., *Arboridia parvula* Boh., *A. velata* Rib., *Balclutha punctata* Fabr., *Macrosteles laevis* Rib., *M. viridigriseus* Edw., *Deltocephalus pulicaris* Fall., *Doratura homophyla* Flor., *Cicadula quadrinotata* Fabr., *Hezium domino* Reut., *Limotettix striola* Fall., *Euscelis distinguendus* Kbm., *Psammotettix confinis* Dhlb., *Errastunus ocellaris* Fall., *Diplocolenus abdominalis* Fabr. Среди них в число доминирующих вошли: *Kybos strigilifer, Macrosteles laevis, Cicadula quadrinotata, Deltocephalus pulicaris, Doratura homophyla, Psammotettix confinis*; в число субдоминантов – *Aphrophora costalis, A. salicina, Notus flavipennis, Errastunus ocellaris.* Общее число фоновых видов – 10. Отдельно позже был собран *Ophiola russeola* Fall.

В 2009 г. был обследован луг на левом берегу р. Карла по маршруту Эшмикеево – Шемалаково. Весной, во время половодья, Карла затапливает пойму на 3-6 м в течение 40-45 дней. Водный режим поддерживают атмосферные осадки и грунтовые воды, залегающие на глубине 7-8 м. Возле реки густые заросли образуют ива корзиночная (*Salix viminalis*), клен американский (*Acer negundo*). Травяной покров представлен в основном злако-

выми: преобладают костер безостый (*Bromopsis Leyss*), щучка дернистая (*Deschampsia caespitosa*), мятлик луговой (*Poa pratensis*), мятлик луковичный (*Poa bulbosa*). Встречаются участки, сплошь покрытые крапивой двудомной (*Urtica dioica*) и репейником обыкновенным (*Arctium lappa*). Не столь многочисленны: осот полевой (*Sonchus arvensis*), пижма обыкновенная (*Tanacetum vulgare*), чертополох Термера (*Carduus cripsis*), цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus*). Реже встречаются щавель конский (*Rumex confertus*), полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*). На данном участке производится выпас домашнего скота. Характерно, что близко, примерно в 10 м от реки, находятся распаханные участки.

Данные по видовому и групповому составу цикадофауны исследованного биотопа приводится в таблице 2.

Таблица 2

Видовой состав и численное обилие цикадовых пойменного луга (2009)

№п/п	Семейство, вид	Число экз.	% в сборах
Семейство Aphrophoridae		**27**	**4,27**
1.	*Lepyronia coleoptrata* L.	6	0,95
2.	*Neophilaenus lineatus* L.	8	1,26
3.	*Philaenus spumarius* L.	13	2,05
Семейство Cicadellidae		**589**	**93,05**
4.	*Agallia brachyptera* Boh.	1	0,16
5.	*Agallia ribauti* Oss.	1	0,16
6.	*Aphrodes bicinctus* Schrk.	1	0,16
7.	*Aphrodes* sp.	2	0,32
8.	*Macrosteles* sp.	4	0,63
9.	*Cicadella viridis* L.	37	5,85
10.	*Doratura homophyla* Flor.	7	1,11
11.	*Doratura stylata* Boh.	50	7,9
12.	*Graphocraerus ventralis* Fall.	1	0,16
13.	*Rhopalopyx preyssleri* H.-S.	41	6,48
14.	*Elymana sulphurella* Zett.	15	2,37
15.	*Athysanus argentarius* Metc.	47	7,42
16.	*Handianus flavovarius* H.-S.	152	24,01
17.	*Laburrus* sp.	2	0,32
18.	*Streptanus aemulans* Kbm.	29	4,58
19.	*Psammotettix striatus* L.	11	1,74
20.	*Errastunus ocellaris* Fall.	62	9,79
21.	*Diplocolenus abdominalis* Fabr.	27	4,27
22.	*Arthaldeus* sp.	5	0,79
23.	*Sorhoanus magnus* Mit.	88	13,9
24.	*Enantiocephalus cornutus* H.-S.	4	0,63
25.	*Mocuellus collinus* Boh.	2	0,32
Семейство Delphacidae		**17**	**2,69**
26.	*Asiraca clavicornis* Fabr.	1	0,16
27.	*Stenocranus major* Kbm.	1	0,16
28.	*Ditropsis flavipes* Sign.	1	0,16
29.	*Ribautodelphax albostriata* Fieb.	13	2,05
30.	*Javesella pellucida* Fabr.	1	0,16
	Всего	**633**	**100**

В данном биотопе выявлено 27 видов из 3 семейств. По видовому богатству (18 видов) и по численному обилию видов доминирует семейство Cicadellidae. Соотношение семейств цикадовых показано на диаграмме (рис. 2).

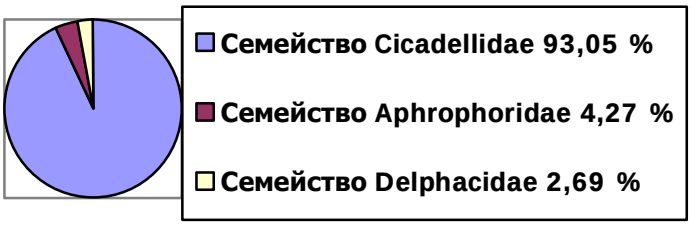


Рис. 2. Соотношение семейств цикадовых пойменного луга по численному обилию.

Семейство Delphacidae представлено 5 видами, семейство Aphrophoridae – тремя. Выделено 12 фоновых видов. Доминантными видами данного биотопа являются: *Cicadella viridis, Doratura stylata, Rhopalopyx preyssleri, Athysanus argentarius, Handianus flavovarius, Errastunus ocellaris, Sorhoanus magnus*; субдоминантными – *Philaenus spumarius, Elymana sulphurella, Streptanus aemulans, Diplocolenus abdominalis, Ribautodelphax albostriata.* Остальные виды – редкие.

Таким образом, в общей сложности для цикадофауны пойменных лугов района выявлено 47 видов из 3 семейств. Пенницы представлены 6 видами, свинушки – 9; цикадки – 32 видами.

Цикадофауна сосновых посадок. В июле 1997 г. была обследована сосновая посадка в окр. с. Кушелга. Выявлены цикадовые из 3 семейств: Пенницы (1 вид) – *Philaenus spumarius*; Цикадки (7 видов) – *Evacanthus acuminatus* Fabr., *Empoasca pteridis* Dhlb., *Deltocephalus pulicaris* Fall., *Elymana sulphurella, Psammotettix striatus, Diplocolenus abdominalis, Mocuellus collinus*; Свинушки (2 вида) – *Laodelphax striatella, Javesella obscurella* Boh.

В 2009 г. изучены цикадовые сосновой посадки в окр. с. Лащ-Таяба. Длина посадки примерно 2000 м, ширина – 100-400 м. Рельеф исследуемой территории холмисто-равнинный, сильно изрезанный овражной сетью. Данный участок неплохо освещен, с севера и востока окружен прудами, с юга и запада – суходольными лугами, которые используются в качестве пастбищ. Периодически выпас домашнего скота производится и в посадке. Водный режим поддерживается атмосферными осадками и, главным образом, неглубоко находящимися грунтовыми водами (3-5 м) (Отчет…, 1981). Почвенный покров в середине посадки почти полностью покрыт хвоей, по краям ее в травянистом покрове отмечены: одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale*), овсяница желобчатая (*Festuca valesiaca*), подорожник средний (*Plantaga media*), клевер ползучий (*Trifolium repens*). Местами попадаются репейник обыкновенный (*Arctium lappa*), полынь горькая (*Artemisia absinthium*).

Данные по видовому и групповому составу цикадовых приводятся в таблице 3.

Таблица 3

Видовой состав и численное обилие цикадовых сосновой посадки (2009)

№ п/п	Семейство, вид	количество	% в сборах
	Семейство Aphrophoridae	**5**	**1,33**
1.	*Philaenus spumarius* L.	5	1,33
	Семейство Cicadellidae	**316**	**84,04**
2.	*Agallia ribauti* Oss.	1	0,27
3.	*Aphrodes bicinctus* Schrk.	1	0,27
4.	*Notus flavipennis* Zett.	1	0,27
5.	*Grypotes puncticollis* H.-S.	11	2,93
6.	*Balclutha punctata* Fabr.	1	0,27
7.	*Macrosteles* sp.	1	0,27
8.	*Deltocephalus pulicaris* Fall.	1	0,27
9.	*Doratura homophyla* Flor.	46	12,23
10.	*Doratura stylata* Boh.	150	39,89
11.	*Rhopalopyx preyssleri* H.-S.	5	1,33
12.	*Elymana sulphurella* Zett.	8	2,13
13.	*Cicadula* sp.	2	0,53
14.	*Handianus flavovarius* H.-S.	5	1,33
15.	*Stictocoris picturatus* C. Sahlb.	1	0,27
16.	*Psammotettix confinis* Dhlb.	2	0,53
17.	*Psammotettix* sp.	1	0,27
18.	*Errastunus ocellaris* Fall.	37	9,84
19.	*Diplocolenus abdominalis* Fabr.	17	4,52
20.	*Enantiocephalus cornutus* H.-S.	1	0,27
21.	*Mocuellus collinus* Boh.	22	5,85
	Личинки	2	0,53
	Семейство Delphacidae	**55**	**14,63**
22.	*Dicranotropis hamata* Boh.	7	1,86
23.	*Laodelphax striatella* Fall.	1	0,27
24.	*Ribautodelphax albostriata* Fieb.	44	11,70
25.	*Javesella dubia* Kbm.	1	0,27
	Самки Delphacidae	2	0,53
	Всего	**376**	**100**

В данной сосновой посадке выявлено 22 вида цикадовых из 3 семейств. По численности и видовому разнообразию преобладает семейство Cicadellidae – 84,04 % (17 видов).

Соотношение семейств цикадовых показано на диаграмме (рис. 3).

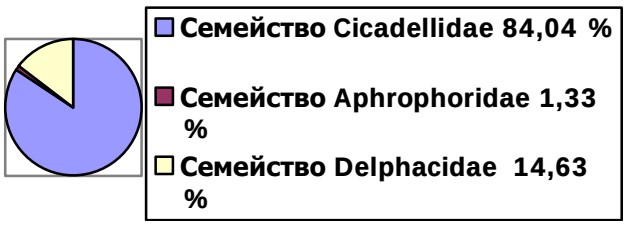


Рис. 3. Соотношение семейств цикадовых сосновой посадки по численному обилию.

Семейство Delphacidae представлено 4 видами, семейство Aphrophoridae – 1 видом. Выделено 8 фоновых видов. К доминантным видам относятся: *Doratura homophyla, Doratura stylata, Errastunus ocellaris, Mocuellus collinus, Ribautodelphax albostriata*; к субдоминантным – *Grypotes puncticollis, Elymana sulphurella, Diplocolenus abdominalis*. Остальные виды – редкие. Следует заметить, что в списке видов есть околоводные обитатели, в частности – *Notus flavipennis* (сборы захватили берег пруда, находящегося в посадке). В целом для сосновых посадок Яльчикского района отмечено 27 видов из 3 семейств.

Цикадофауна березовой посадки. Цикадофауна исследована в 2009 г. Посадка представляет собой старую полезащитную полосу шириной около 10 м и длиной менее 1 км. Кроме березы повислой, в посадке – густые заросли караганы древовидной (*Caragana arborescens*). Травянистая растительность редкая, часто отсутствует совсем, лишь изредка встречаются: клевер ползучий (*Trifolium repens*), мятлик однолетний (*Poa annua*), подорожник большой (*Plantago major*), цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus*). В таблице 4 приведены данные по видовому и групповому составу цикадофауны исследуемого биотопа.

Таблица 4

Видовой состав и численное обилие цикадовых березовой посадки (2009)

№ п/п	Семейство, вид	количество	% в сборах
Семейство Membracidae		**49**	**59,04**
1.	*Gargara genistae* Fabr.	49	59,04
Семейство Cicadellidae		**25**	**30,12**
2.	*Aphrodes* sp.	1	1,20
3.	*Kybos* sp.	1	1,20
4.	*Doratura* sp.	1	1,20
5.	*Handianus flavovarius* H.-S.	2	2,41
6.	*Bobacella corvina* Horv.	1	1,20
7.	*Psammotettix striatus* L.	2	2,41
8.	*Diplocolenus abdominalis* Fabr.	15	18,07
9.	*Sorhoanus* sp.	2	2,41
Семейство Delphacidae		**9**	**10,84**
10.	*Acanthodelphax denticauda* Boh.	1	1,20
11.	*Laodelphax striatella* Fall.	1	1,20
12.	*Ribautodelphax albostriata* Fieb.	7	8,43
	Всего	**83**	**100**

В данном биотопе выявлено только 8 видов из 3 семейств. По численному обилию доминирует семейство Membracidae – 59 %, по видовому обилию – Cicadellidae (4 вида). Семейство Delphacidae представлено 3 видами и составляет около 11% численного обилия.

Соотношение семейств цикадовых показано на диаграмме (рис. 4)

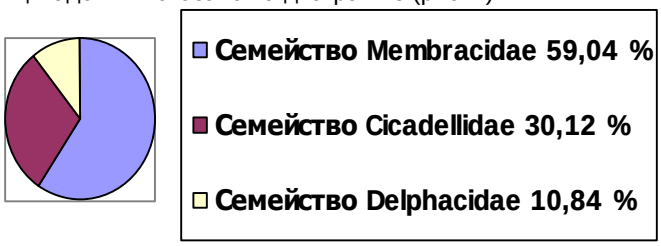


Рис. 4. Соотношение семейств цикадовых березовой посадки по численному обилию.

Выделено 5 фоновых видов. Доминантными являются: *Gargara genistae, Diplocolenus abdominalis, Ribautodelphax albostriata*; субдоминантными – *Handianus flavovarius, Psammotettix striatus*.

Цикадофауна заброшенного сада. Сад находится близ с. Лащ-Таяба, его площадь – около 8,5 га. Рельеф равнинный. Поверхность ровная. Тип почвы – выщелоченный чернозем. Почва зернистая, комковатая из-за присутствия солей кальция. Участок затененный, водный режим поддерживается атмосферными осадками и в основном грунтовыми водами (3–5 м). Деревья представлены яблонями, кленом ясенелистным (*Acer negundo*), березой повислой (*Betula pendula*); кустарники – различными видами ив, смородиной; травяной покров – костром безостым (*Bromopsis inermis*), тысячелистником обыкновенным (*Achillea millefolium*), одуванчиком лекарственным (*Taraxacum officinale*). В большом количестве встречается бодяк полевой (*Cirsium arvense*), бодяк обыкновенный (*Cirsium vulgare*), репейник обыкновенный (*Arctium lappa*). Местами густые заросли образуют полынь горькая (*Artemisia absinthium*) и щавель конский (*Rumex confertus*). Сборы цикадовых проводились в 2009 г.

Данные по видовому и групповому составу цикадофауны исследованного биотопа приведены в таблице 5.

Таблица 5

Видовой состав и численное обилие цикадовых заброшенного сада (2009)

№ п/п	Семейство, вид	количество	% в сборах
Семейство Aphrophoridae		**28**	**12,28**
1.	*Lepyronia coleoptrata* L.	9	3,95
2.	*Philaenus spumarius* L.	19	8,33
Семейство Cicadellidae		**191**	**83,77**
3.	*Agallia ribauti* Oss.	2	0,88
4.	*Batracomorphus allionii* Turt.	1	0,44
5.	*Aphrodes bicinctus* Schrk.	4	1,75
6.	*Cicadella viridis* L.	9	3,95
7.	*Balclutha punctata* Fabr.	6	2,63
8.	*Deltocephalus pulicaris* Fall.	1	0,44
9.	*Doratura stylata* Boh.	9	3,95
10.	*Elymana sulphurella* Zett.	7	3,07
11.	*Handianus flavovarius* H.-S.	62	27,19

№ п/п	Семейство, вид	количество	% в сборах
12.	*Stictocoris picturatus* C. Sahlb.	2	0,88
13.	*Euscelis distinguendus* Kbm.	1	0,44
14.	*Psammotettix striatus* L.	11	4,82
15.	*Errastunus ocellaris* Fall.	29	12,72
16.	*Diplocolenus abdominalis* Fabr.	26	11,40
17.	*Arthaldeus* sp.	6	2,63
18.	*Sorhoanus magnus* Mit.	3	1,32
19.	*Enantiocephalus cornutus* H.-S.	1	0,44
20.	*Mocuellus collinus* Boh.	1	0,44
21.	Личинки	10	4,39
	Семейство Delphacidae	**9**	**3,95**
22.	*Dicranotropis hamata* Boh.	3	1,32
23.	*Ribautodelphax albostriata* Fieb.	1	0,44
24.	*Javesella pellucida* Fabr.	2	0,88
25.	Самки Delphacidae	2	0,88
26.	Личинки	1	0,44
	Всего	**228**	**100**

В данном биотопе выявлено 23 вида из 3 семейств. По видовому богатству и по численному обилию видов доминирует семейство Cicadellidae – 83,77% (19 видов). Семейство Aphrophoridae представлено 2, Delphacidae – 3 видами. Соотношение семейств показано на диаграмме (рис. 5).

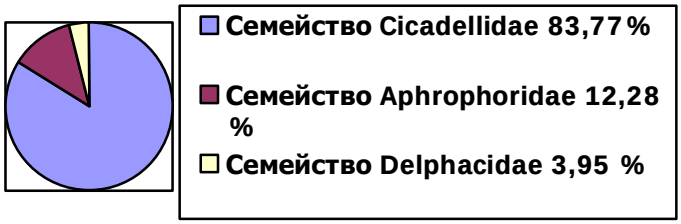


Рис. 5. Соотношение семейств цикадовых заброшенного сада по численному обилию.

Выделено 10 фоновых видов. Доминантами являются: *Philaenus spumarius, Handianus flavovarius, Errastunus ocellaris, Diplocolenus abdominalis*; субдоминантами – *Lepyronia coleoptrata, Cicadella viridis, Balclutha punctata, Doratura stylata, Elymana sulphurella, Psammotettix striatus*.

Цикадофауна полей. В 1995-97 гг. в окр. с. Кушелга обследовались поля зерновых (яровая пшеница), пропашных (свекла), многолетних трав (клевер). На зерновых обнаружено 4 вида: *Macrosteles laevis, Psammotettix striatus, Errastunus ocellaris, Diplocolenus abdominalis*. Первые два вида – вредители злаковых и переносчики фитопатогенных вирусов (Ануфриев, Кириллова, 1998). Вторые два вида – с сорняков. На свекольном поле также выявлено 4 вида: *Philaenus spumarius, Empoasca pteridis* Dhlb., *Dicraneura variata* Hardy, *Neoaliturus haematoceps* M. and R. Вредителем свеклы является *Empoasca pteridis*, остальные виды связаны с сорняками. В сборах на клеверном поле было учтено 5 видов: *Philaenus spumarius, Macrosteles laevis, Psammotettix confinis, Errastunus ocellaris, Laodelphax striatella.* Специфичных вредителей бобовых среди них нет.

Цикадофауна участков луговых степей. Луговые степи Ялчикского района уникальны, поскольку это самые северные территории в Европе. Ввиду сильной распаханности они сохранились в виде небольших участков и приурочены главным образом к известковым склонам по линии Шемалаково – Яманчурино – Эшмикеево. Ранее нами для Шемалакова – Яманчурина отмечалось 24 вида цикадовых, приуроченных к степным склонам (Кириллова, 1997; Волкова, 2000; Кириллова, 2002б). Сем. Пенницы (2 вида) – *Lepyronia coleoptrata, Philaenus spumarius*; сем. Горбатки (1 вид) – *Gargara genistae*; сем. Цикадки (13 видов) – *Agallia brachyptera* Boh., *Aphrodes bicinctus* Schrk., *Cicadella viridis* L., *Empoasca pteridis* Dhlb., *Chlorita viridula* Fall., *Balclutha punctata* Fabr., *Macrosteles laevis* Rib., *Deltocephalus pulicaris, Doratura stylata, Handianus flavovarius, Psammotettix striatus, Mocuellus collinus*; сем. Свинушки (6 видов): *Eurybregma nigrolineata* Scott., *E. porcus* Em., *Metropis inermis* Wagn., *Laodelphax striatella* Fall., *Javesella dubia* Kbm., *J. pellucida* Fabr; сем. Циксииды (Cixiidae) (1вид) – *Cixius nervosus* L.; сем. Тетигометриды (Tettigometridae) (1 вид) – *Tettigometra atra* Hgb. Сборы В.П. Лосманова на свет позволили добавить еще 12 видов из сем. Цикадки: *Hephathus nanus* H.-S., *Austroasca vittata* Leth., *Eupteryx notata* Curt., *Graphocraerus ventralis* Fall., *Doratura homophyla* Flor., *Rhopalopyx preyssleri* H.-S., *Stictocoris picturatus* C. Sahlb., *Psammotettix confinis* Dhlb., *P. koeleriae* Zachv., *Errastunus ocellaris* Fall., *Sorhoanus medius* M. et R., *Turrutus socialis* Flor. и 5 видов из сем. Свинушки: *Dicranotropis hamata* Boh., *Ribautodelphax albostriata* Fieb., *R. ochreata* Vilb., *Xanthodelphax flaveola* Flor., *Delphacinus mesomelas* Boh.

Примером исчезающей степи в районе является Суринский склон (окр. с. Эшмикеево), где в 30-е годы XX века был сурковый заказник. К концу прошлого века сурки исчезли, почти полностью были сведены из-за перевыпаса степные растения. С 2000 г. этот уникальный степной участок является кластерным участком ГПЗ «Присурский». В настоящее время там под охраной находятся около 70 видов редких растений, байбак европейский, суслик крапчатый, степная пеструшка и другие виды животных. В июле 2009 г. сборы на этом участке проводил Л.В. Егоров. Было выявлено 2 вида пенниц: *Neophilaenus campestris* Fall., *Philaenus spumarius*; 1 вид горбаток – *Gargara genistae*, 4 вида цикадок: *Handianus flavovarius, Laburrus impictifrons* Boh., *Diplocolenus abdominalis, Eupteryx atropunctata* Goeze; 1 вид дельфацид – *Ditropsis flavipes* Sign. Один вид цикадок идентифицирован только до рода – *Sorhoanus* sp., так же, как и циксиид – *Hyalesthes* sp. Таким образом, для луговых степей района отмечено 44 вида из 6 семейств/

Уникальность обследованных участков луговых степей подчеркивается наличием видов тетийской группы ареалов: *Psammotettix koeleria* (западнотетийский ареал), *Ribautodelphax ochreata* (субпанскифский ареал), *Sorhoanus medius*, *S. magnus*, *Metropis inermis*, *Enantiocephalus cornutus* (субзападноскифский ареал), хотя в целом Чувашия лежит в пределах западносубконтинентального сектора суббореального пояса Евразии, и основная ее часть относится к Европейской неморальной области Гиадийского подцарства (Ануфриев, Кириллова, 1998).

Цикадовые памятника природы «Шемалаковский ландшафт».

Фауна цикадовых данной территории обследована Кирилловой В.И. в мае 1996 г. Она включает всего 10 видов: 3 вида из сем. Цикадки: (*Balclutha punctata*, *Hesium domino* Reut., *Bobacella corvina* Horv.) и 7 видов из сем. Свинушки (*Eurybregma nigrolineata*, *Metropis inermis*, *Laodelphax striatella*, *Javesella dubia*, *J. obscurella*, *Ribautodelphax albostriata*, *R. ochreata* Vilb.). Для полного выявления фауны необходимы летне-осенние сборы.

Сборы на свет. Как отмечено выше, часть материала в с. Лащ-Таяба была собрана на свет. Всего в конце июля 2009 г. около питомника охотничьих собак наблюдался лет 14 видов из семейств Delphacidae (*Javesella pellucida* Fabr., *Megamelus notula* Germ.) и Cicadellidae (*Populicerus confusus* Flor., *P. populi* L., *Idiocerus laminatus* Flor., *I. herrichii* Kbm., *Kybos lindbergi* L., *K. rufescens* Mel., *Eupteryx vittata* L., *Macrosteles sexnotatus* Fall., *Elymana sulphurella* Zett., *Limotettix striola* Fall., *Euscelis distinguendus* Kbm., *Streptanus marginatus* Kbm.). Часть видов – с берез и ив, часть – (болотные) с пересыхающих прудов близ питомника.

Сборы на отдельных деревьях и кустарниках. В 1996-97 гг. Волковой Н. В. проводились сборы в окр. с. Кушелга на отдельных деревьях, кустарниках. Было обнаружено 6 видов цикадовых-дендробионтов и тамнобионтов. На вязе обнаружен 1 вид – *Ribautiana ulmi* L.; на дубе – 3 вида: *Arboridia parvula* Boh., *A. velata* Rib., *Eurrhadina pulchella* Fall.; на липе 1 вид – *Aguriachana stellulata* Burm.; на ивах 1 вид – *Sagatus punctifrons* Fall.

Таким образом, всего для Яльчикского района Чувашии отмечен 91 вид цикадовых из 6 семейств. Наиболее богаты видами оказались пойменные луга (47 видов из 3 семейств) и участки луговых степей (44 вида из 6 семейств). В большей степени в районе изучены цикадовые-хортобионты и в меньшей степени – дендробионты. 23 вида указаны впервые для района. Два вида – *Kybos rufescens* Mel. и *Streptanus marginatus* Kbm. являются новыми для Чувашии. Для *Asiraca clavicornis* Fabr. – это вторая точка в республике (вид в 2005 г. был отмечен в заказнике «Аттиковский остепненный склон», Козловский район). Данный вид – единственный представитель самого примитивного подсемейства Asiracinae в семействе Delphacidae с территории России. В Чувашии проходит северная граница его ареала. Ранее отмечался с юга Европейской части России.

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Изучение и оценка состояния хорологических комплексов редких видов беспозвоночных, растений, птиц Чувашской Республики» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 10-04-97053 – р_поволжье_а за 2010 г.).

Литература:

Ануфриев, Г. А. Цикадовые (Homoptera, Cicadina) Чувашской Республики: опыт анализа фауны / Г. А. Ануфриев, В. И. Кириллова. – Чебоксары : КЛИО, 1998. – 176 с.

Емельянов, А. Ф. Подотряд Cicadinea (Auchenorrhyncha) – Цикадовые / А. Ф. Емельянов // Определитель насекомых европейской части СССР. Т. 1. – М.; Л. : Наука, 1964. – С. 337-437.

Волкова, Н. В. К разнообразию фауны остепненных участков юго-востока Чувашской Республики / Н. В. Волкова // Научные труды государственного природного заповедника «Присурский». – Чебоксары ; Атрат, 2000. – Том 3. – С. 63-67.

Кириллова, В. И. Фаунистические комплексы цикадовых остепненных участков Чувашской Республики / В. И. Кириллова // Степи Евразии : сохранение природного разнообразия и мониторинг состояния экосистем : матер. межд. симпоз. – Оренбург, 1997. – С. 104.

Кириллова, В. И. Ландшафтное распределение цикадовых (Homoptera, Cicadina) Чувашской Республики / В. И. Кириллова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2002а. – № 8 (32). – С. 49-56.

Кириллова, В. И. Цикадовые (Homoptera, Cicadinea) некоторых степных ООПТ Чувашской Республики / В. И. Кириллова // Научные труды государственного природного заповедника «Присурский». – Чебоксары ; Москва, 2002б. – Том 9. – С. 198.

Кириллова, В. И. К цикадофауне юго-востока Чувашии / В. И. Кириллова, Н. В. Волкова, Н. В. Кудрявцева // Энтомологические исследования в Чувашии : матер. I Республ. энтомол. конф. – Чебоксары, 1998. – С. 51-55.

Отчет о землепользовании колхоза «Слава». – 1981. – 23 с.

Ossiannilsson, F. The Auchenorrhyncha (Homoptera) of Fennoscandia and Denmark. Part 1: Introduction, infraorder Fulgoromorpha / F. Ossiannilsson // Fauna Entomol. Scandinavica. – Klampenborg, 1978. – Vol. 1. – P. 1. – P. 1-222.

Ossiannilsson, F. The Auchenorrhyncha (Homoptera) of Fennoscandia and Denmark. Part 2: The families Cicadidae, Cercopidae, Membracidae, and Cicadellidae (excl. Deltocephalinae) / F. Ossiannilsson // Fauna Entomol. Scandinavica. – Klampenborg, 1981. – Vol. 7. – P. 2. – P. 223-593.

Ossiannilsson, F. The Auchenorrhyncha (Homoptera) of Fennoscandia and Denmark. Part 3: The family Cicadellidae: Deltocephalinae, Catalogue, Literature and Index / F. Ossiannilsson // Fauna Entomol. Scandinavica. – Copenhagen, 1983. – Vol. 7. – P. 3. – P. 594-979.

Renkonen, O. Statistisch-okologische Untersuchungen uber die terrestrische Kaferwelt der finnischen Brukmoore / O. Renkonen // Acta zool. Soc. zool. - bot. fenn. "Vanamo". – 1938. – Vol. 6. – Fasc. 1. – P. 1-31.

Vilbaste, J. Eesti tirdid I. / J. Vilbaste. – Tallin, 1971. – 284 p.

К ПОЗНАНИЮ ПОЗДНЕЛЕТНЕЙ И РАННЕОСЕННЕЙ ФАУН СОВОК (LEPIDOPTERA: NOCTUIDAE) ЛАЗОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Л.Г. КАПЛАНОВА

***А.Ю. Матов, **А.А. Ластухин**

*** Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург,**

**** Эколого-биологический центр “Карăш”, г. Чебоксары,**

Чувашское отделение РЭО

Лазовский государственный заповедник находится на юге Приморского края, известного наибольшим в России разнообразием фауны чешуекрылых (Lepidoptera), в том числе и совок (Noctuidae). Изучение фауны дан-

ного семейства в заповеднике было начато более 40 лет назад. С тех пор опубликован целый ряд работ, касающихся этой темы (Ольшванг, 1971; Чистяков, 1981; Животченко и др., 1989; Чистяков, 2003). Наиболее полный список совок заповедника приведен в недавно выпущенной монографии по фауне насекомых этой охраняемой территории (Кононенко, 2009). Однако и он далеко не исчерпывающий, что подтвердили наши исследования.

Благодаря любезному приглашению администрации Лазовского заповедника с 1 июля по 1 октября 1980 г. второму автору довелось ознакомиться с его природой. В заповеднике он работал лаборантом при музее, и в его задачу входило изготовление экспозиции бабочек. Кроме того, он проходил в нем полевую практику как студент биофака, совершая экскурсии в разные точки заповедника (остров Петрова, бухта Тачингоу на берегу Японского моря, гора Черная, дер. Киевка, Сокольчи, пос. Лазо, корд. Сухой ключ, Корпадь и др.). Часто его спутниками были орнитолог заповедника Н. Коломейцев, энтомолог С.В. Мурзин. Приезжал и сам руководитель практики Иван Михайлович Олигер. Совместно с ним пройден ряд интересных маршрутов, на одном из которых, у кордона Корпадь, неожиданно были встречены тигрица с подросшим тигрёнком.

Сбор бабочек проводился на свет кварцевой лампы мощностью в 500 вт в следующих пунктах: 1– окр. дер. Киевка, у телевышки на вершине сопки, покрытой хвойно-широколиственным лесом; 2 – окр. дер. Сокольчи (северо-восточная граница заповедника), долина р. Полярная Звезда, недалеко от кордона Корпадь.

Погодные условия были благоприятными для исследований; средняя температура в июле-августе была около 20°С, осадки были очень редкими.

Ниже приводим аннотированный список собранных совок с указанием числа экземпляров и мест сбора. Определение видов проведено А.Ю. Матовым, сбор бабочек, изготовление коллекций и препаратов – А.А. Ластухиным. Один вид, дополняющий наш список, собран Л.В. Егоровым в 1982 г., что отмечено в тексте. Материалы хранятся в экспозиции музея заповедника (по данным на 1980 г.) и в коллекции А.А. Ластухина (Чебоксары). Новые для фауны заповедника виды помечены звездочкой (*). При составлении списка использована классификация, принятая Кононенко (2009). К работе прилагаются фото некоторых видов (см. цветную табл. 1 – Редкие бабочки-совки Лазовсского заповедника на задней обложке данного тома Научных трудов).

Семейство Noctuidae

Eublemminae

Pangrapta lunulata (Stertz, 1915) – Киевка, 02.09.1980, 1 экз.
P. suaveola Staudinger, 1888 – Киевка, 10.07.1980, 1 экз.

Herminiinae

Hadennia incongruens (Butler, 1879) – Киевка, 20.08.1980, 1 экз.
Paracolax tristalis (Fabricius, 1794) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Polypogon tarsicrinata Bryk, 1948 – Киевка, 04.07.1980, 1 экз.

Hypeninae

**Hypena conspersalis* Staudinger, 1888 – Киевка, 07.07.1980, 2 экз.
H. tristalis Lederer, 1853 – Киевка, 16.09.1980, 2 экз.

Calpinae

Calyptra lata (Butler, 1881) – Киевка, 01.08.1980, 2 экз.
Eudocima tyrannus (Guenée, 1852) – Киевка, 04.07,1980, 1 экз., 28.09.1980, 1 экз.
Scoliopteryx libatrix (Linnaeus, 1758) – Сокольчи, 14.07.1980, 1 экз.

Catocalinae

Arytrura subfalcata (Ménètriés, 1859) – Сокольчи, 14.07.1980, 1 экз.; Киевка, 13.08.1980, 1 экз.
Bastilla maturata (Walker, 1858) (Табл. 1, рис. 17) – Киевка, 16.09.1980, 3 экз.
Blasticorhinus ussuriensis (Bremer, 1861) – Сокольчи, 21.07.1980, 3 экз.; Киевка, 08.08.1980, 1 экз.
Catocala bella Butler, 1877 – Сокольчи, 21.07.1980, 4 экз.; Киевка, 19.08.1980, 3 экз.
C. bokhaica (Kononenko, 1979) (Табл. 1, рис. 9) – Сокольчи, 10-21.07.1980, 4 экз.
C. deuteronympha Staudinger, 1861 – Киевка, 02.08.-02.09.1980, 5 экз.
C. dissimilis Bremer, 1861 – Киевка, 08.08.1980, 4 экз.
C. doerriesi Staudinger, 1888 – Сокольчи, 21.07.1980, 3 экз; Киевка, 02-14.08.1980, 3 экз.
C. dula Bremer, 1861 – Сокольчи, 21.07.1980, 3 экз.
C. duplicata* Butler, 1885 – Киевка, 04.08.1980, 1 экз. **Новый вид для фауны России (см. фото 1 и цветн. табл. 2 – на задней обложке настоящего тома Научных трудов – бабочка и гениталии самца).

Фото 1. *Catocala duplicata* Butler, 1885 [Catocalinae] (новый вид для России).

C. electa (Vieweg, 1790) – Киевка, 02.09.1980, 4 экз.
C. fraxini (Linnaeus, 1758) – Киевка, 22.09.1980, 1 экз.

C. fulminea (Scopoli, 1763) – Киевка, 04-08.08.1980, 2 экз.
C. lara Bremer, 1861 – Киевка, 02-13.08.1980, 4 экз.
C. nupta (Linnaeus, 1767) – Киевка, 08.08.1980, 1 экз., 02.09.1980, 3 экз.
**C. nymphaeoides* Herrich-Schäffer, 1845 (Табл. 1, рис. 16) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
C. koreana Staudinger, 1892 (Табл. 1, рис. 15) – Киевка, 02.09.1980, 2 экз.
C. praegnax Walker, 1858 – Киевка, 02.07.1980, 1 экз.
C. streckeri Staudinger, 1888 – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
Chrysorithrum amata (Bremer & Grey, 1853) – Киевка, 02.07.1980, 7 экз.
Ch. flavomaculata (Bremer, 1861) – Киевка, 21.08.-02.09.1980, 3 экз.
Euclidia dentata Staudinger, 1871 – Киевка, 10.08.1980, 1 экз.
E. juvenilis (Bremer, 1861) – Киевка, 14.08.1980, 1 экз.
**Hypocala subsatura* Guenée, 1852 (Табл. 1, рис. 3) – Киевка, 16.09.1980, 2 экз.
Lygephila maxima (Bremer, 1861) – Киевка, 21.08.1980, 2 экз.
L. procax (Hübner, [1813]) (Табл. 1, рис. 12) – Киевка, 20.08.1980, 1 экз.
Mocis annetta (Butler, 1878) – Киевка, 13-25.09.1980, 1 экз.
Thyas juno (Dalman, 1823) – Киевка, 22.09.1980, 2 экз.
Sypnoides hercules (Butler, 1881) (Табл. 1, рис. 11) – Киевка, 15.08.1980, 1 экз.
S. picta (Butler, 1877) – Киевка, 10-14.08.1980, 2 экз.

Nolinae

Evonima mandschuriana (Oberthür, 1880) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Gelastocera sp. – Киевка, 19.08.1980, 1 экз.
Pseudoips prasinana (Linnaeus, 1758) – Киевка, 18.08.1980, 1 экз.
**Rhynchopalpus fumosa* (Butler, 1879) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.

Plusiinae

Abrostola ussuriensis Dufay, 1958 – Киевка, 04.07.-19.08.1980, 2 экз.; Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
Antoculeora locuples (Oberthür, 1880) – Киевка, 15.08.1980, 1 экз.
Autographa excelsa (Kretschmar, 1862) – Киевка, 02-13.08.1980, 2 экз.
A. mandarina (Freyer, 1845) – Киевка, 04-19.08.1980, 3 экз.
Diachrysia chryson (Esper, 1789) – Сокольчи, 26.07.1980, 1 экз.; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
D. nadeja (Oberthür, 1880) – Киевка, 04.07.1980, 1 экз.; Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
D. stenochrysis (Warren, 1913) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
D. zosimi (Hübner, [1822]) – Киевка, 04.07.1980, 1 экз.
Lamprotes c-aureum (Knoch, 1781) – Киевка, 19.08.1980, 1 экз.
Macdunnoughia crassisigna (Warren, 1913) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
Plusia festucae (Linnaeus, 1758) – Киевка, 20.08.1980, 1 экз.

Pantheinae

Anacronicta caliginea (Butler, 1881) – Сокольчи, 26.07.1980, 1 экз.
Panthea coenobita (Esper, 1785) – Киевка, 13-25.09.1980, 1 экз.
Trichosea ludifica (Linnaeus, 1758) – Киевка, 20.08.1980, 2 экз.

Acronictinae

Acronicta alni (Linnaeus, 1767) – Киевка, 06.07.1980, 1 экз.
A. concerpta Draudt, 1937 (Табл. 1, рис. 5) – Сокольчи, 21.07.1980, 2 экз.
A. cuspis (Hübner, [1813]) – Сокольчи, 14.07.1980, 1 экз.; Киевка, 20.08.1980, 1 экз.
Moma alpium (Osbeck, 1778) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Nacna malachitis (Oberthür, 1880) – Сокольчи, 21.07.1980, 2 экз.; Киевка, 01.08.1980, 2 экз.

Sinocharinae

Sinocharis korbae Püngeler, 1912 – Киевка, 13-25.09.1980, 1 экз.

Cuculliinae

Cucullia artemisiae (Hufnagel, 1766) – Сокольчи, 21.07.1980, 2 экз.
C. fraudatrix Eversmann, 1837 – Киевка, 10.08.-02.09.1980, 2 экз.
**C. fuchsiana* Eversmann, 1842 – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
C. perforata Bremer, 1861 (Табл. 1, рис. 4) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.; Киевка, 02.09.1980, 1 экз.
Cucullia sp. (Табл. 1, рис. 6) – Киевка, 4.08.1980, 1 экз.

Oncocnemidinae

Calliergis ramosula (Staudinger, 1888) (Табл. 1, рис. 2) – Киевка, 19.08.1980, 1 экз.

Amphipyrinae

Amphipyra erebina Butler, 1878 – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
A. livida ([Denis & Schiffermüller], 1775) – Киевка, 16.09.1980, 2 экз.
A. pyramidea (Linnaeus, 1758) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
A. schrenkii Ménètriés, 1859 – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.

Heliothinae

Heliothis maritima Graslin, 1855 – Сухой ключ, 31.08.1982, 1 экз., leg. Л.В. Егоров.
Pyrrhia umbra (Hufnagel, 1766) – Киевка, 20.08.1980, 2 экз.

Condicinae

Eucarta virgo (Treitschke, 1835) – Киевка, 04.07.1980, 1 экз.; Сокольчи, 10.07.1980, 1 экз.

Eriopinae

Callopistria albolineola (Graeser, [1889]) – Сокольчи, 14-21.07.1980, 3 экз.

Xyleninae

Amphipoea asiatica (Burrows, 1911) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.

Amphipoea sp. – Киевка, 19.08.1980, 1 экз.
Apamea aquila (Donzel, 1837) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Atrachea jankowskii (Oberthür, 1879) – Лазовский заповедник, без точного места и даты, 1 экз.
Auchmis saga (Butler, 1878) – Сокольчи, 14, 21.07.1980, 2 экз.; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Cirrhia tunicata (Graeser, [1890]) – Киевка, 15.08.1980, 1 экз.
Cosmia camptostigma (Menetries, 1859) – Сокольчи, 21.07.1980, 2 экз.
C. restituta Walker, 1857 – Киевка, 08.08.1980, 2 экз.
Euplexia lucipara (Linnaeus, 1758) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз.
Helotropha leucostigma (Hübner, [1808]) – Киевка, 15.08.1980, 2 экз.
**Longalatedes elymi* (Treitschke, 1825) – Киевка, 04.08.1980, 1 экз.
Mniotype satura ([Denis & Schiffermüller], 1775) – Киевка, 02.09.1980, 1 экз.
Olivenebula oberthueri (Staudinger, 1892) – Киевка, 19-21.08.1980, 5 экз.
Phlogophora beatrix Butler, 1878 – Киевка, 13-25.09.1980, 1 экз.
Ph. illustrata (Graeser, [1889]) – Сокольчи, 14-21.07.1980, 4 экз.
Pygopteryx suava Staudinger, 1877 (Табл. 1, рис. 7) – Киевка, 04.08.1980, 1 экз.
Sidemia spilogramma (Rambur, 1871) – Киевка, 02.09.1980, 1 экз.
Stygiodrina maurella (Staudinger, 1888) (Табл. 1, рис. 10) – Киевка, 19.08.1980, 1 экз.
Trachea atriplicis (Linnaeus, 1758) – Киевка, 15.08.1980, 2 экз.

Hadeninae

Hadena aberrans (Eversmann, 1856) (Табл. 1, рис. 14) – Киевка, 20.08.1980, 1 экз.
Lacanobia contigua ([Denis & Schiffermüller], 1775) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
L. splendens (Hübner, [1808]) – Киевка, 20.08.1980, 1 экз.
Melanchra persicariae (Linnaeus, 1761) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Mythimna turca (Linnaeus, 1761) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Polia bombycina (Hufnagel, 1766) – Сокольчи, 21.07.1980, 1 экз; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
P. mortua (Staudinger, 1888) (Табл. 1, рис. 13) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
P. nebulosa (Hufnagel, 1766) – Киевка, 02.07.1980, 1 экз.

Noctuinae

Actebia praecox (Linnaeus, 1758) – Киевка, 04-05.08.1980, 2 экз.
Agrotis fatidica (Hübner, [1824]) – Киевка, 04.08.1980, 1 экз.
A. militaris Staudinger, 1888 – Киевка, 04.08.-02.09.1980, 3 экз.
Anaplectoides prasina (Denis & Schiffermüller, 1775) – Сокольчи, 14.07.1980, 2 экз.
A. virens (Butler, 1878) – Киевка, 13.08.1980, 2 экз.
Diarsia canescens (Butler, 1878) – Киевка, 15.08.1980, 1 экз.
Euxoa sibirica (Boisduval, [1837]) (Табл. 1, рис. 8) – Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
Xestia baja (Denis & Schiffermüller, 1775) – Киевка, 04.08.1980, 2 экз.
X. ditrapezium (Denis & Schiffermüller, 1775) – Сокольчи, 21.07.1980, 6 экз.; Киевка, 01.08.1980, 1 экз.
X. efflorescens (Butler, 1879) (Табл. 1, рис. 1) – Киевка, 8.08.-02.09.1980, 1 экз.
X. fuscostigma (Bremer, 1861) – Киевка, 20.08.-02.09.1980, 3 экз.

Представленный выше список включает в себя 116 видов, что составляет примерно четверть фауны совок заповедника. Однако **7 видов оказались новыми для рассматриваемой территории, а один вид – *Catocala duplicata* – также и новым для фауны России.** Таким образом, общий список видов Noctuidae заповедника, ранее насчитывавший 467 видов (Кононенко, 2009), в настоящий момент состоит из 474 видов. Приведенные нами данные могут быть использованы для изучения разнообразия и мониторинга совок заповедника и Южного Приморья в целом.

Благодарности.

Выражаем благодар-ность В.С. Кононенко за консультации и помощь в определении некоторых видов, Л.В. Егорову за предоставленный для изучения материал, администрации заповедника – С.Л. Шалдыбину, Т.И. Олигер – за предоставленную возможность изучения бабочек; орнитологу заповедника Н. Коломейцеву и энтомологу С.В. Мурзину (Москва) за помощь в полевых исследованиях. Особая признательность – руководителю практики одного из авторов И.М. Олигеру.

Литература:

Животченко В.И., Шалдыбин С.Л., Олигер Т.И. и др. Лазовский заповедник – М.: Агропромиздат, 1989. – 206 с.

Кононенко В.С. Семейство Noctuidae – совки // Насекомые Лазовского заповедника. – Владивосток, 2009. – С. 283-312.

Ольшванг В.Н. Бабочки Судзухинского заповедника (Приморье) // Докл. МОИП за второе полугодие 1967 г. и первое полугодие 1968 г. Зоология и ботаника. – М., 1971. – С. 168.

Чистяков Ю.А. Эколого-фаунистический обзор чешуекрылых надсемейств Bombycoidea, Notodontoidea и некоторых Noctuoidea Южного Приморья // Новые сведения о насекомых Дальнего Востока. – Владивосток, 1981. – С. 86-101.

Чистяков Ю.А. Nolidae – Нолиды // Определитель насекомых Дальнего Востока России. – Владивосток, 2003. – Том 5. – Часть 4. – С. 637-652.

Раздел 7. Материалы по изучению фауны Среднего Поволжья

ПРЯМОКРЫЛЫЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНЫХ ЗОНАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

И.О. Кармазина, Н.В. Шулаев
Казанский федеральный (Приволжский) университет

В последние годы изучению локальных фаун уделяется необычайно большое внимание. Такой повышенный интерес к фаунистике не случаен. Выявление и инвентаризация локальных фаун становятся основой для создания надежных региональных биодиагностических систем и организации мониторинга за качеством окружающей среды, разработкой природоохранных мероприятий.

Большая роль в фаунистических исследованиях отводится особо охраняемым природным территориям (ООПТ), а особенно заповедникам, заказникам и национальным паркам. Особый статус заповедных территорий как эталонных участков биоты предполагает детальное изучение их растительного и животного мира. Именно условия охраняемых территорий, где исключается всякая хозяйственная деятельность и вмешательство в естественный ход природных процессов, создают уникальную возможность для длительных стационарных наблюдений в природе, а, следовательно, и для организации работ по инвентаризации фауны соответствующих регионов.

В основу работы были положены сборы авторов, проведенные в 2006-2008 гг. в четырех ООПТ Республики Татарстан (РТ), расположенных в подтаежной, широколиственной и лесостепной зонах (Исаченко, 1991). Исследования велись в Волжско-Камском государственном природном биосферном заповеднике [Раифский (Зеленодольский район РТ) и Саралинский (Лаишевский район РТ) участки], Государственном природном заказнике «Степной» (Лениногорский район РТ), Государственном природном заказнике «Спасский» (Спасский район РТ, острова Спасского архипелага и материковая часть), Национальном парке «Нижняя Кама» [Елабужское (Елабужский район) и Челнинское (Челнинский район) лесничества]. Материал собирался по стандартной методике (Бей-Биенко, 1932).

В результате наших исследований на ООПТ РТ было зарегистрировано 59 видов прямокрылых из 41 рода, 24 триб и 6 семейств. Наибольшим разнообразием отличалась фауна двух ООПТ – Волжско-Камского заповедника (Acrididae – 20 видов из 11 родов, Tettigoniidae – 12 видов из 9 родов, Gryllidae – 3 вида из 3 родов, Gryllotalpidae – 1 вид, Tetrigidae – 3 вида из 1 рода, Tridactylidae – 1 вид) и ГПЗ «Спасский» (Gryllidae – 2, Tettigoniidae – 15, Acrididae – 20, Tetrigidae – 2, Tridactylidae – 1 вид). В заказнике «Степном» выявлено 35 видов из 24 родов и 4 семейств (Tettigoniidae – 12, Acrididae – 21, Tetrigidae – 1, Gryllidae – 1 вид). В национальном парке «Нижняя Кама» зарегистрировано 25 видов из 19 родов и 4 семейств (Gryllidae – 2, Tettigoniidae – 7, Acrididae – 15, Tetrigidae – 1 вид).

Определение сходства фаун ООПТ выполнено с использованием индекса Чекановского-Съеренсена. На полученной в результате дендрограмме (рис. 1) прослеживается четкое разделение на два кластера. Первый кластер составляет заказник «Степной», его фауну в большинстве составляют степные виды, не встречающиеся на других обследованных участках. Второй кластер в свою очередь распадается на две клады. Первую составляют Национальный парк и Волжско-Камский заповедник. Отдельно выделяются участки заказника «Спасский» (1-й – острова Спасского архипелага, 2-й – материковая часть). Каждый из обследованных участков ООПТ в отдельности имеет свой особый набор биотопов, из которых складываются местообитания прямокрылых. В целом структура дендрограммы закономерна.

ГПЗ «Спасский» характеризуется уникальными природными ландшафтами, большую часть которых составляют открытые биотопы (суходольные луга, луга нижнего уровня, остепненные склоны, овраги, заросли ракитника русского, литораль водохранилища). Прямокрылые приобретают здесь особое значение, т.к. составляют значительную часть беспозвоночных открытых участков. Состав фауны Orthoptera заказника согласуется с выраженным характером процесса остепнения на островах Куйбышевского водохранилища. Здесь сохранились локальные популяции некоторых видов, редко встречающихся в республике. В целом видовой состав отражает большое разнообразие фауны прямокрылых. Это говорит о большом наборе условий обитания для каждого вида и возможности существования таких разных по требованиям к увлажненности, типу почв, характеру растительности и степени освещения насекомых как прямокрылые.

Почти вся территория заказника «Степной» состоит из открытых биотопов (ковыльные луга, злаково-разнотравные луга, луга нижнего уровня, каменистые склоны, заросли миндаля). Здесь, на юго-востоке республики в условиях Бугульминско-Белебеевской возвышенности, располагаются участки типичной ковыльной и ковыльно-злаковой степи, а также каменистой степи. Видовой состав прямокрылых в большей степени отражает характер рельефа и растительности, каменистый тип почв, высотную поясность, степень увлажненности заказника. Обедненность фауны (по сравнению с ГПЗ «Спасский») указывает на достаточно однородный характер условий местообитания прямокрылых, которые имеют более низкую степень экологической валентности.

В национальном парке «Нижняя Кама» исследования проводились в Челнинском и Елабужском лесничествах, охвачен весь спектр биотопов (лесные поляны, опушки сосновых лесов, суходольные луга). При этом зарегистрированы редкие, единично встречающиеся виды, такие как голубокрылая пустынница *Sphingonotus caerulans* (L.), обнаруженная на песчаной почве с рудеральной растительностью (Елабужское лесничество). Это единственная находка в Татарстане.

В Волжско-Камском заповеднике спектр заселяемых представителями отряда местообитаний охватывает заливные луга, остепненные склоны, опушки леса, лесные поляны, сосняк лишайниково-мшистый, песчаные берега водоемов, берега водоемов с околоводной растительностью, берега лесных сфагновых болот. Для разных

участков (Раифского и Саралинского) индекс Чекановского-Съеренсена равен 0,4, т.е. небольшой. Данные участки имеют заметное сходство, но, вместе с тем, каждый из них специфичен. Данный факт объясняется нахождением Раифского участка заповедника в подтаежной зоне, тогда как Саралинский участок лежит южнее – в зоне широколиственных лесов на берегу Куйбышевского водохранилища. Также необходимо отметить, что в последнем идут активные процессы остепнения ландшафтов. Здесь обнаружен обыкновенный триперст [*Tridactylus variegatus* (Latr.)] – новый вид для Среднего Поволжья. Хочется отметить популяцию трубачика обыкновенного [*Oecanthus pellucens* (Scop.)] из семейства Gryllidae, впервые зарегистрированного в РТ нами в 2008 г. на Саралинском участке заповедника (на данный момент это самая северная точка ареала вида) и в заказнике «Спасский». В настоящее время выяснено, что наиболее массовый характер носит расселение стеблевого сверчка на юге РТ (Бавлинский район), где его местообитания – поля с сельскохозяйственными культурами (просо, кукуруза). Здесь наблюдается устойчивая популяция трубачиков. Вероятнее всего, расселение на север и северо-запад происходило именно отсюда по остепненным склонам. Затем сверчки расселились по низинам и агроценозам.

К редким видам прямокрылых относятся дыбка степная [*Saga pedo* (Pall.)], которая занесена в Красную книгу Российской Федерации, и трещётка ширококрылая [*Bryodema tuberculatum* (F.)], включенная в Красную книгу Республики Татарстан.

Среди прямокрылых выявлены вредители культурных растений РТ, которые при недостатке корма и массовом размножении могут мигрировать на значительные расстояния. Это прусс итальянский [*Calliptamus italicus* (L.)], сибирская кобылка [*Aeropus sibiricus* (L.)], отмеченные в заказниках «Степной» и «Спасский», НП «Нижняя Кама». На сегодня данные виды не представляют реальной угрозы для сельского хозяйства республики, поскольку встречаются локальными популяциями или единично (сибирская кобылка). Однако необходимость мониторинговых наблюдений существует.

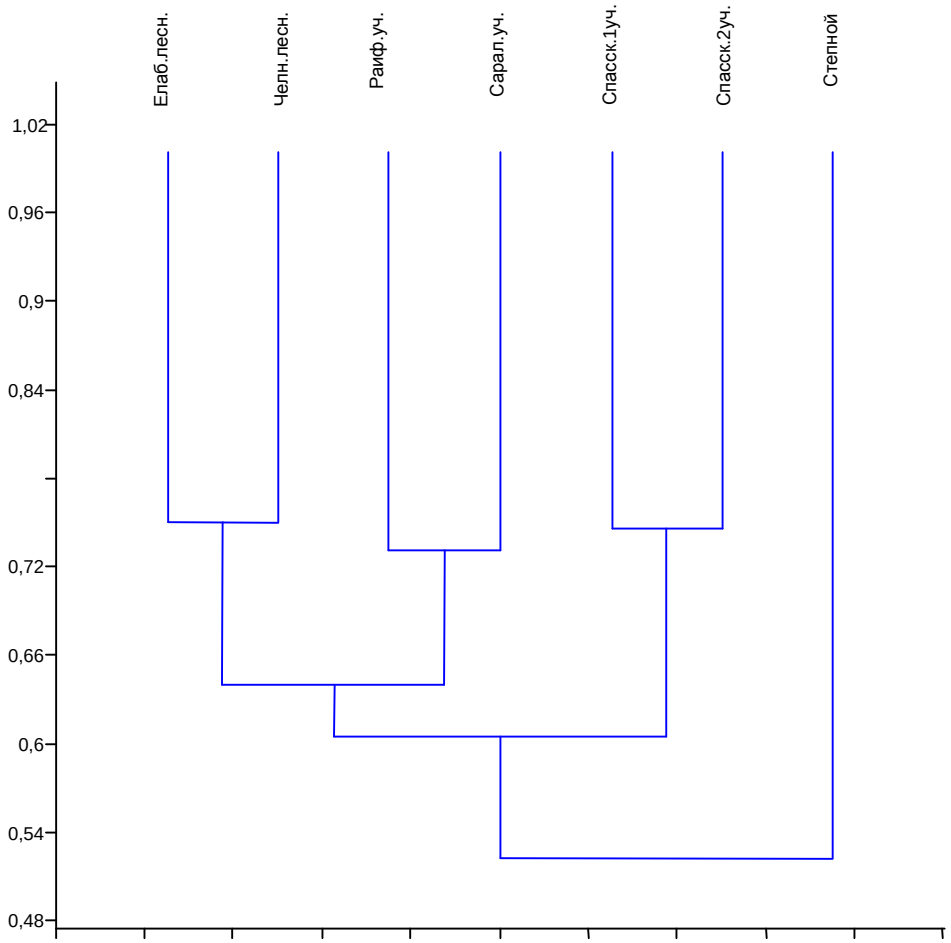


Рис. 1. Дендрограмма сходства фаун ООПТ на основе индекса Чекановского-Съеренсена.

В районах исследований нами были встречены Orthoptera, относящиеся к следующим 14 жизненным формам: злаковые хортобионты, факультативные хортобионты, подпокровные геофилы, герпетобионты, активные тамнобионты, фиссуробионты, специализированные фитофилы, специализированные хортобионты, специализированные тамнобионты, роющие геобионты, травоядные хортобионты, осоково-злаковые хортобионты, микротамнобионты. Хорошо прослеживается специализация к определенному ярусу фитоценоза. Очевидно, что в каждом из классов имеются жизненные формы, намечающие переход от одного класса к другому. В свою очередь, в пределах класса имеют место жизненные формы, в которых просматривается переход от яруса к ярусу.

Прямокрылые Волжско-Камского заповедника, заказников «Степной» и «Спасский» представлены всем спектром жизненных форм. Менее разнообразны Orthoptera НП «Нижняя Кама» – 12 жизненных форм. Подав-

ляющее большинство видов ортоптер обследованных ООПТ РТ принадлежит к жизненной форме факультативные хортобионты (в ГПЗ «Спасский» – 22,5%, в ГПЗ «Степной» – 18%, в НП «Нижняя Кама» – 28%). Только в заповеднике преобладающая форма – злаковые хортобионты (22,5% от всех видов), субдоминанты – факультативные хортобионты (15%). Ядро этой жизненной формы составляют саранчовые из группы «*Chorthippus*». Вместе с тем имеется целый ряд специализированных форм.

Деление на ареалогические типы, зоогеографические комплексы видов и оптимальные зоны ареала для каждого вида даны нами на основании взглядов М.Г. Сергеева (1986). Согласно этому у большинства Orthoptera всех обследованных нами ООПТ оптимум ареала находится в двух зонах – степной и лиственно-лесной. Исключение составляет НП «Нижняя Кама», где оптимум ареала видов лежит преимущественно в лиственно-лесной зоне, но степной элемент также значителен.

Во всех ООПТ преобладают прямокрылые с транспалеарктическим типом ареала (северо-степной транспалеарктический, лесо-лесостепной транспалеарктический, полизональный транспалеарктический). В свою очередь, они представлены двумя главными фауногенетическими комплексами видов – неморальным западнопалеарктическим и степным западно-азиатским с большим перевесом последнего (Волжско-Камский заповедник – 42,5%, ГПЗ «Спасский» – 53%, ГПЗ «Степной» – 41%, НП «Нижняя Кама» – 36%).

Таким образом, наши исследования позволили значительно расширить знания о фауне прямокрылых насекомых РТ в целом и ООПТ республики в частности, провести сравнительный анализ экологии и зоогеографии видов, выявить общие тенденции и различия для каждого обследованного нами ООПТ.

Литература:

Бей-Биенко Г.Я. Руководство по учету саранчовых. – Л.: изд. Упр. службы учета Гос. об-ния по борьбе с вредителями, 1932. – 192 с.

Исаченко А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. – М.: Высшая школа, 1991. – 366 с.

Сергеев М.Г. Закономерности распространения прямокрылых насекомых Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 237 с.

МАТЕРИАЛЫ ПО ФАУНЕ ПРЯМОКРЫЛЫХ (INSECTA: ORTHOPTERA) ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ПРИСУРСКИЙ» (ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

И.О. Кармазина

Казанский федеральный (Приволжский) университет

В настоящем сообщении приводятся первые данные по фауне и экологии прямокрылых насекомых (Insecta: Orthoptera) государственного природного заповедника «Присурский» (далее – ГПЗ).

Основой для работы послужили сборы 2009 г. Определение видов проводилось по различным определителям (Бей-Биенко, Мищенко, 1951; Бей-Биенко, 1964; Лачининский и др., 2002; Стороженко, 2004).

В приводимом списке прямокрылых для каждого вида указаны латинское и русское названия, тип жизненной формы и экологической группы, а также информация о встречаемости и специфике распространения на территории республики по литературным данным (Олигер, 1965, 1970).

Батыревский участок ГПЗ

Батыревский район, окр. дер. Малые Шигирданы, 31.07.2009, луговая степь (верхняя граница участка), leg. Рахматуллин М.М.

Семейство **Tettigoniidae**

Pholidoptera griseoaptera (DeGeer, 1773) (=*cinerea* Linnaeus, 1789) – Кустолюбка пепельная, или чешуекрыл – 1 экз., ♂.

Тамнобионт. Лесо-луговой мезофильный термофильный вид. Обитает по опушкам и под пологом лиственных лесов от водоразделов до долин рек. И.М. Олигер отмечал вид в окр. г. Чебоксары и на левом берегу р. Волги в окр. дома отдыха «Кувшинский».

Bicolorana bicolor (Philippi, 1830) – Скачок двухцветный – 3 экз., ♂, 2 ♀.

Настоящий хортобионт. Луговой мезо-ксерофильный вид. Распространен повсеместно. Придерживается прогреваемых луговых участков с густым травостоем. Встречается форма *macroptera*.

Tettigonia caudata (Charpentier, 1842) – Кузнечик певчий – 1 экз., ♂.

Вид характерен для западных районов Среднего Поволжья. Тамнобионт. Луговой мезо-ксерофильный вид. Часто встречается на остепненных склонах речных террас (Куйбышевское водохранилище, окр. дер. Введенка Республики Татарстан). И.М. Олигер указывал его для окр. дер. Асаново (Шемуршинский район), окр. с. Стемасы (Алатырский район), окр. с. Батырево. Вид имеет южное происхождение, постепенно проникает на север. Известен также из Самарской области, Мордовии и Нижнего Поволжья (Волгоградская, Саратовская области).

Семейство **Acrididae**

Chorthippus parallelus (Zetterstedt, 1821) – Конек короткокрылый – 1 экз., ♀.

Настоящий хортобионт. Лугово-лесной мезо-гигрофильный вид. И.М. Олигер подчеркивал, что вид является массовым на всей территории Чувашии. Встречается на опушечных суходольных и пойменных лугах, при этом в последних нередко доминирует по численности среди саранчовых.

Яльчикский участок ГПЗ

1. **Яльчикский район, окр. с. Эшмикеево, 25.07.2009, луговая степь, leg. Егоров Л.В.**

Семейство **Tettigoniidae**

Bicolorana bicolor (Philippi, 1830) – Скачок двухцветный – 2 экз., ♂, ♀.

Tettigonia cantans (Fuessly, 1775) – Кузнечик певчий – 1 экз., ♂.

Тамнобионт. Лесо-луговой мезофильный вид. Малоспецифичен в выборе биотопов, но придерживается стаций с развитой вертикальной ярусностью. И.М. Олигер указывал вид для всей территории республики.

Gampsocleis glabra (Herbst, 1786) – Кузнечик гладкий – 2 экз., ♂, ♀.

Тамнобионт. Луговой мезо-ксерофильный вид. Часто встречается на остепненных склонах покрытых ковылем и другими злаками, на склонах песчаных или каменистых оврагов. Обязательное условие – наличие кустарников (например, степной миндаль) или высокого разнотравья (полынь, зонтичные). Найден И.М. Олигером в сорняках на меже в дер. Асаново (Шемуршинский район) и с. Стемасы (Алатырский район).

Семейство **Acrididae**

Euchorthippus pulvinatus (Fischer von Waldheim, 1846) – Конек степной – 2 экз., ♀. Координаты точки сбора – 55º01,15 с.ш., 47º55,04 в.д.

Настоящий хортобионт. Луговой ксерофильный вид. Тяготеет к различного рода открытым преобразованным биотопам и луговым участкам с низким проективным покрытием травостоя. Встречается в основном на остепненных склонах. Не регистрировался И.М. Олигером и последующими исследователями (Черняховский, Чернов, 2004). Новый для Чувашии вид.

2. Яльчикский район, окр. с. Эшмикеево, 27.07.2009, leg. Егоров Л.В.

Семейство **Tettigoniidae**

Conocephalus discolor (Thunberg, 1815) – Мечник обыкновенный – 1 экз., ♀.

Специализированный осоково-злаковый хортобионт. Пойменный луговой, болотный вид. Характерные стации вида – долинные влажные сообщества растений с участием осок. Новый для Чувашии вид.

Tettigonia caudata (Charpentier, 1842) – Кузнечик хвостатый – 1 экз., ♀.

Poecilimon intermedius (Fieber, 1853) – Пилохвост восточный – 1 экз., ♀.

Настоящий хортобионт. Луговой мезо-ксерофильный вид. Характерный компонент ортоптероидного комплекса остепненных лугов. Распространен локально, малоустойчив к пастбищной дигрессии биотопов. Единично зарегистрирован И.М. Олигером в зоне тайги (Заволжье, окр. Кувшинки). В лесостепной зоне отмечался им часто, но всюду малочисленен.

Семейство **Acrididae**

Euthystira brahyptera (Ocskay, 1826) – Зеленчук короткокрылый – 1 экз., ♂.

Настоящий хортобионт. Лугово-лесной мезо-гигрофильный вид. Распространен повсеместно. Тяготеет к долинным луговым и суходольным биотопам, а также сопутствующим им лесным участкам. Отмечен И.М. Олигером.

Omocestus haemorrhoidalis (Charpentier, 1825) – Травянка краснобрюхая – 1 экз., ♂.

Настоящий хортобионт. Луговой мезо-ксерофитный вид. Распространен повсеместно. Иногда выступает как субдоминант в комплексах саранчовых пустошей. И.М. Олигер заметил, что численность этого вида выше на 40% на сухих выгонах на юге республики.

Chorthippus parallelus (Zetterstedt, 1921) – Конек короткокрылый – 1 экз., ♀.

Stethophyma grossum (Linnaeus, 1758) [*Mecostethus grossus* (Linnaeus, 1758)] – Кобылка болотная – 1 экз., ♀.

Специализированный хортобионт. Луговой гигро-мезофильный вид. Распространен по всему Среднему Поволжью. Встречается локально. Характерный вид крупнотравных и крупноосоковых влажных лугов и низинных болот. На территории Чувашии отмечался И.М. Олигером.

Таким образом, на основе предоставленных нам материалов по прямокрылым насекомым зарегистрировано 12 видов, относящихся к 8 родам и двум семействам. Все виды впервые приводятся для ГПЗ, а 2 вида (*Euchorthippus pulvinatus* и *Conocephalus discolor)* – для Чувашии. К настоящему времени на территории Чувашской Республики, с учетом опубликованных данных (Олигер, 1965, 1970; Черняховский, Чернов, 2004), зарегистрировано 47 видов Orthoptera.

Благодарности.

Автор выражает благодарность Л.В. Егорову (Чебоксары) и М.М. Рахматуллину (Малые Шигирданы Батыревского района Чувашской Республики) за предоставление на обработку материалов по прямокрылым насекомым.

Литература:

Бей-Биенко Г.Я. Отряд прямокрылые (Orthoptera) // Определитель насекомых европейской части СССР. Т. 1. – М.- Л.: Наука, 1964. – С. 205-284.

Бей-Биенко Г.Я., Мищенко Л.Л. Саранчовые фауны СССР и сопредельных стран. В 2-х частях. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 668 с.

Лачининский А.В., Сергеев М.Г., Чильдебаев М.К., Черняховский М.Е., Локвуд Дж.А., Камбулин В.Е., Гаппаров Ф.А. Саранчовые Казахстана, Средней Азии и сопредельных территорий. – Ларами: Международная ассоциация прикладной акридологии и Университет Вайоминга, 2002. – 387 с.

Олигер И.М. Фауна прямокрылых Чувашской АССР // Зоол. журн. – 1965. – Том 44. – Вып. 1. – С. 46-54.

Олигер И.М. Материалы по фауне прямокрылых надсемейств кузнечиковых и сверчковых (Tettigonioidea et Grylloidea) Среднего Поволжья // Уч. зап. Чув. гос. пединститута им. И.Я. Яковлева. Сер. биол. наук. – 1970. – Вып. 31. – С. 108-117.

Стороженко С.Ю. Длинноусые прямокрылые насекомые (Orthoptera: Ensifera) азиатской части России. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 280 с.

Черняховский М.Е., Чернов А.В. К фауне прямокрылых насекомых (Orthoptera) Чувашской Республики // Научные чтения памяти профессора В.В. Станчинского. – Смоленск: Изд. Смоленского гос. педуниверситета, 2004. – Вып. 4. – С. 297-301.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Об И.М. Олигере.

А.И.Олигер. И.М. ОЛИГЕР – УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ 3
В.А.Красильников. ОЛИГЕР ИВАН МИХАЙЛОВИЧ – МАТЕРИАЛ ИЗ ВИКИПЕДИИ 4

Раздел 2. Неопубликованные научные статьи Олигера И.М.

И.М.Олигер. ПАРАЗИТОФАУНА ДИКИХ КУРИНЫХ ПТИЦ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА 6
И.М.Олигер. ПАРАЗИТОФАУНА АККЛИМАТИЗИРУЕМЫХ КОПЫТНЫХ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА 10
И.М.Олигер. К ВОПРОСУ О ПРИРОДНОЙ ОЧАГОВОСТИ КЛЕЩЕВОГО ЭНЦЕФАЛИТА, ТУЛЯРЕМИИ И ЛЕПТОСПИРОЗОВ В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ РСФСР 14

Раздел 3. Воспоминания И.М. Олигера.

И.М.Олигер. СЛАВНАЯ ДЕСЯТКА. МОИ ДРУЗЬЯ – ЗООЛОГИ 16
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ *ПОКРОВСКИЙ* 17
АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ *СОБОЛЕВ* 20
ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ *ДОГЕЛЬ* 23
ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ *ДУБИНИН* 27
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ *ФОРМОЗОВ* 32
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ *СТРЕЛКОВ* 38
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ *КАЛАБУХОВ* 52
ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ *НЕМЦЕВ* 60
МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ *КОЗЛОВ* 62
ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ *ШАПОШНИКОВ* 68

Раздел 4. Вклад И.М. Олигера в изучение беспозвоночных животных.

Л.В.Егоров. СПИСОК ВИДОВ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ, УКАЗАННЫХ И.М. ОЛИГЕРОМ ВПЕРВЫЕ ДЛЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 91

Раздел 5. Критика и библиография.

Л.В.Егоров, А.И. Олигер, А.В. Димитриев. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ И.М. ОЛИГЕРА 94

Раздел 6. Статьи учеников И.М. Олигера.

Л.В.Егоров. НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ *ONCONOTUS LAXMANNI* (PALLAS, 1771) (ORTHOPTERA, TETTIGONIIDAE) С ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ 97
Д.Ю.Куруленко, Л.В. Егоров, В.Н. Подшивалина. СОСТАВ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕСТКОКРЫЛЫХ-ГЕРПЕТОБИОНТОВ АЛАТЫРСКОГО

УЧАСТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ПРИСУРСКИЙ» 98
В.И.Кириллова, И.В. Тенькова, Н.В. Мардарьева. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЦИКАДОФАУНЕ ЯЛЬЧИКСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 105
А.Ю.Матов, А.А. Ластухин. К ПОЗНАНИЮ ПОЗДНЕЛЕТНЕЙ И РАННЕОСЕННЕЙ ФАУН СОВОК (LEPIDOPTERA: NOCTUIDAE) ЛАЗОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Л.Г. КАПЛАНОВА 112

Раздел 7. Материалы по изучению фауны Среднего Поволжья.

И.О.Кармазина, Н.В. Шулаев. ПРЯМОКРЫЛЫЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНЫХ ЗОНАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 115
И.О.Кармазина. МАТЕРИАЛЫ ПО ФАУНЕ ПРЯМОКРЫЛЫХ (INSECTA: ORTHOPTERA) ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ПРИСУРСКИЙ» (ЧУВАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА) 117

СОДЕРЖАНИЕ 119
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ 120

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

А.В. Димитриев 94
Л.В. Егоров 91,94,97,98
И.О. Кармазина 115, 117
В.И. Кириллова 105
В.А. Красильников 4
Д.Ю. Куруленко 98
А.А. Ластухин 112
Н.В. Мардарьева 105
А.Ю. Матов 112
А.И. Олигер 3,94
И.М. Олигер 6,10,14,16-91
В.Н. Подшивалина 98
И.В. Тенькова 105
Н.В. Шулаев 115

Редкие бабочки-совки Лазовсского заповедника (иллюстрация к статье А.Ю. Матова и А.А. Ластухина К ПОЗНАНИЮ ПОЗДНЕЛЕТНЕЙ И РАННЕОСЕННЕЙ ФАУН СОВОК (LEPIDOPTERA: NOCTUIDAE) ЛАЗОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО *ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Л.Г. КАПЛАНОВА. Пояснения в тексте на с. 88-91)*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Основано в 1998 году. Год издания – двенадцатый.
Печатается по решению научно-технического совета
ФГУ «Государственный природный заповедник «Присурский».
Адрес редакции Научных трудов:
428034, г. Чебоксары, пос. Лесной, 9.
ФГУ ГПЗ «Присурский». тел. (8352) 41-48-49; 41-19-25. E-mail: prisur@chtts.ru

Подписано в печать 26.10.2010. Формат 70x108 1/8.
Обложка цветная. Гарнитура Arial.
Тираж 150 экз. Бумага офисная. Печать оперативная. Объем 15 п.л. Заказ .
Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Издательство «Перфектум»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15. к.82. E-mail: cliobooks@mail.ru